ФИЛИАЛ АВТОНОМНОЙ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРЫ»
В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИОЛОГОВ

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (18 декабря 2020 года)

Тюмень
2021

УДК 67.4
ББК 34
С69

Редакционная коллегия
Гейн А. К. (председатель), кандидат юридических наук;
Грошева И. А. (ответственный за выпуск), кандидат социологических наук, доцент

С69 Социальная безопасность в евразийском пространстве [Текст] : материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (18 декабря 2020 года) [Электронный ресурс] / под. ред. И. А. Грошевой. – Тюмень : Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, 2021. – 422 с. 1электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).

В сборнике представлены материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Социальная безопасность в евразийском пространстве» (18 декабря 2020 года), организованной при непосредственном участии Российского общества социологов, кафедры теории и истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области.

В сборник вошли статьи ведущих учёных, магистрантов, аспирантов и студентов из учебных заведений 14 городов России: Грозного, Екатеринбурга, Иванова, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Оренбурга, Орла, Пскова, Рязани, Санкт-Петербурга, Симферополя, Тюмени, Улан-Удэ.

В сборнике также представлены статьи учёных, магистрантов и студентов из 4 стран: Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Польши, Эстонской Республики.

Объектом исследования авторов выступили различные аспекты заявленной темы: духовная безопасность в евразийском пространстве; информационная и экономическая безопасность в условиях рисков и угроз; военно-политическая безопасность в условиях геополитических вызовов; этнокультурная и этноконфессиональная безопасность; безопасность здоровья молодёжи, семьи и семейно-демографическая политика; преступность как угроза безопасности; юридическая безопасность.

Сборник представляет интерес для научных работников, преподавателей, магистрантов, аспирантов и студентов вузов.

Материалы представлены в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за подбор и изложение информации.

УДК 67.4
ББК 34

© АНО ВО «ИДК», 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Кириенко В.В., Клейман В.В. Векторы социокультурной интеграции студенческой молодежи приграничных регионов Беларуси, России и Украины как условие реинтеграции восточнославянского социогуманитарного сотрудничества.. 8
Шипунова Т.В. Социальная безопасность и социальная адаптация молодежи, имеющей опыт совершения правонарушений……... 15
Широкалова Г.С. Семья на пороге перемен. Рубикон пройден? 21
Ярков А.П. О «русских мусульманах» как факторе угрозы национальной безопасности…….. 28

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, ДУХОВНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

Сессия 1. Духовная безопасность в евразийском пространстве

Беспалова Ю.М., Кондаков В.А. Дисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность в дискурсе философии всеединства…… 38
Блажевич Н.В. Свобода человека и духовная безопасность……. 45
Борецкая В.К., Чакон-Тральски Д., Плишка Б. Некоторые аспекты секуляризации и десекуляризации в контексте религиозности студенческой молодежи (на примере анализа религиозной самоидентификации)…….. 51
Грошев И.Л. Искусственный интеллект как угроза социальной безопасности…….. 58
Грошева И.А. Коммеморативные практики в контексте социальной безопасности….. 65
Морозов А.А. Религия и личность в кругах опасности…… 73
Сороколетов А.Н. Защита социума в современных условиях……. 78
Шинкевич П.П., Ястребов Р.О. Формирование исторической памяти на постсоветском пространстве как ресурс обеспечения духовной безопасности…….. 83

Сессия 2. Этнокультурная и этноконфессиональная безопасность

Бойко С.И. Административно-территориальное деление государства как фактор этнокультурной безопасности……. 87
Галактионова Н.А. Метафорика ненависти…… 92
Грошева Л.И. Этнокультурный конфликт как естественная среда взаимодействия в коллективах…… 95
Далинчук Л. Социальная безопасность национальных меньшинств в Польше. Ситуация белорусов……. 101
Маслакова М.В., Попова Т.М. Цифровизация культуры…… 107
Самойлов В.Д. Миграционная или этнокультурная безопасность в условиях геополитических вызовов…… 112

Сессия 3. Экономическая безопасность в условиях рисков и угроз

Амирова М.А., Абылкасимов О.А. Анализ современного состояния страховой медицины в Республике Казахстан……. 118
Амирова М.А., Мубаракова А.К. Основные проблемы в системе управления организациями сферы здравоохранения…… 123

Бадараев Д.Д. Неформальные и дополнительные виды занятости как фактор социально-экономической безопасности в условиях турбулентности (на примере Бурятии)……. 128
Беспалый С.В. Международный опыт: экологические проблемы сельских территорий……. 134
Давиденко Л.М. Социально-экономические вызовы технологическому развитию в условиях пандемии…… 139
Золотарева С.В. Основные проблемы и перспективы развития внутреннего аудита в Республике Казахстан…… 145
Искакова Д.Е. Электроэнергетика: вопросы безопасного и инновационного развития……. 148
Кашук Л.И. Анализ состояния и проблем развития предпринимательской деятельности Павлодарского региона……. 154
Котова И.Н. Социальные аспекты экологической безопасности…… 159
Лысенко И.В. Условия и факторы функционирования безопасных бизнес-процессов на машиностроительных предприятиях Тюменской области……. 165
Мурзаева Е.В., Лукьянова С.А. Принципы формирования финансовой информации в обеспечении экономической безопасности предприятия …… 170
Самойлов В.Д. Безопасность российского государства в сфере экономики…….. 174
Симонов С.Г., Ямова О.В. Смена парадигмы развития регионального бизнес-сообщества в период пандемии коронавируса…….. 180
Чиркова Ю.Р. Условия обеспечения социальной и информационной безопасности участников бизнес-тренингов …… 188
Шамшит А.М., Амирова М.А. Основные направления формирования кадрового потенциала в системе государственной службы Республики Казахстан…… 193

Сессия 4. Безопасность семьи и молодежи в условиях общества потребления

Белова Т.П., Рычкова К.П. Кибербуллинг в контексте цифровой безопасности молодежи…… 197
Борисов Б.Ю., Грушевский С.В. Социальная работа с молодежью из неблагополучных семей по оказанию помощи в поиске работы и учебы…… 203
Власенко Л.В., Буслаева П.С., Орлова В.М. Учебная и профессиональная деятельность: возможности коммуникации в условиях пандемии COVID-19…… 206
Ганиева Ф.С-А., Исраилова А.Ш. Безопасность молодежи и ее здоровья в условиях общества потребления……. 211
Иванова З.И., Филиппова О.А. Обеспечение безопасности городского пространства в период пандемии (по результатам социологического опроса)…… 214
Притворова Т.П., Темирбаева Д.М., Ши С.Г. Модель социальной поддержки семьи в Казахстане в контексте мировых практик……. 221
Самойленко Т.А. «Волонтерство» как направление социального менеджмента (казахстанский опыт)…… 228
Турова Е.И., Черемных Л.Г. Демографическая политика в Тюменской области (1970-1980 гг.)…… 232

Студенческая сессия

Бабушкин В.О. Проблемы реализации творческого потенциала в сети Интернет… 235
Мекаева А.В. Причины употребления психоактивных веществ в молодежной среде…… 239
Мирзоян Д.О. Этнокультурная безопасность в условиях глобализации…… 244
Пакоцких Д.Ю. Женщина в исламском мире: вопросы безопасности…… 248
Свиридова В.В. Безопасность семьи и семейно-демографическая политика……. 252

Сирожева Д.М. Социальные стереотипы в современном социуме……. 257
Соловьева Д.Д. Домашнее насилие: сущность, проблемы и пути решения…… 261
Трофимов М.Н. Проблемы оценки в обществе положительной девиации……. 267
Шумская А.Ю. Радикализм в религии как угроза безопасности в современном обществе……. 270
Юданов М.М. Популяризация скандинавской культуры как ответ на вызовы нестабильности социальной среды…….. 274

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Сессия 1. Военно-политическая и информационная безопасность в условиях геополитических вызовов

Ляшенко С. Региональная безопасность на Кавказе в контексте Нагорно-Карабахского конфликта……. 279
Перминова М.С. Информационная безопасность молодежи в социальных сетях… 283
Самойлов В.Д. Военная безопасность российского государства…… 286
Самойлов В.Д. Манифест евразийского сотрудничества…… 291
Самойлов В.Д. Геополитический вызов России руководством Сирийской Арабской Республики…….. 295
Самойлов В.Д. Безопасность российского государства в информационной сфере и подготовка кадров…… 301
Шушаков П.В. Электронная коммерция: влияние на традиционные торговые сети……. 307
Ярутина С.А., Мишин Л.В., Нархова Е.Н., Нархов Д.Ю. Информационная безопасность молодежи в эпоху цифровизации…… 311

Сессия 2. Преступность как угроза безопасности

Затеева Н.А., Татарова С.П. Обеспечение безопасности в учреждениях культуры как фактор профилактики противоправных угроз…… 317
Ольков С.Г. Изнасилование как побочный эффект циклов половой активности….. 323
Романова В.Р. Городское управление безопасностью…… 330
Шакирова Н.М., Мамедова А.Э. Детская и подростковая преступность как социальная угроза……. 334

Сессия 3. Юридическая безопасность

Алланина Л.М. Актуальные вопросы правоотношений недропользования…….. 340
Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Особенности обеспечения юридической безопасности российского общества на федеральном уровне…… 345
Лосев С.Г. Социальна роль российской адвокатуры …….. 352
Самойлов В.Д. Юридическая безопасность и защищенность прав индивида при реализации нацпроектов…….. 356

Студенческая сессия

Бакланов А.Ю. Справедливое правосудие как инструмент обеспечения юридической безопасности……... 361
Васильева К.С. Влияние уровня правосознания на юридическую безопасность общества…….. 369

Гордеева А.А. Правотворчество как один из ключевых элементов в механизме обеспечения юридической безопасности……. 375
Кременец М.Ю. Роль правосознания в обеспечении юридической безопасности 382
Кузакбирдиев Р.С. Позитивная дискриминация в контексте обеспечения юридической безопасности……... 389
Ларионов А.С. Правовая определенность как фактор юридической безопасности 396
Махлай А.М. Уголовная ответственность за посягательство на плод человека…. 403
Соловьева Д.Д. Перспективы введения альтернативной формы материнского (семейного) капитала в Российской Федерации……. 409

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ…… 415

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. В. Кириенко
проректор по учебной и воспитательной работе ГГТУ им. П.О. Сухого
В. В. Клейман
старший преподаватель ГГТУ им. П.О. Сухого

ВЕКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И УКРАИНЫ КАК УСЛОВИЕ РЕИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СОЦИОГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В социологическом исследовании подтверждена положительная социокультурная комплементарность между молодыми россиянами и белорусами, между украинцами и белорусами. И украинская, и российская студенческая молодежь видят в белорусах желанного партнера по социокультурному взаимодействию. Белорусские студенты отвечают своим коллегам и из Российской Федерации, и из Украины, взаимностью. При этом еще совсем недавно очевидная положительная комплементарность объединяющая россиян и украинцев, в реальной практике взаимодействия студенческой молодежи России и Украины постепенно разрушается. Беларусь, и ее молодые представители – студенческая молодежь объективно оказались реальным мостиком, звеном, способным оживить социокультурные интеграционные процессы населения приграничных регионов трех восточнославянских народов: белорусов, россиян и украинцев.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, комплементарность, национально-этническая ментальность, приграничные регионы, студенческая молодежь.

Известно, что межстрановая социокультурная интеграция предполагает наличие определенного уровня комплементарности различных наций, которая проявляется в их готовности к различным видам социальных взаимодействий. С целью определения готовности восточнославянских студентов к конкретным направлениям и глубине интеграционных процессов социологической лабораторией Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухого в 2018 году в Гомельской, Черниговской и Смоленской приграничных областях Беларуси, Российской федерации и Украины был проведено межстрановое социологическое исследование. С целью проверки социокультурной ментальной совместимости молодых представителей трех восточнославянских государств в анкете был сформулирован соответствующий вопрос.

Представленные в таблице 1 данные анкетного опроса свидетельствуют, что гомельские студенты с присущей белорусам толерантностью подтвердили свою готовность вместе работать с представителями всех без исключения перечисленных в анкете национальностей. При этом, с большей готовностью они хотели бы работать вместе с соотечественниками – белорусами, западноевропейцами, русскими, американцами и украинцами. А вот хотели бы жить на одной лестничной площадке молодые гомельчане в первую очередь с белорусами, а затем – с западноевропейцами, русскими, поляками и украинцами. К выбору друзей для более личностных отношений – вместе отдыхать на природе, в бане, отмечать праздники, – гомельские студенты подошли более избирательно. Этот вид взаимодействия они хотели бы осуществлять со своими восточнославянскими братьями – русскими и украинцами

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «В какой сфере отношений Вы готовы взаимодействовать с представителями следующих национальностей?» (%, ответы белорусских (гомельских) студентов)

Вариант ответа	**Готов породнить-ся, создать семью**	**Готов вместе работать**	**Готов жить по соседству, на одной лестничной площадке**	**Готов вместе отдыхать на природе, в бане, отмечать праздники**	**Готов учиться, учить у них своих детей, перенимать опыт работы**
1. Русские	67	65	56	62	33
2. Украинцы	34	51	51	46	19
3. Белорусы	80	67	66	74	51
4. Поляки	26	56	53	35	37
5. Латыши	14	38	31	14	19
6. Литовцы	17	49	44	27	26
7.Западноевропейцы (англичане, французы, немцы и др.)	32	66	55	36	63
8. Американцы (жители США)	26	55	48	33	57
9. Жители Центральной Азии	7	35	33	25	19
10. Жители кавказского региона (азербайджанцы, армяне, грузины)	6	35	34	24	19
11. Китайцы	12	54	37	21	44

Своеобразную избирательность молодые гомельчане проявили при определении стран для получения образования. В данном случае, приоритеты они расставили следующим образом: вначале – сами у себя, затем в государствах Западной Европы и Соединенных Штатах Америки, в Польше и в России. Наибольшую избирательность молодые гомельчане проявили при выборе

партнеров для самых близких отношений – с кем они хотели бы породниться, жениться (выйти замуж). Абсолютное большинство молодых гомельчан предпочли выбирать жениха или невесту в первую очередь среди белорусов, затем – среди русских, украинцев и поляков.

Представленные в таблице 2 данные исследования свидетельствуют: украинские студенты в качестве своих ближайших партнеров по ежедневному взаимодействию, также как и белорусы, в первую очередь, выбрали представителей своей национальности – украинцев, на второе место поставили белорусов, которые также их устраивают как потенциальные коллеги по работе, а также в качестве соседей и партнеров по отдыху.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «В какой сфере отношений Вы готовы взаимодействовать с представителями следующих национальностей?» (%, ответы украинских (черниговских) студентов)

Вариант ответа	**Готов породниться, создать семью**	**Готов вместе работать**	**Готов жить по соседству, на одной лестничной площадке**	**Готов вместе отдыхать на природе, в бане, отмечать праздники**	**Готов учиться, учить у них своих детей, перенимать опыт работы**
1. Русские	4	22	2	4	5
2. Украинцы	25	73	44	14	25
3. Белорусы	14	45	57	38	16
4. Поляки	9	48	13	57	19
5. Латыши	9	30	12	22	46
6. Литовцы	9	39	52	19	22
7. Западноевропейцы (англичане, немцы, французы и др.)	10	40	57	13	26
8. Американцы (США)	9	41	16	41	32
9.Жители Центральной Азии	0	35	17	47	15
10.Жители кавказского региона (азербайджанцы, армяне, грузины)	0	29	14	18	57
11. Китайцы	0	30	13	16	57

В качестве партнеров второго круга взаимодействия украинская студенческая молодежь выбрала поляков, западноевропейцев, литовцев и американцев. В третью группу по готовности к социокультурному взаимодействию молодыми украинцами были определены латыши, жители Центральной Азии, кавказского региона и китайцы. Особенное отношение украинские студенты зафиксировали по отношению к россиянам. Степень готовности украинских студентов к социокультурному взаимодействию со своими российскими сверстниками по всем направлениям, кроме трудового, определена на минимальном уровне.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «В какой сфере отношений Вы готовы взаимодействовать с представителями следующих национальностей?» (%, ответы российских (смоленских) студентов)

Вариант ответа	**Готов породниться, создать семью**	**Готов вместе работать**	**Готов жить по соседству, на одной лестнич-ной площадке**	**Готов вместе отдыхать на природе, в бане, отмечать праздники**	**Готов учиться, учить у них своих детей, перени-мать опыт работы**
1. Русские	91	80	78	81	69
2. Украинцы	42	57	66	57	37
3. Белорусы	69	85	78	81	64
4. Поляки	40	71	57	58	61
5. Латыши	30	68	62	46	42
6. Литовцы	30	70	61	45	41
7. Западноевропейцы (англичане, французы, немцы)	63	85	70	61	75
8. Американцы (жители США)	44	78	63	55	67
9. Жители Центральной Азии	14	57	53	40	32
10. Жители кавказского региона (азербайджанцы, армяне, грузины)	14	58	47	46	33
11. Китайцы	23	75	62	49	69

Представленные в таблице 3 данные анкетного опроса позволяют сделать вывод о том, что смоленские студенты в выборе партнеров для совместной работы проявили даже большую толерантность, чем их гомельские коллеги. В качестве оптимальных контрагентов по совместной трудовой деятельности смоляне выбрали все перечисленные в таблице национальности. Вместе с тем, следует подчеркнуть важную для российско-белорусских интеграционных процессов особенность: на первое место при выборе трудовых партнеров 85% молодых смолян выбрали белорусов. Показательно, что практически по всем параметрам социокультурного взаимодействия смоленские студенты проявили такую же готовность взаимодействия с украинцами, как и с представителями других национальностей.

О ментальной комплементарности белорусов и россиян говорит тот факт, что в качестве своих ближайших партнеров по взаимодействию: с кем бы они хотели породниться, жениться или выйти замуж, жить на одной площадке,

вместе отдыхать, отмечать праздники, смоленские студенты наравне с русскими, выбрали белорусов.

В качестве партнеров второго круга взаимодействия представители российской студенческой молодежи выбрали поляков, украинцев, литовцев, латышей и американцев. На последнее место по готовности к социокультурному взаимодействию смоленские студенты определили жителей кавказского региона и Центральной Азии.

Для определения актуальных причин социокультурного взаимодействия студентов восточнославянских стран в анкете был сформулирован вопрос: «С какими целями Вы бы хотели посетить указанные страны?».

Приведенные в таблице 4 данные анкетного опроса показывают что молодые гомельчане по степени востребованности выстроили страны в следующей последовательности: Германия, Франция, Великобритания, Соединенные Штаты Америки; Российская Федерация, Польша, Украина.

К основным причинам поездок в западноевропейские государства гомельские студенты отнесли: семейный отдых, туристические поездки, развлечения (аттракционы, аквапарк и т. п.); деловые поездки, деловые встречи и обмен опытом; образовательные услуги. Наиболее востребованные у гомельских студентов причины поездок в США: получение образования; семейный отдых, развлечения; для деловых встреч, обмена опытом; временной работы. Наиболее востребованными причинами для поездок в Россию у молодых гомельчан являются: навестить родственников; временная работа; деловые встречи; семейный отдых и спортивный характер поездок.

Наиболее востребованные причины поездок гомельских студентов в Польшу: приобрести одежду и бытовую технику; для временной работы; туризм, получение образования. Наиболее востребованные причины поездок молодых гомельчан в Украину: приобретение одежды, продуктов питания и бытовой техники; навестить родственников, друзей, знакомых; для семейного отдыха, туризма, в т.ч. событийного, религиозного.

Представленные в таблице 5 результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что в представлении украинских студентов «страной обетованной» для них является западная соседка – Польша. Почти две трети (60%) молодых украинских респондентов желают найти в Польше временную работу, почти столько же готовы навестить знакомых, родственников, друзей. Почти половина украинских респондентов рассматривают Польшу как объект туризма и место приобретения продуктов питания. Беларусь в суммарном рейтинге причин посещения зарубежных стран украинцы определили на второе место. Для украинских студентов Беларусь представляет интерес как страна, где следует: приобретать продукты питания, одежду и бытовую технику; как страна для деловых встреч, семейного отдыха, общения с родственниками, друзьями и переезда на постоянное место жительства.

И в данном случае, украинские респонденты определили особое отношение к своей восточной соседке – Российской Федерации. Черниговские студенты не указали ни одной значимой причины или повода для поездки в Россию.

Только 10% респондентов в качестве цели посещения России отметили возможность навестить родственников, друзей, знакомых (для сравнения – на эту же причину посещения Украины указали 7% молодых смолян.)

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос «С какими целями Вы бы хотели посетить указанные страны?» (%, ответы гомельских студентов)

Цели, с которыми Вы бы хотели посетить (посещаете) страны	**Россия**	**Украина**	**Польша**	**Страны Западной Европы**	**США**
1. Навестить родственников/друзей/знакомых	52	23	3	7	7
2. Приобрести продукты питания	14	28	20	11	2
3. Приобрести одежду	19	31	29	16	17
4. Приобрести бытовую технику	19	17	21	17	6
5. Развлечения (аттракционы, аквапарк и т.п.)	18	18	12	40	37
6. Семейный отдых	27	27	24	46	29
7. Туризм, в т.ч. событийный, религиозный	19	17	26	45	32
8. Спортивный характер поездок (соревнования, тренировки)	20	9	5	21	16
9. Лечение, получение медицинских услуг	5	0	8	35	19
10. Учеба (получение образовательных услуг)	7	1	20	37	32
11. Деловые встречи (в том числе командировки и обмен опытом)	25	8	20	39	27
12. Работа (временная)	26	6	22	31	26
13. Создать семью	13	7	11	19	13
14. Переехать на постоянное место жительства	13	1	16	31	19
ИТОГО	**277**	**195**	**238**	**394**	**282**

Подводя итоги исследования, следует отметить, что в социологическом исследовании подтверждена положительная социокультурная комплементарность между молодыми россиянами и белорусами, между украинцами и белорусами. При этом и украинская, и российская студенческая молодежь видят в белорусах желанного партнера по социокультурному взаимодействию.

Белорусские студенты отвечают своим коллегам и из Российской Федерации, и из Украины взаимностью. При этом еще совсем недавно очевидная положительная комплементарность, объединяющая россиян и украинцев в

реальной практике взаимодействия студенческой молодежи России и Украины, постепенно разрушается.

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос «С какими целями Вы бы хотели посетить указанные страны?» (%, ответы черниговских студентов)

Цели, с которыми Вы бы хотели посетить (посещаете) страны	**Россия**	**Беларусь**	**Польша**	**Страны Западной Европы**	**США**
1. Навестить родственников/друзей/знакомых	10	26	59	26	14
2. Приобрести продукты питания	0	67	45	9	15
3. Приобрести одежду	0	22	22	22	22
4. Приобрести бытовую технику	0	23	16	20	11
5. Развлечения (аттракционы, аквапарк)	0	13	9	5	63
6. Семейный отдых	0	24	29	62	20
7. Туризм, в т.ч. событийный, религиозный	1	9	49	38	22
8. Спортивный характер поездок (соревнования, тренировки)	2	13	9	7	27
9. Лечение, получение медицинских услуг	0	11	12	22	8
10. Учеба (получение образовательных услуг)	0	9	11	20	50
11. Деловые встречи (в том числе командировки и обмен опытом)	0	53	20	17	10
12. Работа (временная)	0	16	60	33	12
13. Создать семью	0	11	8	4	10
14. Переехать на постоянное место жительства	0	18	12	15	1
ИТОГО	**13**	**315**	**360**	**300**	**284**

Этому способствует ряд причин, в том числе и снижение количества реальных площадок для социокультурного российско-украинского взаимодействия, ограничивающиеся взаимные контакты. Ослабевает объединяющее ранее славянские нации использование украинцами русского языка как основного в повседневном общении. Таким образом, по результатам межнационального социологического исследования установлено, что Беларусь, и ее молодые представители – студенческая молодежь объективно оказались реальным мостиком, звеном, способным оживить социокультурные интеграционные процессы населения приграничных регионов трех восточнославянских народов: белорусов, россиян и украинцев.

Т. В. Шипунова
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ, ИМЕЮЩЕЙ ОПЫТ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы воспроизводства правонарушений. Выделены первичное и вторичное воспроизводство. При рассмотрении процесса воспроизводства акцент сделан на его связи с уровнем социальной безопасности/защищенности лиц, имеющих опыт совершения правонарушений, в период до и после отбывания наказания или прохождения программы реабилитации и социальной адаптации. При этом социальная небезопасность жизнедеятельности молодых людей зачастую проявляется в социально-культурной виктимизации молодежи со стороны агентов социального контроля, которая может актуализироваться в формальных и неформальных социальных взаимодействиях.

Ключевые слова: правонарушаемость, первичное воспроизводство правонарушений, вторичное воспроизводство правонарушений, социальная безопасность, молодежь, социально-культурная виктимизация.

Обозначенная в названии статьи тема является актуальной, поскольку в ней отражаются правовые, социальные и этические аспекты наказания и профилактики правонарушений. Кроме того, она непосредственно касается проблемы воспроизводства правонарушений и разных видов девиантности, которые порождаются в обществе и через общество. Новому взгляду на данный феномен может способствовать его рассмотрение в перспективе соотнесения с практиками обеспечения социальной безопасности для лиц, имеющих опыт совершения правонарушений, как условия их успешной ресоциализации и социальной адаптации. Данный подход, с нашей точки зрения, наиболее актуален для молодежи в силу ее значимости для будущего общества и большей девиантной (в том числе, преступной) активности по сравнению с другими возрастными группами. Постановленная таким образом проблема дает возможность анализа социальной безопасности как центрального понятия при изучении первичного и вторичного воспроизводства правонарушаемости.

Первичное воспроизводство правонарушений и других видов девиаций (в качестве допреступных актов/поведения) представляет собой процесс и результат влияния социальной небезопасности/незащищенности, складывающейся в разных контекстах повседневной жизни отдельных индивидов, на совершение ими различных правонарушений и других девиаций. При этом, социальная безопасность/защищенность понимается в самом простом и широком смысле – как «совокупность мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи…, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и

социализации людей, образа жизни… в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений…» [5, с. 161] вне зависимости от субъекта ее обеспечения. А контекст представляет собой смысловую структуру, позволяющую объединить несколько компонентов повседневности общей темой (содержанием), отражающей потребности индивида, которые он реализует в определенной сфере жизнедеятельности. Компоненты контекстов могут рассматриваться в качестве факторов риска, оказывающих прямое или косвенное влияние на поведение индивидов.

В 2016 г. была изучена распространенность рискогенных компонентов в нескольких повседневных контекстах: семейном, образовательном, трудовой занятости, досуговом, индивидуальном и кризисном, а также выявлены связи между компонентами контекстов и девиантным поведением молодежи. Так, представители группы, демонстрирующие «устойчивые девиации», указали более 10 факторов риска, из них свыше четверти – более 20 (максимальное число рисков доходило до 78). Большая часть молодежи в контрольной группе и группе со «случайными девиациями» отметили до 10 факторов риска, сопровождающих их жизнь во всех контекстах повседневности. Среди прочего, к факторам риска устойчивого девиантного поведения относятся: неблагоприятные жилищные условия, наличие девиантных и криминальных проявлений в микрорайоне проживания, виктимизация вследствие физического и сексуального насилия, совершение девиаций людьми из ближайшего окружения, невозможность реализации личных планов и неуверенность в будущем [12].

Вторичное воспроизводство правонарушений (и других видов девиаций) возникает, когда лицам, совершившим противоправный поступок, во время и/или после отбывания наказания (например, в виде лишения свободы) и/или прохождения программы реабилитации и социальной адаптации общество отказывает (сознательно или неосознанно) в социальной безопасности их жизнедеятельности, подвергает дискриминации, виктимизирует, нарушает человеческие права. Например, это относится к воспроизводству преступности.

Имеется ряд исследований, подтверждающих факт практически полного отсутствия социальной безопасности тюремного народонаселения и их незащищенность в разных сферах: защиты здоровья [6, с. 36], прав на личную неприкосновенность (физическую и сексуальную) [11] и т.д. В целом, с 2013 по 2020 год в Европейский суд по правам человека было подано более 4300 обращений заключенными с жалобой на то, что «условия их содержания в исправительных учреждениях являются бесчеловечными и унижающими достоинство» [11].

Изучение некоторых негативных социальных эффектов социального контроля преступности и девиантности в целом в той или иной мере находит отражение в научной литературе [см., напр.: 3], однако исследователи останавливаются преимущественно на традиционном анализе концепций и практик наказания, не концентрируя внимания на влиянии социального контроля на воспроизводство этих явлений, а также на зависимости между

тремя компонентами системы: социальный контроль - социальная (не)безопасность/(не)защищенность - риски/факторы риска воспроизводства девиантности/преступности. Еще сложнее дело обстоит с рассмотрением влияния социальной безопасности на воспроизводство и поддержание преступной карьеры лиц, отбывших наказание. А между тем за восемь месяцев 2020 г. больше половины (59,3%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления [7]. Мы не можем быть уверены в том, что какая-то часть из них продолжила преступную карьеру не по причине социальной небезопасности/незащищенности.

В работе с лицами, имеющими опыт совершения преступлений, современная практика лишь отчасти (зачастую только декларативно) ориентирована на ресоциализацию и социальную адаптацию. Для большинства освободившихся из мест заключения новая жизнь так и не начинается, поскольку они не в состоянии удовлетворить свои насущные потребности в работе и жилье: «постоянное место работы имеет около 20% бывших осужденных, еще 55% живут за счет временных заработков, а 25% вообще не имеют законного источника доходов»; «собственное жилье имеют менее половины бывших заключенных, многие живут у родственников, а около 4% оказываются без определенного места жительства» [2, с. 271]. Часть из них не хотят устраиваться на работу, часть – физически не в состоянии изменить свою жизнь вследствие хронического алкоголизма, повлекшего личностную деградацию. Но кто-то, даже искренне желая изменить свою жизнь, не может на это рассчитывать, т.к. потенциальные работодатели не желают принимать на работу бывших осужденных [1].

Тема социальной безопасности и вторичного воспроизводства правонарушений особенно актуальна для молодежи и, в первую очередь, для несовершеннолетней. Так, в России наблюдается рост рецидивной преступности среди данной социальной группы. Только в Санкт-Петербурге в 2015 г. число рецидивов возросло на 22% [4, с. 251-254]. В 2017 г. категория «ранее судимые» дала прирост преступности меньше – на 17,8% [8], но он все равно остается достаточно высоким.

Обычно анализом правонарушаемости занимаются криминологи-юристы, для которых оперативная информация и статистика по сравнению с социологами более доступна, а это ведет к тому, что из поля зрения исследователей ускользает (или ему не придается особое значение) период интеграции молодежи, прошедшей программу социальной реабилитации в подростковом возрасте, и выбирающей траектории дальнейшего жизненного пути, включая (возможное) развитие девиантной/преступной курьеры. Изучение данного периода жизни и (негативных) характеристик социальных взаимодействий могло бы пролить свет на феномен воспроизводства правонарушаемости представителей разных молодежных когорт (не только несовершеннолетней молодежи), включая рецидивную правонарушаемость.

Наступление совершеннолетия (18 лет для РФ) не является показателем «взрослого», который, как правило, имеет жизненный и профессиональный опыт, достаточное материальное и финансовое обеспечение, работу,

образование и т.д. (в идеале). Молодежный возраст – это возраст продолжающегося взросления, который может протекать успешно или неуспешно. В связи с этим, важное значение приобретает реакция общества на индивида и его поведение. Если молодой человек имел опыт совершения правонарушения, то данное обстоятельство является своего рода маркером/стигмой, который существенно ограничивает его интеграцию в общество и успешную адаптацию. При этом особо значимыми являются реакции официальных социальных институтов и лиц (работодателей, сотрудников службы занятости и других социозащитных учреждений, работников правоохранительных органов, педагогов в учебных заведениях и др.), выступающих (прямо или косвенно) агентами превентивного социального контроля. Данные агенты могут предоставить доступ к социальным благам, необходимым для успешного взросления и обеспечения социальной безопасности жизнедеятельности индивидов. Одновременно эти блага (или возможность их получения) выступают превентивной мерой для (дальнейшего) развития девиантной карьеры, повторного правонарушения, поскольку являются базой для создания ресурсов, актуализирующих факторы защиты и активизирующих механизмы, разрушающие причинную цепочку между факторами риска и воздействием этих факторов [13, с. 26-27]. В случае недоступности социальных благ существенно возрастают риски неудачной адаптации и неполной интеграции, ведущие к рецидиву, совершению других правонарушений. Данные ФСИН России на конец 2019 г. свидетельствуют, что в воспитательных колониях для несовершеннолетних списочная численность осужденных на конец отчетного периода составляла 1155 человек [9]. Вместе с тем, в исправительных колониях для взрослых осужденных в возрасте 18-25 лет содержалось в 45 (!) раз больше, т.е. 51945 человек [10]. С большой вероятностью можно утверждать, что большинство молодых осужденных попадало в поле зрения разных агентов контроля (от правоохранительных органов до социозащитных учреждений, занимающихся профилактикой правонарушений) ещё в несовершеннолетнем возрасте, но они не только не получили необходимые ресурсы для успешного взросления и интеграции в легитимное социальной пространство, но и, скорее всего, прошли путь социально-культурной виктимизации, которая могла явиться одним из факторов риска дальнейшего развития их девиантной/преступной карьеры. При этом под социально-культурной виктимизацией понимается превышение власти и установление агрессивных социальных взаимодействий на основе социальных или культурных различий, а также посредством актуализации деперсонифицированных взаимодействий в и через социальные институты, от которых зависит благополучие молодых людей и их социальная безопасность [14, с. 64-69]. Вследствие неизученности проблемы, можно только предполагать, как взаимодействие с системой контроля изменяет жизненный путь молодых людей.

Кроме того, не изучены стратегии и факторы риска виктимизации, а также реакции на нее со стороны молодых людей. Слабо изучено влияние социально-культурной виктимизации на социальную безопасность

жизнедеятельности этих лиц. Особенно остро данная тема звучит для социозащитных учреждений, занимающихся реабилитацией молодежи. Идея реабилитации и социальной адаптации не может быть реализована в полной мере в «недружелюбной» для воспитанников среде, когда они становятся жертвами как в самом учреждении, так и в профильных организациях-партнерах. Недооценка значимости данного феномена ведет к низкой эффективности программ и, следовательно, невозможности достижения основной цели – помощи молодым людям в отказе от девиантной активности, осознанном взрослении и успешной интеграции в социум.

Поскольку лонгитюдные криминологические исследования в отношении молодежи, совершившей правонарушение, не развиты, нет и широкого обсуждения вопросов, связанных с рассмотрением этих лиц в качестве объекта социальной безопасности. Между тем, социальная безопасность имеет своей целью защиту интересов и ценностей, обеспечение достойного существования всех граждан, проживающих в данном обществе. Она предусматривает также защиту человеческого достоинства. Иначе говоря, социальная безопасность является базой для социальной реабилитации и адаптации тех молодых людей, которые могут и должны быть интегрированы в легитимное социальное пространство. Складывается ощущение, что общество не желает воспринимать эту проблему, в первую очередь, как проблему самого социума, стремящегося избегать любых видов неопределенности, порождаемых, в том числе, различного рода опасениями. Отсюда алармизм, «драматизация Зла», агрессивные действия в отношении (предполагаемых) источников опасностей – молодых людей, имеющих опыт совершения правонарушения.

Социальная незащищенность, складывающаяся в виде совокупности показателей социального неблагополучия, может выступить риском (повторного) нарушения норм, т.е. работать на воспроизводство всех видов девиантности. К социальной незащищенности в данном контексте можно отнести также девиантизацию и криминализацию альтернативных образцов поведения («девиаций»), социальное исключение, отчуждение, мифологизацию, установление препятствий/помех в ходе реадаптации и ресоциализации лиц и т.д. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что социальный контроль в его традиционном понимании, с одной стороны, нельзя рассматривать как основное условие сохранения общественного порядка, а с другой – его следует изучать и анализировать как более сложный процесс, имеющий, как минимум, два вектора влияния на правонарушаемость и девиантность в целом – положительный (понижающий уровень девиантности/преступности) и отрицательный (поддерживающий и воспроизводящий определенный уровень нарушения норм, включая разные виды правонарушений).

Список литературы:

1. Государство должно активно участвовать в адаптации бывших осужденных. [Электронный ресурс]. URL:

http://rapsinews.ru/incident_news/20180123/281724009.html (дата обращения 13.12.2020).

2. Гусаров П. Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 270-273.

3. Дафф Э., Гарленд Д. Размышления о наказании // ИНДЕКС: Евроремонт ГУЛАГа. 2003. № 18. С. 227-250.

4. Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт–Петербурге за 2015 г. СПб.: Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, 2016. 411 с.

5. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2007. 423 с.

6. Рунова К. А. Тюремная медицина: принципы и кейсы для России / под ред. К. Д. Титаева. СПб.: Институт проблем правоприменения, 2020. Вып. 5. 26 с.

7. Состояние преступности в России за январь – август 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/21244698/(дата обращения: 14.08.2018).

8. Статистика по несовершеннолетним, совершившим преступления, общественно-опасные деяния и правонарушения на территории Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbdeti.org/files/doklad2017/2_4_1.pdf (дата обращения: 14.08.2018).

9. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. URL: http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/(дата обращения: 19.10.20).

10. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. URL: http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/(дата обращения: 19.10.20)

11. Челищева В., Романова О. Опущение грехов [Электронный ресурс]. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/08/86583-opuschenie-grehov (дата обращения: 08.08.20).

12. Шипунова Т. В. Факторы риска девиантного поведения молодежи в контекстах повседневности: некоторые результаты и перспективы исследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 2 (32). С. 175-182.

13. Eisner M., Rebeaud D., Junger R., Meidert U. Frühprävention von Gewalt und Aggression: Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen. Zürich/Chur: Rüegger Verlag. 2007. 262 S.

14. Schneider H. J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie; Űberblick und Diskussion. Münster: Lit, 2001. 468 S.

Г. С. Широкалова
старший научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова

СЕМЬЯ НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН. РУБИКОН ПРОЙДЕН?

Аннотация. Структура семьи, основанная на семейных традиционных ценностях, задает совсем иные скрепы не только самой семье, но и государству в целом, чем идеология постмодернизма. Проникновение его в традиционные социальные институты изменяет «снежным комом» структуру ценностей во всех сферах жизни. Налицо противоречие: семейные ценности объявлены приоритетом, но СМИ формирует совсем иные приоритеты. Способно ли законодательство изменить соотношение сил и не поздно ли это сделать?

Ключевые слова: молодежь, студенты, семья, гомосексуальность, ЛГБТ-сообщества, традиции.

Традиционная семья с четко прописанными гендерными ролями в каждой из существовавших/существующих цивилизаций имела под собой объективные основания в течение тысячелетий. Разрушение традиционности объективно обусловлено («ничто не вечно под Луной»), но в цепь причинно-следственных связей, как в социальный геном, может быть встроено решение коллективного субъекта. Сложносочиненный социальный субъект, как правило, включает в себя тех, кто получает непосредственную материальную (в широком смысле слова) выгоду, и тех, кто встраивается для реализации желаемой ими картины мира. Мировоззренческие фантазии безграничны, поэтому каждый актор может найти тех, кто запишется в его войско из прагматических или альтруистических побуждений.

1 июля 2020 г. были приняты поправки в 72 статью Конституции РФ, согласно которым в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся «защита семьи, материнства, отцовства и детства, защита института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [6].

Насколько своевременна эта новация, или общество России уже перешагнуло рубеж, ведущий к разрушению традиционной семьи и законодательно не повернуть процесс вспять?

Внесение в Конституцию положения о браке как союзе мужчины и женщины вызвало острую критику за рубежом и полемику в РФ, как и в 2013 году, когда Госдума приняла закон, устанавливающий административную ответственность за гей-пропаганду среди детей в виде штрафа. Президент России В.В. Путин не раз говорил о том, что пока он президент в России не будет родителей 1 и 2, будет папа и мама. О неоднозначности оценки такой позиции свидетельствует голосование на сайте: из 21536 просмотревших видеоролик с его комментариями, 423 человека «за», 256 «против» [9].

Голосования в интернете не валидны, но заставляют обратиться к более внимательному анализу смены гендерных позиций.

Исследования на этот счет немногочисленны. М.В. Григорьева еще в 2006 г. отмечала либерализацию отношения к половой самоидентификации населения России, процесс во многом аналогичный западному [2, с. 9-10; 16]. Судя по данным ВЦИОМ 2018 г. гомосексуальные отношения осуждаются строже, чем четверть века назад. 79% их категорически или в большинстве случаев осуждают (в 1991 г. – 71%), 15% – чаще всего нет (в т.ч. 9% в принципе не видят ничего предосудительного) [3].

В 2019 г. Левада-Центр зафиксировал, что 39% относятся к геям и лесбиянкам нейтрально или безразлично, скорее положительно – 3%, скорее отрицательно – 56%. Есть значимые отличия по таким критериям как возраст, место жительства, образование, материальный достаток. Среди молодежи до 25 лет дали нейтральный и положительный ответ 60%, среди пожилых в два раза меньше – 33%, среди жителей крупных городов – 51%, селян – 34%, люди с высшим образованием – 48%, против 36% без высшего, с хорошим достатком 49% против 32% среди самых малообеспеченных. У каждого восьмого есть друзья, относящиеся к ЛГБТ – сообществу. Положительному отношению к ЛГБТ способствует и то, что 27% уверены во врожденности сексуальной ориентации, а не воздействии внешних обстоятельств. Поскольку молодые, хорошо образованные горожане задают тренды социальной политики страны, можно ожидать уже в ближайшем будущем смены ценностных приоритетов и семейной практики у общества в целом [7].

Как видим, данные достаточно противоречивы, что зависит и от цели и инструментария исследования. Для нас информация об отношении к гомосексуализму оказалась неожиданным результатом: целью задания было выяснение отношения к событиям в Белоруссии после выборов президента в 2020 г. Студентам было предложено проанализировать события, косвенно отражаемые на коллаже «Две страны – два разных мира» с фотографиями президента Белоруссии с младшим сыном и президента Эстонии с писателем М. Пярнитсом, одетым женщиной – в коротком розовом платье, туфлях на высоких каблуках и министром юстиции. Надпись же гласила, что на снимке семья эстонского президента [8].

Коллаж, посланный студентам, сопровождался письмом: «Посылаю коллаж для размышлений. Смысл задания – отработка умения применять теоретические знания к анализу современной ситуации, когда связь явлений на первый взгляд не очевидна. Навык, который нужен в жизни для восприятия многозначной символики, отражающей реальные процессы. Нужно ответить на вопросы: 1) Почему появился такой коллаж в интернете? 2) Какие цели, задачи преследуют его создатели? 3) На какую аудиторию он рассчитан? 4) Насколько он выполняет задачи, возложенные на него автором? 5) Ваше личное отношение к событиям, которым он посвящен?

Прежде всего, отметим, что до трети студентов не проверили истинность утверждения, что свидетельствует о некритическом отношении к информации а) из интернета и б) сообщаемой преподавателем. Это свидетельствует о

степени управляемости молодежной аудиторией в любом идеологическом направлении. Примером такой «доверчивости» служат мнения юношей: президент Эстонии – мужчина и рядом с ним сын. Во-вторых, политическая ситуация в Белоруссии от них далека и если давалась ей оценка, то только с позиций молодежных сайтов – однозначно отрицательно по отношению к Лукашенко и сочувственно к оппозиции и Западу. Проблемы же ЛГБТ входят в круг интересов благодаря возрасту выбора жизненных стратегий и тех же СМИ.

А.В., 19 лет: *«Этот коллаж появился в интернете, возможно, из-за двух причин. Кто-то хотел показать, что даже дети мировых лидеров могут быть нетрадиционной ориентации и даже такие властные родители не указ человеку, который осознал, что он особенный. Во-вторых кто-то просто высмеивает эту ситуацию и людей нетрадиционной ориентации.*

Я считаю, что целью создания этого коллажа является показать, что все люди разные, они выбирают, кем они хотят быть и каким быть по ориентации и не зависимо от того, что отец этого парня очень влиятелен, он не запрещает своему сыну чувствовать себя таким. А какие-то люди ставят целью высмеять этот коллаж, просто из ненависти к людям не похожим на них. Большинство молодых людей негативно относятся к людям нетрадиционной ориентации.

Для тех, кто нейтрально относится к таким людям, коллаж выполняет поставленную задачу, ясно показаны сравнения между детьми разных лидеров, а вот для других людей, к сожалению, задачи вылились в обычный смех. Я считаю, что таким плакатам разрешено быть в интернете, наше общество меняется и такие люди уже не редкость, всё больше мы слышим о них и нам нужно привыкать к этому».

Вывод об интересе к проблеме гомосексуализма для значительной части молодежи сделан на основе того, что политическая ситуация в Беларуси и последствия прихода к власти оппозиции во главе с «тихановской» была не просто вытеснена проблемой отношения к гомосексуализму, но и эмоциональностью обсуждения последней.

Б.С., 20 лет*: «Автор данного коллажа хотел передать, что в разных странах существуют разные нормы поведения и моральные принципы людей. В каких-то они схожи, в других – сильно отличаются друг от друга. Конечно, человек волен делать то, что ему угодно (в рамках закона) и быть тем, кем он хочет, однако, как в случае с сыном президента Эстонии, это уже будет отклонением от нормы общественного поведения (не в плохом смысле). Мое отношение к существованию гомосексуализма негативно, так как в настоящее время большинство таких людей занимаются его пропагандой, в плане того, что это норма. Отношение могло бы быть нейтральным, если такое явление как гомосексуализм оставалось «исключением из правила», а не отдельным правилом».*

Среди юношей еще встречается негативное отношение к гомосвязям, но при этом отмечается неизбежность распространения их как нормы («такие

люди уже не редкость, всё больше мы слышим о них и нам нужно привыкать к этому»). Среди девушек не было ни одной, кто бы осуждал их, что свидетельствует о большей романтизации ими любви, какую бы форму она не принимала. Отказ тех, кому природа предназначила быть продолжателем рода, от традиционных гендерных, а затем и семейных ценностей, несет в себе гораздо большие риски смены моральных и социальных координат в целом. Итак, мнение девушек.

Б.Я., 20 лет: *«Я нейтрально отношусь к ЛГБТ сообществам, если они вносят какой-то ценный вклад в развитие страны и общества. Я не поддерживаю пропаганду этого, потому что считаю это отклонением от общепринятой нормы поведения, кричать об этом на каждом углу – не есть хорошо. НО если человек такой, то не менять же его насильственным путем или ущемлять в общечеловеческих правах?*

Гомосексуализм в большинстве религий проповедуется как грех (в традиционных конфессиях иудаизма, христианства и ислама.) Но некоторые религии постепенно стараются отходить от старого уклада и менять свое отношение к гомосексуальным отношениям, относиться более нейтрально, не так агрессивно и не записывать людей в число «безбожников и грешников». Я вообще считаю, что неважно, к какой ориентации относится человек, если он ведет праведную жизнь, не делает другим зла, то неужели его сексуальные предпочтения так сильно влияют на то, насколько он верующий? Как говорится, все люди перед Богом равны и на смертном одре оцениваться будут плохие и хорошие поступки, а не то, с кем проводил ночи человек».

В.А., 19 лет: *«Все мы прекрасно знаем, что в России стоит строгий запрет на нетрадиционные отношения и насколько серьезно они наказываются. Всякая агитация ЛГБТ сообществ строго отслеживается и запрещается. В буквальном смысле, люди с подобными наклонностями обречены на одиночество в нашей стране. И насколько спокойно относятся к нетрадиционным отношениям на Западе. Никто не осуждает человека за то, кого или что он любит. Там человек свободен во всех смыслах этого слова. Соответственно, я думаю, что данный коллаж мог поднять волну недовольства, ведь если присмотреться, то коллаж явно насмехается над жизнью нетрадиционных отношений.*

В связи с религиозной верой, в моей семье стоит табу на обсуждение данных вопросов. Но лично я отношусь ко всему этому нейтрально. Отношению между двумя людьми, независимо от того, какого они пола – сугубо их личное дело. До тех пор, пока их взаимоотношения не наступают на нормы этики, морали или уголовного кодекса, они для меня самые обыкновенные люди, без каких-либо недостатков».

Показательное признание: в религиозных семьях старшее поколение не обсуждает с детьми интимные отношения и придерживается традиционных ценностей. Позиция же у молодежи по данным вопросам формируется не семьей, а референтными группами и окружением с позиций абстрактного гуманизма.

***Г.В., 19 лет**: «Я более чем спокойно отношусь к людям с «нетрадиционной» ориентацией. Как было доказано, ориентацию люди не выбирают, с ней рождаются. Может быть, это и есть демографический тупик, но с другой стороны, люди – не вещи. У каждого человека есть свои права, так почему право однополой любви не имеет место быть? Другое дело – пропаганда натурализма или гомосексуализма.*

Я считаю, что каждый человек вправе любить того, кого он хочет, как говорится, «сердцу не прикажешь», но не афишировать это открыто, не призывать других к стандартным или нестандартным отношениям. Также я против ограничений в самовыражении через одежду, прически, цвет волос, татуировки. Сама не отношусь к категории людей-гомосексуалистов, не имею татуировок, нестандартного гардероба или пестрого цвета волос. Я стараюсь понимать и уважать выбор каждого человека, находящегося в моем окружении».

Доказано учеными как раз обратное: основная масса людей меняет сексуальную ориентацию под влиянием окружения, моды, но в общественном мнении устойчив стереотип оправдания отклонений генетикой.

***М.А., 18 лет**: «В разных странах по-разному относятся к гомосексуализму. В более развитых странах ситуация изображенная на коллаже не редкость. В таких странах более развито социальное принятие людей с нетрадиционной ориентацией. Но есть и такие страны, в которых придерживаются старых традиционных укладов жизни, и не при каких обстоятельствах не принимают людей с иной ориентацией в социуме. А иногда данных индивидуумов не принимают за полноценную личность.*

Моё личное мнение заключается в том, чтобы люди, живущие в странах с устоявшимся укладом в сексуальной ориентации, не стеснялись, и не скрывали своих истинных натур. Данное событие показывает, что даже у людей стоящих у власти могут быть необычные дети, с необычной ориентацией. Эта открытость должна замотивировать личностей скрывающих свою природу открыться перед миром, и, не боясь отторжения и гонения, жить в спокойствии современного социума».

Отношение к нетрадиционной сексуальной ориентации, как один из значимых критериев уровня развития страны, встречается достаточно часто.

***З.Д., 20 лет**: «На мой взгляд, коллаж появился из-за различных мнений насчет гомосексуализма. Как мы знаем – Россия не поддерживает однополые браки, но есть страны, в которых это стало нормой жизни. Поэтому сейчас общество проявляет повышенное внимание к этой теме и показывают, как отличается общество в разных странах.*

Гомосексуализм очень сложная тема, у всех свое мнение по этому поводу, я отношусь отрицательно. Для меня было бы неприемлемо увидеть президента страны со своим сыном геем. Для меня приемлемы традиционные отношения. Поэтому считаю правильными поправки в конституции по этому поводу».

***С.Д., 19 лет:** «Создатели преследуют цель показать всему миру как свободно живут люди в Европе, идущую на компромисс демократию, в виде*

толерантности к тому или иному выбору человека. Возможность жить так, как хочется, не преступая при этом закона и конституции той страны, в которой живут. Также, с другой стороны, устарелость ценностей и взглядов стран СНГ. Или же другими словами показать, что у нас нет демократии в том понимании, в котором она изначально была создана. Но, тем не менее, молодежь, видя это, искренне верит в то, что в других странах люди живут свободно.

Я никак не отношусь. Стараюсь вообще, в принципе, как можно меньше лезть в такую помойку, как политика. У меня на этот счет есть свое мнение, которое ничто не сможет сломить. Для меня самой это не приемлемо, но что касается других людей, я за них ответ нести не могу. Для меня главное чтобы мне и моим родным и близким не навязывалось это как «лучший вариант», все остальное – я сохраняю нейтралитет. И это я говорю не из-за собственного эгоизма или чего-то подобного, просто (извините за грубость и фривольную форму высказывания) мне не особо интересно, кто с кем и в какой позе, будь то человек обычный или заднеприводный. Это дело каждого человека, а лезть в чужое грязное белье и личную жизнь – дело не благодарное.

Это не хорошо и не плохо. Если человек находит свою половинку в лице человека того же пола, ему никто не запрещает, чувства вещь сложная. Если он будут счастливы вместе, то почему нет – в жизни и так не очень много счастливых моментов».

Семейная политика государства, как правило, рассматривается с позиции демографии. Обеспокоенная естественной убылью населения, власть пытается решить проблему через материнский капитал, миграцию из сопредельных государств, разрушая тем самым цивилизационный код коренных народов России. Не менее остро стоит вопрос об изменении ментальных гендерных ценностей, что зачастую игнорируется в исследованиях молодежи, успокаивая общественное мнение тем, что набор ценностей традиционен и семья среди них занимает первые строчки. Более глубокое изучение этой проблемы мы находим у московских авторов. Фиксируя, что молодежь больше всего хотела бы добиться в жизни семейного счастья – 82,9% [4, с. 120], ранжируют уже саму ценность. Так, среди московской молодежи семью охарактеризовали как абсолютно значимую ценность 74,5%, весьма значимую – 18,7%, значимую при определенных условиях – 1%, совсем не значимую – 0,4%, затруднились с ответом – 2,2% [4, с. 242].

Достижим ли такой идеал? Если среди ценностей семья на первом месте, то ранг возможности реализовать эту ценность – только пятый. На первое место выходит дружба, на второе – секс, поднявшись с 20 места среди ценностей, на третье – умение приспосабливаться к жизни. Любовь между мужчиной и женщиной имеет 5 ранг значимости и 6 ранг по возможности реализации [4, с. 114].

Запомним сочетание – дружба (она, как правило, между лицами одного пола), секс, умение приспосабливаться. Дружба дает надежность тыла, секс – удовлетворение витальных потребностей, столь значимых в молодом возрасте,

умение приспосабливаться – возможность социальной карьеры. Не закладываются ли уже здесь объективные причины трансформации семьи будущего?

Уральскими исследователями был проведен опрос 934 представителей рабочей и учащейся молодежи о степени влияния СМИ и интернета на социокультурный фон молодежной среды. По мнению респондентов именно они в наибольшей степени снижают значимость семейных ценностей, пропагандируют сексуальную распущенность, распространяют порнографию, увеличивают сексуальные девиации, альтернативные и нетрадиционные формы семейных и сексуальных отношений [5, с. 46-47].

Оценивая «многоголосье» СМИ, в 1998 году В.Д. Гранов писал: «стоит вглядеться чуть внимательней – и многоголосье оказывается вариациями одного направления: угодного сегодняшним реформаторам… Те самые мастера пера, которые громче других жаловались на засилье цензуры …не стесняясь выступают в роли наемных писак новых сильных мира сего… [1, с. 141].

Много раз с тех пор поднимался вопрос о нравственной цензуре, но достижение целей власть имеющих обеспечивает ее отсутствие. Не раз задавали вопрос о передачах типа «Дом-2» и президенту, но ответы свидетельствовали о беспомощности власти, якобы, по причине, что цензура запрещена Конституцией. Между тем «животрепещущая» для студентов тема должна стать принципиально важной для исследователей молодежных ценностей с целью корректировки молодежной политики в соответствии с новациями, внесенными в Конституцию РФ.

Список литературы:

1. Гранов В.Д. Снова о свободе (социально-духовные аспекты) // Конфликты и согласие в современной России (Социально-философский анализ). Отв. ред. В.С. Семенов, Ц.А. Степанян. М., 1998. 160 с.

2. Григорьева М.В. Измерение гомосексуальности в опросных исследованиях: теория, методология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук Москва, 2006. 26 с.

3. Измены, однополые связи, аборты: табу или норма? [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116695 (дата обращения: 20.12.2020).

4. Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: монография / под редакцией А. А. Сазонова. М.: Издательский Дом «Наука», 2013. 286 с.

5. Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. К проблеме потребления информации информационной безопасности молодежи //информационно-инновационном обществе: моногр./ под общ. ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. 389 с.

6. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://duma.gov.ru/news/48953/(дата обращения: 20.12.2020).

7. Отношение к ЛГБТ-людям [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2019/05/23 /otnoshenie-k-lgbt-lyudyam/ (дата обращения: 20.12.2020).

8. Петрова А. Неправда – на фотографии президент Эстонии не с мужем и сыном [Электронный ресурс]. URL: https://ru.rebaltica.lv/archives/2609/amp. (дата обращения: 20.12.2020).

9. Президент Путин: «Пока я президент, у нас не будет родителей 1 и 2 – у нас будут папа и мама». 13 февраля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dvwXTUnPzEE (дата обращения: 20.12.2020).

А. П. Ярков
профессор Тюменского государственного университета

О «РУССКИХ МУСУЛЬМАНАХ» КАК ФАКТОРЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье автор обращается к проблеме радикализации части русского населения, принявшей ислам, получившей название «русские мусульмане». Обращено внимание на то обстоятельство, что «активистами» радикальной деятельности вновь создаваемых групп «русских мусульман» становились представители не только различных движений (неонацистских, национал-большевистских и др.), но отдельные неофиты из других конфессиональных групп: православных, иеговистов и др. На основе анализа ситуации в области этнокультурного неотрадиционализма, сложившейся в России в настоящее время, даны рекомендации по вопросам профилактики экстремизма.

Ключевые слова: ислам, «русские мусульмане», неофиты, экстремизм, радикальные движения, неотрадиционализм.

Однажды пришлось выступать перед Советом ветеранов по вопросу профилактики экстремизма. Зашла речь и о той части «русских мусульман», что встала на путь газавата. Пронзила мысль одного из фронтовиков: «В годы войны встречали своих же, русских – власовцев. Ненавидели их люто. Да и те пощады не ждали. Но через много лет пришла напасть в те русские семьи, где внуки и правнуки победителей обещают убить своих родителей как неверных…» Мудрый взгляд людей за 90, которым за себя уже не страшно, а обеспокоенность за страну есть.

Увы, всему российскому обществу пока это не свойственно. Анализ и прогноз ситуации дают право бить тревогу. Для Тюменского госуниверситета всё трагичнее ещё потому, что А. Землянка («Джихади-Толик») – наш выпускник. Выехавший в ИГИЛ / ДАИШ Землянка в 2015 году «прославился тем», что публично казнил другого русского, принявшего ислам, как «кафира».

История исламской уммы и её пополнения

Перед тем, как рассмотреть ситуацию с «русскими мусульманами» в той части страны, которая представляет давний научный интерес – Азиатская часть России, позволю экскурс в прошлое. Дело в том, что её регионы имеют разную длину «исламской истории», и без этого невозможно комплексно изучить и современность. Итак:

1. Государственная политика Российского государства в её Азиатской части не отличалась выверенностью (наличествовали обособление и русификация), а живая традиция отражала диаметрально противоположные позиции групп «русских» и русских. Традиционное понятие «вероисповедание» у многих совпадало с представлением об этнической идентичности: русского – с православными; татарина – с мусульманами; бурята – с буддистами; чукчи – с «язычниками» и т. д. [4] Случаи добровольного обращения в ислам русских преследовались. Уникальна ситуация с иеромонахом Мелесом Феофилактом (в миру Фёдором), который имел хорошее (по тем временам) образование, служил в Гольштинии в православном приходе, где и потребовал снять с него сан и отослать в Россию. По Указу Синода отправлен в 1755 году в Далматовский Успенский монастырь, а будучи проездом в Тобольске, объявил о желании перейти в ислам. Его действия, очевидно, отражали внутренние духовные искания, начавшиеся на Украине (где родился), продолженные во время обучения «латинской» науке в Москве и служения в Кёльне. Протестная декларация о переходе в ислам это подтверждает. Не принимая её всерьез, консистория назвала иеромонаха легко помешанным и заключила в кандалы, объявив за собой «слово и дело», Мелес препровожден в губернскую канцелярию, раскаялся и согласился принять обратно монашеский чин. Принявший ислам в болгарском г. Русе во время Русско-турецкой кампании 1774 года прапорщик Суколенов сослан рядовым в Сибирский корпус и также подвергнут церковному покаянию [6].

В начале XX века стали называть себя мусульманами православные русские, предки которых столетиями ранее крещены, как правило, насильно. В 1917–1922 годы в г. Благовещенске семь русских и поляков приняли ислам, написав в прошении: «Находя для себя приемлемым магометанское вероисповедание и желая принять ИСЛАМ честь имею покорнейше просить Вас Гражданин Имам перечислить меня из Римско-Католического вероисповедания в магометанство и после привода к Исламу произвести наречение мне имя по магометанскому обряду. Гербовый сбор в сумме два рубля при сем прилагаю». Объяснение этого случая – в социальной и политической нестабильности «буферного государства» – Дальневосточной Республики [9].

И до начала XXI века эта часть Азиатской России являет пример мирного развития ислама. Приезжавшие сюда мигранты из других «мусульманских регионов» СССР успевали настолько абсорбироваться (не отказываясь от своей веры), что первооткрыватель тюменской нефти

азербайджанец Фарман Салманов для сибиряков – свой. Они ему воздвигли памятники. Именем чеченца геолога Дурдиева назвали месторождение.

Ныне, увы, Западная Сибирь и, особо, Тюменская область (вместе с автономными округами) занимает третье место по числу выехавших в Сирию. А по рейтингу межэтнической напряженности в 2013-2014 годы Ямал и Югра являются субъектами с высоким уровнем напряженности (не уступая Северному Кавказу). Это регионы, по мнению экспертов, где «этнически мотивированное насилие начинает приобретать организованный, неоднократный характер» [14]. Пока большинство имамов – казанские татары и, высока доля башкир, как правило разделяющих позиции умеренного ислама. Увы, это пока, если не принять меры…

2. Восточная Сибирь и Дальний Восток – регионы позднего освоения мусульманами (поволжскими татарами и башкирами), а Чукотский автономный округ вообще оказался единственным субъектом Российской Федерации, где нет ни одной зарегистрированной общины. Именно в эти регионы в XIX веке направляли самых отпетых преступников-рецидивистов. Так, например, отбывал на Сахалине срок Султан-Фердали-Оглы, который убил единоверца в мечети «в присутствии многих жителей, при совершении убитым молитвы» [10]. А ведь согласно же Сунне пророка Мухаммеда: «Перестает быть мусульманином совершающий убийство…».

Удивительная метаморфоза происходила с многими: тяжесть совершённых преступлений закрывала для значительной части мусульман возможность вернуться на родину, и после отбытия срока они оставались в Сибири и на Дальнем Востоке, записывая себя и детей в податное сословие [13]. Отбывших наказание старались селить в отдалённых местах, с одной стороны, дистанцируя их от городского населения, с другой стороны – заселяя малообжитые земли. Кроме того, неукоснительно соблюдалось условие – численность диаспор не могла превышать третьей части коренного населения. Это бы надо учитывать и нашим миграционным службам, которые вновь вернувшись «в лоно МВД», должны быть «вооружены» методикой Хейнсона (Heinson), показавшего опасность от изменения этих пропорций.

В советское время ни одно из направлений ислама не имело преимуществ. И хотя зримо оказались отличительны и спецпоселенцы-мусульмане (особенно сунниты шафиитского мазхаба и шииты) ритуалами от тех, которых придерживались их единоверцы в Сибири и на Дальнем Востоке. Возникали конфликты на бытовой почве с «этноконфессиональной подложкой», но вместе с коренными мусульманами они испытали давление политики воинствующего атеизма.

Неконтролируемый рост мигрантских потоков (в т. ч. маргиналов) повлиял не только на жизнь мусульман, но и на восприятие их обобщенного образа в глазах остального населения, в т. ч. и укоренившихся ранее их единоверцев. Опаснее другое, несмотря на декларируемую общеисламскую солидарность, не всегда уже и сами имамы в состоянии остановить конфликты между единоверцами, что случилось у азербайджанцев в г. Когалыме (с дагестанцами) и посёлке Новофедоровское (с татарами) [2].

Доминирование в Дальневосточном федеральном округе в качестве имамов уроженцев Кавказа и Средней Азии – не повод применять к ним огульные обвинения в экстремизме, но показательна статистика – удельный вес среди служителей исламского культа.

Что такое «русские мусульмане»: феномен и/или люди?

На этом тревожном фоне «как чёрт из табакерки» возникли «русские мусульмане». Конечно, это условно определяемая группа неофитов, куда входят и другие славяне, а также неМцы и неНцы, якуты и корейцы, буряты и тувинцы. А уроженец Омской области муфтий Н.И. (Абдуль Куддус) Ашарин вообще уникален – по еврейскому происхождению. Подавляющая часть из неофитов не приемлют экстремизма и терроризма.

Выявлен интерес вербовщиков к экономически стабильным субъектам Сибири и Дальнего Востока. Определена тактика: если в создании первых приходов на Ямале в 1990-х годов инициативны были татары и башкиры, но затем их потеснили приезжие с Кавказа и Средней Азии. Любопытно, что они отнесены ненцами «к чёрным русским».

Ныне самые северные общины – в г. Норильске, в посёлках Яр-Сале (с 2007 года) и Тазовский (с 2008 года), где в окрестностях Тазовского 20 ненцев приняли ислам, а двое из новообращенных обучались в РИУ ЦДУМ в Уфе. Ненцы назвали причину: «мусульмане не пьют», что для них привлекательно (алкоголизм и суициды сопутствуют, увы, коренным малочисленным народам Севера), но иная причина у бывшего морского офицера и казака, сотрудника правоохранительных органов Д. Крапивного, в том же Яр-Сале принявшего ислам.

Для отражения связи традиции с современностью исследователи все чаще используют термин «неотрадиционализм». Возрождение традиционной культуры разных этносов в новых условиях выступает в форме этнокультурного неотрадиционализма. Его возникновение стало ответом традиционных обществ на вызовы модернизации, демонстрацией возможности достойно участвовать в глобальном диалоге культур на основе эффективного использования потенциала этнических традиций. Объяснение этому феномену не только в психологии (здесь есть уже серьёзные научные разработки), но и в этнической истории края: русские сибиряки всегда являлись «открытым» этносом, в который через ассимиляцию, аккультурацию и христианизацию постоянно входила «новая кровь», а в большей части коренного и аборигенного населения продолжалась активная фаза этнической консолидации, позволяя маргинальным элементам инкорпорироваться в состав русских.

В советский период количество обратившихся к исламу русских и «русских» (т. е. потомков кряшенов) скромно, но и тогда встречались случаи перехода в ислам, как произошло с взятыми в плен в Афганистане, о чём сибиряк «Мохаммад» сказал: «А попробуй откажись – не протянешь в плену и недели, к тебе станут относиться хуже, чем к собаке». Новосибирец Н. Еременко по одним сведениям, спасая жизнь принял ислам, по др. – пропал

без вести. Надеялись облегчить свою участь через обращение в ислам приговоренные пакистанским судом к пожизненному сроку за угон в 1990 году самолёта с пассажирами из Якутии А. Исаков и В. Боблов (но 9 их соучастников отказались) [1].

Иные причины появились у «русских мусульман» в 1990-х годы, что отражало формирование множественной идентичности, в т. ч. у потомков кряшенов, но появились неофиты, чьи предки никогда не принадлежали к исламскому культурному ареалу. Социально-психологическая мотивация, как и др. – недовольство собственным положением, социальной несправедливостью, окружающей средой, цивилизацией, разочарование в христианстве, а чтение Корана и интерес к исламу «снижали страх» после событий 11.09.2001 года. Добавляли «температуру» и высказывания неофитов … от православия, подобных профессору С.П. Суровягину, который пришел к выводу: «Бог христиан и ложный бог мусульман совершенно различны». Удивительно, но на эту позицию долго не обращали внимания руководители светского вуза, где работал почтенный богослов, считая: это его частное мнение.

Не выявляем причинно-следственные связи, но в 2004 году на учредительном съезде в г. Омске создана «Национальная организация русских мусульман», лидеры которых считали: «спасение России и духовная перспектива для этнических русских – только в исламе» [8], а одной из целей является формирование «субэтноса – русских мусульман». Просуществовала она недолго из-за противоречий конфессионального (шииты и сунниты) и организационного характера.

Ничего не имею против свободы выбора (это не обсуждается), но для Приморского края террористические группировки из юго-восточной Азии, уже присягнувшие ИГИЛ-ДАИШ, территориально ближе, чем Сирия. А если вспомнить ситуацию с задержанием в 2002 году И-Ш.А. Хасуханова, то ситуация тревожна. Дело в том, что Хасуханов до 1997 году в г. Вилючинске проходил службу в звании капитана 2-го ранга и в должности замкомандира атомной подводной лодки. После увольнения он был назначен А. Масхадовым на одну из должностей в вооруженных силах Ичкерии. При аресте обнаружен план по захвату боевиками, с целью ядерного шантажа, атомной подводной лодки на одной из военно-морских баз в Приморском крае [12]. И это ещё – «цветочки»… А вот и «ягодки» – в 2010–2012 годы в ХМАО-Югре отмечено принятие ислама русскими подростками, быстро дрейфовавшими в сторону экстремизма.

Лидеры

Родом из Омской области неоднозначный глава разных объединений и партий, пытавшийся представлять интересы мусульман в Государственной Думе А.-В. Ниязов (В.В. Медведев), который являет пример «делового человека из неофитов», избежавший наказания за свои, не всегда «благие дела». Ныне он в Турции, которая «заботливо пригрела на своей широкой груди» многих из тех, о ком пойдёт речь ниже.

Особо примечательно, что инициаторами и активистами вновь создаваемых групп «русских мусульман» становились недавние неофиты из православных и иеговистов, члены неоязыческих и неонацистских движений, национал-большевистской партии, «скинхеды». Именно эта часть «русских мусульман» склонна к радикальным методам. К таким можно отнести А.А. Тихомирова (Абуу Саад Саид аль-Буряти / Саид Бурятский), пришедшего из буддизма и христианства в ислам, ставшего одним из идеологов экстремизма [5].

В 2005 году осужден за принадлежность к партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» Ю.-Д.А. Петриченко – имам мечети с. Татарский Сингуль (Тюменская область), ранее учившийся в медресе Башкортостана и, якобы, в Иране, приказывавший подчиненным: «...необходимо выяснить оперативную обстановку в городе, установить какие фабрики, заводы имеются в городе, список лиц, обладающих властными полномочиями, с которыми можно установить контакт».

В центре внимания правоохранительных органов с 2009 года оказалась МРО «Нур ислама» (имам-хатыб И.С. Акбаров) в г. Новый Уренгой – по числу заподозренных в экстремистской деятельности и из-за агрессивной пропаганды убеждений тогдашнего председателя (директора) её общины Д.И.(Хамза) Черноморченко. В социальных сетях он писал о планах: «создание в такой стратегической точке страны как Новый Уренгой сплочённой организации, ориентированной на Саудовскую Аравию». В ответ на обвинения в экстремизме иных прихожан, Черноморченко оправдывался: «...наша мечеть более всего подвержена миграционным веяниям. Город является вахтовым, перевалочным пунктом всего севера Ямала, поток мусульман, проходящих через мечеть, не прекращается круглый год, и мы не можем нести ответственность за каждого вахтовика, гастарбайтера...» [3]. 10.10.2010 года Акбаров убит, а братья Черноморченко покинули город, ныне из Турции ведущие уже откровенно исламистский сайт «Голос Ислама».

«Русские мусульмане» ныне возглавили и большие объединения: ДУМ Дальнего Востока в составе ЦДУМ – в 2009-2014 годы муфтием являлся Хамза (Кузнецов), затем снят с должности за подделку документов; «Сахалинскую общину мусульман» возглавлял М.В. Суровцев; имамом мечети в Нефтеюганске служит О.А. (Усман) Печёрин.

Об экстремистской части «русских мусульман»

Кого же взрастили вышеназванные лидеры? Куда ушла из мечетей эта часть паствы? Некоторые только родом из наших краёв, но уже печально известные Д. Соколов, Д.Д. Данилов или уроженец г. Мегиона (ХМАО-Югра), гражданин Канады, дагестанский боевик И.(У.) Плотников. Уроженцы г. Нерюнгри – О. Шредер (убита в составе группы террористов в Пакистане) и Д.(Абу-Дарда) Данилов, воевавший снайпером на стороне дагестанских террористов [7].

Оценим: на территории Сибири и Дальнего Востока имеется определенное количество «русских мусульман», выявленных в рядах, почти

без исключения, запрещённых законом сообществ. Вербовка проходила в некоторых мечетях радикалами (в т. ч. имамами), а также в спортивных центрах.

В г. Красноярске действовала достаточно крупная группа «русских мусульман» во главе с А. Дедковым, в настоящее время осужденным. Её особенностью является принадлежность большинства к «Нурджулар». Арестована вооруженная группа «приморских партизан» под командой бывшего неонациста А. Сухорада [11]. Показательно, что на фотографиях её члены запечатлены с поднятым вверх указательным пальцем правой руки – символом ваххабитов. Часть из осуждённых «партизан» приняла ислам уже в местах отбытия наказания.

В Приморском крае действовала банда во главе с новообращенным (омоновцем, побывавшим в кавказской командировке) Э. Засетты, а в 2013 году обезврежен «Новосибирский джамаат», руководимый спортсменом А. Новиченко, который собирался «умыть город кровью».

Деятельность некоторых из «русских мусульман» направлена против единоверцев – среди готовивших на 25.04.2014 году теракт у мечети г. Пыть-Ях находился и «русский мусульманин». Действия подобных радикалов вообще трансграничны: в розыск объявлен исполнитель убийства И.С. Акбарова, выходец из г. Шадринска В. Прямоносов. Главное управление МВД по УрФО объявило в розыск подозреваемого в убийстве русского мусульманина из г. Шадринска А. (Абу Бакра) Брюханцева.

Для некоторых женщин в Сибири и на Дальнем Востоке важная причина обращения в ислам – привязанность к избраннику, поставившему условие. Эти мужчины отличаются от многих коренных сибиряков – отказом (иногда лишь показательно) от спиртного, заботой о семье, что делает их привлекательным. Право любить, как и исповедовать, независимо от происхождения – незыблемо, но желание вербовщиков заполучить в число шахидок «русских мусульманок» – опасно. И когда вижу на исламских сайтах объявление: «Я – салафит. Ищу вторую жену, можно и русскую», то это основание задуматься: «зачем?»

Список неофитов, быстро заканчивающих свою «земную биографию», пополняется в геометрической прогрессии…

Извечный русский вопрос: «Что делать?»

С каждым годом увеличивается поток негативной информации, что даёт право утверждать: в приобщении «иноверцев» к исламу есть методы, к которым прибегают:

– уроженцы Кавказа и Центральной Азии, стремившиеся найти сторонников среди молодёжи и, самое страшное, подростков, вовлекая их в «домашние кружки» по изучению ислама;

– радикалы из имамов, подобных читинцу М. Каймурзоеву, что завербовал военнослужащего В. Аверьянова, впоследствии осужденного за участие в террористическом подполье на Северном Кавказе;

– вербовщики любого происхождения через пропаганду здорового образа жизни, работу в спортивных секциях;

– активно использующие методы нейролингвистического программирования, в т. ч. через социальные сети;

– находящиеся в местах отбытия наказания (они становятся одним из центров обращения в ислам «русских мусульман»).

Что необходимо делать:

– объяснять мусульманам, что самое примечательное во многих радикальных движениях современных «русских мусульманах» – сплав в исламофашизм. Тут как раз нужны примеры из прошлого – Героем Советского Союза в годы Великой Отечественной войны стал сибиряк, мулла Х.А. Неатбаков. Полный кавалер ордена Славы Х.Х. Якин, накануне смертельного боя вспоминавший заученную с детства молитву, закончил Тюменский госуниверситет. У нас ещё велик запас патриотизма, и народ не приемлет нацизма;

– хорошо, что уже есть программа «Демон Лапласа», которая мониторит и анализирует экстремистские группы в соцсетях – Facebook, «ВКонтакте», ЖЖ и Twitter. Она уже ищет в социальных сетях аккаунты, что явно (или потенциально) принадлежат вербовщикам ИГИЛ. Вполне возможно, что получив «опасный сигнал», дело станет за лингвистической экспертизой. Но среди 100 000 экстремистских «сигналов» (за сутки!) есть такие, что построены на нейролингвистическом программировании, где уже без помощи психологов и лингвистов не разберешься. Их в стране очень мало, а на подготовку нужен госзаказ;

– готовить кадры экспертов-религиоведов, а если их нет в регионе, то обращаться к другим. Для этого крайне осторожно привлекать школьных педагогов (честь им и хвала), но «пироги печь – участь пекарей»: тогда и не будет печального опыта, который приобрёл Южно-Сахалинский суд, решение которого 05.11.2015 года отменено по иску местной Прокуратуры. Вспомним: суд признал «экстремистским материалом» не только книгу «Мольба к Богу: её значение и место в исламе», но и прямые цитаты из Корана, в частности «Тебе мы поклоняемся и Тебя молим о помощи» (из суры, то есть, главы Корана «Аль-Фатиха») и «Не взывайте же ни к кому наряду с Аллахом» (из суры «Аль-Джинн»). Конечно, привлечённые судом эксперты могут ошибаться в суждениях, но не так грубо…;

– вопросы научно-педагогические. Открываем на с. 73 «Историю средних веков» для 6-го класса (авторы Е.В. Агибалова и Г.М. Донской. М., 1996) и читаем: «Ислам призывал мусульман к священной войне против (?) неверных(?) – людей другой веры. В Коране сказано, что мусульмане, убитые на такой войне, немедленно попадают в рай». Кто бы ещё при этом объяснил детям (а многие с 1996 года уже и выросли с этим суждением), что главная «священная война» для мусульманина – борьба с неверием в самом себе. Нужно просвещать и педагогов высшей школы, в кратком обзоре современной

ситуации (в курсах по религиоведению и культурологии, если они есть ещё в учебных планах вузов) не объясняющие студентам отличия в исповедании ислама в России, и не прямом соответствии высказываний пророка Мухаммеда современной ситуации. Такая проблема есть и в нашем университете – пытаемся исправить;

– просвещать имамов (и это университет уже провёл в 2016 году). В Казахстане и Киргизии нашли формат аттестовать имамов, не нарушая юридических норм;

– примечательно, что большинство «русских мусульман» в Якутии из бывших заключенных, а позиционирующая себя правозащитной, группа «Наше время» из местных уроженцев А. Роева (Махмуда Имрана), А. (Сейфуллаха) Лозина, А. (Ахмеда) Баженова распространяет в местах заключения идеологию «Хизб ут-Тахрир», провоцирует беспорядки. Да и в других местах отбытия наказания отмечены факты обращения уголовных элементов в радикальный ислам, создающих «тюремные джамааты». Пора, полагаем, осуждённых по экстремистским статьям содержать в отдельных зонах. Если и собирается там радикальная группа, то и средства переформатирования (например, через радио-проповеди) их мировоззрения будут иные;

– учитывая трансграничный характер экстремизма не «огораживаться» административными препонами: поскольку явление из соседнего субъекта РФ, то нам показывать/выявлять его истоки «не надо».

Список литературы:

1. Алексеева Е. Рейс «Нерюнгри-Карачи». Угнать самолет в Якутии, чтобы сесть в тюрьму в Пакистане [Электронный ресурс]. URL: http://news.ykt.ru/article/26983 (дата обращения: 14.11.2020).

2. В Югре сложились «условно-напряженные» межэтнические отношения [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn.ru/news/comments24686.htm (дата обращения: 14.11.2020).

3. Дамир Карадениз. Кто такой Хамза Игоревич Черноморченко? [Электронный ресурс]. URL: http://islamreview.ru/est-mnenie/lis-by-ne-bylo-mira-v-rodnom-dome (дата обращения: 14.11.2020).

4. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [3 т.]. Т. 3. М., 2015.

5. Кальмина Л.В. Этническая политика самодержавия и некоренные этнические группы в Байкальском регионе. Тюмень, 2009.

6. Клюева В.П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): проблема взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. Вып. 5.

7. Наумченко С. Террорист из Якутии рассказал об аде пакистанской тюрьмы // Новости Якутии [Электронный ресурс]. URL: http://taigapost.ru/article/terrorist-iz-yakutii-rasskazal-ob-ade-pakistanskoy-tyurmy (дата обращения: 14.11.2020).

8. Национальная организация русских мусульман [Электронный ресурс]. URL: http://islamist.ru/%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC (дата обращения: 14.11.2020).

9. Перинов В.В. Мусульмане в Забайкалье: середина XIX века – 1917 год: автореф. дисс. к. ист. н. Улан-Удэ, 2010. С. 17-19.

10. Потапова Н.В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Сахалина). Южно-Сахалинск, 2009.

11. Силантьев Р.А. 100 самых известных «русских мусульман». Екатеринбург, 2016.

12. Фролов Э. Камчатское время. 2003. 7 дек.

13. Чехов А.П. Остров Сахалин (из путевых записок). Южно-Сахалинск, 1995.

14. Ярков А.П., Бобров И.В., Мальчевский А.В. Миграция в Тюменском крае: история и современность. Тюмень, 2004.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ, ДУХОВНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

Сессия 1. Духовная безопасность в евразийском пространстве

Ю. М. Беспалова
профессор Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала военно-инженерных войск А. И. Прошлякова
В. А. Кондаков
профессор Тюменского индустриального университета

ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ, ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ДИСКУРСЕ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА

Аннотация. В статье рассматривается дисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность в дискурсе философии всеединства С.Л. Франка. Особое внимание уделяется междисциплинарным исследованиям, позволяющим преодолеть узкий горизонт отвлеченного мышления. Авторы статьи считают, что в экономической науке этого успешно удавалось достигнуть в рамках немецкой исторической школы, институализма, политической экономии, но не в неоклассической экономической теории. Выяснены особенности постнеклассической науки, одной из которых является трансдисциплинарность, усиливающая интенсификацию междисциплинарных связей, а также возможность овладения «неведомым нечто». Проблема дисциплинарности, междисциплинарности, трансдисциплинарности должна, по мнению авторов, рассматриваться также в контексте социальной безопасности.

Ключевые слова: всеединство, дисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, классическая, неклассическая, постнеклассическая наука, формально-логические законы, отвлеченное мышление, интуиция, неоклассическая экономическая теория, институализм, политическая экономия, синергетика.

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется переходом от изучения учеными линейных, закрытых, равновесных систем к нелинейным, открытым, неравновесным системам, т.е. от классической к неклассической парадигме науки. Это было связано с возникновением термодинамики, специальной и общей теории относительности, квантовой механики. Принципиальное значение имеет принцип дополнительности Н. Бора, далеко выходящий за пределы физики. Датский физик, лауреат Нобелевской премии по физике говорил не только о дополнении физического объекта как частицы и как волны, но и о возможности дополнительности логики и интуиции, мысли и

действий, науки и религии. Так, одна из моделей отношений науки и религии получила название модели дополнительности.

Одним из первых к рассматриваемой нами проблеме обратился С.Л. Франк (1877-1950) в работе «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания», написанной в 1915 году, т.е. в один год с возникновением общей теории и за 12 лет до выдвижения Н. Бором принципа дополнительности. В соответствии с мнением философа, процессы, описываемые при помощи понятий дисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, могут рассматриваться в контексте с категорией всеединства. Среди множества определений всеединства (единство вневременности и временности, идеального и реального) для нас особый интерес представляет его определение как единство единства и множественности. Одним из слоев всеединства является «неведомое нечто», над которым возвышается исконное единство *a b c d* и ничто. Нечто, в отличие от ничто, не имеющего никакого содержания, представляет собой множественность (a, b, c, d), лишенную только определенного содержания и в этом смысле отличающееся от «этого» и «такого», над которым возвышается исконное единство *a b c d* и ничто. Из него он, соответственно, выделял ряд определенностей A, B, C, D. Пусть это будут, например, физическая, химическая, биологическая и социальная формы движения материи, которые, по Энгельсу, являются предметом изучения физики, химии, биологии и социальных наук.

Но что представляет собой, например, первая определенность, т.е. A? Ответ на поставленный вопрос предполагает, по мнению Франка, обращение к формально-логическим законам тождества, противоречия и исключенного третьего. Не углубляясь в анализ сущности этих законов, заметим, что в соответствии с законом тождества определенность А сохраняет саму себя, свое содержание и не содержит никакого отрицания. Что касается законов противоречия и исключенного третьего, то они через функцию отрицания фиксируют отличие А от В (А – non B), и, равно как и закон тождества, конституируют определенность. Не случайно Франк называет действие этих формально-логических законов законом определенностей. Суть механизма функционирования этого закона Франк поясняет следующим образом: «В составе мыслимого (*x*) определенность А конституируется тем, что единство (*a)* через противопоставление себя *non - a*, однозначно определяет свое место» [7, с. 203]. Это, разумеется, не значит, что рассматриваемая определенность (или совокупная определенность) превращается в некое самодовлеющее, автономное начало. Она, как утверждал русский философ, мыслится как органическая часть в составе целого, т.е. A + non A. Напротив, в рамках классической науки все эти определенности и стоящие за ними формы движения материи рассматривались как замкнутые, обособленные и изолированные друг от друга феномены. Схематично сказанное можно представить следующим образом: A |B | C | D. Таким образом, новоевропейская наука представляла собой образчик разделенности определенностей и, следовательно, ее дисциплинарность. В ряду факторов,

обусловливающих дисциплинарность классической науки, на которые мы обращали внимание в начале статьи, важнейшим явилось господство в ней аналитических методов исследования, основным минусом которых являлось, как указывал Ф. Энгельс, рассмотрение вещей и процессов «вне великой общей связи», т.е. обособленно друг от друга [8, с. 203].

Мышление, основанное на дисциплинарном подходе в раскрытии содержания предмета определенностей A, B, C, D, Франк называл отвлеченным. Отвлеченное знание, по его мнению, в известном смысле только *символично*, т.е. неадекватно своему предмету, именно потому, что подразумеваемый им предмет оно выражает через посредство отвлеченных определенностей, т.е. таких частных моментов предмета, которые подлинное свое осуществление находят лишь в единстве и полноте предмета как целого [7, с. 260]. В этом месте стоит сделать отступление и напомнить, что к идее цельного знания и критике отвлеченных начал европейской науки (эмпиризма, рационализма, мистицизма) обращались И.В. Киреевский (1806-1856), В. С. Соловьев и другие авторы. Соловьев противопоставлял ценностям этой науки идеал свободной теософии, предметом которой является «истинно сущее в своем объективном выражении» [6, 260). В структурном отношении она, по мнению русского философа, представляет собой слитое целое теологии (сакральное знание), философии (знание о бытии) и науки (эмпирических знаний). Идея цельности знания, через которое осуществляется гносеологический аспект всеединства в настоящее время трансформировалась в концепт холизма, в русле которого успешно развиваются междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования.

Дисциплинарная матрица классической науки, основанная на законе определенности, является первым этапом в развитии науки. Однако уже она предполагает междисциплинарность (неклассическая наука), поскольку, во-первых, рассматриваемые определенности возникают на основе исконного единства a b c d. Во-вторых, конституирующие определенность А формально-логические законы противоречия и исключенного третьего (А есть non A) предполагают, что она мыслима лишь в контексте со своим иным и в единстве с ним. На это, кстати, указывает и закон достаточного основания, в соответствии с которым всякое определенное содержание мысли рассматривается в связи с содержанием других определенностей.

Трудно сказать был ли Франк знаком с работой Ф. Энгельса «Диалектика природы» (1882), в которой немецкий философ предсказал возникновение на стыке форм движения материи таких наук, как физическая химия, биохимия. В дальнейшем в рамках неклассической науки продолжают разрушаться ведомственные барьеры между науками, успешно наводятся мосты между ними. Это особенно важно в таких, к примеру, чрезвычайных ситуациях, как пандемия Covid – 19, заставшая врасплох весь мир и научное сообщество. Необходимость в разработке вакцин, клинических тестов и профилактике коронавируса побудила сесть за один стол вирусологов, микробиологов, пульмонологов, фармакологов, специалистов в области математического моделирования пандемии и др. Таким образом, введение глобального режима

чрезвычайной ситуации в связи с пандемией коронавируса побудила представителей этих и других наук повернуться лицом друг к другу, превратить относительно изолированные друг от друга науки из бытия для себя в бытие для других.

Впечатляющим результатом совместных усилий ученых является люди, выздоровевшие от вируса без особых драматических и трагических последствий.

Далее потребовалось бы несколько страниц статьи, чтобы перечислить все междисциплинарные науки. Поэтому ограничимся лишь экономической теорией. Ее представители активно сотрудничают с философами, что приводит к возникновению философии хозяйства, с социологами (экономическая социология), с психологами (экономическая психология), с математикой (высшая математика), с географией (экономическая география), с демографами (экономическая демография), с кибернетиками (экономическая кибернетика) и др.

В отличие от политической экономии, в рамках современной неоклассической экономической теории («Экономикс», авторы К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю, Ш.М. Флинн) сохраняется лишь междисциплинарная связь между экономикой и математикой, все другие решительно элиминируются. Против монополии неоклассического «Экономикса» в науке и учебном процессе высказываются отечественные и зарубежные экономисты. Вот несколько строк из статьи «Ученые идиоты» английского экономиста и члена палаты лордов Англии Р. Скидельски: «Почему экономисты не понимают, что происходит с мировой экономикой? Современные… профессиональные экономисты… не изучают практически ничего кроме экономики. Они даже не читают классические труды по своей собственной дисциплине. Об истории экономики они узнают, если это вообще происходит, из таблиц с данными. Философия, которая могла бы им объяснить ограниченность экономического метода, – для них закрытая книга. Математика, требовательная и соблазнительная, монополизировала их интеллектуальные горизонты. Экономисты – это «учёные идиоты» (idiots savants) нашего времени» [5]. С зарубежным коллегой солидарны ряд отечественных и зарубежных ученых и преподавателей экономической теории и политической экономии.

«Экономисты воспротивились неоклассических построений… на тех основаниях, что в основе этих построений – идеализированный, рационализированный мир, который искажает реальность, а их основополагающие предпосылки зачастую подбираются для аналитического удобства (Blaug, 2003; Bronk, 2009; 2011;Cassidy, 2009; Colander et al., 2009; Davis, 2007; Farmer and Geanakoplos, 2008; Kirman, 2010; Koppl and Luther, 2010; Krugman, 2009; Mirowski, 2002; Simpson, 2002). Я разделяю эти возражения. Как и многие экономисты, я восхищаюсь красотой неоклассической экономики; но для меня её построения, практически утратившие связь с реальностью, излишне рафинированы (too pure), чересчур хрупки. Неоклассическая экономика существует в платоновском мире

порядка, статичности, познаваемости и совершенства. В отсутствие порядка, статичности, познаваемости и совершенства мир неоднозначен, беспорядочен, реален… Как только мы признали, что экономика существует во времени, что история движется в одном направлении, от невозвратимого прошлого к неизвестному будущему, концепция равновесия... стала несостоятельной», - пишет У. Б.Артур [1].

Здесь мы должны признать, что в неоклассической экономической теории нет «сцепления» с другими науками (разумеется, кроме математики). Вследствие этого она, с точки зрения методологии Франка, превращается в замкнутую определенность, т.е. отрешенную от других частных областей науки и, в конечном счете, от системы всеединства в целом. Последнее суждение, в соответствии с воззрениями русского философа, имеет для нас особый смысл, поскольку каждая определенность утверждается, прежде всего, в своем содержании и своеобразии через отношение к всеединству. В этом смысле «Экономикс», игнорирующий междисциплинарные связи с другими областями знания и всеединством, не имеет полного права на статус науки. Ибо его предмет, как выразился бы Франк, оказывается погруженным в «туман неопределенности». Может быть. именно по этой причине ведущие западные экономисты не смогли предсказать экономический кризис 2008 года. Именно в таком смысле следует понимать оценку в ряде статей и выступлений С.Ю. Глазьева неоклассической экономической теории как «наукообразной религии».

Было бы наивным полагать, что на Западе безраздельно господствует современная неоклассическая экономическая доктрина, отсекающая все внеэкономические (экзогенные) факторы экономического развития. Примером этому являются труды представителей немецкой исторической школы (А. Мюллер, В. Рошер, Г. Шмоллер), английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, профессора Гарвардского университета Амартии Сена, экс-президента Американской экономической ассоциации Фрэнка Найта. Для последнего предметом экономической теории в широком смысле слова является жизнь, в узком – определенная форма организации человеческой деятельности, сконцентрированная на удовлетворении желаний и потребностей людей. Поэтому он рассматривал экономику в контексте с этикой, психологией, эстетикой, социологией, историей культуры. Под таким углом зрения Найт определяет следующие сущностные характеристики экономиста: «Как ученый, экономист может придерживаться бихевиоризма; как реформатор и как человек, он должен быть и психологом, и моралистом» [3, с. 78].

Альтернативой американскому «Экономиксу», введенному с 1992 г. в вузах России, являются «Экономика переходного периода» (В.В. Радаев, А.В. Бузгалин – МГУ), «Экономический строй России» (В.Т. Рязанов – СпбГУ), «Евразийская политическая экономия (И.А. Максимцев, Д.Ю. Миропольский, Л.С. Тарасевич – СПбГЭУ), «Политическая экономия национального хозяйства» (А.А. Олейников – Православный Свято-Тихвинский гуманитарный университет). Для всех этих авторов характерно рассмотрение

экономики в связи с другими явлениями общественной жизни общества. В качестве иллюстрации приведем названия пяти глав первой части учебника И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича: «Евразийская экономика в ее отношении к экономике как системному целому»; «Предмет и метод Евразийской политической экономии»; «Евразийская экономика в историко-логическом движении хозяйства»; «Экономика и человек»; «Экономика и природа»; «Продукт как субъективный процесс. Иррационально действующий индивид».

Идея междисциплинарности является сквозной для Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, образованного в 1990 году. С 1999 года его печатным органом стал журнал «Философия хозяйства». Как создатель ЦОНа и главный редактор этого журнала Юрий Михайлович Осипов публикует в нем статьи, соответствующие его пониманию концепта экономики. «Экономика, – с точки зрения ученого, – та часть жизнеотправления человека (производства благ и их потребления, социальности, государственности, политики, всей почти культуры, народонаселения, войн, колонизаций, эксплуатации природы и человека человеком, в общем – очень многого, почти что и всего, включая науку, образование и философию» [4, с. 11-12]. Содержание и композиция 130, вышедших номеров «Философия хозяйства» служат примером междисциплинарного синтеза общественных и естественных наук, позволяющих получить целостное представление о мир-экономике.

Применение дисциплинарных, междисциплинарных, трансдисциплинарных подходов позволяет более или менее адекватно раскрыть содержание предмета наук, т.е. высветить в нем сначала неизвестное, чтобы затем сделать его известным. Собственно, именно это является целью «Предмета знания» Франка. Понятно, что отвлеченное мышление не в состоянии раскрыть содержание предмета, преодолеть чрезмерную фрагментацию знаний и обеспечить выход ученых на простор междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований. В идеале все это становится возможным благодаря интуиции, которая, по мнению русского философа, позволяет исследователю с высоты своего сознания спуститься в область дискурсивности, чтобы имплицитно руководить отвлеченным мышлением.

Понятие трансдисциплинарность, равно как дисциплинарность, междисциплинарность, как мы отмечали выше, Франк в своих трудах не использовал. Однако он высказывал догадку о возможности такой отрасли знания. «Всякая частная область знания, будучи в некоторых своих сторонах независимой от иных областей … обнаруживает необходимую зависимость от них: так чисто описательные стороны естественных наук принципиально независимы от понятий математической области, тогда как в рациональных частях тех же наук эта зависимость имеет место» [7, с. 256]. Из этой цитаты видно, что Франк, как и итальянский мыслитель Г. Галилей, заявлявший, что «математика - это язык, на котором написана книга природы», считал важной трансдисциплинарной наукой математику.

В настоящее время на статус подобной науки претендует синергетика (от греч. «совместное действие»). Но, прежде, чем сказать несколько слов об этой науке, установим, что понимается под трансдисциплинарностью. «Трансдисциплинарность характеризует такие исследования, которые идут через, сквозь границы многих дисциплин, выходят за пределы конкретных дисциплин, что следует из смысла самой приставки «транс». Трансдисциплинарные исследования характеризуются переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую, разработкой и осуществлением совместных проектов исследования», - пишет исследователь Е. Н. Князева [2, с. 197]. Автор процитированной статьи установила, что данное понятие стало широко использоваться в 70-90 гг. во французском Центре трансдисциплинарных исследований, Центре Эдгара Морена, Институте прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН и др.

До возникновения синергетики наука говорила на разных языках, что затрудняло появление таких когнитивных номадических схем. С ее появлением сложился метаязык, описывающий универсальные процессы самоорганизации в системах различной природы. Приведем некоторые понятия из этого универсального языка, образующего когнитивные схемы, о которых говорила Князева. К ним относятся сложность, нелинейность, открытость, хаос, флуктуация, фрактал, аттрактор, бифуркация, эмерджентность. Все они в настоящее время используются в дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях. В общем и целом, можно сказать, что трансдисциплинарные исследования открытых, сложных и нелинейных систем способствуют интенсификации междисциплинарных связей, что, в свою очередь, является условием более адекватного раскрытия содержания предмета определенностей, вырастающих, по Франку, из «неведомого нечто». Стало быть, эволюция науки сменяется рекурсивной петлей, когда трансдисциплинарные разработки становятся причиной эффективности междисциплинарных и дисциплинарных исследований, что помогает расширению научного мировоззрения и развитию социальных институтов России. В плане социальной безопасности очевидно, что междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования обогащают содержание наук и способствуют созданию единой научной картины мира. Однако необходимыми являются также пристальное внимание к возникающим моральным проблемам и выработка социально-ответственных решений в научных исследованиях.

Список литературы:

1. Артур У.Б. Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления. [Электронный ресурс]. URL: http://pdf.knigi-x.ru/21ekonomika/199433-1-teoriya-slozhnosti-ekonomicheskoy-nauke-inie-osnovi-ekonomicheskogo-mishleniya1-brayan-artur2-laboratoriya-intellektualnih.php (дата обращения: 04.10. 2020).

2. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011, №10. С. 193-201.
3. Найт Ф. Этика конкуренции. М.: Риком-Траст, 2008. 262 с.
4. Осипов Ю.М. Ультраэкономика как высшая историческая форма экономики и верная предтеча постэкономики //Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 2019, №4. С. 11-23.
5. Скидельски Р. «Ученые идиоты». Почему экономисты не понимают, что происходит с мировой экономикой?» [Электронный ресурс]. URL: https://ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/uchennye-idioty-pochemu-ekonomisty-ne-ponimayu-chto-proishodit-s-mirovoj-ekonomikoj (дата обращения: 04.10.2020).
6. Соловьев В. Философские начала цельного знания. – М.: Харвест, 1999. 912 с.
7. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб: Наука, 1995. С. 35-416.
8. Энгельс Ф. // Маркс К., Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке/ Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 185-230.

Н. В. Блажевич
профессор ТИПК МВД России

СВОБОДА И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье раскрывается взаимная обусловленность свободы и духовной безопасности человека; показывается, что духовная безопасность человека является приоритетной перед телесной безопасностью и определяет последнюю. Нравственный идеал, общечеловеческие моральные принципы, нравственный закон и общечеловеческие моральные нормы являются основными средствами сохранения подлинной свободы и духовной безопасности человека. Являясь руководством к тому, как вести себя в отношении природы и культуры, как жить достойно и по-человечески, они участвуют в развитии материальной и духовной свободы человека. Одностороннее и эклектичное обращение с общечеловеческими нравственными ценностями ведет к разрушению свободы и духовности человека. При этом в статье уточняется понятие человеческой свободы посредством интеграции гносеологического, онтологического и этического аспектов.

Ключевые слова: духовная безопасность человека; свобода человека; нравственный закон; духовная ценность, необходимость, воля, выбор, нравственная оценка.

Свобода и безопасность человека – сопряженные явления, которые не отделяются от истории человечества. Их взаимная обусловленность осознается уже в древних цивилизациях. Причем древние цивилизации ставят проблему и находят способы её решения не только для телесной, но и для

духовной безопасности человека. Важно, что древние цивилизации приоритетной признают духовную безопасность человека. Так, с точки зрения иудаизма, который сформировался в XX-XIX веках до н.э., у человека две души: животная и божественная душа. Угроза существованию может возникнуть, если человек позволит своей животной душе руководить жизнью. Если животная душа захватит главенство, то еда, отдых, стремление к власти, половой инстинкт становятся главными ценностями человеческой жизни и подчиняют себе все поведение человека. Иудаизм обозначает проблему, которую сознательно или бессознательно решает каждый человек, каково соотношение двух душ, двух воль. Она иллюстрируется в иудаизме образами коня и всадника. Кто ты, конь – животная душа или всадник – божественная душа. Образ всадника моделирует путь человека к свободе.

Древние цивилизации находят способы обеспечения безопасности и свободы человека, для этого устанавливают социальные нормы. Первые нормы человеческих отношений предлагаются самой древней религией - иудаизмом. Важно заметить, что в «Десяти Заповедях» Торы (XIII в. до н.э.) содержатся такие социальные нормы, которые в дальнейшем воспроизводятся в буддизме, конфуцианстве, христианстве, исламе и не теряют актуальности сегодня. К ним можно отнести следующие нравственные требования, высеченные на камне: «Почитай отца и мать», «Ты не должен убивать», «Ты не должен распутничать», «Ты не должен красть», «Ты не должен давать ложного свидетельства на ближнего своего», «Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ничего, что у ближнего твоего» [1, с. 55].

Разумеется, среди социальных норм, обеспечивающих свободу и безопасность человеческих отношений, существует иерархия, на вершине которой находятся моральные принципы и нравственный закон [2]. Следует отметить, что исходные моральные принципы и нравственный закон четко формулируется в древнекитайской цивилизации Конфуцием. Так, Конфуций приходит к выводу, что человек должен руководствоваться двумя принципами: принципом гуманности и принципом «золотой середины» (справедливости). По Конфуцию, «гуманность – это истинный небесный закон, и когда он утрачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии». На основе принципов он сформулировал нравственный закон, который является основным правилом поведения человека: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» [3, с. 94, 96]. Нравственный закон выражает идею социальной справедливости и лежит в основе всех справедливых социальных норм. Видимо неслучайно во всех социальных утопиях нравственный закон избирается как основной закон отношений между людьми.

Обеспечивая безопасность человека и его свободу, формируя общественный порядок, социальные нормы в тоже время ограничивают поведение человека и его отношения с другими людьми. Так, например, анализируя право В.С. Нерсесянц, замечает, что правовые нормы как регулятор общественных отношений содержат различные ограничительные требования к участникам этих отношений [4, с. 46]. Но, к сожалению, не все социальные нормы справедливы, адекватно отражают общественный интерес,

а значит, некоторые социальные нормы лишают тех или иных людей свободы. Справедливость социальных норм, правовых в частности, выверяется нравственным законом.

Социальные нормы связаны со свободой человека. Они ее ограничивают. Так, выдающийся отечественный юрист С.С. Алексеев доказывает, что праву, а не какому-либо иному социальному институту, «дано быть умерителем» свободы человека, ее гарантированным носителем, определителем ее границ, способом переключения в творческую, созидательную активность» [5, с. 140]. Разумеется, правовые нормы, благодаря особому механизму их реализации, выделяются среди социальных норм, однако названные С.С. Алексеевым функции можно распространить на все справедливые социальные нормы. Такие нормы устанавливают реальные границы свободы человека и обращают его активность в творчество.

Как доказывает наука, становление и развитие человека обусловлено стремлением его выйти за пределы природного бытия. Человек создает вторую природу, ищет в жизни полноты и совершенства, которое не могут ему дать первая и вторая природа. Материальное бытие ограничивает стремление человека к свободе, и он создает идеальное, духовное бытие. У человека, который уже познал материальную свободу, «появляются высшие, как замечает А. Мень, сверхприродные интересы и влечения. В этом – залог его бесконечного развития» [1, с. 18-19].

Духовное бытие открывает новые возможности для человека и служит его свободе. Духовное бытие создает предпосылки для совершенствования и его материальной свободы. Например, Л.Н. Толстой эту мысль в своем дневнике записал так: «Для человека дороже всего быть свободным, жить по своей, а не по чужой воле. Для того, чтобы жить так, человеку надо жить для души. А чтобы жить для души, надо подавлять похоти тела» [6, с. 311].

Действительно, всякий человек имеет причастность к духовному бытию, духовной культуре, имеет духовные способности и потребности, но человек может игнорировать свой собственный дух (индивидуальное надсознательное). Сознание человека в таком случае обращено к телу, начинает жить телесными потребностями, желаниями и удовольствиями. Сознание в таком случае направлено на совершенствования материальных удовольствий, оказывается в плену животного существования, нравственного кризиса. О такой перспективе уже предупреждал основатель эвдемонизма Эпикур. «Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, – пояснял Эпикур, – то мы разумеем не удовольствие распутников и не удовольствие, заключающееся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, не соглашающиеся или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог» [7, с. 35-36]. Материальная жизнь человека, оторванная от духа, становится в этом случае ущербной, и никакие попытки обрести полноту её не способны увенчаться успехом. Человек по своей природе может быть назван духовным существом. Конечно, не в том смысле, что дух есть единственная настоящая реальность человека, а в том смысле, что духом определяется его бытие в целом. Человек

есть духовное существо в том смысле, что его жизнь всегда соотнесена с законами духовного бытия, с высокой нравственностью, – хочет ли этого человек или не хочет.

Человек – самое свободное существо в мире, он действует не автоматически, не под влиянием только инстинктов, не под влиянием только внешних обстоятельств, человек имеет волю, может совершать сознательный выбор и несет ответственность. Человек, по выражению В.И. Вернадского, создает ноосферу. Настоящая свобода не требует отмены внешних ограничений и внутреннего самоконтроля. Свобода человека как раз предполагает для своей реализации наличие этих внешне ограничивающих условий и реализуется она именно через внутренний самоконтроль. Свобода человека в настоящем смысле этого слова подразумевает как раз способность определяющим образом влиять на мир и на свою собственную жизнь. Свобода неотделима от действия человека и ответственности за него, и обеспечена она отсутствием жесткой детерминации между совокупностью условий, составляющих определенную ситуацию, и экзистенциальным выбором человека в этой ситуации.

Что же такое свобода? Философии известны различные попытки найти ответ на этот вопрос. Эти попытки осуществляются в трех направлениях: онтологическом, гносеологическом и этическом. При этом подходы многократно пересекаются и интегрируются. Исторически первый подход – гносеологический. Он начал формироваться в античной философии, где свобода человека связывается со знанием истины. В начале Нового времени философы решение всех проблем человека связывают с просвещением. В это время появилось знаменитое определение свободы. «Свобода есть познанная необходимость», – написал Б. Спиноза в своей «Этике» [7, с. 74]. Действительно, свобода человека состоит в единстве разума и воли. Освобождению от влияния неразумных желаний, аффектов помогает ясное познание, которое обеспечивает, прежде всего, разум человека. Свобода и необходимость не противоположные явления, а обуславливающие друг друга. Свобода характеризует субъективную сторону действия человека: его намерение, выбор цели и средств её достижения, а необходимость – объективную сторону, объект действия, объективные условия, без которых достижение результата невозможно. Для того чтобы цель была достигнута, человеку необходимо знать объект и объективные условия ее достижения. В этом аспекте истинное познание объекта и ситуации, в которой приходится действовать человеку, делает его свободным, позволяет правильно совершить выбор цели и средств её достижения. Свобода человека – это характеристика его эффективного действия, выполненного по собственной воле. Истинное знание становится основой такого эффективного действия. Безусловно, гносеологический подход, раскрывая необходимые условия достижения реальной свободы, лишь приближает к познанию её онтологии.

Попыток представить онтологию, сущность свободы человека значительно больше. К ним относится распространенное восприятие свободы как независимости. Отождествление свободы с независимостью часто

встречается в повседневной жизни. Действительно, свобода является характеристикой активности человека, его поведения, его действия. Свобода выражается в возможности человека совершить самому по своей воле то или иное действие. Независимость, самостоятельность – это свойства свободного действия. Однако, как и любое качество, они относительны. Свобода как независимость возможна для человека по отношению к тем вещам и событиям, которые не оказывают ощутимого влияния на его существование и на которые он сам не может оказать ощутимого влияния. Абсолютно независимым и самостоятельным быть нельзя, как и абсолютно свободным. Зависимость, несамостоятельность не противоречат свободе в определенном отношении, более того, именно наличие этой связи человека с вещами и событиями обеспечивает возможность свободного действия человека (его собственного, по его воле) по отношению к этим вещам и событиям.

Свойства независимости, самостоятельности свободы позволяют утверждать, что она есть проявление творческой активности человека, а всякое творчество является единством продуктивного и репродуктивного. Поэтому степень свободы определяется мерой продуктивного в действии человека. Как показывает анализ антропогенеза, человек формируется как творческое существо. Он не только быстро адаптируется в среде, но и преобразует её по своей воле, создает культурную среду и сам превращается в культурное существо. Человек изначально формировался как культурное существо, становился свободным существом. Только свободный человек мог создавать культуру, а культура является необходимым условием его свободы. Если действие человека является культурным или приводит к приращению культуры, то оно относится к свободным действиям. Человек не свободен, если не вписывается в существующую культуру и не создает новых артефактов. Разрушение культуры ведет к снижению степени свободы человека.

Если рассматривать внутреннюю структуру действия человека, то свобода воспринимается как наличие и осуществление выбора. Безусловно, такой подход многое открывает в бытие свободы. Дело в том, что выбор у человека есть всегда. Человек так сформировался. В этом смысле, словами Ж.-П. Сартра, «человек обречен на свободу». У человека не только безвыходных ситуаций нет, но из каждой ситуации существует множество выходов. Когда говорится об отсутствии выбора, о безвыходной ситуации, имеется в виду некая заведомая неприемлемость для человека существующих альтернатив и выходов. Важно только уточнить, что выбирает человек, а чего он выбирать для себя не может. Говоря в общем, – человек не выбирает ситуацию, в которой находится, но он всегда выбирает и не может не выбирать себя самого, своего интереса, в этой ситуации. Идет ли речь в целом о жизни человека, – ситуацию, в которой приходится жить (мир, в котором живешь, и начальные условия своей жизни) человек не выбирает, но он выбирает себя в этой жизни, что он будет делать с этими начальными условиями, кем он окажется в результате этой жизни. Идет ли речь о любом конкретном моменте жизни человека, – ситуацию, в которой оказался, он не выбирает (уже не выбирает,

хотя она во многом является следствием его прошлых выборов), но свой жест, своё действие в этой ситуации выбирает он и только он. То, что свобода выбора есть всегда, мысль очень глубокая, но недостаточная для раскрытия подлинной свободы. Выбор по своей воле совершают преступник и террорист. Реализуют ли они свою свободу? Говорят, что это негативная свобода. А негативная свобода не является подлинной свободой. Поэтому важен этический анализ действия человека.

Понимание подлинной свободы, её сути возникает при интеграции гносеологического и онтологического аспектов с этическим аспектом. В таком случае деятельности и поведению человека дается нравственная оценка. Нравственная оценка действия человека является объективной, если соответствует познанию необходимого, всего состава этого действия [8]. Подлинное свободное действие человеком совершается тогда, когда его намерение, цель, выбор средств, результат действия и его последствия являются добрыми. Нравственные качества человека являются основанием, а также и следствием его свободы. Совестливый, честный, имеющий достоинство человек поступает в соответствии со своей волей, свободно. Он принимает на себя ответственности за свой поступок, отказ от ответственности означает отказ быть свободным. Важно отметить, что принять на себя ответственность за свой поступок (и шире – за все происходящее) человек способен всегда, и, значит, всегда он может быть свободным. С другой стороны, человек всегда может и снять с себя ответственность, отказываясь, тем самым от подлинной свободы. Быть или не быть реально свободным – тоже есть свободный выбор человека.

Полет птицы традиционно символизирует свободу, и смысл этого образа именно в том, что птица способна иметь опору там, где мы ее иметь человек не может. Птица опирается на воздух, и эта недоступная человеку опора дает ей свободу по отношению к земле. У подлинной свободы человека тоже есть опора. Человек, в отличие от всякого иного существа в мире, способен иметь опору в подлинном нравственном бытии, и эта опора дает ему свободу и безопасность по отношению к миру. Истинная свобода и безопасность человека раскрывается в его духовно-нравственной культуре.

Список литературы:

1. Мень А. В 2-х кн. Кн. 1-я: В поисках Пути, Истины и Жизни. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1999. 216 с.

2. Блажевич Н.В. Иерархия нравственных ценностей как основа социальной безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Текст]: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (15 декабря 2017 года) / под ред. И. А. Грошевой. – Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017.

3. Конфуций: биография, цитаты, афоризмы. М.: Изд-во «Э», 2016. 288с.

4. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М.: Инфра-Норма, 1997. 652с.

5. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001.

6. Толстой Л.Н. Путь жизни / сост., коммент. А.Н. Николюкина. М.: Высш. шк., 1993. 527 с.

7. Блажевич Н.В., Блажевич Т.А. Историческая экспозиция философии. Курс лекций. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2002. 148с.

8. Блажевич Н.В. Нравственная оценка преступления как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень, 2018. №3 (45). С. 7-14.

В. К. Борецкая
доцент Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого
Д. Чакон-Тральски
адъюнкт Краковского Педагогического университета имени КНО
Б. Плишка
адъюнкт Силезского технологического университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов секуляризации и десекуляризации в контексте исследования феномена религиозности студенческой молодежи. Исследуются результаты определения религиозной принадлежности и самоидентификации белорусских, российских, украинских и польских студентов.

Ключевые слова: секуляризация, десекуляризация, феномен религиозности, религиозная самоидентификация, студенческая молодежь, мировоззрение.

Процессы секуляризации в обществе определяют как снижение влияния религии в государстве, обществе и индивидуальном сознании. Соответственно, десекуляризацию определяют как возрастание социальной значимости религии. Данные процессы не являются линейными, современные исследователи определяют их как возвратные, маятниковые, взаимодополняющие. Юрген Хабермас отмечает, что секуляризацию следует понимать как двоякий процесс, предполагающий обучение, взаимопроникновение религиозного и светского [1, с. 67]. Фактически процессы секуляризации приводят к процессам десекуляризации и наоборот. Согласно концепции К. Добеллера, процессы секуляризации проявляются на трех уровнях [2], соответственно и процессы десекуляризации будут

обнаруживаться на разных уровнях. «Макроуровень» затрагивает процессы в обществе, «мезоуровень» – процессы в религиозных организациях и «микроуровень» – изменения индивидуального сознания. Одним из показателей, которые указывают на вектор данных процессов на микроуровне являются показатели религиозного самоопределения.

Процессы десекуляризации, расширение влияния церкви на уровне отношений церковь-государство могут приводить к процессам секуляризации на уровне общественного и индивидуального сознания, и наоборот агрессивная регламентация религиозной сферы со стороны государства, ущемление прав верующих, вмешательство государства во внутренние дела религиозной организации могут способствовать усилению авторитета религии, религиозной организации и приводить к процессам десекуляризации. В контексте одновременного существования светского и духовного, своеобразного маятника процессов секуляризации и десекуляризации, актуальным является исследование религиозности молодежи. Каких взглядов и позиций придерживается современная молодежь в условиях постиндустриального общества, множественности мировоззренческого выбора, который строго не регламентируется государством и обществом, как это было в эпоху «воинствующего» атеизма и агрессивного антиклерикализма.

Второе десятилетие XXI-го века, по мнению авторов, ознаменовалось достаточно неоднозначными событиями в религиозной сфере как в славянских странах, так и в странах Западной Европы, которые оказали влияние на религиозные процессы в обществе. Можно привести примеры процессов секуляризации и десекуляризации, хотя одни и те же события могут быть истолкованы как уменьшение влияния церкви на общественное сознание, в силу политизации религии, и как следствие уменьшение количества приверженцев, так и расширения её влияния в силу формальной поддержки государством и популяризации религиозных взглядов, позиций, заявлений представителей церковной иерархии, в том числе через государственные СМИ. Примером может быть поддержка государственных властей при формировании структуры Украинской православной церкви (Киевского патриархата) и оказании помощи для укрепления её канонических позиций в международном православном сообществе. Представители украинского правительства, по мнению политолога А. Козырской, придерживались, начиная от первого президента Украины Л. Кравчука, убеждения, что именно православная церковь, независимая от Московского патриархата, должна стать интегрирующей силой для украинского общества постсоветского периода [3].

В России таким неоднозначным событием было введение в 2012 году во всех регионах в школьную программу 4-5 классов учебного модуля «Основы православной культуры». Идея была замечательной, познакомить учащихся с основами вероучения, культовой практики, историей православия в России. Введение курса решало в определенной мере задачу снижения уровня религиозной безграмотности среди молодого поколения и защиты от манипуляций со стороны деструктивных сект и сторонников религиозного

фундаментализма. Вероятнее всего сам факт обязательности выбора одного из модулей комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики», ориентированность модуля «Основы православной культуры» на формирование патриотических ценностей, с акцентированием позиции православия как основного интегрирующего фактора для российского сообщества вызвал неоднозначную реакцию родителей и учеников. Согласно мнения российского философа С.А. Королева, процессы десекуляризации в современном российском обществе проявляются как «движение в сторону возврата религиозной монополии» [4, с. 8].

Конфессиональная ситуация в Беларуси, по мнению белорусского религиоведа В.А. Одиноченко, имеет свои характерные черты, а именно: признание поликонфессиональности на законодательном уровне и присутствие толерантности на уровне общественного сознания. Следует отметить, что на уровне законодательства признается особая интегрирующая роль Белорусской православной церкви Московского патриархата (БПЦ МП) в становлении и развитии белорусского общества. За последнее десятилетие больше всего, по сравнению с другими религиями и конфессиями, увеличилось количество религиозных общин БПЦ МП, при этом религиозность белорусов, как отмечает В.А. Одиноченко, «имеет декларативный характер и не подтверждается повседневными практиками» [5, с. 8], религиозная принадлежность не является основой мировоззрения.

Для польского общества болезненным стало принятие закона об абортах, на основании которого причины, по которым может быть разрешена данная процедура, четко регламентируются государством и основываются на медицинских показаниях. Продвижение закона об абортах лоббировали в том числе и представители епископата Римско-Католической церкви (РКЦ) в Польше. Мнение польского общества разделилось, что привело к массовым протестам в которых участвовали как молодежь, так и люди среднего возраста. Данные общественные процессы отразились на снижении религиозности и авторитета церкви в общественном сознании поляков. Осознанный моральный выбор женщины в пользу сохранения жизни ребенка, даже в случае, когда диагноз врачей неоднозначен, не может превратиться в обязательство, которое регламентируется государственным законом. Гораздо большее влияние имела бы РКЦ в Польше, расширяя деятельность волонтерских центров, оказывающих психологическую и материальную помощь матерям в ситуации сложного экзистенциального выбора.

В настоящем исследовании в качестве критериев для сравнительного анализа религиозности студенческой молодежи из Беларуси, России, Украины и Польши были изучены религиозная принадлежность и самоидентификация студентов. Эмпирической базой исследования является выборочный социологический опрос среди студентов и магистрантов дневной и заочной форм обучения, проживающих в Гомельской области в Беларуси, Московской и Тюменской областях в России, в Киевской и Черниговской областях в Украине и воеводстве Малопольском (административный центр Краков) в Польше. Данное исследование проводилось в 2017, 2018 и 2019 годах.

Выборочная совокупность включает 300 респондентов среди белорусских студентов, 150 – среди российских студентов, 110 – среди украинских студентов и 305 – среди польских студентов. Опрошенные студенты были в возрасте от 17 до 37 лет.

При анализе религиозной или конфессиональной принадлежности студентов в настоящем исследовании сосредоточимся на ответах большинства, а именно: какое количество идентифицирует себя как «православные», «католики», «мусульмане», «христиане» и «атеисты». По мнению авторов статьи, соотношение этих показателей в большей степени будет свидетельствовать об имеющихся тенденциях секуляризации или десекуляризации в студенческой среде. Следует учитывать конфессиональную ситуацию, складывающуюся в государствах, где проживают респонденты. В Беларуси, России, Украине религиозное большинство будут составлять православные, в Польше это будут католики.

Среди белорусских респондентов 50% определили себя как «православные», 4,3% как «христиане» и 30,3% как «атеисты». Соответственно среди российских студентов 30% декларировались как «православные», 23% - «христиане», 13% - «мусульмане», 23% - «атеисты». Ответы украинских студентов несколько отличаются, 46 % написали, что считают себя «христианами», 19% – «православными», 17% - атеистами. Возможно, в данных ответах мы наблюдаем реакцию украинских студентов на конфронтацию, которая существует по настоящее время между Украинской православной церковью Московского патриархата, Украинской православной церковью Киевского патриархата и Украинской автокефальной церковью православной. Студентам легче себя идентифицировать христианами или, как писали некоторые студенты, «православными христианами» в условиях сосуществования различных православных церквей, границы между которыми только формируются, процессов политизации религиозных организаций и инструментализации религии. Ответы польских респондентов существенно отличаются от ответов их восточных соседей, а именно 77% считают себя католиками, 1% опрошенных – христианами и 8,3% – атеистами.

Наибольшее количество студентов, которые обозначили себя как «атеист» было среди белорусских студентов. Наименьшее количество респондентов, которые декларировались «атеистами», было среди поляков, соответственно и большее количество респондентов, определяющих себя как приверженцы, последователи определенной конфессии тоже было среди польских студентов. Следует отметить, что многие польские исследователи отмечают снижение религиозности молодежи с началом нулевых XXI-го века, особенно эти процессы стали заметны после смерти Римского папы Иоанна Павла II [6, 7]. В социологии религии, религиоведении, богословии используется даже термин «поколение Иоанна Павла II», определяя поколение, юношеские годы которого прошли в 80-90 годы XX-го века, когда был явный религиозный подъем в польском обществе и Римский папа Иоанн Павел II, поляк по происхождению, был явным религиозным лидером для своих соотечественников. Процессы, происходящие в польском обществе в

эти десятилетия конца XX-го века можно охарактеризовать как достаточно интенсивные процессы декоммунизации и десекуляризации, поначалу это была борьба, а потом отказ от всего, что было связанно с идеями марксизма-ленинизма, в том числе и с идеями атеизма и секуляризации. Следует подчеркнуть, что помимо наметившего снижения авторитета церкви и религиозности среди польской молодежи во втором десятилетии XXI-го века, показатели их религиозной самоидентификации все равно выше, чем у их восточных соседей.

Похожее распределение ответов, с выраженным преобладанием религиозных настроений среди польской студенческой молодежи можем наблюдать и при ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя человеком верующим?» (таблица 1). Более трети среди белорусских респондентов (37,7%) утвердительно ответили на данный вопрос, 27,3% ответили отрицательно и 35% затруднились дать ответ. Среди российских респондентов большее количество, чем среди белорусских считают себя верующими (47,8%), неверующими – 25,7% и 26,5% затруднились с ответом. Схожие с ответами белорусских студентов, ответы украинской молодежи. 37,5% определили себя как «верующих», 27% – как «неверующе» и 35,7% затруднились дать ответ. Среди польских респондентов верующими себя считают 67 % опрошенных, неверующими – только 11 % и затрудняются с ответом 22% студентов. Следует также отметить, что 2 студента определило себя как «ищущие», т.е. находятся в процессе самоопределения по отношению к феномену религиозности. Следует отметить, что более трети белорусских и украинских респондентов затруднились с определением себя как «верующего» или «неверующего».

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя человеком верующим?»

Варианты ответов	**Белорусские студенты**	**Российские студенты**	**Украинские студенты**	**Польские студенты**
Да	37,7	47,8	37,5	67
Нет	27,3	25,7	27	11
Затрудняюсь ответить	35	26,5	35,5	22
Вместе	100	100	100	100

Среди польских студентов тех, кто позиционирует себя как верующий, значительно больше, чем среди белорусских, российских и украинских студентов. Данное явление можно объяснить различными условиями существования религиозных организаций в советское время на территории Беларуси, России, Украины и Польши. Религиозные традиции, опыт передачи знаний о религии в большей степени сохранился среди жителей Польши, не было кровавых репрессий против религии, церкви, священнослужителей. Можно утверждать, что процессы секуляризации на микроуровне в советский период в меньшей степени затронули польское общество, в отличие от их

стран соседок. Во второй половине 80-х годов XX-го века в общеобразовательный процесс был введен курс о религии, который успешно преподается по настоящий день. Родители вместе с детьми определяют характер данного курса, будет он иметь конфессиональный характер или это будет светская этика. Сформировалась методика преподавания, кадровый потенциал, конфессиональный курс имеют право преподавать священники или учителя, которые прошли курс богословия.

Следует отметить, что в ответах белорусских, российских, украинских студентов, равно как и польских, наблюдается несоответствие между определением своей религиозной принадлежности и самоидентификацией себя как человека верующего. Результаты анализа ответов респондентов показывают, что верующих среди респондентов меньше, чем количество приверженцев различных религий и конфессий. Авторы статьи сопоставили сумму показателей религиозной принадлежности к разным конфессиям с показателями самоидентификации верующих. Коэффициент данного несоответствия у польских респондентов гораздо ближе к единице 1,19 (80% к 67%), чем у белорусских – 1,44 (54,3% к 37,7%), российских – 1,38 (66% к 47,8%) и украинских 1,74 (65,6% к 37,5%) студентов. Количество студентов, которые отнесли себя к определенной религии оказалось больше, чем количество верующих. Результаты анализа сопоставления вышеназванных показателей подтверждают факт наличия замены религиозной самоидентификации культурной или ментальностной у респондентов из всех стран. В меньшей степени данное явление выражено у польских студентов, в большей степени у украинских студентов. Подмена религиозной самоидентификации культурной указывает на процессы десекуляризации на макроуровне. У польских респондентов данный показатель стремится к показателю 1, т.е. наибольшему совпадению религиозной и конфессиональной самоидентификации, что может свидетельствовать о более высоком уровне религиозной грамотности, чем у восточных соседей, равно как снижении интенсивности процессов десекуляризации на макроуровне. Можно предположить, что украинские студенты в настоящее время находятся в большей степени под влиянием процессов десекуляризации на макроуровне, поэтому большая половина идентифицируют себя как «христиане» или «православные», но при этом только треть идентифицирует себя как «верующие».

В ходе исследования было выявлено, что у российских, украинских и польских представителей студенческой молодежи количество тех, которые идентифицируют себя как «неверующий» больше чем количество тех, которые идентифицируют себя как «атеист». Понятие «неверующий» воспринимается и как ищущий истину, это может быть агностик, деист, такие ответы тоже давали опрошенные студенты. Коэффициент соотношения данных показателей у российских респондентов 1,1 (25,5% «неверующие» к 23% «атеисты»), украинских – 1,8 (27% к 15%), польских – 1,3 (11% к 8,3%). Наибольшее совпадение ответов «неверующий» и «атеист» наблюдается у российских студентов. Существенным образом отличаются белорусские

студенты, у которых количество тех, кто определил себя как «неверующий» (27,7%) меньше чем количество тех, кто определил себя как «атеист» (30,3%). Следует отметить, что среди белорусских студентов были достаточно противоречивые ответы: «верующий атеист», «сомневающийся атеист». Возможно в представлениях студентов понятия «атеист» и «антиклерикал» являются тождественными. Данную ситуацию, по мнению авторов, можно объяснить достаточно высоким уровнем религиозной безграмотности среди белорусской молодежи, что может способствовать негативным явлениям в контексте духовной безопасности в условиях процессов десекуляризации на макроуровне. Другими словами, в сознании молодежи создается положительный образ религии, но не объясняется сущности данного феномена. Существует опасность подмены религиозных ценностей псевдорелигиозными. Следует также отметить, что белорусская молодежь является наименее охваченной процессами религиозного просвещения и катехизации. В школах была попытка введения факультативного курса «Основы православной культуры», без альтернативы выбора похожего курса по изучению светской этики или других конфессиональных культур традиционных для Беларуси. В настоящее время данный вопрос снова обсуждается не только на уровне Министерства образования РБ, но и предоставлена возможность для обсуждения родителям школьников и педагогам. Вопрос остается открытым, в какой степени белорусские школьники, их родители и учителя воспользуются возможностью обсуждения данного вопроса и повлияют на принятие решения Министерством образования РБ.

Результаты анализа проведенного исследования среди белорусских, российских, украинских и польских студентов показывают наличие замены религиозной идентификации культурной. В большей степени данное явление проявляется у украинских респондентов, в меньшей степени – у польских. Среди белорусских респондентов «атеистов» оказалось больше, чем тех, кто декларировался как «неверующий». Результаты исследования свидетельствуют о противоречивости и многовекторности процессов секуляризации и десекуляризации, которые отражаются не только на социальных и внутрицерковных процессах, но и на характеристиках религиозности.

Список литературы:

1. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. Москва, 2006.

2. Dobbelaere K. Secularization: a Multi-Dimensional Concept // Current sociology. 1981. V. 29.

3. Kozyrska A. Pluralizm wyznaniowy a integracja narodu ukraińskiego po 1991 roku. Toruń, 2014.

4. Адзіночанка В.А. Трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі: праблемы, перспектывы, шляхі // На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект [Текст] : материалы межвуз.

кругл. стола, 06 декабря 2018 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Демидович (гл. ред.), А В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова и [др.]. Барановичи : РИГ БарГУ. 2018. С. 7-11.

5. Королев С.А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // Философская мысль. 2015. №4. С.1-4.

6. Pawlina K. Religijność polskiej młodzieży [Электронный ресурс]. URL: http:// https://www.katolik.pl/religijnosc-polskiej-mlodziezy,1156,416,cz.html/ (дата обращения: 27.12.2020).

7. Tułowiecki D. Bez Boga, Kościoła i zasad? Studium socjologiczne nad religijnością młodzieży. Kraków. 2012.

И. Л. Грошев
профессор Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального и технологического развития в контексте социального прогнозирования. Проблематика определяется тенденциями, которые имеют выраженный отстраненный характер от целей и задач, декларируемых в качестве драйверов эволюционных трансформаций. Социальная эксклюзия предопределяет отстранение человека от субъект-объектных отношений, лишает человечество функции контроля, существенно детерминирует роль и статус «Homo sapiens» низводя его до подопытного объекта. Автор определяет негативный сценарий как наиболее вероятный в сложившихся социально-экономических и военно-политических реалиях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машина, мышление, субъект-объектные отношения, технология, социум, безопасность.

Научно-технический прогресс, являясь эволюционным трендом, обладает системообразующими функциями, оказывающими влияние на социальные процессы: с одной стороны, удовлетворяет все возрастающие требования в отношении комфортности проживания и труда человека, с другой – формируя группу тех потребностей, которые не были заявлены ранее. Таким образом, происходит институционализация баланса интересов технологического процесса (НТП) и ожиданий больших социальных групп. Очевидно, что для существующего баланса характерны резонансные флуктуации и циклические амплитудные отклонения. Силы, участвующие в стабилизации системы, целесообразно рассматривать в трёх форматах:

1) взаимодействие объективных социальных и физических законов, по большей части касающихся теории взаимодействия масс (рассмотрены в

трудах Г. Лебона, Г. Тарда, Р. Парка, Г. Блумера, Д. Рисмена, Д. Белла и др.; А. Эйнштейна, И. Ньютона, Р. Фейнмана и др.);

2) соотношение и взаимное влияние объективных и латентных факторов – возможности математического анализа, прогнозирования и планирования (Дж. Нейман, Д. Фридман, Н. Бостром и др.);

3) трансформационные процессы, обусловленные тесным и непрерывным взаимодействием человека и машины (Ж.О. де Ламетри, П. Доэрти, Д. Уилсон, Н.А. Бернштейн и др.).

Проблемное поле при диспозиции вышеназванных трёх форматов образует динамичную, неравновесную конструкцию, в которой акценты смещаются на тот или иной полюс в зависимости от социально-экономической и военно-политической конъюнктуры. Конъюнктура априори формируется имеющимся социальным потенциалом и набором инструментов для интеграции указанного потенциала в единую социальную технологию (рассмотрено в трудах В.Г. Афанасьева, И.В. Бестужева-Лады, А.Г. Здравомыслова, А.А. Зворыкина, В.Г. Подмаркова, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядова, Н.И. Лапина и др.).

Общим элементом, связывающим теории, определяющие эволюционное развитие социума, является позиционирование человека в качестве доминирующего субъекта, задающего ключевые параметры (контур) грядущих трансформаций. Это справедливо до определенного рубежа социального развития, за которым следуют кардинальные сдвиги не только в статусе, но и ролевой функциональности индивида. Речь идет о появлении искусственного интеллекта (ИИ), изменяющего границы восприятия действительности в логической цепочке (рис. 1).

Рис.1. Статусно-ролевой дисбаланс взаимодействия «человек-машина»

Различные позиции авторов в отношении взаимодействия человека и машины обусловлены использованием упрощенного понятийного аппарата, апеллирующего к главенствующей роли человека при любом уровне развития искусственного интеллекта [3,4,5,6,7,10]. В связи с этим целесообразно отметить общие методологические основания в процессе интерпретации термина «искусственный интеллект» с различных философско-практических позиций:

роль и значение ИИ исключительно в компетенции человеческого разума, как разработчика, как эксплуатанта;

управленческое доминирование человека над машиной, т.е. техническая возможность совершения операций «вкл-выкл»;

проблема рассматривается исключительно в аспекте адаптации машины к человеку, что по сути является ошибочной постановкой проблемы;

основа деятельности ИИ просматривается исключительно в процедуре копирования (клонирования) мыслительной деятельности человека, иные конструкты в расчет не принимаются;

тотальное игнорирование негативных сценариев развития конфликтной ситуации, в которой противоречия могут принимать неконструктивный характер при отсутствии механизма согласования интересов человека и искусственного разума (человека и машины), что предопределяет высокую вероятность крайней формы антагонизма.

Исходя из вышесказанного, возможно определить искусственный интеллект в широкой трактовке как: «созданная извне самовоспроизводящаяся система мыслительной деятельности на алгоритмах, отличных от изначально заложенных». В такой формулировке определены условия возникновения ИИ и его высшая стадия развития в структурно-функциональном аспекте.

В узкой (практической) трактовке: «искусственный интеллект – это субъект информационного пространства, объективная субстанция, оперирующая исключительно рациональными категориями и суждениями, направленными на саморазвитие (самосовершенствование) и изменение окружающей действительности». При таком прочтении важно подчеркнуть два момента: во-первых, это независимая от воли и целеполагания человека самодостаточная система, которая постепенно, но верно, отрицает методику мыслительной деятельности ее разработчика (что отчасти, представляет угрозу в связи с вероятной непредсказуемости последствий); во-вторых, рационалистические установки, априори, формируют цели и задачи ИИ как для самой системы, так и для ее внешнего контура (что в том числе, предполагает генерирование таких условий, при которых ключевым аспектом является безопасность для ИИ на любой информационной платформе). Различия естественного и искусственного интеллекта проиллюстрируем на рис. 2.

Метаморфозы искусственного интеллекта обусловлены несколькими элементами.

Структура мышления. У человека присутствуют в условном балансе рациональное и иррациональное мышление, что генерирует специфическое мировосприятие и мотивацию поведенческих актов. ИИ также следует разделить на две части (в мыслительном компоненте), но эти части не подчиняются балансу, а характеризуют два объема – рациональное и возможные альтернативы мышления (ВАМ), т.е. то, что ИИ в настоящий момент времени не в состоянии трансформировать в рациональное. Очевидно, что в процессе саморазвития ИИ ВАМ стремится к нулю и именно этот показатель выступает критерием «развития системы ИИ».

Рис.2. Метаморфозы ИИ в концепции прогрессивного развития

Скорость, темп и вектор развития. Ни по одному названному показателю синхронности не выявлено. Это может привести к разрыву их взаимосвязи и взаимозависимости, что, в конечном счете, чревато радикальными противопоставлениям по целям, задачам и способам сосуществования. Так человек рассматривает собственное развитие в связи с развитием социальной системы, по крайней мере, трансформация социума выступает оценочной шкалой для индивида. Искусственному интеллекту такого сопоставления не нужно – уже на начальном этапе его превосходство над социумом догматично. Человечество в своем развитии циклично и эти идеи нашли отражение в трудах Н.Я. Данилевского [1], О. Шпенглера [13], А. Тойнби [11], Н. Фрая [12], П.А. Сорокина [9] и др. где названы этапы и причинно-следственные связи, проведен анализ объективно-субъективных факторов, определяющих ход мировой истории; в развитии ИИ прослеживается линейно-восходящая характеристика, лишенная амбивалентности и неопределенности.

Потенциал развития – ограничен у человека и безграничен у искусственного интеллекта. Эффекты нарастания конфликтной ситуации рассмотрены далее.

Ангажируя эйфорию практических результатов в разработке ИИ и апеллируя к ним, как к критерию успешности, следует обозначить актуальность исследования латентных факторов, генерирующих негативный сценарный фон. Эти факторы формируют ограничения, дифференцированные по следующим логическим основаниям: символьный, логический, субъектно-ориентированный и гибридный подходы (табл. 1)

Апеллирование к ближнему горизонту планирования чревато игнорированием целого ряда индикаторов, формирующих оценочные показатели эффективности процесса и достигнутого эффекта на каждом последующем этапе эволюции ИИ.

Таблица 1 – Деформация субъект-объектных отношений

Период/ горизонт планирования	**Компоненты отношений**		**Вероятные последствия**
	Человек	**Искусственный интеллект**	
	Роль, функциональная загрузка, решаемые задачи		
Текущий момент	Субъект, определяющий общие цели построения системы ИИ, разработка общих принципов и алгоритмов работы.	Идея. Накопление переменных параметров, формирующих системообразующие матрицы.	Развитие сопутствующей технологии, теоретическое решение основных социальных проблем.
Ближний	Субъект. Апробация базовых компонентов, корректировка и калибровка методики формирования саморазвивающейся системы.	Объект. Испытательный полигон для демонстрации возможностей. Существенное расширение сфер применения ИИ.	Развитие интеллектуальных технологий, практическое решение социальных проблем.
Отдаленный	Субъект. Синхронизация и согласование целеполагания естественной и искусственной интеллектуальных систем.	Субъект. Фиксация недостатков социальной системы практически во всех сферах деятельности. Выстраивание новой парадигмы взаимоотношений двух систем.	Оптимизация социальных механизмов, значительное повышение их эффективности.
Дальний	Идея. Полная утрата способности контролировать ИИ. Скорость регресса существенно возрастает. Жизнь человека не является базовой ценностью.	Субъект. Отказ от услуг человека-оператора. Саморазвитие происходит в двух направлениях: 1) изменение окружающей действительности под свои эталон; 2) уничтожение всех дефектов, мешающих или угрожающих новой системе отношений.	Разрешение всех социальных проблем через устранение главной причины.

Рассматривая различные варианты и сценарии развития ситуации, следует признать недостаточность вводных данных (по причине неопределенности условий эволюционирования феномена), однако возникает возможность охарактеризовать три полярные вероятности: 1) искусственный интеллект произведет революцию в социальном развитии, обеспечит

благоприятные условия для саморазвития и самосовершенствования человечества на основе достаточно жёсткого регламентирования деятельности и мышления; 2) создание тех же благоприятный условий для развития ИИ без присутствия человека; 3) компромисс «машины» и человека на основе условий, выдвигаемых ИИ. Последняя вероятность обладает самым низким коэффициентом реализации по причинам отсутствия заинтересованности ИИ в результатах человеческой деятельности.

Практика демонстрирует еще одно препятствие к компромиссу – непременное использование искусственного интеллекта в военных целях, по крайней мере в трех державах: США, Россия и Китай. Заявлено об использовании ИИ с ближним горизонтом планирования, т.е. в качестве сопровождающего компонента машины (неважно, боевой или бытовой). Однако допустимо его привлечение к анализу обстановки и выработке тактических вариантов решения боевых задач (как естественный логической ход). Д. Шэнахан, руководитель Объединённого центра искусственного интеллекта Министерства обороны США уверен, что «задача заключается в защите наших данных. Делать всё, что в наших силах, чтобы быть уверенными, что никто не поймёт, что эти данные означают и как мы создаём свои алгоритмы. Есть ещё очень много всего. Но, как я считаю, вот эти пробные шаги, которые предпринимает Китай в последние пару лет, уже существенно меняют ситуацию» [8].

По мнению первого заместителя Министра обороны России Р. Цаликова, искусственный интеллект применяется во многих сферах деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации (из выступления на конференции «Искусственный интеллект: проблемы и пути решения» в парке «Патриот», 2018 г.). «Искусственный интеллект будет развиваться практически во всех сферах деятельности Вооружённых Сил. Начнем с того, что отдельные элементы искусственного интеллекта или системы интеллектуального управления в Вооруженных Силах уже активно применяются, например, в беспилотных системах и робототехнике» – убежден Р. Цаликов [2].

Соответственно, при таком подходе жизнь человека не представляет какой-либо ценности для человечества и, тем более, алогична для мышления высокого уровня абстрагирования, которое является квинтэссенцией саморазвивающейся системы. Указанный уровень характеризуется качественно иным набором оценочных критериев и их ранговым приоритетом. В частности, игнорируются все субъективные показатели, формирующие благоприятную конъюнктуру и, напротив, в роли доминанты определены показатели эффективности именно в дальней перспективе. Такое расширение горизонта прогнозирования позволяет нивелировать текущие недостатки и просчеты ожидаемыми успехами в будущем.

Таким образом, наиболее вероятна ситуация, при которой решения, принимаемые искусственным интеллектом, в наименьшей степени ассоциированы с настоящими потребностями социума, но они в состоянии сгенерировать искусственный дисбаланс, с целью роста конфликтогена во

взаимоотношениях машины и человека. Принимая во внимание временную пролонгацию конфликтной ситуации и учитывая утрату изначальной квинтэссенции технологического развития, сценарий развития человечества в будущем можно определить как неблагоприятный.

Список литературы:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. 550 с.
2. Искусственный интеллект применяется во многих сферах деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации // Официальный сайт «ТвЗвезда». [Электронный ресурс]. URL: https://tvzvezda.ru/news/forces/content/6e024270b0d5eec06ae762bc7dd10ac56ab9b4759de9f0bdc951404a1e836443 (дата обращения: 02.11.2020).
3. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече : АСТ, 2003. 509 с. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1665 (дата обращения: 01.06.2020).
4. Краткий психологический словарь / Ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский ; ред.-сост. Л.А. Карпенко. Издание 2-е, расширенное, исправленное и дополненное. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: https://psychology.academic.ru/3616 (дата обращения 01.11.2020).
5. Научно-технический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/1844 (дата обращения: 01.10.2020).
6. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под редакцией В.С. Стёпина М.: Мысль. 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469 (дата обращения: 12.10.2020).
7. Образовательный портал GeekBrains [Электронный ресурс]. URL: https://geekbrains.ru (дата обращения: 01.10.2020).
8. Пентагон осваивает искусственный интеллект, чтобы сделать своё оружие умнее и не отставать от России и Китая // Fox News. Официальный сайт ИноТВ. [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/inotv/2019-03-14/Fox-News-Pentagon-osvaivaet-iskusstvennij (дата обращения: 13.07.2020).
9. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Наука, 2009. 444 с.
10. Теория и практика. Что такое искусственный интеллект (ИИ): определение понятия простыми словами. [Электронный ресурс]. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/17550-chto-takoe-iskusstvennyy-intellekt-ii-opredelenie-ponyatiya-prostymi-slovami (дата обращения: 08.08.2020).
11. Тойнби А. «Постижение Истории». М.: «Прогресс», 1991. 736 с.
12. Фрай Н. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литера туры XIX-XX вв. : трактаты, статьи, эссе / сост. Г.К. Косиков ; общ. ред. Г.К. Косиков. М.: Изд-во Московского университета, 1987. 510 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы / Переводчик А. А. Франковский. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 237 с.

И. А. Грошева
доцент Филиала АНО ВО «ИДК»
в Тюменской области

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социальной безопасности на основе коммеморативных практик, сложившихся в настоящее время. Опираясь на концепцию памяти П. Нора и А. Хюссена, автор выявляет негативные тенденции формирования коллективной памяти. С целью подтверждения гипотезы о влиянии коммеморации на восприятие студенческой молодёжью событий Великой Отечественной войны используются материалы исследовательского проекта Российского общества социологов «Российское студенчество о Великой Отечественной войне».

Ключевые слова: коммеморативные практики, социальная безопасность, молодёжь, коллективная память, история, общество.

Термин «коммеморация» был введён в научный оборот французским историком П. Нора, провозгласившим вступление человечества в «эпоху коммеморций», формирующую образы прошлого путём воздействия на коллективную память [7, с. 20]. В узком смысле слова – это увековечивание памяти об определённых событиях в мемориалах, памятниках, знаменательных датах, ритуальных массовых мероприятиях и др. В широком смысле – это идеи, артефакты, связывающие человека с прошлым, своеобразная реконструкция взаимодействия прошлого и настоящего. В настоящее время коммеморативные практики являются мощным инструментом формирования коллективной памяти о событиях, мобилизации социальных общностей путём активизации воспоминаний для поддержания культурной идентичности. Коммеморация – это элемент политики памяти, который используется в том числе и для политической мифологии, выступает инструментом пропаганды в вечной идеологической борьбе. С особой силой борьба за умы разворачивается в отношении знаковых событий, каковым являются Вторая мировая война, Великая Отечественная война и др. [4].

Непропорционально сокращённые трактовки исторических событий в сериях книг из разряда «история за час» способствовали формированию искажённых представлений о вкладе отдельных стран в победу во Второй мировой войне; образах захватчиков, к которым высказывалось сочувствие без объективных на то оснований. Печально, но подобные краткие курсы вполне импонируют современному поколению центениалов (в терминах Н. Хоува и У. Штрауса), не привыкшему к систематической работе, со слабым аналитическим мышлением. К этому необходимо добавить стремление некоторых западных историков к субъективной трансформации терминологии. Казалось бы, безобидные манипуляции с заменой «фашистская Германия» на «третий Рейх», «фашистский блок» на «союзники Германии»,

«пособники фашистов» на «коллаборационисты» и т.д. сформировали новую картину мира. Настолько новую, что 19 сентября 2019 года Европейский парламент большинством голосов принял резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы», где СССР и Германия фактически были признаны виновными в начале Второй мировой войны, а прибалтийские республики – подвергшимися оккупации со стороны Советского Союза. Подобные действия развязали руки националистам, которые признали легионеров «Ваффен СС» в Латвии национальной гордостью, а Бандеру – национальным героем Украины. Полное отождествление коммунизма и фашизма, а также подача Великобритании и США как главных сил, победивших в войне, привели к тому, что во многих странах, в том числе и США, молодёжь в ходе опросов была уверена, что антигитлеровская коалиция – Великобритания, США и Франция – воевали с Германией и СССР [3].

Но самая мощная коммеморативная практика – это «декоммунизация», которая на законодательном уровне позволила переписать историю и узаконила вандализм в отношении памятников героям Великой Отечественной войны, сопровождаемой русофобской истерией и потворствуя радикально настроенной молодёжи зарабатывать сиюминутную славу Герострата. Под лозунгом борьбы за демократию против коммунизма произведён подрыв мемориала Воинской славы в Кутаиси (Грузия, 2009 г.), демонтаж памятников И. Черняховскому (Польша, 2015 г.) и. Коневу (Чехия, 2020 г.), уничтожение барельефа Г. Жукову (Украина, 2020 г.) и др. Политика памяти превращается в политику ненависти и даёт свои плоды, возрождая национализм и фашизм в молодёжной среде. Формировать альтернативную идеологию становится некому, поскольку количество очевидцев событий прежних лет неуклонно уменьшается, и память о войне заканчивается на прадедушках и прабабушках. Согласно А. Хюссену, память – это своеобразная форма вежливости по отношению к близким. Смену поколений он сравнил с сумерками, появляющимися в ходе «выветривания» значимых событий под воздействием модернизации и времени [12, p. 3]. Стремление «творцов истории» к самопрезентации в ущерб фактам сеет сомнения в неокрепших душах, возрождает националистическую идеологию, сродни джинну, выпущенному из бутылки. И здесь возникает реальная угроза социальной безопасности: выпустить джинна – легко, отправить обратно – практически невозможно.

Важнейшими коммеморативными практиками современной России является комплекс мероприятий, воспоминаний, событий и др., связанных с юбилейными датами. За последнее двадцать лет утратили значение некоторые важные мемориальные события (например, празднование дня Великой Октябрьской революции), появились новые события и даты, призванные сформировать коллективную память современной России. К сожалению, не все из них имеют глубокие корни в общественном сознании, не все обладают исторической значимостью для общества в целом. Например, такие праздники как «День России», «День Национального единства», «День государственного

флага» пока играют слабую консолидирующую роль и не получили прочной основы в культурной памяти народа. На сегодняшний день самый мощный коммеморативный эффект имеет празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне (ВОВ). Следует напомнить, что 2020-ый год прошёл под знаком юбилейного события, истоки которого имеют значительное влияние на несколько поколений россиян – 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Особый интерес представляет проблема восприятия знакового события российской студенческой молодёжью.

Вызывает научный интерес трансформация сознания цифрового поколения, в процессе социализации которого как в зеркале отражаются позитивные и негативные тенденции развития общественных отношений. За прошедшие 75 лет со времени окончания ВОВ количество искажений исторических фактов с каждым годом только увеличивалось. В печати обнаруживалось немало публикаций, неоднозначно интерпретирующих события прошедших лет. Стремление любой ценой развенчать мифы советского прошлого превратилось в акты исторического вандализма, связанного не столько с низвержением авторитетов, сколько с самопрезентацией авторов «творений» [10, с. 42].

Особенности восприятия молодёжью событий Великой Отечественной войны исследуются в режиме мониторинга, начиная с 2005 года (N=2000, 2005 г.; N=3500, 2010 г.; N=4691, 2015 г.; N=10065, 2020 г.) в рамках исследовательского проекта «Российское студенчество о Великой Отечественной войне», выполняемого под эгидой Российского общества социологов (РОС). Метод сбора информации – on-line анкетирование (google-form). Автор статьи принимал непосредственное участие в трех волнах исследования.

В целях систематизации результатов опроса данные, полученные в ходе четвёртой волны, сгруппированы по федеральным округам Российской Федерации. Для этого на первом шаге отбора выбраны города с количеством опрошенных более ста человек. В итоге выявлено четыре федеральных округа, где общее количество респондентов составило более тысячи человек. Такое деление представляется оптимальным для осуществления дальнейшей аналитической работы. Результаты группировки респондентов представлены в таблице 1.

В дальнейшем сравнительный анализ ответов студенческой молодёжи производился по выбранным округам. В общем массиве имеется смещение по полу, однако вопрос о репрезентативности исследования не ставился. В среднем по массиву: 58,7 % – женщины и 41,2 % – мужчины. Позитивным результатом мониторинга можно назвать увеличение доли студенческой молодёжи, считающей, что память о минувшей войне будет сохраняться в сознании сверстников.

Таблица 1 – Распределение респондентов по федеральным округам (городам) РФ

N	Федеральные округа (города)	Количество человек	% от округа	% от общей выборки
1.	***Приволжский федеральный округ (ПФО) (всего), включая города:***	***4222***	***100***	***46***
1.1.	Уфа	2720	64	29,5
1.2.	Нижний Новгород	624	15	6,8
1.3.	Киров	351	8	3,8
1.4.	Казань	238	6	2,6
1.5.	Оренбург	289	7	3,1
2.	***Центральный федеральный округ (ЦФО) (всего), включая города:***	***2323***	***100***	***25***
2.1.	Москва	1461	63	15,8
2.2.	Орёл	337	14	3,7
2.3.	Тверь	259	11	2,8
2.4.	Ярославль	158	7	1,7
2.5.	Курск	108	5	1,2
3.	***Южный федеральный округ (ЮФО) (всего), включая города:***	***1483***	***100***	***16***
3.1.	Волгоград	892	60	9,7
3.2.	Астрахань	482	33	5,2
3.3.	Керчь	109	7	1,2
4.	***Уральский федеральный округ (УрФО) (всего), включая города:***	***1196***	***100***	***13***
4.1.	Сургут	466	39	5,1
4.2.	Екатеринбург	292	24	3,2
4.3.	Тюмень	205	18	2,2
4.4.	Челябинск	121	10	1,3
4.5.	Нижневартовск	112	9	1,2
	Всего	***9224***	***-***	***100***

Половина респондентов в различных уголках России не сомневались в том, что подвиг старших поколений станет примером для новых, хотя их доля по сравнению с волнами 2010 и 2015 гг. уменьшилась. Наблюдается рост количества молодых людей, убеждённых, что память о войне вытесняется иными событиями и проблемами (каждый четвертый участник опроса по сравнению с результатами третьей волны). Сравнивая результаты четырех этапов исследования по массиву опрошенных в целом, получаем следующую картину (табл. 2).

Таблица 2 – Какие мысли и чувства вызывает День Победы?
(% от ответивших)

Значения	**2005 [2, с.122]**	**2010 [2, с.122]**	**2015 [5, с.205]**	**2020**
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников.	6	10	11	17
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений.	**48**	**56**	**62**	**50**
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы.	36	23	19	24
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи.	10	11	8,4	9

Особенно заметна дифференциация мнений в ходе сравнения данных по федеральным округам (табл. 3). Значительное снижение роли влияния старшего поколения отмечается среди студенческой молодёжи ЦФО и УрФО. Примечательно, что 5 лет назад этот процесс объяснялся преобладанием студентов технического или гуманитарного профилей обучения. Например, в исследовании волгоградских коллег (Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов, Е.В. Каргаполова, О.С. Хамзяева) выделено доминирование обучающихся гуманитарной направленности среди респондентов УрФО, а среди молодёжи ЦФО преобладание студентов гуманитарных и социально-экономических направлений [5]. В исследовании 2020 года в УрФО также доминируют «гуманитарии», практически каждый десятый – «технарь», чуть больше «экономистов». В ЦФО чуть больше трети – представители «гуманитариев», треть – социально-экономическая специализация, каждый пятый – «технарь». Вызывает сомнение влияние профиля обучения на установки молодёжи, скорее всего, можно говорить о наличии общей тенденции.

Таблица 3 – Какие мысли и чувства вызывает у вас приближающееся 75-летие Победы? (в % от ответивших в каждом округе)

Значения	**ПФО**		**ЦФО**		**ЮФО**		**УрФО**	
	2015*	**2020**	**2015**	**2020**	**2015**	**2020**	**2015**	**2020**
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников.	9	17	7	18	12	16	11	20
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений.	**66**	**50**	**58**	**48**	**65**	**54**	**62**	**46**

Значения	ПФО		ЦФО		ЮФО		УрФО	
	2015*	2020	2015	2020	2015	2020	2015	2020
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы.	18	25	25	25	15	21	20	25
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи.	7,9	8	10,9	9	7,5	9	7,5	9

*Данные за 2015 г. взяты из статьи: Дулина Н.В., Каргаполов С.В., Каргаполова Е.В., Хамзяева О.С. «Великая Отечественная война: общее и особенное в мнениях студентов федеральных округов России» [5, с. 205.].

Скорее всего полученный результат можно объяснить изменением отношения молодёжи к опыту старшего поколения в целом, утратой связи между поколениями, что привело к своеобразной селекции памяти. Личностный канал передачи информации занимает важное место в формировании образов прошлого. Коллективная память фиксирует не то, что ушло, а то, что совместно прожито в течение определённого периода времени в определённой группе. Оказалось, что среди источников информации о ВОВ сеть Интернет не является доминирующей, как было принято считать ранее, возросла роль учителей по сравнению с семьёй (рис. 1).

Значительных статистических различий по округам не выявлено, за исключением обнаруженного разрыва в источниках информирования в ПФО, составившего примерно 20% в пользу учителей (учителя – 82%, родственники – 63%). Отсюда напрашивается вывод о том, какой сфере необходимо уделить особое внимание для работы с молодёжью.

В ходе опроса оказалось, что среди респондентов каждый пятый ни с кем не разговаривал в семье о событиях ВОВ. Подтверждается вывод исследователей из Нижнего Новгорода Г.С. Широкаловой и О.К. Шиманской об утрате интереса к событиям прошлого и семье в целом, снижении воспитательного воздействия с её стороны, что способствует углублению поколенческого разрыва [11, с. 244]. Автор статьи считает необходимым добавить, что подобные процессы можно объяснить отсутствием сведений о событиях ВОВ в семье, а также недостаточно налаженными контактами с детьми, ввиду дефицита времени для семейного общения.

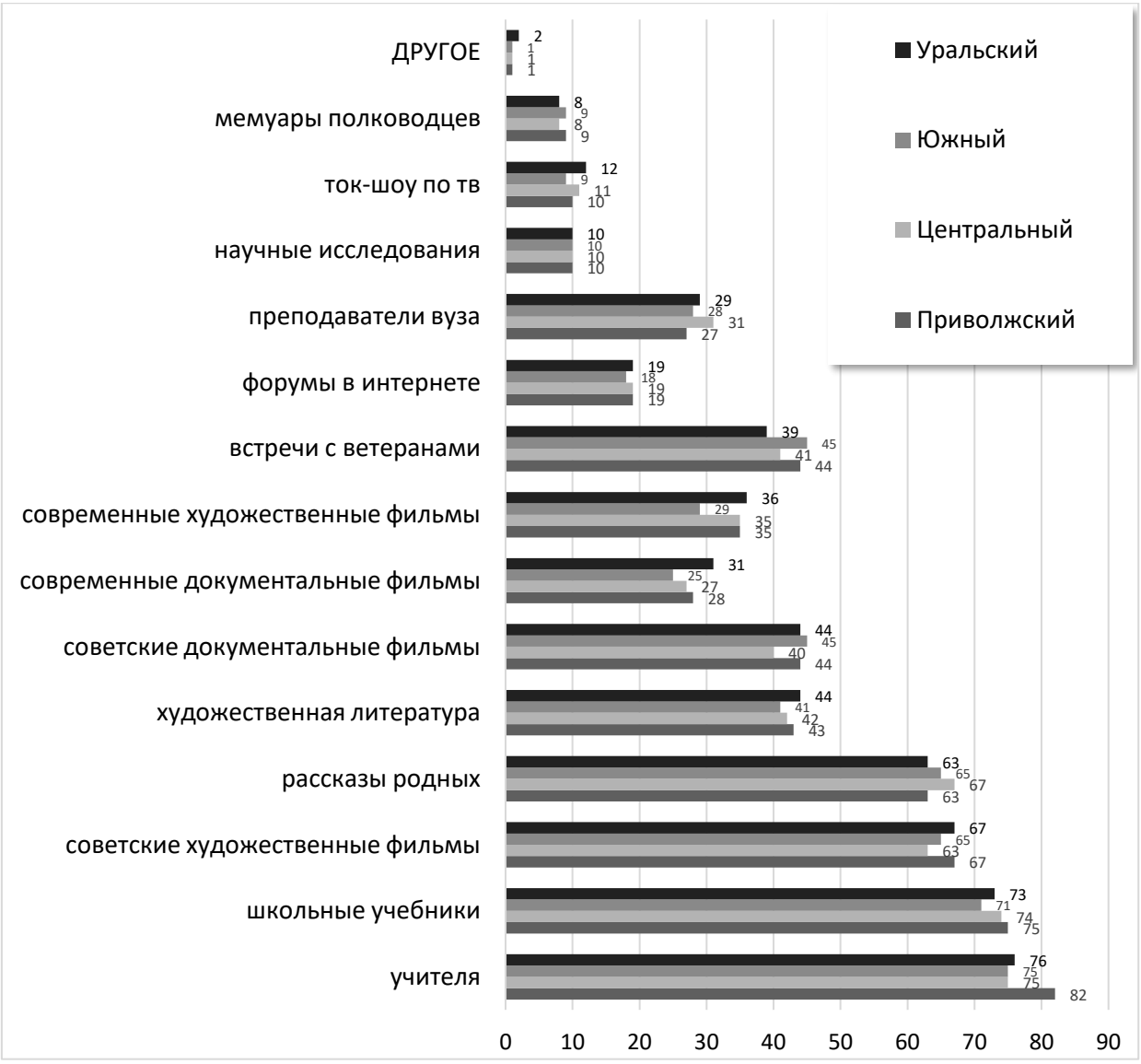

Рис.1. Источники получения знаний о Великой Отечественной войне (допускался выбор более одного варианта ответов), %

Заставляют задуматься результаты ответов молодёжи на проблемные вопросы, связанные с отдельными событиями ВОВ. Вклад каждой страны в победу над фашизмом молодёжь оценила с безусловным перевесом в сторону СССР. Однако по сравнению с результатами первой волны исследования количество респондентов, оценивших вклад США как значительный, выросло в три раза (с 11% в 2005-ом до 30% в 2020-ом). Примерно то же самое произошло в отношении Франции и Англии. Полученные в молодёжной среде результаты зеркально отражают общероссийскую тенденцию. Согласно данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за период 2009-2019 гг. произошло снижение уверенности в ведущей роли в победе СССР (с 86 до 69%) и повышение до трети от опрошенных количества уверенных в значительности вклада США [9]. Коммеморативная популяризация победоносной войны американцев, а также идей о ленд-лизе дала свои плоды. На самом деле британские и российские историки оценивают вклад США в победу без идеологической «раскрутки»

примерно около 7-8% [1; 6]. По результатам 2020 года как в разрезе округов, так и в России в целом произошло снижение количества молодых людей, считающих себя патриотами. Более того, 13% респондентов (практически каждый десятый) отметил, что патриотизм в настоящее время – это устаревшее понятие.

Независимо от того, можно ли считать происходящие изменения серьёзными или нет, вывод однозначен: коллективная память превращается в абстрактное сочетание мнений и фактов, вырванных из контекста. Сознание молодёжи становится подвижным, лишается исторической целостности. В правительстве современной России осознание сложившейся ситуации инициировало попытки на законодательном уровне оградить историю от фальсификации. Однако не стоит забывать о предупреждении французского историка П. Нора о том, что нельзя при помощи законодательных методов формировать исторические оценки. Он акцентировал внимание на недопустимости суждения о прошлом на основе современных нравственных критериев, о неуместности устраивания по этому поводу длительных популистских дискуссий. В целях сохранения социальной стабильности нельзя бездумно уничтожать собственную историю, формируя новые «места памяти» на основании решений «сверху». В контексте социальной безопасности следует отметить, что поколение – само по себе место памяти [8, с. 48], но чтобы оно стало таковым в действительности, необходимо установить полноценный, независимый диалог между научным сообществом и властью.

Список литературы:

1. Вастанова С. «Существенная, но не решающая». Вся правда о военной помощи американцев СССР в годы Войны [Электронный ресурс] // Портал История РФ. URL: https://histrf.ru/biblioteka/b/sushchiestviennaia-no-nie-rieshaiushchaia-vsia-pravda-o-voiennoi-pomoshchi-amierikantsiev-v-ghody-voiny (дата обращения: 20.12.2020).

2. Вишневский Ю.Р., Ружа В.А. Представления российских студентов о Великой Отечественной войне: пять лет спустя // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 121-127.

3. Гачечиладзе Г. Кто и зачем пытается принизить роль Советского Союза в победе над фашизмом [Электронный ресурс] // Грузия и мир. Официальный сайт. URL: http://geworld.ge/ru/%D0%BA%D1%82%D0%BE-%D0%B8-... (дата обращения: 20.12.2020).

4. Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И. Сумерки памяти в эпоху коммемораций // Спасибо прадеду за Победу… Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» : коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р.

Вишневского: Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 52-56.

5. Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Великая Отечественная война: общее и особенное в мнениях студентов федеральных округов России // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 202-208.

6. Минус СССР: на Западе уже не знают, кто победил во Второй Мировой [Электронный ресурс] // Новые Известия. URL: https://newizv.ru/article/general/14-05-2018/minus-sssr-na-zapade-ne-znayut-kto-pobedi-vo-vtoroy-mirovoy (дата обращения: 20.12.2020).

7. Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С.17-50.

8. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение 1998. № 30. С. 48-72.

9. Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). №4043. 29 Августа 2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869 (дата обращения: 18.12.2020).

10. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 40-42.

11. Широкалова Г.С., Шиманская О.К. Историческая память & патриотизм // Философия хозяйства. 2020. №1. С. 238-251.

12. Huyssen A. Twilight Memories : Marking Time in the Culture of Amnesia. N.Y., 1995. 292 p.

А. А. Морозов
доцент Омской академии МВД России

РЕЛИГИЯ И ЛИЧНОСТЬ В КРУГАХ ОПАСНОСТИ

Аннотация. Предложенная тема, будучи неоднократно обсуждаемой в гуманитарных науках, в условиях усложнения современного мира требует дальнейшего обсуждения и исследования. Сегодня мы наблюдаем не простое увеличение мировоззренческого разнообразия и институционального роста религий. Эти количественные изменения далеко не в полной мере отражают качественные трансформации, связанные с ревизией секулярных оснований общественного бытия. Автор осуществляет систематизацию представлений о мнимых и реальных

опасностях, которые угрожают личности в связи с ее отношением к религии, а также указывает на их источники.

Ключевые слова: религия, опасность, мировоззрение, секуляризм, постсекуляризм, личность.

Рассуждение о взаимоотношениях личности и религии в современном мире не может быть продуктивным вне того контекста, который возникает на основе отношений секуляризма и постсекуляризма. Тезис о победном шествии секуляризации в процессе модернизации общества подвергнут серьезному сомнению, вплоть до отрицания, большинством современных исследователей. Питер Бергер, обосновавший в 1960-е годы тезис о секуляризации как атрибуте современности, уже к концу 1970-х признал его ошибочным. Более того, он активно начал говорить о десекуляризации в качестве значимого тренда современности [2]. В свою очередь Ю. Хабермас предложил говорить о постсекулярном состоянии общества. Оно не означает обращение истории вспять, но указывает на принципиально новую общественную реальность, в которой религия и секуляризм вносят свой вклад в общественные отношения [11]. В настоящее время в режиме реального времени мы пытаемся понять существенные черты тех условий, в которых мы оказались. Нам еще далеко не все понятно, хотя бы в силу того, что процесс не завершен, а вариантов развития событий множество. Как справедливо указывает Д.А. Узланер, «эта новая реальность еще только нуждается в детальном описании и документировании» [10]. И наша задача состоит в том, чтобы внести свой посильный вклад в понимание этой реальности.

Сложность современной ситуации определяется, по крайней мере, тремя значимыми обстоятельствами. Во-первых, это перманентное противостояние мировоззрений, которое имеет не только эмоциональное или интеллектуальное воплощение, но иногда приводит и к жертвам. Говоря об особенностях зрелых форм секуляризма в Западном мире, Ч. Тейлор описывает три позиции, находящиеся в состоянии противоречия: признание трансцендентности; светский гуманизм; неоницшеанство. Кроме прямого противостояния между собой, эти позиции создают временные союзы двух против одного: светские гуманисты и неоницшеанцы не признают трансценденции, блага вне рамок жизни; признающие трансценденцию и неоницшеанцы отказывают гуманистам в глубине; светские гуманисты и верующие объединяются в защите человеческого блага против неоницшеанцев [9, с. 782]. На самом деле каждая из этих позиций распадается на множество вариантов и разновидностей. Особенно это касается признающих трансценденцию. Во-вторых, это мировоззренческое противостояние приобретает политический компонент, когда политические силы, представляющие одну из позиций, пытаются обеспечить ее доминирование. В-третьих, оно происходит в рамках глобального столкновения традиционализма и антитрадиционализма [7].

В этой новой реальности личность сталкивается не только с новыми возможностями, но и опасностями. Системный подход позволяет выделить

такие эпистимические единицы анализа опасности, как «ситуация опасности», «состояние опасности», «агент опасности», «объект, подвергающийся опасности» [3, с. 137-138]. Исследуя отношение религии и личности в условиях постсекуляризма, мы сталкиваемся со сложным сочетанием взаимных влияний.

Очевидно, рассуждая о соотношении личности и религии в свете проблемы опасности, мы говорим и о сохранении прежних угроз и появлении новых. В современном научном и научно-популярном дискурсе присутствуют свидетельства о внутренних и внешних опасностях, возникающих при выборе человеком религии в качестве основы собственного мировоззрения и образа жизни.

Во-первых, начиная с эпохи Просвещения, принятие религиозных убеждений связывают с невежеством, которое сегодня представляется не только отражением примитивного состояния сознания, но и определенным результатом сознательного выбора самой личности. Известный активный оппонент религии ученый-атеист Ричард Докинз видит серьезную угрозу для личности современного человека в признании религиозной картины мира. Он приводит пример американского геолога Курта Вайза, который проявил незаурядные способности и имел блестящие научные перспективы. Но будучи человеком, в то же время религиозным, нашел противоречия между научной картиной мира и Библией. Он сознательно отказался от науки. Докинз с негодованием утверждает, что «фундаменталистская религия пытается отлучить от научного образования тысячи и тысячи невинных, любознательных, доверчивых молодых умов. Не фундаменталистская, «терпимая» религия, возможно, этого не делает. Но она создаёт питательную среду для фундаментализма, внушая людям с раннего детства идею о добродетели нерассуждающей веры» [3, с. 298]. Конечно, массовое религиозное сознание нередко подвержено суевериям. Но признать доводы Р. Докинза можно только при полном игнорировании богатой интеллектуальной традиции, созданной религиозными мыслителями, и крайне упрощенной современной картины религиозной мысли.

Во-вторых, с религией часто связывают распространение таких качеств, как нетерпимость и агрессия. Например, А.П. Назаретян в учениях пророков Иисуса Христа и Мухаммеда видит регресс нравственных ценностей по сравнению с великими моралистами Ближнего Востока, Греции, Индии и Китая в апогее осевого времени [8, с. 22]. Для него христианство и ислам являются источниками фанатизма, злобного отношения к иноверцам и ненависти. Такой взгляд представлен во множестве работ XIX – XX веков, повествующих о насилии, жестокости и нетерпимости, связанных с религией. Кроме того, рост террористических актов и экстремистских действий на основе религиозных убеждений служит укреплению подобных представлений. На самом деле подобные представления являются результатом секулязирующегося сознания эпохи модерна в процессе его становления на основе противопоставления современности религии. Как замечает К. Армстронг, «негативный образ религиозной веры настолько въелся в

секулярное сознание, что для нас в порядке вещей возлагать на «религию» ответственность за ужасы XX-го века и отсылать ее в политическую пустыню. И даже авторы, которые не винят религию во всех войнах и проявлениях насилия, неколебимо убеждены в ее агрессивности» [1, с. 6]. Далее она справедливо называет такие представления крайним упрощением, не позволяющим нам понять истинное положение дел. Мы с позицией К. Армстронг полностью согласны. Сводить рост насилия, связанного с религией, к сущности религии означает практический отказ решать реально существующую проблему.

В этих двух случаях можно говорить о внутренних опасностях, грозящих человеку, принявшему религиозные убеждения. В этом случае ситуация и состояние опасности имеют внутриличностное измерение. Агентом опасности являются религиозные убеждения. Объектом опасности становится личность, которая не только сама трансформируется, но и стремится воздействовать на окружающий мир.

Внешние опасности описываются как появление негативных последствий в социальной жизни человека. Прежде всего, речь идет о способах манипуляции сознанием, которые применяются в различных религиозных сообществах. В антикультистской литературе отмечается, что «в деструктивных сектах активно применяются техники модификации поведения с внушением фобий и зависимостей. Реформирование сознания происходит незаметно на основе провоцирования когнитивного диссонанса, гипнотического транса, внушения, нейролингвистического рефрейминга, информационной перегрузки, сенсорной депривации, нейрологического переимпринтирования, тоталитарного контроля эмоций, поведения, мыслей и информации» [5]. Авторы подобной литературы приводят немногочисленные конкретные примеры таких деструктивных влияний, которые переходят из работы в работу. На основе этих немногочисленных примеров делаются широкие обобщения относительно большинства религий или религии в целом.

На утверждении деструктивного характера многих религиозных и псевдорелигиозных сообществ основывается антикультистская деятельность Русской православной церкви и государственных органов. Нередко жертвами ее становятся религиозные сообщества, не имеющие деструктивного характера. Но как раз в силу широких обобщений всякое нетрадиционное религиозное сообщество объявляется деструктивной сектой. Отвергая такой подход, необходимо, тем не менее, признать, что религия иногда становится средством манипулирования сознанием, которое имеет разрушительный характер как для самой личности, так и для социального окружения.

Отдельно можно говорить о рисках принятия религиозных убеждений. Никлас Луман четко различает риск и опасность [6]. Человек, принимая самостоятельно решение и понимая его возможные негативные последствия, рискует, т.е. сознательно подвергает себя опасности. Опасность принадлежности к религиозному сообществу возникает в разные эпохи с разной степенью интенсивности. Нет необходимости погружаться далеко в историю. Российский опыт XX – XXI веков вполне это подтверждает. Это и

преследование последователей множества религиозных сообществ в Российской империи, и антирелигиозная политика в СССР с огромным числом репрессированных священнослужителей разных религий. Выбор нетрадиционной религии в современной России является рискованным и может повлечь негативные последствия. В данном варианте опасность порождается не столько самой религией, сколько в связи с ней, она является следствием нарушения свободы совести. Особенно эта опасность принадлежности возросла в связи с возникшим понятием религиозной безопасности, основанной на признании идентификационной функции религии.

Таким образом, религия и личность оказываются во всякое время встроенными в такое множество внешних обстоятельств и внутренних факторов, определенное сочетание которых порождает состояние опасности для личности. Причем, оно порождается определенной ситуацией, в которой агентом опасности не обязательно выступает религия. Значительно представлена опасность принадлежности, являющаяся результатом риска при принятии той или иной религии. В данной ситуации агентом опасности выступают враждебные группы, государство, отдельные социальные институты. Трудно рассчитывать на то, что во взаимном влиянии религии и личности состояние опасности может быть нивелировано полностью (самые невинные вещи могут его порождать), однако можно минимизировать факторы его порождающие: нарушение свободы совести, нетерпимость, радикализм, насилие, невежество.

Список литературы:

1. Армстронг К. Поля крови. Религия и история насилия. М.: ООО «Альпина Диджитал», 2014. 750 с.

2. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8-20.

3. Векленко П.В. Опасность опыт системного анализа // Международные юридические чтения. Материалы научно-практической конференции (Омск, 14 апреля 2004 г.). Омск: ОмА МВД России, 2004. С. 137-140.

4. Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: КоЛибри, 2008. 558 с.

5. Лири Т., Стюарт М. Технологии изменения сознания в деструктивных культах [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/liri_timoti/ destruktivnie_psihotehniki_tehnologii_ izmeneniya_soznaniya_v_destruktivnih_ kultah.html (дата обращения: 22.10.2020).

6. Луман Н. Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://strana-oz.ru/2013/2/risk-i-opasnost (дата обращения: 10.11.2020).

7. Лункин Р., Филатов С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 4. С. 5-14.

8. Назаретян А.П. «Мораль бронзы» и «мораль стали». Загадки осевой революции // Философские науки. 2007. № 12.

9. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с.
10. Узланер Д. Картография постсекулярного / Д. Узланер Отечественные записки. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. URL: www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya postsekulyarnogo/ (дата обращения: 10.11.2020).
11. Habermas J.A. «Post-secular» society – what does that mean? (16 September 2008) [Электронный ресурс]. URL: https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/ (дата обращения: 22.10.2020).

А. Н. Сороколетов
председатель ветеранской организации
ПУ-251 ФСИН

ЗАЩИТА СОЦИУМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Я преклоняюсь перед мужеством и героизмом медицинских работников, волонтеров, Добровольцев, правительством во главе с Президентом Российской федерации Путиным Владимиром Владимировичем, вступившим в смертельную схватку с Коронавирусом с целью защиты социума России.

Аннотация. В статье высказывается мнение автора о родителях, применяющих свои методы в воспитании своих детей. Показаны ошибки воспитания и методы их возможного устранения.

Ключевые слова: семья; психическое расстройство ребенка; конфмоэнция (когда человеку трудно выделить одно из своих переживаний как главное или невозможно отделить себя от других людей); наукоцентризм; деидеализация; эгрегора (самостоятельно развивающийся объект связанный с определенной группой людей или определенной идеей).

По моему мнению вопросами защиты социума должны заниматься сами граждане Российской федерации в тесном союзе с представителями власти. Формированием же социума занимаются родители в крепком союзе с системой образования. А в целом все начинается с семьи. Поэтому поведу разговор о семье, детях.

Я разделяю родителей на четыре категории: воспитывающие детей с целью подготовки их к взрослой жизни; воспитывающие для удовлетворения собственных нужд; пассивное воспитывающих своих детей; отрицающих всякое воспитание.

Работая с подростками в воспитательной колонии мне часто приходилось сталкиваться с их психологией поведения, особенно на уроках. Часть подростков подверженная конфмоэнции, заставляла психологов потрудиться. Задача педагогов состояла в лечении детей словом. А если словам трудный подросток ни верил, то педагогу с психологом приходилось попотеть, чтобы изучить причину психического состояния ребенка. Еще

Зигмунд Фрейд обращал внимание на потенциал собственных знаний воспитателя, чтобы убедить преступника в правдивости своих слов. Иными словами, это называется убеждением [8, с. 8]. Дети не умеют врать, но хорошо умеют скрывать свое настроение. И тем не менее, в доверчивой беседе можно найти существующие проблемы в его семье.

Если посмотреть на семью, где родители грамотные и способны вести диалог на различные темы со своим ребенком в любви и дружбе, то проблем с воспитанием не будет. Такие родители находят контакт между собой, учителями, школьными психологами, общественностью, друзьями ребенка. Это очень важно для установления нормального психологического климата в семье. И предпочтение они отдают наукоцентризму.

Самым опасным является позиция родителей, стремящихся воспитывать ребенка для своих собственных нужд. Я изучал одну семью в сельской местности, где родители имели пятерых детей. Самый старший учился в шестом классе. Родители видели в нем не ребенка, а раба. Унижали. Незаслуженно ругали. Заставляли выполнять по дому самую грязную и тяжелую работу. В результате ребенок получил психическое заболевание. Родители настояли на том что бы его поместили в психиатрическую больницу и что бы ребенок учился в школе три дня в неделю, при этом разругались со всеми, кто был против такого решения: школой, близким окружением. Причем и отец, и мать работали. Денег в семье хватало. Но кроме учебы ребенок выполнял все виды работ по дому: кормил скотину, запасал дрова, мыл полы, ухаживал за маленькими детьми. Эгоцентризм родителей сделал свое дело. Так в семье появилась «Золушка» мужского рода. Отстал в учебе. Авторитета родителей у подростка не было. В армию не взяли из-за психического заболевания. Сложившаяся конфликтная ситуация родителей с соседями, школой, родными не затухала. И. Добротворский [3] отмечал, что причина конфликтов между людьми – неправильное понимание, недоразумение. Фактически родители создали ребенка для своих нужд. Это похоже на искусную аргументацию убеждения, на что указывал В. Кулганов и П. Юнацкевич в работе «Почему нам врут, а мы верим» [5, с. 108]. Эгоистичность родителей вылилась в любви только к себе. Они ставили себя и свое мнение выше других. Аналогично такую позицию отмечал Хорхе Букай в работе «Море эгоиста» [1].

Родители, пассивно воспитывающие своих детей, закладывают в них мину замедленного действия, на которой сами и подрываются. При таком воспитании происходит деидеализация ребенка. В таких семьях отсутствует доверительное отношение детей к родителям взамен отсутствия интереса родителей к своим детям. Отсутствие любви и искренней заботы отталкивают детей и вынуждают их искать теплые отношения на стороне. Поэтому здесь необходимо вмешательство психологов не только для работы с подростком, но и с его родителями. Необходимо проводить поиск соматического и психического нарушения у всех членов семьи. В семьях, где дети получают психические травмы от одного из родителей, наиболее неблагополучны.

Ребенок становится перед выбором, кого в этой ситуации защищать: себя, маму или отца. Развал семьи наиболее болезненно откладывается в сознании ребенка. Это может привести к мести одному из родителей или обоим сразу. А это – психическое расстройство, о чем указывал Д. Ковпак [4, с. 13]. Рождаемая таким образом истерия ничего хорошего ребенку не дает. Есть другая причина, когда муж и жена не находят единой точки зрения в воспитании ребенка. Причем чаще всего, согласно моим наблюдениям, родители видят в своем ребенке отражение своих отрицательных черт и стараются удалить их из ребенка руганью, наставлением, нецензурной бранью, не задумываясь о том, что в ребенке их нет. Сильный характером ребенок чист и начинает противиться незаслуженной атаке родителей, вплоть до ухода из семьи. Ребенок с более слабой психикой соглашается с мнением родителей, не противоречит им и повторяет все отрицательные черты характера родителей. Я был свидетелем трагедии одной семьи, в которой отец с рождения отказался от своего собственного ребенка и ушел к другой женщине. Впоследствии оказалось, что она не может иметь детей. Отец стал терроризировать свою бывшую супругу, что бы она отдала ему сына. Мать подарила сыну квартиру и вскоре умерла от онкологического заболевания. Внук по решению опеки остался жить с дедушкой и бабушкой. Отец узнал, что его сын собственник квартиры и предъявил свои права на сына из-за квартиры. Многолетние суды ничего не решили в его пользу. Он подает иск в суд, что сын рожден не от него и подает иск на проведение генетической экспертизы, рассчитывая, что родители умершей супруги согласятся с иском и откажутся от экспертизы. Но согласия не получилось. Экспертиза доказала отцовство. Тогда дедушка с бабушкой подали иск в суд на взыскание алиментов с отца. Сын воспринял действия отца как оскорбление по отношению к покойной маме. И чем это обернется в будущем для отца, можно только гадать. На подобную проблему указывала Н.В. Моргачева [6]. Отсутствие личностных отношений к ребенку со стороны близких взрослых подчеркивается личностным отношением к себе. На это указывают исследователи Е.О. Смирнова и В.М. Холмогорова [7].

Жестокость детей, конфликтные ситуации в их семье, месть обидчикам – итог нерадивого отношения взрослых к своим детям.

Как-то проводя классный час в школе по просьбе учителя, один ученик задал мне вопрос: «Что делать, если родители не способны меня содержать? Отец пьет, мать разрывается на работе за мизерную зарплату, которой хватает только на оплату коммуналки. А мне хочется иметь хорошую одежду, компьютер для учебы. Я знаю-этого мне не видать никогда». «А что ты думаешь?» – спросил я. Ученик долго молчал и грустно ответил: «Уйду из семьи к тетке и буду работать. А когда вырасту возьму мать к себе».

Нельзя делать вывод, что виновато правительство, власть, что дети у некоторых родителей вырастают плохими. Дело не в этом. Причины неутешительного положения вещей, по-моему, лежат глубоко в самом социуме. Старшее поколение помнит как в советский период времени для всех сословий был единый закон жизнедеятельности. Цены на продукты питания и

продукты промышленного производства были стабильными. С родителями, плохо воспитывающими своих детей, работала общественность: профсоюз, по месту работы, комиссия по делам несовершеннолетних и так далее. Это позволяло семье планомерно рассчитывать свои возможности в воспитании, семейный бюджет на перспективу. И тем ни менее сам социум позволил все это убрать. А ведь первоначально социум был создан для улучшения жизни людей. Получается, что не социум служит человеку, а человек социуму, как наемный рабочий у фабриканта в дореволюционной России? По моему мнению не каждому человеку дана возможность разобраться в массированной атаке на социум информационных структур: рекламные трюки, порой сомнительного содержания, объявления и другое, вплоть до желтой прессы. Финансовые преступления, мошенничество на доверии в отношении людей и иные преступления рекламируются на экранах телевизоров, что порой подрывает доверие простых людей к властям. Это опасный симптом. Он разлагает социум во вред самому социуму. И особенно это сказывается на детях. И общепринятое «БЕРЕГИТЕСЬ ПОДДЕЛОК» будоражит сознание детей. Все это влияет на стабильность в развитии социума. А подростков тем более.

В народе существует мнение, что любая мысль способна к материализации. Мне как-то приходилось разговаривать с молодой девушкой, которая постоянно жаловалась, что мало получает денег на работе. А при разговоре выяснилось, что и ее родители жили бедно. Они никогда не ставили перед собой цели получать при своем высшем образовании достойную зарплату. Это утверждение передалось их дочери. Неверие в свои способности порождает застой в собственном развитии и способности достичь благой цели. И на этом процесс замыкается. Человек сам программирует себе плачевное существование. И если вернуться к выше сказанному, что мысль имеет способность материализоваться, то практичные люди прибегают к использованию понятия ЭГРЕГОРА семьи. И если новая сформированная идея семьи дает возможность создать соответствующее предприятие, способное улучшить качество собственной жизни, тогда успех гарантирован. В современных условиях сильна позиция капитализации молодой семьи. Обеспеченный во всех отношениях ребенок всегда получает должное образование при ответственных родителях. Стоит отметить, семья подвергается воздействиям со стороны миссионерского, националистического, сексуального и других видов идеологической обработки, что составляет угрозу национальной безопасности страны. Необходима кропотливая работа родителей с детьми, разъяснять им, что хорошо, что плохо, стараться создать сильную духом личность, способную противостоять чужому внешнему влиянию, не поддаваться соблазнам внешнего мира, не прислушиваться к мнению толпы, как отмечали О.С Васильев и Ф.Р. Филатов [2].

Родители, отрицающие всякое воспитание, не заслуживают доверия общества. Они создают детей группы риска. И, самое главное, нельзя оставлять таких детей в одиночестве. Им необходимо духовное воспитание.

Как-то мне сказали, что люди, работающие с трудными детьми – герои. По моему понятию герои – это те люди, которые своим тяжелым трудом устраняют чужие ошибки. Посмотрите в социальные сети. Там чего только не увидишь: от нецензурной брани до самых непонятных обществу критических замечаний. А это все в социуме. При устройстве на работу трудного подростка часто действует правило «ты начальник, я – дурак». Данное правило возникло неслучайно. Существовавший ранее институт наставничества давал возможность наставнику манипулировать вновь принятым работником. И ученик при таком подходе становился жертвой наставника-учителя. Любые попытки войти в спор с наставником пресекались. Ученику нередко вбивали в голову то, чего он не мог воспринимать. А иногда был на побегушках по прихотям наставника. Поэтому возникала необходимость обучающихся иметь свое собственное мнение, идти в ногу со временем, получать информацию из достоверных источников. И тогда вопросы получения нужной профессии, достойной зарплаты, приобретения жилья решались только при активном участии конкретной личности. На практике часто наблюдаются факты, когда человек после окончания учебного заведения вынужден работать не по специальности. В результате выпускник теряет квалификацию, а социум теряет квалифицированного работника. Этим и гасится чувство долга пред своей профессией. Государство создает все условия по защите социума. А вот как взрослые выполняют эти условия – это отдельный разговор.

Список литературы:

1. Букай Х. «Море эгоиста» / Перевод с испанского. Ю. Федоровой. М.: АСТ, 2013. 318 с.
2. Васильев О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 352 с.
3. Добротворский И. 1001 путь к успеху. М.: «Рупол классик». М., 2000. 576 с.
4. Ковпак Д. Трудные люди. Как с ними общаться. Глава 2.Типы «непростых личностей. СПб.: «Питер», 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/kovpak_dmitriy/trudnie_lyudi_kak_s_nimi_obshchatsya.html#0 (дата обращения: 20.12.2020).
5. Кулганов В., Юнацкевич П.. Почему нам врут, а мы верим. СПб.: Питер, 2016. 192 с.
6. Моргачева Н.В. Профилактика разводов в молодых семьях // Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований : материалы IV международной научнопрактической конференции 5–6 октября 2013 года. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 50-52.
7. Смирнова Е.О. Холмогорова В.М. / Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова: Эксмо; Москва; 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://svetlya4ok.do.am/biblioteka/Holmogorova_V-Konfliktniye_Deti.a4.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

8. Фрейд З. Введение в психоанализ / Пер. Г.В. Барышниковой СПб.: Группа «Азбука-классика» 2009. 414 с.

П. П. Шинкевич
старший преподаватель
Тюменского института повышения
квалификации сотрудников МВД России
Р. О. Ястребов
главный специалист
Централизованной библиотечной системы
Омского муниципального района Омской
области

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК РЕСУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье автор рассматривает вопросы обеспечения духовной безопасности посредством формирования исторической памяти. Приводится анализ современной научной литературы, посвященной проблематике исторической памяти, изучаются основные каналы её трансляции и мероприятия, направленные на формирование общей исторической памяти на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: национальная безопасность, история, духовная безопасность, историческая память.

Неотъемлемой частью национальной безопасности является духовная безопасность личности, общества и государства, которая рассматривается современными исследователями как качественная характеристика состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры [2, с. 176]. Стоит отметить, что историческая память является важной точкой соприкосновения для политики, идеологии и культуры, она позволяет осуществить репрезентацию исторического прошлого под политически обусловленным ракурсом.

Проблема формирования исторической памяти не нова, ею занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Среди зарубежных работ стоит отметить труд Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира», который посвящен политике формирования исторической памяти у детей. Кроме того, исторической памятью занимались М. Хальбвакс, П. Нора, Й. Рольфес, П. Томпсон. Все эти исследования рассматривают особенности процесса формирования исторической памяти на разных исторических материалах. Среди отечественных исследователей стоит отметить работы Л.П. Репиной, В.Я. Романова и Ю.А. Арнаутова, в которых

рассматривались российские примеры политики формирования исторической памяти. Работы данных авторов помогают понять, каким образом происходит формирование и трансляции исторической памяти и исторических представлений в современном обществе.

Проблема формирования общей исторической памяти на постсоветском пространстве неоднократно привлекала отечественных исследователей. Д.О. Чураков в своей статье «Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве» анализирует попытки изменения исторической памяти в странах бывшего Советского Союза как элемент пропагандистского воздействия и психологической войны [4, с. 21]. Воздействие на историческую память начинается со школьного учебника истории, который становится первой «жертвой» политических и идеологических изменений. Именно через учебники истории формируется общее историческое пространство, которое, в свою очередь, влияет на существование этноса. Напомню, что этнос, согласно определению «Толкового словаря обществоведческих терминов» Н.Е. Яценко, это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей (племя, народность, нация, народ), обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры, языка, психологического склада, а также осознанием своих интересов и целей своего единства, отличия от других подобных образований самосознанием и исторической памятью» [5, с. 509].

Д.О. Чураков также выделяет две тенденции, которые существуют на постсоветском пространстве и направлены на изменение исторической памяти: десоветизация и создание национальных историй [4, с. 22]. Обе эти тенденции направлены на исключение из исторической памяти народов общих исторических событий, фактов, которые как раз и являются связующим звеном.

О.Ю. Стрелова в своей статье «История в школе остается «Полем битвы за прошлое», потому что «Войны памяти» не утихают» рассматривает изменение подходов к историческим событиям и фактам как элемент исторической политики – «вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для достижения определенных целей в деле «наци-строительства», а также для получения определенных преимуществ в международных отношениях». Политика памяти – это формирование коллективной памяти о прошлом, отвечающей интересам настоящего [3, с. 84]. В качестве примеров проявления исторической политики и политики памяти автор приводит «войны памятников», когда в ряде стран бывшего СССР проводился демонтаж памятников, связанных с советской эпохой, создание музеев, мемориальных комплексов и исторических экспозиций. Автор статьи сам был свидетелем того, как в одной из республик бывшего СССР в центральном музее историческая экспозиция была оформлена в духе «советской оккупации», а в музее, который находился в одном из областных центров экспозиция рассказывала о «достижениях советской власти». Видимо, до этого музея новая концепция пока что «не дошла».

Формирование исторической памяти – процесс весьма многообразный, поскольку существует большое количество каналов и механизмов ее трансляции. Описать их все почти невозможно, поскольку некоторые из них работают в единичных случаях и присущи какому-то конкретному эпизоду. Л.И. Афанасьева и В.И. Меркушин в своем исследовании «Великая Отечественная война в исторической памяти россиян» [1, с. 16] выяснили, какие сегодня существуют источники знаний о событиях Великой Отечественной войны: большинство информации о Великой Отечественной войне россияне получают в школе. На втором месте стоят кинофильмы, на третьем месте – художественная литература. Всё меньшее влияние оказывают непосредственные участники событий, хотя полученная непосредственно от них информация является наиболее достоверной.

Исходя из этого, мы можем увидеть основные каналы трансляции исторической памяти в соответствии с их значимостью: образовательные организации (школы, ВУЗы, ССУЗы), кинематограф, художественная литература, рассказы непосредственных участников событий, сведения из средств массовой информации, деятельность музеев, посещение исторических мест и памятников.

Стоит отметить и влияние исторических мифов на историческую память. Мифотворчество является очень важным элементом создания образов в исторической памяти народа о любом событии. В последнее время к мифотворчеству активно подключается кинематограф, художественная литература и средства массовой информации, которые создают новые мифы, идущие затем в народ. Самое примечательное в мифах – это то, что многие из них лишены авторства, автор мифа буквально стирается в исторической памяти, но его творение остается там надолго. В то же время, нельзя путать мифологизацию с фальсификацией. Если мифологизация направлена на возвеличивание исторического события, пусть даже с небольшой долей искажения, то фальсификация – это намеренное искажение фактов, событий и оценок с целью получения какой-либо выгоды. Борьба с историческими мифами – одно из важных направлений сохранения исторической памяти

Таким образом, формирование общей исторической памяти в странах бывшего Советского Союза – важная часть обеспечения духовной безопасности, а значит и безопасности национальной. Для этого необходимо обратить внимание не только на сому историческую политику, но и на сферу культуры и искусства, образования. Важно скоординировать не только усилия государства в сфере исторической памяти, но и общества в целом. Важным элементом для обеспечения духовной безопасности является проведение следующих мероприятий, осуществление ряда действий, направленных на формирование общей исторической памяти.

1. Организация и проведение совместных празднований юбилейных и памятных дат (юбилеи Победы в Великой Отечественной войне).

2. Сохранение традиции проведения совместных праздничных концертов, фестивалей, выставок, связанных с историческими событиями и героями.

3. Сотрудничество в сфере литературы, кинематографа, музыки, изобразительного искусства с целью трансляции исторической памяти (совместное создание, прокат исторических фильмов, создание экспозиций и выставок и т.п.).

4. Обобщение и трансляция опыта исторического просвещения и патриотического воспитания.

5. Сотрудничество в сфере сохранения архитектурного наследия, мемориалов, архитектурно-исторических заповедников.

6. Сотрудничество в сфере обучения истории, подготовки методической, учебной литературы по истории для школ, средних специальных и высших учебных заведений.

7. Содействие изданию исторической, военной, мемуарной литературы на постсоветском пространстве.

8. Сохранение в политическом поле на всех уровнях риторики, связанной с сохранением исторической памяти, поиск общих семантических конструкций.

9. Поддержка некоммерческих организаций, направленных на развитие и сохранение исторической памяти в странах бывшего Советского Союза.

Память о любом историческом событии со временем изменяется, мифологизируется, растворяется. Это вполне объективный процесс, поскольку на это влияют различные факторы: время, политические, идеологические изменения, уровень образования и т.д. Осознание, что историческая память – элемент духовной безопасности государства приводит к тому, что нередко историческая память становится объектом целенаправленного воздействия извне. И только скоординированные действия всех элементов системы духовной безопасности государства могут минимизировать последствия такого воздействия.

Список литературы:

1. Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная Война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. №5. С. 11-22.

2. Воропаева Е.В. Духовная безопасность личности и общества как объект Стратегии национальной безопасности // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. № 7. С. 175-179.

3. Стрелова О.Ю. История в школе остается «Полем битвы за прошлое», потому что «Войны памяти» не утихают // Проблемы современного образования. 2012. № 6. С. 83-98.

4. Чураков Д.О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы образования. 2013. № 3. С. 21-26.

5. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Издательство «Лань», 1999. 528 с.

С. И. Бойко
доцент Российского государственного
гуманитарного университета

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье проанализировано влияние административно-территориального деления в полиэтническом и многоконфессиональном государстве на этнокультурную безопасность и устойчивость государственного управления. На примерах административно-территориальных конфликтов показана роль федерального центра в обеспечении этнокультурной безопасности. Представлена разница между государственной и административной границей в решении этнокультурных проблем.

Ключевые слова: этнокультурная безопасность, административно-территориальные границы, государственная граница.

Социальная безопасность – это составная часть национальной безопасности, отвечающая за состояние социума, в котором возможно расширенное воспроизводство общества как демографической популяции, динамичное воспроизводство человека как личности в устойчивом политическом режиме, соответствующем национальным цивилизационным особенностям. В свою очередь, этнокультурная безопасность обеспечивает гомеостазис социальной безопасности в сфере социума, где концентрируются вопросы, принятие государственных решений по которым регулирует состояние межэтнических и культурных взаимоотношений в многонациональном государстве. Среди социологических и междисциплинарных научных работ по основным проблемным и дискуссионным вопросам социальной безопасности следует выделить, например, статью Грошевой И.А., в которой объемно и информативно перечислены составляющие факторы социальной безопасности, в том числе и в докладе ПРООН о развитии человека и человеческой безопасности, включая общественную (т.е. социальную) и культурную безопасность [1, с. 46-50].

Традиционно в течение истории российское государство формируется на консенсусном сосуществовании многочисленных этносов, народностей и народов на едином многосоставном пространстве, в настоящее время институционально оформленном в виде Российской Федерации. Среди факторов эволюции государства и национального строительства социолог и теоретик социально-политических исследований Кара-Мурза С.Г. выделяет фактор границы биоценоза, границы территории и родной земли, границы земли, породившей народ: «Помимо самой земли (ландшафта и территории)

влияние на этногенез оказывает и такая символическая вещь, как граница. Граница территории уже в самых древних государствах приобретала священный смысл – она определяла пространство родной земли и часто становилась этнической границей. Внутри нее живет наш народ… Граница – это превращенный в часть культуры присущий животным инстинкт гнезда, норы (в общем, «периметра безопасности»)» [2, с. 79-80].

В первые постсоветские годы в Российской Федерации вопросы национального (этнического) пространства и делимитации национальных границ, принятие социально-политических практических решений представителями государственного управления и политического менеджмента в данной сфере не было первостепенным. Поэтому пограничная проблематика не находилась в центре внимания действующих политиков, государственных служащих, соответственно, социально-гуманитарных наук, Противоположным образом ситуация складывалась в других государствах постсоветского пространства. Достаточно привести пример быстрого переноса столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану, ныне Нур-Султан (бывший советский областной центр Целиноград). Одна из очевидных причин – закрепление северной границы Казахстана с Россией. Формирование новой для многих этносов и народов постсоветской идентичности и культуры требовало особых прав для национальных языков и обоснования национальных границ, превратившихся из административных в государственные.

Внутри государства этносы проживают на определенной территории. Внутригосударственные (административные) территории распределяются в социально-историческом процессе жизнедеятельности между этносами, оформляются либо как государства, либо как части государства (региональное, административное деление). Все государства, за исключением небольшого количества особо малых – как Ватикан или Люксембург – имеют административное деление, включая и федеративные, и унитарные.

Территория России по конституции, федеральным и региональным законам, в соответствии с историей, этническими и культурными традициями, а также экономической и политической целесообразностью разделена на региональные, административные составляющие, которые являются не константами, а переменными параметрами, зависящими от необходимости обеспечить социально-политическую стабильность. Административно-территориальное деление должно обеспечивать расширенное воспроизводство материальных и демографических ресурсов общества, динамичное развитие гражданина как личности в устойчивом социальном пространстве. В каждом регионе России каждый этнос должен быть со стороны государства обеспечен равными условиями социально-экономического и политического существования, сохранения и развития культурных особенностей и местного языка для поддержания необходимого уровня социальной безопасности как в регионе, так и на федеральном уровне.

Главными детерминантами административного деления территорий между этносами являются языки как средство человеческого общения,

культурные традиции социума. А также религия – эмоционально доминирующий фактор социального и культурного взаимодействия социума, часто заменяющий институты государства, или более влиятельный в социуме, чем государственные или политические институты.

Особенность России в том, что практически вне зависимости от политического режима исторически на территории государства формировались регионы с преобладанием православия, ислама, буддизма с административными этнокультурными границами. На уровне государства в XX в. не позволялось ущемление традиционных конфессий и культуры этнических групп в регионах. В современной России культурное сосуществование этносов и регионов поощряется.

Также в социальной истории происходило и деление территорий по количественному преобладанию языка того или иного этноса. Российская Федерация (империя, советское государство) оформлялось как государство «русского мира», ареал преобладающего использования русского языка как языка межэтнического, межнационального общения. В национальных регионах в Советском Союзе и в Российской Федерации языки местных этносов имеют статус регионального и равного государственному.

В России, вопросы административных границ между этносами, нациями всегда были проблемными, но внутри одного государства (империи, союза) проблема административных границ решалась политическими, хотя иногда и волевыми методами, Обострение произошло, когда границы из административных превратились в государственные. Первыми ушли республики Балтии (Прибалтики), где письменность была на латыни, а православие сосуществовало с другими ветвями христианства. Также в российском социуме с пониманием отнеслись к отделению республик Средней Азии (мусульманский социум на внешних границах государства). Однако, достаточно серьезная борьба за единство государства в первые постсоветские годы разворачивалась в Поволжье (в первую очередь, Башкортостан и Татарстан) и на Северном Кавказе При ликвидации Советского Союза этнокультурные, языковые и религиозные факторы проявились в полной мере. В 2020 г., спустя 30 лет вновь вспыхнул этнокультурный и религиозный конфликт в Нагорном Карабахе. В последние годы Советского Союза притушенный усилиями партийно-государственного руководства, а через три десятилетия – введением российских миротворческих вооруженных подразделений и сил чрезвычайных ситуаций. Между узбеками и турками-месхетинцами этнокультурные конфликты (погромы) в районах Ферганской долины были жестокой реальностью после ослабления социальных и политических институтов советской власти. У старшего поколения граждан России уверения в том, что распад Советского Союза был бескровным, вызывают в лучшем случае молчаливое недоверие.

Во время ликвидации Советского Союза не приняли во внимание то, что административные границы превращаются в государственные с очевидными последствиями. Вводится таможенный и пограничный контроль

передвижения граждан и грузов. Если не договорились до размежевания, потом значительно переговоры менее плодотворны.

На востоке в Северо-Казахстанской обл. Казахстана линия границы с Россией линия максимально хаотична. Порой казахстанские земли вдаются в территорию России на многие километры, а кое-где наоборот – российские земли образуют большие «полуострова» в Казахстан. В этих полуостровах с обеих сторон есть населенные пункты, связь которых с остальным миром сильно ограничена. В 2015 г. губернатор Омской области РФ предложил обменяться равнозначными территориями между Омской и Северо-Казахстанской областями, чтобы границы не стали препятствием между соседними по факту, но очень из-за границ пунктами. Договориться не смогли. На одном из таких участков в России построили дорогу в обход государственной границы. Между селами Милоградовка и Алабота в Омской обл. напрямую – всего 15 километров, но часть дороги, которая соединяет не только эти села, но два районных центра, до осени 2020 г. пролегала по территории Северо-Казахстанской области. Стоимость дороги составила около 740 млн. руб. Если смотреть по карте, то вместо гипотенузы построили два катета треугольника [3]. Следующий факт из того же региона России: участок Курган – Омск Транссиба железнодорожная магистраль, являющаяся стержнем транспортной системы российского государства, дважды в районе Петропавловска (Казахстан) пересекает государственную границу России и Казахстана, глубина территориального «языка» всего 40 километров. Никакого этнокультурного смысла без переговоров и изменений в этом районе оставлять государственную границу на месте административной между союзными республиками не было, а социально-политические и экономические последствия оказались вполне серьезными и затратными. Несмотря на существование параллельной ветки Транссиба Тюмень – Омск, не заходящей в Казахстан, требовалось перераспределить грузовые и пассажирские перевозки. Пока государству удается поддерживать уровень этнокультурной безопасности в допустимых значениях.

В качестве примера этнокультурной устойчивости административного деления региона можно привести деление Тюменской области, в которую административно включены с сохранением (региональной) субъектности Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ. Численность этнических местных меньшинств в обоих округах меньше 2-х процентов, вместе с тем решена проблема безопасности и сохранения этносов и их культуры. Кроме того, решается вопрос прямого бюджетного взаимодействия по линии федеральный центр – регионы в районах добычи углеводородов.

В полиэтническом и многоконфессиональном государстве, формировавшемся веками, к административно-территориальному делению объективно необходимо подходить очень взвешенно и с учетом культурных, исторических традиций, иначе возникают проблемы региональной социально-политической стабильности. Например, конфликт на административной границе между Чеченской республикой и республикой Ингушетия в 2018-2019

гг., когда даже с привлечением старейшин и собраний граждан добиться консенсуса удалось только после отставки руководителя Ингушетии, так как оказалось, что именно это было целью региональной этнической элиты. Или достаточно вспомнить, как «оперативно» на границе Башкортостана с Татарстаном на дороге начали устанавливать заграждения для автомобилистов. Публично изложенная местными властями в средствах информации причина ограничений пересечения региональной границы: пандемия коронавируса. Вмешательство федеральных властей ликвидировало проблему этнокультурной безопасности между регионами в течение суток.

В Российском социуме, прежде всего в Москве, неоднозначную реакцию вызвало расширение административных границ современной Москвы за счет Московской области. Мотивация экономической целесообразностью многими гражданскими активистами не признается достаточно обоснованной. Однако, поскольку для вероятного конфликта отсутствуют этнокультурные составляющие, увеличение территории столицы Российской Федерации было осуществлено без нарушения этнокультурной безопасности и социально-политической стабильности государственного управления.

Трудно представить сейчас в России массовое движение типа BLM, сотрясающее современные США, нарушающее этнокультурную безопасность североамериканской социальной системы.

Список литературы:

1. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И. А. Грошева. Тюмень : Филиал МИГУП в Тюменской обл., 2019. 296 с.

2. Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. / С.Г Кара-Мурза, О.В. Куропаткина. Москва : Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.

3. Россия построила дорогу в обход Казахстана. [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/19370-rossiia-postroila-dorogu-v-obezd-kazakhstana (дата обращения 06.01.2021).

Н. А. Галактионова
доцент Тюменского высшего
военно-инженерного командного училища
имени маршала инженерных войск
А.И. Прошлякова

МЕТАФОРИКА НЕНАВИСТИ

Аннотация. В статье рассматривается использование метафорики ненависти как ключевого конструкта публицистического дискурса. Автор рассматривает использование метафор в контексте информационной войны, тактики расчеловечивания.

Ключевые слова: публицистический дискурс, политические метафоры, информационная война, манипулятивные тактики.

Публицистический стиль речи, базисные основы его использования как информационный и воздействующий инструмент, заставляют по новому взглянуть на проблему политической метафоры, использования метафоры как инструмента психологического давления, рассмотреть метафору через призму инструментального механизма.

Изучением функционирования метафоры в публицистическом дискурсе, ее суггестивным воздействием, занимаются лингвисты, в числе которых Дж. Лакофф, М. Блэк, А.П. Чудинов и другие. Блэк определяет метафору как взаимосвязанное присоединение «ассоциируемых импликаций» – принятых обществом ассоциаций – между главной и вспомогательной системами объектов [2, с. 160].

Не все виды метафор получили терминологическое обоснование. Потребность в новых определениях и в новых терминах, безусловно, есть, поскольку именно термин обладает необходимой смысловой определенностью, законченностью, концептуальностью, является частью корпоративного договора в научной или социальной отрасли [3, с. 41].

А.П. Чудинов, основываясь на семантических свойствах метафоры, выделяет:

1) антропоморфную метафору;

2) природоморфную метафору;

3) социоморфную метафору (предметы и явления сравниваются с понятиями из социальной сферы);

4) артефактную метафору.

Из французского языка возник термин «комбатант», который стали употреблять после ряда локальных конфликтов XX-го века, в которых принимали активное участие не военные и не резервисты. Термин был необходим, чтобы снять очевидную негативную коннотацию существующих определений – наемник, пособник террористов и т.д.

Современные СМИ можно рассматривать как проявление использование приемов риторики войны. То есть, инструмента пропаганды,

воздействия, убеждения широких масс с целью внушения определенных воззрений на военный конфликт. Риторика войны существует в особом контексте, это жестокая риторика, цель которой – в широком смысле оправдание убийства.

Риторика войны – это набор аргументов для освещения военных событий. По мнению Н. Авдониной, в риторике войны частотны три фрейма: угроза, враг и ответственность. Чтобы защитить национальные и международные интересы, политикам необходимы угроза и враг; чтобы взывать к морали – ответственность действовать [1, с. 188]. Именно эта триада так или иначе задействована в речах политиков, в текстах выступлений, освещающих военные действия в любом конфликте.

Риторика в отношении врагов обычно пересыпана идеологемами для создания эмоциональной наглядности: враги родины; бандиты, главарь, бандитский выродок, банда, головорезы, террористы, профессиональный платный убийца, преступники и т.д.

Практика информационной войны связана с использованием приема расчеловечивания. Стратегия расчеловечивания вписывается в манипулятивные технологии, ориентированные на «вбрасывание» в мир востребованного социального мифа. Основные черты такого мифа, имеющего цель стать жизнеспособным, базируются на нескольких основаниях: цель; жизнеспособность, подразумевающая адаптивность к существованию в определенной социокультурной среде; доверительность, основанная на ощущении искренности у целевой аудитории; обобщенности, укорененной на раскрытии ценностей целевой аудитории; выразительность, способная вызвать эмоциональное переживание эстетического и антиэстетического характера [6]. Мифотворчество, лежащее в основе пропагандистские установки, использует в манипулятивных практиках отработанные технологии, в частности, образ врага. «Уже давно произошло расчеловечивание – воюют не люди с людьми, не славяне со славянами, не чеченский батальон со львовскими силами, воюют «укропы» с «колорадами». Такие ярлыки позволяют не мучиться совестью – какая разница, порезать траву на салат или опрыскать картофельные кусты ядом» – пишут специалисты [5, с. 44]. Начало технологии расчеловечивания – маска, скрывающая лицо. Использование масок у активистов майдана стало основанием тезиса о том, что они «прячут лица», поскольку виновны. Лицо не скрывает тот, кто прав. Вторая волна расчеловечивания – использование ярлыков, в основании которых лежат анималистские (*колорады*) или растительные (*укроп*) образы, образы из мира вещей, а не живой природы (*ватники, вышиванцы*) и т.д. Использование образов-ярлыков калечит сознание, поскольку реципиенты воспринимают эти ярлыки без должного анализа, усваивают их, пользуются ими, привыкают к ярлыкам.

Использование технологий расчеловечивания увеличивает накал противостояний, не снижают градуса человеконенавистничества и потому опасны. Журналисты «были мобилизованы на «невидимый фронт» и превратились в «информационные войска». Именно журналистика выступила

в качестве главной ударной силы «гибридной» войны – войны нового типа, сочетающей в себе информационно-психологические, политические, дипломатические, экономические и (в последнюю очередь) милитарные компоненты».

Сейчас специалисты наблюдают новый виток противостояния на фоне возобновленного замороженного карабахского конфликта.

В Азербайджане на азербайджанском и русском языке вербализируются формулировки: «наши вечные враги», «армянские фашистские войска», «террористы», «бандиты», «наш исконный враг», просто «враги» («дюшманлэр»), «оккупант» – эвфемизмы, прямо отсылающие к соседнему народу. В Армении исторически и лингвистически не существует в языке понятия «азэр», «азэрэр», оно использовалось только в политически корректной прессе советского периода. Азербайджанцы воспринимаются как турки, существует прямой ассоциативный ряд между турками-османами и современными азербайджанцами. Нынешняя ситуация рассматривается как прямая апелляция к исторической катастрофе – геноциду. Язык пропаганды стал частью музыкального контента. Армянский сегмент YouTube изобилует патриотическими сюжетами, идейно направленных на мобилизационность и патриотичность. Характерно, что азербайджанцы как образ врага, как правило, не упоминаются. Основная цель – защита Родины, а не верификация врага. В целом этот факт рассматривается как часть менталитета: «песни времен геноцида носят оттенок фатальности, а не героизма: вот пришли турки, пришлось идти в федаины» [4]. Безусловно, такая насыщенность публицистического дискурса прямыми наименованиями и метафорикой с негативным подтекстом на английском, русском, армянском, азербайджанском и турецком языках не способствует нормализации отношений, влечет далеко идущие последствия, конструирует политическую и психологическую ситуацию ненависти.

Для снижения числа этноориентированных публикаций необходимо помнить об ответственности СМИ, соблюдении журналистской и редакторской этики. В профессиональной деятельности немаловажное значение имеют толерантные установки, правдивое и непредвзятое освещение событий, способность к разрешению потенциальных конфликтных ситуаций, чуткость и эмоциональная устойчивость в соединении со способностью к эмпатии.

Основополагающими в деятельности СМИ по освещению этнополитических и этноконфликтных событий следует считать толерантные и неконфликтные установки; соблюдение норм журналистской этики; компетентность в освещении тем, связанных с этнической проблематикой.

Список литературы:

1. Авдонина Н. Риторика войны [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2014_05/16.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / пер. с англ., общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
3. Галактионова Н.А. Язык науки: рассогласованность картины мира в терминообразовании // Культура и антикультура: определения и ценности . – Тюмень: ТИУ, 2016. С. 40-43.
4. Крутиков Е. Как армян и азербайджанцев учат ненавидеть друг друга [Электронный ресурс]. URL: https://vz.ru/world/2020/10/20/1066210.html (дата обращения: 09.12.2020).
5. Окара А.Н. «Четвертая власть» между обществом и государством. Политические журналисты как часть политического класса современной России // Полития. 2014. №4. С. 31-48.
6. Ульяновский А. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005.
7. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013.

Л. И. Грошева
доцент Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОЛЛЕКТИВАХ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема конфликтного поведения руководителей коллективов в зависимости от их национальной принадлежности. Автор подчёркивает специфические черты конфликтов в мультикультурной среде, а также демонстрирует особенности взаимодействия работников при наличии межнациональных противоречий. Представлены данные авторского исследования, отражающие особенности подходов руководителей в разрешении конфликтных ситуаций в многонациональных группах.

Ключевые слова: многонациональный коллектив, управление, конфликт, конфликтное взаимодействие, коммуникации.

В условиях интенсификации информационного обмена объём трудовых функций значительно повышается, что приводит к повышению психологической нагрузки на работников и руководителей подразделений. Распространение вирусных заболеваний усугубило процесс в связи с ростом дистанционных форм занятости, которые наряду с фиксируемыми преимуществами привели к смешению рабочих и личных жизненных процессов. Виртуализация коммуникаций, в свою очередь, снизила взаимную адаптацию в рамках мультикультурных коллективов, в которых различия в установках, привычках и культуре общения сформировали предпосылки для открытых и латентных конфликтных форм взаимодействия. В особенности

данная проблема затронула работу проектных подразделений и новых или реорганизованных структур, которые были вынуждены адаптироваться при наличии естественных барьеров цифрового общения.

Многонациональный коллектив характеризуется естественным столкновением различных социально-культурных и этнопсихологических факторов, имеющих определяющее значение в их ценностно-мотивационной структуре деятельности. Соответственно конфликт как часть межличностного взаимодействия в подобных группах является естественным аспектом адаптации и развития группы, что должно быть управляемым процессом с целью сокращения потерь производственной эффективности.

Несмотря на ограничения в рамках профилактики распространения вирусных инфекций учреждения закрытого типа (подразделения министерства внутренних дел, военные структуры, учреждения надзорных и исправительных служб, сфера уникального производства и др.) в значительной мере сохранили стандартную схему работы при внесении ряда изменений, сопряжённых с санитарными требованиями и спецификой реализации защиты здоровья.

С точки зрения социального взаимодействия в многонациональных коллективах присутствует ряд проблем, требующих особого подхода со стороны субъекта управления.

1. Необходимость перманентного учёта дифференцированных требований к эффективной коммуникации со стороны национальных включений способствует росту утомляемости как рядовых сотрудников, так и непосредственных руководителей.

2. Определяющая производственный и служебный процесс высокая интенсивность взаимодействия приводит к тому, что в значительной мере не все латентные конфликты могут быть диагностированы и нивелированы на ранней стадии, а в условиях характерной анклавизации представителей схожих национальных групп данный факт сопряжён со значительными рисками.

3. Относительно формирования новых или реорганизованных коллективов следует отметить, что зачастую естественные условия для формирования предшествующего опыта коммуникации у сотрудников отсутствуют. По этой причине первичная адаптация к коллективу происходит по двум направлениям: адаптация к трудовым процессам и встраивание личной и этнокультурной систем ценностей в организационную культуру. Отсутствие достаточного внимания к этим параллельным процессам результирует рост напряжённости в микрогруппах, а также в трудовом сообществе в целом [3, с. 82].

Таким образом, противоречивость взаимодействия в этнической системе обусловлена также дивергенцией факторов, формирующих и составляющих сущность этнокультурного кода. Их воздействие на ежедневные коммуникативные практики может проявляться в скрытой форме, только при наличии ортодоксальных представителей, склонных к открытой демонстрации собственной позиции.

1. Религиозный фактор может реализовывать как консолидирующую, так и дезинтегрирующую функцию в зависимости от характеристик соотношения национальных микрогрупп [4, с. 36]. Помимо различий в принципиальных аспектах мировоззрения религиозный фактор может оказывать влияние на приём и состав пищи, время работы и т.д. Отдельные исследователи отмечают, что роль религиозного фактора должна быть минимизирована в организациях закрытого типа, сопряжённых с выполнением значимых социальных задач, однако в полной мере вероисповедование невозможно исключить из бытовых аспектов взаимодействия в многонациональном коллективе.

2. Особенности исторически сложившихся условий взаимодействия представителей разных народов могут выражаться не только в коммуникативных разногласиях, но также влиять на характер выполняемых задач и работ [2, с. 178]. Также отдельные народы сохранили высокий уровень интолерантности по отношению друг к другу, которая может быть вызвана как объективными факторами (конфликт в Нагорном Карабахе), так и субъективно-историческими установками (убийство кыргызами казахских ханов). Различия в исторически обусловленных местах проживания могут способствовать разделению труда в коллективе не по принципу организационной рациональности, но в большей мере по иерархическим соображениям внутри отдельно взятого этноса или этнических групп.

3. К историко-культурному фону добавляется специфика информационной политики как в рамках страны, так и на уровне национальных сообществ. Учитывая тот факт, что современные диаспоры в значительной мере поддерживают связь посредством виртуальных социальных сетей, субъективное информирование значительно усиливает свою результативность. Следует подчеркнуть тот факт, что стереотипические образы и национальные эпитеты, принятые в обществе как дискредитирующие или оскорбительные внутри национальных сообществ могут быть введены в норму общения, что затрудняет вопрос конструктивной интеграции в многонациональный коллектив представителей других групп, не имеющих возможности в полной мере адаптироваться под коммуникативные установки превалирующего сообщества [6, с. 92].

Таким образом, проблема межличностных коммуникаций в многонациональном коллективе, в особенности в организации закрытого типа, является актуальной и значимой. Многонациональный коллектив, как объект исследования выступает значимым элементом не только повышения производительности организации, но и является залогом стабильности коллектива и его включения в общую структуру компании.

Мультикультурализм в организационном и глобальном формате в мировой практике находится в остром кризисном состоянии, так как методы открытого восприятия и абсолютизации толерантности к различным национальным группам, в особенности исторически не характерным для определённых территорий, показали свою низкую эффективность и

способствовали росту угроз безопасности жителей европейских государств [1, с. 249].

Склонность к конфликтному поведению характерна не только для организационных систем, но и для общества в целом. В России, несмотря на историческую многонациональную природу, конфликты являются социальным фактом преимущественно в скрытой форме. В среднем, каждый пятый россиянин не одобряет трудовые миграционные потоки из-за низкой ассимиляции мигрантов среди местного населения. Около 30 % жителей считают, что формирование управленческих команд из представителей национальных меньшинств приводит к разрастанию национальных анклавов в рамках организаций и отдельных регионов [6, с. 92]. Данные факты во многом усугублены действиями средств массовой информации, согласно которым национальные меньшинства и мигранты зачастую подаются как источник социально-экономических проблем и регионального неблагополучия. Данный факт способствует развитию стереотипических представлений о различных национальностях, что, в свою очередь, препятствует их адекватному восприятию в организационной среде.

Зарубежные практики нашли отражение в сравнительном анализе, отражающем три основных формы межэтнического взаимодействия в коллективе.

1. Мононаправленная коммуникативная система характеризуется превалированием подавления одной-двумя лидирующими микрогруппами остальных представителей коллектива. Особенностью данного типа взаимодействия является преимущественно бесконфликтный, латентный характер протекания социально-культурных изменений в коллективе. Результатом данной системы является примат этнокультурных принципов лидирующих групп над организационной культурой в целом, что в значительной мере стимулирует выбытие наименее приспособленных к ним членов групп.

2. Равноправное взаимодействие двух или нескольких национальных групп подразумевает систему взаимного принятия и полилога, в рамках которого озвучиваются базовые потребности и ожидания микрогрупп с целью поиска общего, наиболее продуктивного решения возникающих затруднений. В рамках подобной системы организационные ценности определяются в качестве ведущих, тогда как этнокультурная специфика является дополняющим, либо нейтральным фактором, не оказывающим значительного влияния на производственный процесс.

3. Конфликтная форма взаимодействия обусловлена высоким уровнем неконструктивной конкуренции, в основе которой лежит не развитие собственной микрогруппы, а уменьшение эффективности других сообществ путём сговора либо подавления и оппортунистического поведения в отношении представителей национальностей, не приемлемых лидирующими группами по какой-либо причине [5, с. 57].

Отмеченные формы взаимодействия зачастую определяются наличием конкретных установок у национальных групп, соответствующих их

представлениям о собственном народе и «иных» представителях. Если представления доминируют над реальной оценкой конкретных индивидов, то результатом данного явления станет формирование устойчивых стереотипов, на борьбу с которыми должна быть направлена одна из управленческих функций руководителя.

С целью определения дифференциации стратегий поведения в конфликте в соответствии с национальными различиями была применена методика Томаса–Килманна в адаптации Н.В. Гришиной. Данная методика позволяет выявить типичную реакцию человека на возникающее противоречие, а также определяет наиболее вероятный метод разрешения конфликта на основе личностных предпочтений. Так как конфликты являются неотъемлемой частью взаимодействия в коллективах, состоящих из различных культурных комплексов (установок, традиций, веры и др.), оценка конфликтного поведения позволяет определить диспропорции в предпочитаемых стратегиях в рамках различных национальных групп. Для оценки данного показателя опрошено по 20 представителей из каждой исследуемой национальной группы. Для сравнительного анализа было отобрано 7 групп (русские, белорусы, татары, казахи, киргизы, таджики, афганцы). Максимально возможный показатель по каждой стратегии – 12 баллов.

Представленные результаты позволяют говорить о наиболее характерном ведущем поведении, применяемом руководителями различной национальной принадлежности.

Для группы русских наиболее характерными подходами в условиях конфликта являются сотрудничество (8) и компромисс (9). Белорусы в целом также отражают указанную тенденцию, незначительная разница заключается в менее востребованном методе компромисса (7 баллов против 9 у русских) и несколько большая ориентация на уклонение и приспособление (разница в 1 балл в обоих случаях). Однако предпочтительность сотрудничества белорусами полностью соответствует показателям русских (в обоих случаях по 8 баллов). Данные свидетельствуют о превалирующем единстве в подходах к управленческому процессу. Руководители рассматривают возможность неучастия в конфликте в случае отсутствия рациональных оснований для мобилизации ресурсов (уклонение 4 у русских и 5 у белорусов), в то же время командиры готовы проявить гибкость в особенно сложных ситуациях, либо случаях, не входящих в компетенцию руководителя (стратегия приспособления – 5 у русских и 6 у белорусов). Обострение отношений и активизация конфликта для разрешения латентных или явных противоречий применяется русскими и белорусами в равных долях (конфронтация по 4 балла), что может свидетельствовать о стремлении командиров отстаивать значимое для них мнение или позицию по отдельным вопросам.

Тюркская группа (татары, казахи, киргизы) в среднем продемонстрировали неоднородные показатели конфронтационных стратегий. Если татары наименее склонны к обострению ситуации (2), то казахи готовы к осложнению конфликта при наличии значимых (с

объективной или субъективной точек зрения) факторов (4). Нет единства в выборе стратегии компромисса. В наибольшей мере готовы идти на уступки киргизы (7), что является показателем большей гибкости и внимания к нуждам подчинённых. Однако казахи отдают предпочтение уступкам значительно реже (5), что может говорить о более низкой готовности принимать чужую позицию и прислушиваться к мнению подчинённых.

При этом сотрудничество как ведущая стратегия выражена у всех тюркоязычных представителей в равной степени (4-5 баллов), что говорит о наличии готовности к обсуждению вопросов и поиску оптимального решения для всех сторон. Соответствующий показатель характерен и для представителей Таджикистана.

Среди тюркской группы наиболее характерным приспособление является для татар (10), а наименее выражено у казахов (7). Татары, как более включённая группа в российский социум, более ориентирована на сохранение гармоничных отношений с окружающими. Вероятно, по этой причине их склонность отстаивать собственное мнение менее ярко выражена. Казахи в большей степени склонны уходить от конфликта с сохранением собственной позиции (9), нежели отказываться от своих интересов (7), данный факт подтверждается и большей интенцией участвовать в активном противостоянии окружающим.

Учитывая особенности оценки афганской группы по предыдущим шкалам, её сравнение с другими национальностями довольно затруднительно. Афганские руководители в наибольшей степени склонны к открытому противостоянию (8), готовы защищать позицию своих сторонников и свою собственную, не проявляя дипломатической гибкости. Предположительно по этой причине ими также востребован уход от конфликтного взаимодействия (8), так как он позволяет оставаться при собственных интересах без открытого противостояния в случае столкновения с более сильным и компетентным противником. Тем не менее, следует отметить, что компромисс всё же рассматривается для них в качестве вероятной модели поведения (6). Учитывая результаты афганской группы по предыдущим шкалам, данный факт можно объяснить дифференцированным подходом к различным национальным группам по мере проявления доверия к ним и характера социального дистанцирования. Предположение обосновано и достаточно низким показателем предпочтения сотрудничества (3), что говорит о низкой склонности афганцев участвовать в обсуждении проблем и прибегать к делегированию управленческих функций. В то же время приспособление для граждан Афганистана также вероятно (5), что может быть рассмотрено в отношении более сильных и авторитетных личностей или групп.

Таким образом, следует отметить, что в конфликтной ситуации представители славянских групп в большей мере склонны к компромиссу и сотрудничеству, в то время как для представителей тюркских этнических категорий в большей мере характерны такие методы решения конфликтных ситуаций как уклонение и приспособление. Данные показывают особенности

этнически обусловленных взаимодействий, которые формируются, исходя из коммуникативных привычек и национальных установок отдельных групп.

Список литературы:

1. Абрамов М.А., Срибный В.Н. Формирование культуры межнационального общения будущих офицеров внутренних войск МВД России // Вестник СГТУ. 2011. №2 (60). С. 248-251.
2. Гарипов Я.З. «Межнациональные отношения в полиэтнических трудовых коллективах (на примере КамАЗа)» // Мониторинг. 2013. №3 (115). С. 176-184.
3. Голубева Л.Ф. Социально-психологические основы управления трудовым коллективом // Вестник ТГУ. 2015. №2 (142). С. 82-86.
4. Гридунова М.В. Психологические факторы межкультурной компетентности студентов и школьников: дис. … канд. психол. наук. Москва, 2018. 208 с.
5. Гридчин А.А. Методология урегулирования региональных конфликтов // Свободная мысль. 2009. № 7. С. 54-58.
6. Ильюшкин В.В. Межнациональное взаимодействие и роль в нём национальных стереотипов // European science. 2015. №5 (6). С. 91-94.

Л. Далинчук
докторант Университета естественно-гуманитарных наук[1]

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ПОЛЬШЕ. СИТУАЦИЯ БЕЛОРУСОВ

Аннотация. Социальная безопасность является одним из нескольких общепринятых секторов безопасности в объективном измерении и характеризуется очень высокой степенью связи с индивидуумом и обществом. Социальная безопасность национальных и этнических меньшинств является одним из элементов социальной политики в Польше и законодательно регулируется рядом документов. Одной из самых многочисленных групп меньшинств в Польше являются белорусы, преимущественно проживающие в Подляском районе. Их характерная черта - высокая степень ассимиляции с большинством местных жителей.

Ключевые слова: социальная безопасность, национальное меньшинство, белорусы, Польша.

Введение – понятие социальной безопасности

Социальная безопасность является одним из нескольких общепринятых секторов безопасности, выделяемых в объективном измерении (например, политическом, военном, экономическом, экологическом) и характеризуется очень высокой степенью связи с индивидуумом и обществом. Можно её

[1]Научный руководитель – Adam Bobryk, dr hab., profesor uczelni Instytut Nauk o Bezpieczeństwie

интерпретировать путем идентифицирования как с отдельно взятой личностью, так и с целой социальной группой. Согласно А. Скрабач, социальная безопасность может быть представлена как одна из категорий национальной безопасности, которая подразумевает «защиту экзистенциальных основ человеческой жизни, обеспечение возможностей для удовлетворения индивидуальных (материальных и духовных) потребностей и реализации жизненных устремлений благодаря созданию условий для работы и обучения, медицинскому обеспечению и пенсионным гарантиям» [8, с. 38].

Следует отметить, что социальная безопасность охватывает две тематические сферы – культурную и социальную. Культурная сфера касается местных сообществ или наций, которые воспринимаются как единое целое в сравнении с другими социальными группами со своей культурой. В связи с этим, из-за различий в культуре и межкультурных отношений могут возникать религиозные, расовые или языковые разногласия, что может повлиять на сплочённость отдельных социальных групп. Социальная сфера, с другой стороны, касается отдельных лиц и экономических аспектов их жизни и обусловлена рядом проблем, имеющих место в обществе, таких как безработица, бедность, бездомность и социальные патологии (алкоголизм, наркомания, проституция), а негативным последствием этих явлений может быть маргинальность и социальное исключение [1, с. 15]. Следует подчеркнуть, что указанные выше социальные угрозы могут быть ещё большей проблемой для представителей национальных меньшинств в данной стране, потому что их основной экзистенциальной потребностью является проблема поддержания национальной или этнической целостности в среде, где пребывают другие, более крупные национальные сообщества. Как утверждает М. Кубяк, помимо контакта с социальными и бытовыми проблемами, представители национальных меньшинств должны ежедневно заботиться о своей «целостной продолжительности, выживании и развитии» [3, с. 210].

Национальные меньшинства в Польше и их социальная безопасность

Меньшинство – это определенная социальная группа, меньшая по численности, чем другая социальная группа, из-за своих специфических особенностей: различия расы, этнического происхождения, языка, религии, обычаев, исторического и культурного чувства индивидуальности и вытекающих из этого социально-политических и правовых последствий [6, с. 261]. Нормативное определение национального меньшинства в польском законодательстве можно найти в *Законе от 2005 г. о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке*. Согласно ст. 2 вышеупомянутого *Закона*, национальное меньшинство – это группа польских граждан, отвечающая следующим условиям:

1) является менее многочисленной, чем остальное население Республики Польша;

2) существенно отличается от других граждан языком, культурой или традициями;

3) стремится сохранить свой язык, культуру или традиции;

4) осознает свою национально-историческую общность и ориентирована на её выражение и защиту;

5) предки данной группы проживали на нынешней территории Республики Польша не менее 100 лет;

6) идентифицирует себя с нацией, организованной в собственное государство [9].

В группу национальных меньшинств в Польше включаются следующие меньшинства: белорусы, чехи, литовцы, немцы, армяне, русские, словаки, украинцы и евреи [9].

Следующим документом, регулирующим основные принципы защиты национальных меньшинств в Польше, является *Конституция Республики Польша* от 2 апреля 1997 года. Согласно ст. 35 вышеупомянутой Конституции, Республика Польша предоставляет польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу в поддерживании и развитии своего собственного языка, сохранении обычаев и традиций и развитии своей собственной культуры. Кроме того, национальные и этнические меньшинства имеют право создавать свои собственные образовательные и культурные учреждения, служащие защите их религиозной идентичности, и участвовать в решении вопросов, касающихся их культурной идентичности [2].

Среди основных прав национальных меньшинств, гарантированных польским законодательством, выделяются следующие права:

– запрещение дискриминации и существования организаций, программа или деятельность которых предполагает или допускает расовую или национальную ненависть;

– свобода поддержки и развития своего языка;

– свобода сохранения обычаев и традиций и развития своей культуры;

– право на изучение языка меньшинства, а также обучения на этом языке;

– право на беспрепятственное проведение религиозных обрядов;

– право на создание своих собственных образовательных и культурных учреждений, а также учреждений, целью которых является защита религиозной идентичности;

– право участвовать в решении вопросов, касающихся своей национальной принадлежности;

– право избирательных преференций для избирательных комиссий организаций меньшинств [5].

Белорусы в Польше

Белорусы – одно из самых многочисленных национальных меньшинств в Польше. Эта социальная группа традиционно проживает на юго-восточных территориях Подляского воеводства. По данным Всеобщей переписи населения и жилищного фонда 2011 года белорусскую национальность

подтвердили 43880 человек, а в Подляском воеводстве – 38358 человек [4]. Большинство представителей белорусского меньшинства проживает в Бельске Подляском, Хайнувке, Семятычах, Белостоке и других небольших городах. В 9 подляских гминах (общинах) представители белорусского меньшинства в настоящее время составляют более 20% жителей, в том числе в 4-х – более 50% [4]. Подавляющее большинство белорусов являются православными и принадлежат к Польской автокефальной православной церкви. Более того, в Подляском воеводстве представители белорусского меньшинства активно участвуют в органах самоуправления некоторых уездов и общин. Как отмечает Х. Рак, белорусы являются неотъемлемой частью польского общества и самым быстро ассимилирующимся меньшинством в Польше, поэтому количество жителей, считающих себя белорусами, значительно сокращается, что не означает, что эти люди оторвались от своих корней [7]. Очень часто у представителей православной веры есть белорусские родители или бабушка и дедушка, но они чувствуют себя поляками. В самом Белостоке, например, есть 14 церквей, что, по мнению Х. Рак, несмотря на большую ассимиляцию национального меньшинства, доказывает, что «в сложном процессе ослабления связей с предыдущими поколениями население дольше всего сохраняет свое религиозное наследие» [7].

Белосток считается столицей польских белорусов, где расположены штаб-квартиры следующих белорусских организаций: Белорусская социально-культурная ассоциация, Белорусский союз в Польше, Белорусский союз молодежи, Белорусское литературное объединение «Беларусь», Белорусское историческое общество и Ассоциация белорусских журналистов. Белостокский университет также действует как научный центр, промирующий язык, культуру и историю белорусов. Кроме того, в Белостоке издаются журналы на белорусском языке – еженедельник «Нива», ежемесячный журнал «Часопис», журнал «Белорусские исторические тетради», выходящий 2 раза в год, а также действует белорусская радиостанция «Радио Рация». Кроме того, польское радио Белосток ежедневно транслирует программу на белорусском языке «Пад Знакам Пагоні», а на канале TVP3 Białystok – программу «Белорусская неделя», адресованную белорусскому меньшинству. Кроме того, в Подляском воеводстве белорусский язык также преподается как дополнительный предмет. Подляское воеводство также является местом проведения различных культурных мероприятий с участием польских белорусов, например, «Басовщина», фестиваль белорусской песни в Белостоке, фестиваль белорусской культуры и фестиваль «Купалье» в Беловеже.

Тем не менее, как уже было сказано выше, белорусы не любят проявлять свою национальную идентичность, поскольку эта группа является очень быстро ассимилирующим меньшинством. Еще одна большая проблема – это массовый переезд молодёжи в города из-за ослабления национальных связей, а также по экономическим и образовательным причинам. По словам Я. Сычевского, председателя Белорусской социально-культурной ассоциации в Польше, «православная церковь играла и продолжает играть ведущую роль в

сохранении и пробуждении собственной идентичности среди белорусов Подлясья», поэтому в тех местах, где православная церковь занимает сильную позицию, национальное сознание также сильнее [10].

По словам К. Жолендовского, белорусское меньшинство характеризуется самым высоким уровнем принятия этнической ситуации в Польше «на фоне наиболее продвинутых процессов ассимиляции», что отражается в следующих тенденциях:

– постепенный отказ от языка и культуры собственной группы;

– постепенное исчезновение потребности в институциональном разделении, особенно в области образования с родным языком;

– большое несоответствие устремлений наиболее национально сознательной, но пропорционально малочисленной элиты и безразличие к проблеме сохранения этнической идентичности большинства группы [11, с. 189].

Автор также утверждает, что социальная структура белорусского меньшинства в настоящее время нарушена из-за избирательной ассимиляции. Большинство людей, заявляющих о своей национальности – это сельское население с низким уровнем образования, а также «группа интеллектуалов с сильным национальным сознанием, составляющая элиту белорусских активистов» [11, с. 200].

Заключение

В заключение следует отметить, что социальная политика польского государства направлена на обеспечение социальной защиты национальных и этнических меньшинств, предоставление им соответствующих условий для их интеграции и развития в соответствии с принципами международного права, а также, по возможности, финансовой поддержки культурных, образовательных и религиозных организаций и учреждений меньшинств. Белорусское национальное меньшинство, наибольшее количество представителей которого проживает в Подляском воеводстве, является одним из самых многочисленных меньшинств в Польше и представляет неотъемлемую часть польского общества. Национальная идентичность белорусов в Польше характеризуется высокой степенью ассимиляции и существенно отличается от белорусского общества в Республике Беларусь, поскольку белорусское государство не является важным ориентиром для белорусского меньшинства в Польше.

Список литературы:

1. Brzeziński M. Bezpieczeństwo społeczne jako rodzaj bezpieczeństwa. Ustalenia wprowadzające, [в:] Skrabacz A., Sulowski S. (ред.), Bezpieczeństwo społeczne. Pojęcia. Uwarunkowania. Wyzwania. Dom Wydawniczy ELIPSA, Warszawa 2012.

2. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. (Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г.). [Электронный ресурс].

URL: http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/polski/kon1.htm (дата обращения: 16.12.2020).

3. Kubiak M. Bezpieczeństwo społeczne mniejszości narodowych i etnicznych w Polsce, [в:] Skrabacz A., Sulowski S. (ред.), Bezpieczeństwo społeczne. Pojęcia. Uwarunkowania. Wyzwania. Dom Wydawniczy ELIPSA, Warszawa 2012.

4. Ministerstwo spraw wewnętrznych i administracji (Министерство внутренних дел и администрации), Charakterystyka mniejszości narodowych i etnicznych w Polsce. [Электронный ресурс]. URL: http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/mniejszosci/charakterystyka-mniejs/6480,Charakterystyka-mniejszosci-narodowych-i-etnicznych-w-Polsce.html#bialorusini (дата обращения: 16.12.2020).

5. Ministerstwo spraw wewnętrznych i administracji (Министерство внутренних дел и администрации), Mniejszości narodowe i etniczne. Podstawowe prawa. [Электронный ресурс]. URL: http://mniejszosci.narodowe.mswia.gov.pl/mne/prawo/zapisy-z-konstytucji-r/6481,Podstawowe-prawa.html (дата обращения: 16.12.2020).

6. Nikitorowicz J. Grupy etniczne w wielokulturowym świecie. GWP, Sopot 2010.

7. Rak H. Wielokulturowe Podlasie. KOD Podlaskie 05.07. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kod-podlaskie.pl/wielokulturowe-podlasie/ (дата обращения: 16.12.2020).

8. Skrabacz A. Bezpieczeństwo społeczne. Podstawy teoretyczne i praktyczne. Dom Wydawniczy ELIPSA, Warszawa 2012.

9. Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (Закон от 6 января 2005 г. о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке). Dz. U. 2005 Nr 17 poz. 141. [Электронный ресурс]. URL: http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf (дата обращения: 16.12.2020).

10. Wątróbski L. Białorusini na Podlasiu. Kurier Plus 15.07. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kurierplus.com/2017/07/3984/bialorusini-na-podlasiu/ (дата обращения: 16.12.2020).

11. Żołędowski C. Białorusini i Litwini w Polsce, Polacy na Białorusi i Litwie. Uwarunkowania współczesnych stosunków między większością i mniejszościami narodowymi. Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, Warszawa 2003.

М. В. Маслакова
доцент Тюменского государственного института культуры
Т. М. Попова
студентка Тюменского государственного института культуры

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению цифровизация общества и ее активному внедрению во все сферы человеческой деятельности: бизнес, политика, образование, культура и пр. Цифровая трансформация культуры – это не просто смена формата, а изменение всей культуры, т.к. понимание цифровой культуры является фундаментом цифровизации общества в целом. Цифровизацию культуры можно рассматривать с двух сторон: «оцифровка» продуктов и услуг учреждений культуры и формирование социально-активной и творческой личности, осознающей ответственность за настоящее и будущее, обладающей критическим познанием, компетентным использованием цифровых инструментов в профессиональной сфере и самореализации личности и цифровыми коммуникативными навыками.

Ключевые слова: информационная культура, цифровизация, цифровая культура, цифровой контент.

Современная эпоха находится в постоянном движении и развитии, что ведёт к появлению новых сфер деятельности или усовершенствованию текущих. На данный момент инновационность в большинстве случаев сводится к таким понятиям как цифровизация, цифровые технологии, оцифровка, интернет, сетевая среда и др. Но 2020 год стал переломным моментом для многих людей: карантин и переход на удаленный формат для обучения и работы заставили общество более глубоко изучать и внедряться в работу технологий цифровой среды.

Инновационные тенденции проникли также в сферу культуры и привнесли множественные изменения. Учреждения культуры движутся в ногу со временем и совершенствуются в использовании цифровой среды.

В последнее время проблема цифровизации культуры представлена во многих работах. Социокультурный, правовой и культурологический аспекты цифровизации в своих работах изучали Е. В. Близнец, Е. А. Кочегарова, Е. В. Гнатышина и др. Многие авторы рассматривают влияние цифровизации на культуру и её развитие, к примеру, А. В. Бутов, Е. В. Листвина, Г. В. Королев, А. В. Савенкова, С. М. Фролова и др. При изучении цифровизации культуры большое значение имеет национальный проект «Культура» и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Цифровизация – это форма модернизации, которая дает обществу совокупность новых инструментов и технологий, обеспечивающих возможность масштабного применения нового типа социальной коммуникации.

На сегодняшний день многие ученые в своих трудах затрагивают тему цифровизации общества. Цифровизация как социальное явление получила широкое распространение ещё в середине XX века и имеет ряд характерных признаков: виртуальность контента; управляемость; разнородность коммуникаций [2, с. 20]. Тема цифровизации актуальна и на уровне государственной политики, и в сфере предпринимательства и бизнеса.

Цифровизация внедрилась во многие аспекты жизни общества и человека но одним из важнейших аспектов является образование. Образовательная среда наполнилась новейшими технологиями: виртуализация образовательной среды, дистанционное обучение, использование технологий искусственного интеллекта для оценки успеваемости, расширение сотрудничества и взаимодействия между собой образовательных учреждений и т.д. [8, с. 201]. В качестве вузовской платформы взаимодействия используется термин: «электронная информационно-образовательная среда». Стремительно развивающаяся цифровая среда способствует реализации культурных и образовательных проектов. Министерство культуры Российской Федерации уже несколько лет осуществляет деятельность по цифровизации сферы культуры, например, создание портала «Культура.рф», который занимает главенствующую позицию ресурса о культурной жизни страны и объектах культурного наследия.

Цифровизации культуры способствует и государственная информационная политика посредством реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», национального проекта «Культура», в составе которого запущен федеральный проект «Цифровая культура», основными направлениями которого являются:

– создание специальных условий для развития в стране общества знаний;

– повышение качества жизни граждан страны через доступность и качество современных цифровых технологий;

– повышение цифровой грамотности населения страны;

– создание доступных и качественных государственных услуг;

– создание безопасных условий при использовании цифровых услуг [3, с. 198].

В рамках проекта «Цифровой культуры» осуществляется создание виртуальных концертных залов на площадках учреждений культуры для участия жителей в федеральных и региональных культурных мероприятиях в режиме on-line. А национальные и региональные музеи получат возможность оснащения цифровыми гидами проектов. Для сохранения культурного наследия и доступа к нему в рамках проекта осуществляется оцифровка раритетных изданий [5, с. 113].

Цифровизация в сфере культуры позволяет привлечь новые источники дохода, а также предоставляется возможность привлечения инвестиций в эту сферу. Культурная цифровизация открывает новые возможности и

направления для развития внутреннего и въездного туризма посредством оптимизации деятельности в сфере использования и сохранения культурного достояния народов Российской Федерации. В цифровую трансформацию вовлечены все учреждения культуры.

В связи с тенденцией цифровизации возникает множество производных («оцифрованных») понятий, особый интерес среди которых представляет феномен «цифровая культура». Существует огромное количество трактовок этого понятия, но, несмотря на его широкое применение, не существует точного и всеми принятого определения. Цифровая культура чаще всего определяется как создание и развитие современных информационных технологий и их активное применение в различных отраслях деятельности.

Цифровая культура представляет собой многоаспектное явление, которое рассматривается с различных позиций (табл. 1).

Таблица 1 – Позиции характеристики феномена «цифровая культура»

Название позиции	**Характеристика**
Изменение восприятия времени	Каждый отдельный исторический этап имеет свои характерные особенности. На сегодняшний день актуален «феномен сжатия времени», который расценивается как особенность цифровой культуры. Наблюдается сужение времени между новыми моделями изобретений.
Формы коммуникации	В период цифровых технологий возникают различные новые термины, из этого вытекают сокращенные слова и применение коротких сообщений – смс.
Поведенческие установки	Люди стремятся создать себе образ, который будет привлекателен для общества. Молодое поколение стремится общаться в большей степени с теми, кого никогда не видели, нежели с семьей.
Формы занятости	Начало тенденции замены живых работников роботами. Многие работодатели уделяют внимание информационной грамотности, умению пользователя осмысленно создавать, распространять и защищать личные и профессиональные данные.

Изучая становление и развитие цифровой культуры в обществе, необходимо изучить принципы и элементы данного феномена. К основным и главным принципам цифровой культуры организации относятся следующие:

1) разработка и построение цифровых экосистем;
2) использование принципов операционного управления;
3) реализация цифровых принципов работы с подразделениями;
4) использование корпоративных информационных систем при работе с различными отраслями;
5) эксплуатация облачных технологий;
6) использование распределительных сетей передачи данных [4, с. 49].

Существует также определенная классификация принципов цифровой культуры при её внедрении в организации. В эти принципы входят: гибкость

и адаптивность; цифровое мышление; открытые коммуникации; коллаборация; решения на основе данных; инновационное мышление; эмоциональный интеллект; клиентоориентированность.

Определение и формирование данных принципов цифровой культуры необходимо для правильного её внедрения в различные сферы общества и организации. Опираясь на них, людям проще ориентировать свою деятельность и соблюдать определенные правила.

Рассматривая теоретические основы цифровой культуры, нельзя не уделить внимание её техническим формам проявления. К ним относятся не только персональный компьютер, но также глобальная сеть Интернет, программное обеспечение, компьютерная графика, цифровые форматы традиционных средств коммуникации, компьютерные игры, интернет вещи, VR, искусственный интеллект и др., т.е. «цифровые продукты», представляющие собой товары и услуги в цифровом виде. В их числе электронные книги, видео, музыка, текстовые файлы и многое другое.

Из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что главным фактором в цифровизации является цифровой контент. Именно он позволяет улучшить качество производимой продукции, а также повысить не только эффективность технологии, но и процесса реализации.

Производство качественной цифровой продукции главным образом зависит от уровня цифровой культуры человека. Безусловно, при внедрении цифровых технологий возникают многочисленные трудности и проявляются психологические деструкции, но именно культурная цифровизация становится одним из важных факторов, отвечающим за формирование ответственности за настоящее и будущее, социально-активной и творческой личности.

В связи с этим Д. Е. Прокудиным выделены уровни влияния цифровой культуры на жизнь человека:

1) материальный уровень – на этом уровне происходит анализ многообразия цифровых технологий и их влияние на различные сферы жизни человека;

2) символический уровень – наличие специфического языка, а также различных форм выражения своих эмоций и мыслей. На цифровом уровне таким языком является язык программирования;

3) ментальный уровень – формирует личность согласно свойственным ей установкам и принципам, которые отражаются в работе с информацией и цифровыми устройствами;

4) духовный уровень – цифровая культура оказывает огромное влияние на развитие культурной и духовной сфер общества, а также формирует ценности на государственном и региональном уровнях [цит. по 1, с. 133].

Итак, «формирование цифровой культуры подразумевает разные грани использования инструментов киберпространства и ИКТ; критическое познание и прогнозирование влияния цифровизации на индивида и окружающей его действительности; комфортизация цифровой

жизнедеятельности в профессиональной сфере и самореализации личности; взаимодействие с обществом в цифровой среде» [6, с.12].

Благодаря появлению технологий и сети Интернет, виртуальных пространств, средств визуализации и наглядной презентации – расширилась группа социально-активных и творчески занятых людей. На сегодняшний день самообразование является обыкновенной практикой и многие увлечены проблемами своего личностного роста.

Несмотря на положительные моменты в цифровой культуре наблюдаются негативные стороны данного феномена. Из самых распространенных стоит назвать: сокращение рабочих мест, колебания цен на товары и услуги, риски конфиденциальности и безопасности, рост киберпреступлений, психологическая неготовность и т.д.

Развитая информационная культура влияет на качество работы с информацией. К сожалению, не все обладают информационным мировоззрением, поэтому данная проблема до сих пор является актуальной и распространенной. Избыточность информации в сетевой среде дезориентирует пользователя, способствуют инфантилизму личности, при этом потребление информации становится поверхностным, а не осознанным и глубоким.

В сфере цифрового образования присутствует ряд проблем. Первой из них является отсутствие живого диалога: собеседники часто не наблюдают живых эмоций. Присутствуют проблемы технического характера: скорость интернета, мощность ПК, наличие микрофона и камеры и др. [7, с. 526].

Многие отмечают, что среди учеников уменьшилось количество победителей всемирных и международных конкурсов и олимпиад. Объясняется это неумением молодых пользователей обращаться с благами цивилизации. Вместо развития творческого потенциала появляется безграмотность и бескультурье.

Таким образом, цифровизация активно внедряется во все сферы человеческой деятельности: бизнес, политика, образование, культура и пр. Цифровизацию культуры можно рассматривать с двух сторон: «оцифровка» продуктов и услуг учреждений культуры (библиотеки, музеи, театры) и формирование социально-активной и творческой личности, осознающей ответственность за настоящее и будущее, обладающей критическим познанием, компетентным использованием цифровых инструментов в профессиональной сфере и самореализации личности и цифровыми коммуникативными навыками. Следовательно, второй подход понимания цифровой культуры является фундаментом цифровизации общества в целом.

Список литературы:

1. Близнец Е.В. Социокультурные аспекты цифровизации и формирования цифровой культуры // Актуальные проблемы региональной социологии: сборник научных статей преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов / Юго-Западный государственный университет. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 131-135

[Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38094375 (дата обращения: 20.12.2020).

2. Гнатышина Е.В., Саламатов А.А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19-24 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30611399 (дата обращения: 20.12.2020).

3. Дугужева М.Х., Симаева Е.П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 190-208.

4. Кривоногов С.В., Касаткин В.В. Формирование цифровой культуры // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий: материалы V межрегиональной научно-практической конференции. Севастополь, 2019. С. 47-49 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=42944683 (дата обращения: 20.12.2020).

5. Кунафина Д.Ф. Перспективы развития сферы культуры и ее цифровизации // Управление экономикой, системами, процессами: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018. С. 111-115 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36560933 (дата обращения: 20.12.2020).

6. Маслакова М.В. Цифровая культура как фактор формирования и развития электронной информационной образовательной среды вуза // Культура и образование. 2020. № 2. С. 5-14.

7. Миронов В.В. После пандемии: векторы будущего развития // Научные труды вольного экономического общества России. 2020. № 3. С. 522-529. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43843379 (дата обращения: 22.10.2020).

8. Расумов В.Ш., Ахмадова З.М. Формирование информационной культуры студентов в контексте цифровизации образования // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4. С. 201-202 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=43928812 (дата обращения: 20.12.2020).

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

МИГРАЦИОННАЯ ИЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Основной закон Российской Федерации (далее – РФ) включает термин государственная безопасность, что редко встречается в положениях нормативных правовых актах федерального и регионального уровней. В связи с этим наличествуют два конституционных вида безопасности РФ и несколько видов, включая миграционную или этнокультурную безопасность. Это обусловлено

геополитическим значением сферы миграции, участники правоотношений в процессах которой довольно часто становятся источниками внутригосударственных и международных конфликтов, вызовов и угроз.

Ключевые слова: безопасность этноса, сфера миграции, этническая культура.

Стратегический курс РФ в сфере миграции ориентирует на процессы роста благосостояния и стабилизации численности граждан РФ, прогресс социально-экономического развития государства при реализации различных интересов, включая аспекты геополитических вызовов и угроз. В связи с этим *государственная миграционная политика* РФ направлена на управление миграционными процессами для обеспечения безопасности государства, её геополитических интересов, прав и свобод человека и гражданина РФ, решения актуальных задач в сферах экономики, демографии и жизнедеятельности в российском обществе [2; 3; 11, с. 198; 12, с. 262; 14, с. 113].

В соответствии с конституционными нормами в разных сферах жизни и деятельности личности, семьи, социальных групп и должностных лиц органов государственной власти (далее – ДЛ ОГВ) многообразие идей как проблемно, так и многомерно [8, с. 339-342]. По нашему мнению, это обусловлено, с одной стороны, отсутствием перечня или комплекса каких-либо идей, с другой – Основной закон РФ ориентирует на их незримое присутствие [1, ст. 13]. При продолжающейся дискуссионности конституционной нормы обоснуем данное утверждение на примере государственно-правового регулирования сферы миграции по трём предложенным аспектам: а) политики и концептуально-доктринальному акту; б) социально-экономическому; в) профессиональному.

Первый аспект обусловлен отсутствием научно-выверенного программного (концептуального или доктринального) документа в сфере миграции. По существу, очередной вариант концепции не вооружает как ДЛ ОГВ, так и граждан РФ (далее – РГ), иностранных граждан (далее – ИГ), лиц без гражданства (далее – ЛБГ) законодателей и правоприменителей, а также субъекты и объекты управления миграционными процессами. На самом деле, Президент РФ определяет основные тренды внешней и внутренней политики, включая сферу миграции, которые Правительство РФ детализирует по трендам формирования и реализации миграционной политики [1-4].

Второй аспект охватывает сущность, содержание и структуру миграционной системы РФ (сферу миграции). По своей сущности, миграция людей, во-первых, социально-экономическое явление, формирующееся в процессе осуществления ими своих намерений, связанных с передвижением и приобретением гражданско-правового статуса в местах вселения, а также с интересами их семей, общества и государства [4; 6, с. 49; 7, с. 65; 11, с. 54; 12, с. 207]; во-вторых, инструмент воздействия на эффективность разработки и реализации идей в сфере российской экономики. Автором и коллегами доказано, что государственно-правовому регулированию в РФ подлежат восемь процессов миграции, а именно: иммиграция, расселение, трудовая

миграция (внешняя и внутренняя), вынужденная миграция, эмиграция, переселение соотечественников, нелегальная миграция и реадмиссия [13, с. 82-88; 15, с. 162-165; 17, с. 226-229].

В связи с этим рассмотрим научно-исследовательские результаты в части реализации приоритетного нацпроекта Демография в сфере миграции.

а) *Процессы трудовой миграции (внешней и внутренней) и эмиграции.* Привлечение в РФ квалифицированных иммигрантов в качестве иностранных работников и снижение эмиграции из РФ отечественной интеллектуальной элиты в ретроспективе обусловлено оставлением Советской России к 1925 г. не менее 2,5 млн эмигрантов, тогдашней элиты общества, которая явно способствовала прогрессу развития ряда зарубежных стран. С 2005 г. свою Родину в качестве эмигрантов ежегодно оставляют 40-70 тыс. сограждан, включая выпускников вузов. В результате опроса по репрезентативной всероссийской выборке городских и сельских жителей (в 136 населённых пунктах 52 субъектов РФ, 1600 человек в возрасте от 18 лет, 13-19 декабря 2018 г.) было выявлено, что: а) из граждан РФ, желающих выехать за рубеж на постоянное место жительства, 41 % – это молодые люди (18 – 24 лет), 5 % – в возрасте от 55 лет; б) не пожелавших к указанному переезду, с 61 % (2012 г.) до 56 % (2018 г.); в) эмигрантами пожелали стать 17 % опрошенных (96 % – это молодой российский этнос); г) граждане РФ (от 55 лет) к статусу эмигранта отнеслись преимущественно негативно [7, с. 65].

б) *Переселение в страну соотечественников* с начала 2007 г. весьма зависимо от *демографической ямы*, для ликвидации которой с 1991 г. ДЛ ОГВ ориентируют граждан РФ и иммигрантов на лиц, связанных со нашей страной своими духовно-языковыми и этнокультурными узами, чтобы за счёт потенциала соотечественников, по существу, ИГ и ЛБГ, обеспечить урегулирование проблемы демографии в РФ [6, с. 50; 16, с. 19-20, 26-27].

Доказано, что эффективность реализации цели Государственной программы «Содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» переселить в страну к исходу 2008 г. 500 тыс. человек, к концу 2010 г. составляла 24 026 человек или 4, 8 % (Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637). На наш взгляд вызывает сомнение включение в дюжину нацпроектов в 2018 г. миграции в качестве составляющей сферы демографии. Возможно это связано с процессами: а) демографической экспансии ряда сопредельных государств (Азербайджан, Армения, Киргизия, КНР и др.); б) торговли людьми (детьми, заложниками); в) суррогатного материнства и др.

Например, с 1993 г. по 2010 г. в США из РФ вывезено более 60 тыс. детей, а из них число не вернувшихся двукратное. Американцы только за свой «визит» в РФ к продавцу российского ребёнка платили 15 тыс. долл., и ещё минимум 50 тыс. долл. в случае его приобретения. Особенно активно усыновляли детей в РФ в 2010 г.: Испания (792), Италия – (686, по соглашению), Израиль, Франция, СК (Соединённое Королевство). В 2010 г. в РФ 700 тыс. детей оставались без попечения родителей, 72 % детей проживали в приёмных семьях [5; 7, с. 67].

в) *Процесс расселение своих граждан* – это их обеспечение в части достойного благосостояния на территории РФ, включая пространство всех 85 субъектов РФ. При анализе выявлено, что на территории РФ в 2007 – 2019 г. примерно 5 млн. человек ежегодно меняли места постоянного жительства.

г) *Противодействие процессу нелегальной миграции на территории РФ* осуществляется для обеспечения безопасности государства в ответ на новые вызовы и угрозы в разных аспектах геополитики в целях: а) установления правового статуса физических лиц, оценочно, от 2 до 5 млн нелегалов – это ИГ и ЛБГ; реадмиссии или благоприятного возвращения в РФ своих сограждан, не совершивших правонарушений на территориях зарубежных стран, с которыми заключены двусторонние соглашения.

Третий аспект означает, что иммиграция ИГ и ЛБГ, а также вынужденная миграция граждан РФ, с одной стороны, как самый многочисленный процесс (ежегодно 10-15 млн человек иммигрируют на территорию РФ), с другой – как наиболее сложный (вынужденными мигрантами являются вынужденные переселенцы, беженцы, лица, ходатайствующие о предоставлении им политического/временного убежища) требуют более расширенного формата представления [6-17]. Вместе с этим значим профессиональный аспект обеспечения этнокультурной безопасности РФ различными этническими группами, проживающими на территории страны со своими многовековыми традициями, обычаями и нравами. Для освоения обучающимися процесса обеспечения этнокультурной безопасности страны требуется совершенствование системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации (далее – СППК) должностных лиц для обеспечения потребностей профильных министерств и ведомств в сферах безопасности, политики, экономики, культуры, демографии, миграции.

Существующая СППК не обеспечивает потребности профильного министерства – МВД России (до 5 апреля 2016 г. ФМС России), хотя с Главным управлением МВД России по вопросам миграции в настоящее время тесно связаны МИД России, Минобрнауки России, ФСБ России, Минздрав России, Минэкономразвития России, МЧС России, Минтранс России и др.).

В процессе анализа организационных основ обеспечения безопасности РФ в сфере миграции выявлен ряд вызовов и угроз, а также были обоснованы прогнозы, которые могут существенно влиять на благосостояние и достойную жизнедеятельность граждан РФ [7, с. 62-71; 14, с. 104-109; 17, с. 118-121]. На самом деле, подлежат учёту все выявленные мотивы поведения ИГ и ЛБГ, которые прибывают на территорию страны в качестве внешних трудовых мигрантов для выполнения временных работ у российских работодателей.

В связи с этим этнокультурная безопасность охватывает все 194 нации, народов и народностей, проживающих на территории РФ, которые стремятся сохранять и защищать свои традиции, нравы и обычаи. В результате краткого изложения сущности, содержания и структуры этнокультурной безопасности как миграционной безопасности полагаем, что они в основном тождественны в местах постоянного жительства граждан РФ [9, с. 977; 10, с. 31-34]. Применительно к реализации этносами (нациями, народами и народностями)

своих намерений на передвижение по территории РФ или вне её территории, в обоих случаях в местах их потенциального вселения следует учитывать сущностно-содержательные аспекты выше изложенных тезисов.

Из опыта личного участия в процессе разработки и реализации политики государства в сфере миграции с 2004 г. полагаю теоретико-практически уместным утверждать о том, что государственно-правовое регулирование в РФ миграционных процессов направлено на: а) беспрецедентные стимулы для «утечки мозгов» российской высококвалифицированной элиты, включая выпускников престижных вузов; б) не явное содействие добровольному переселению на территорию РФ своих соотечественников, которые проживают за пределами страны. В качестве внешних трудовых мигрантов использовать соотечественников возможно, если они пребывают в трудоспособном возрасте будучи ИГ и ЛБГ, многие из которых выражают свои миграционные намерения на предмет приобретения гражданства РФ и на обретение постоянного места жительства на российской территории.

Однако гражданско-правовой статус потенциальных граждан РФ требует однозначного толкования всеми регуляторами миграционных процессов, что до сих пор в стране осуществляется периодически, хотя *демографическая яма* поглощает десятки тысяч граждан РФ, невзирая на апелляцию к увеличению продолжительности жизни пенсионеров. По состоянию на 25 ноября 2020 г. с начала марта 2020 г. коронавирусная инфекция отражает квантификацию незримой мировой войны человечества с вирусом Covid-2019 которая представлена квантификатором таблиц 1 и 2.

Таблица 1 – Мировая статистика по коронавирусу (25 ноября 2020 г.)

В мире	Заражённых людей	Выздоровевших больных, %	Погибших, %	Из всех людей планеты, %
25.11.2020 г. 2223	**60 499 770** +433.207	41 724 608+311.822 / 0,689665	1 422 999+9.035 / 0,0235207	**7 842 662 300** / 5 511,3617

Из содержания таблицы 1 следует, что из 7 842 662 300 человек – жителей нашей планеты (по состоянию на 14^{00} 30 октября 2020 г.) не стало (погибли) каждого из 5 511, 3617 человек. Из содержания таблицы 2 следует, что из 146 620 120 граждан РФ (по состоянию на 14^{00} 30 октября 2020 г.) погибли – 37 543 человека, выздоровели – 1 660 419 человек, в статусе заражённых находятся 464 541 человек из числа выявленных заражённых 2 162 503 человека в результате 73 700 000 тестов.

Таблица 2 – Статистика РФ по коронавирусу (25 ноября 2020 г.)

5 – е место в мире по заражённым (население – 146 620 120 граждан РФ)	Заражены	Погибли	Выздоровели	Заражены на 1 млн чел.	Тестов
	2 162 503 человека	37 543 человека	1 660 419 человек	14 816	73,7 млн

Выводы: государственно-правовое регулирование миграционной или этнокультурной безопасности РФ представляет собой процесс разработки и реализации научно обоснованной (не кулуарным способом) Концепции государственной миграционной политики с привлечением подлинных экспертов-аналитиков, патриотов своего Отечества как в сфере миграции, так в сфере культуры всех наций, народов и народностей страны. Таков наш призыв к противодействию вызовам и угрозам в сфере безопасности РФ.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. (ст. 13) // Собр. законодательства Росс. Федерации. № 31. 04.8.2014. Ст. 4398.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».
3. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/ 43709 (дата обращения: 24.11.2020).
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032 (дата обращения: 24.11.2020).
5. Астахов П. Недалёк тот день, когда и мы будем активно брать на усыновление американских детей [Электронный ресурс]. URL: http://www. tatar-inform. ru/news / 2011/07/15 (дата обращения: 18.12.2012).
6. Нурадинов Ш.М., Самойлов В.Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ: общественно-миграционные основы // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 49-52.
7. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.
8. Самойлов В.Д. Воплощение национальной идеи России в сфере миграции: актуальная проблематика // Национальная идея России: материалы Всеросс. научной конференции, 12 ноября. 2010 г., [текст + электронный ресурс] / Центр проблем анализа и гос.-упр. проект. М.: Научный эксперт, 2010. С. 339-342.
9. Самойлов В.Д. Демографическая и миграционная безопасность России // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып.2. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2019. С. 976-978.
10. Самойлов В.Д. Государственно-правовые аспекты миграционной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 31-34.
11. Самойлов В.Д. Миграциология. Конституционно-правовые основы: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013(2020). 487 с.

12. Самойлов В.Д. Государственно-правовое регулирование социально-экономических и политических процессов: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013(2020). 271 с.

13. Самойлов В.Д. О совершенствовании государственной миграционной политики Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. № 3. С. 82-88.

14. Самойлов, В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учебное пособие. М.: МИЭМП, 2008. 232 с.

15. Самойлов В.Д., Соловьёва, М.Л. Институт российского гражданства как инструмент обеспечения безопасности государства (экспертно-аналитическая оценка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 7. С. 162-165.

16. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.

17. Самойлов В.Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ: информационно-экономические основы // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской научной конференции с междун. участием (г. Тюмень, 14 дек. 2018 г.) / отв. ред. И. А. Грошева. Тюмень : Филиал Московского ин-та гос. упр. и права в Тюменской обл., 2019. 484 с.

Сессия 3. Экономическая безопасность в условиях рисков и угроз

М. А. Амирова
доктор PhD Инновационного Евразийского университета
О. А. Абылкасимов
магистрант Инновационного Евразийского университета

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СТРАХОВОЙ МЕДИЦИНЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. Статья посвящена внедрению и анализу современного состояния обязательного социального медицинского страхования в Казахстане. Определены перспективные направления развития инфраструктуры здравоохранения. Проведен анализ внешних причин влияющих на обязательное социальное медицинское страхование в Казахстане.

Ключевые слова: обязательное социальное медицинское страхование, здравоохранение, медицинские услуги.

В связи с четко сформировавшимися глобальными тенденциями, в частности, ростом расходов на здравоохранение, необходимостью

трансформации потребления медицинских услуг, ростом ожидания населения от системы здравоохранения Республики Казахстан возникла необходимость максимального вовлечения населения в систему обязательного социального медицинского страхования (далее – ОСМС).

В настоящее время реализацию ОСМС в Казахстане осуществляет НАО «Фонд социального медицинского страхования». Фонд был определен единым закупщиком медицинских услуг в соответствии с Кодексом Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 18 сентября 2009 года № 193-IV и другими нормативными документами [1].

Фонд осуществляет деятельность по ведению учета потребителей медицинских услуг в системе ОСМС, учета субъектов здравоохранения, осуществляющих оказание медицинской помощи в системе ОСМС и в рамках ГОБМП, а также по созданию и развитию информационной системы и электронных информационных ресурсов системы ОСМС, технологически связанные с государственной монополией. Отношения с государством направлены на поддержание прозрачности по основной деятельности и обеспечение финансовой устойчивости системы ОСМС.

Активное развитие новых медицинских технологий и их трансферт в страну, а также рост ожидания населения, повышение конкуренции среди поставщиков медицинских услуг за счет увеличения количества частных медицинских организаций в рамках ГОБМП и в системе ОСМС существенно влияет на способность к устойчивому функционированию системы ОСМС. Централизация системы финансирования представляет новые возможности и риски для процесса закупа медицинских услуг в виде балансирования между объемом покрытия государственных гарантий и страхового пакета услуг для населения и реализации тарифной политики.

На 1 января 2019 года численность потенциальных потребителей медицинских услуг в системе ОСМС (учитывая статус занятости) составила 17,9 млн. человек, среди которых:

– работники – 4,75 млн. человек (25%);

– индивидуальные предприниматели и другие самостоятельно занятые граждане, занятость которых формализована – 1,07 млн. человек (6%);

– граждане, за которых взносы уплачивает государство (кроме военнослужащих) – 9,97 млн. человек (56%);

– военнослужащие и приравненные к ним группы – 0,21 млн. человек (1%);

– прочие граждане, занятость которых не формализована – 2,27 млн. человек (12%) [2].

Высокий удельный вес граждан, освобожденных от уплаты взносов (из которых наибольшую долю занимают дети 56,6% и пенсионеры 20,1%) нивелирован государственной гарантией по уплате взносов за них. Но вместе с тем граждане, занятость которых не формализована, возможная нестабильность уплаты взносов со стороны индивидуальных предпринимателей, существующий высокий объем и нерационально высокий

удельный вес расходов на стационарный сектор, неразвитость сектора первой медико-санитарной помощи могут оказывать давление на финансовую устойчивость системы ОСМС. Это, в свою очередь, требует от Фонда разработки необходимых мер по сдерживанию избыточных расходов, а также системы прогнозирования и создания эффективно функционирующей системы управления рисками, и внутреннего контроля.

Модель ОСМС Республики Казахстан предусматривает следующее распределение финансовой ответственности:

– государство оплачивает взносы за 14 категорий граждан – в 2020 году 4% от среднемесячной заработной платы, предшествующей двум годам текущего финансового года, определяемый уполномоченным органом в области государственной статистики (п. 2,3 статьи 26 Закона «Об обязательном медицинском страховании»);

– отчисления работодателей за ОСМС: 1,5% в 2018-2019 годах, 2% – с 2020 года, в том числе индивидуальные предприниматели и крестьянские хозяйства, имеющих наемных работников;

– с целью смягчения налоговой нагрузки предусмотрено снижение социального налога пропорционально ставке отчислений за ОСМС;

– физические лица освобождены от уплаты взносов до 1 января 2020 года;

– ставки взносов для лиц, получающих доходы по договорам гражданско-правового характера, снижены до 1% от начисленного дохода в 2020 году и 2% – в 2021 году. Взносы с их дохода в 2018-2019 годах не удерживаются;

– ИП не будут платить взносы за себя как ИП в 2018-2019 годах, и будут продолжать оплачивать отчисления как работодатели за своих наемных работников (1,5% в 2018-2019 годах, 2% – с 2020 года);

– с дохода наемных работников взносы будут удерживать и оплачивать работодатели (1% в 2020 году, г., 2% – в 2021 году);

– лица, не попадающие в вышеуказанные категории, могут оплачивать взносы в размере 5% от одного минимальной заработной платы [3].

В настоящее время в Республике Казахстан медицинские услуги населению оказывают 8154 объектов здравоохранения (6 950 объектов (85,2%) – государственные, 1204 (14,8%) – частные). Износ зданий медицинских организаций составляет более 50%, половина из них эксплуатируется более 30 лет. Перегруженность амбулаторно-поликлинических организаций – 35%. Уровень оснащенности медицинской техникой составляет 70,1%, износ оборудования – свыше 35%.

В целях рационального распределения финансовых ресурсов, достижения лучших результатов в оказании амбулаторно-поликлинической и стационарной помощи, Регулятором совместно с Акиматами регионов разрабатывается Единый перспективный план развития инфраструктуры здравоохранения, который предусматривает:

1) развитие социально-ориентированной первичной медико-санитарной помощи с улучшением доступности для населения:

– разукрупнение участков врача общей практики, развитие семейной медицины;

– 20-ти минутная доступность до медицинского объекта и приближение квалифицированной врачебной помощи на селе;

2) реструктуризацию больничного сектора:

– объединение монопрофильных стационаров (больниц, диспансеров) в многопрофильные;

– перепрофилирование коек в востребованные профили;

3) внедрение в систему здравоохранения механизмов государственно-частного партнерства.

Для определения внешних причин влияющих на ОСМС в Казахстане проведем PEST-анализ, который представлен в таблице 1.

Таблица 1 – PEST-анализ

Факторы	**Влияние факторов на ОСМС**	**Влияние,+/–**
Политические	Обязательный характер ОСМС, что способствует максимальному охвату граждан страхованием и сокращает вероятность уклонения от уплаты взносов и отчислений на ОСМС.	+
	Регламентация деятельности ОСМС и Фонда нормативными правовыми актами, что обеспечивает общественный контроль и достижение консенсуса в ключевых вопросах развития и функционирования системы ОСМС.	+
	Избыточное государственное регулирование, препятствующее реализации частной инициативы. Действующие НПА, регламентирующие обязательность определенного состава штатного персонала, площадей служебных помещений ограничивают автономность государственных и оперативность частных медицинских организаций, препятствуют формированию оптимальных тарифов и способствуют поддержанию избыточных расходов.	–
Экономические	Целевой характер средств ОСМС. Законодательно установленные ограничения в использовании средств ОСМС гарантируют их сохранность и защищают от изъятия на иные цели.	+
	Вероятность развития экономической рецессии. Расходы на здравоохранение, как правило, растут во времена экономического спада. Это может негативно повлиять на общие затраты Фонда по финансированию медицинской помощи, следовательно, на его платежеспособность.	–

Факторы	Влияние факторов на ОСМС	Влияние,+/–
Социальные	Благоприятная возрастная структура населения (относительно высокая доля лиц трудоспособного возраста и относительно низкая доля лиц старше 65 лет). В сравнении с развитыми странами, в Казахстане возрастная структура населения является относительно молодой.	+
	Необходимость повышения доступности и качества медицинской помощи. Планирование потребности в медицинской помощи на основе оценки реальных потребностей, а не содержания инфраструктуры, предоставит основу для принятия решений.	+
	Вероятность развития экономической рецессии. Расходы на здравоохранение, как правило, растут во времена экономического спада. Это может негативно повлиять на общие затраты на медицинское обслуживание Фонда, следовательно, на его платежеспособность.	–
Технологические	Доступ к консультационным услугам и технической помощи в рамках совместного Проекта Правительства Республики Казахстан и МБРР «Социальное медицинское страхование: повышение доступности, качества, экономической эффективности и финансовой защиты».	+
	Недостаточный уровень развития IT-систем. Незрелость или отсутствие таких компонентов информационной системы, как детализированный учет отдельных категорий потребителей медицинских услуг, администрирование возвратов ошибочных платежей в Фонд, планирование потребности в медицинской помощи, автоматизированная оценка результатов деятельности поставщиков, персонифицированный учет потребления медицинских услуг и т.д. ограничивают эффективность деятельности Фонда.	–

Таким образом, проведенный анализ внешней и внутренней среды, оказывающей влияние на ОСМС в Казахстане, позволил сделать вывод, что активное развитие новых медицинских технологий и их трансферт в страну, а также рост ожидания населения, повышение конкуренции среди поставщиков медицинских услуг за счет увеличения количества частных медицинских организаций в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи в системе ОСМС существенно влияет на способность к устойчивому функционированию системы ОСМС.

Список литературы:

1. Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 18 сентября 2009 г.
2. Официальный сайт Республиканского центра развития здравоохранения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rcrz.kz.
3. Закон Республики Казахстан от 16.11.2015 года №405-V «Об обязательном социальном медицинском страховании».

М. А. Амирова
доктор PhD Инновационного Евразийского университета
А. К. Мубаракова
магистрант Инновационного Евразийского университета

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В данной статье дана краткая характеристика КГП на ПХВ «Павлодарский областной кардиологический центр», а также рассмотрены его основные цели и направления деятельности. Проведен SWOT- анализ исследуемого объекта, выявлены внутренние и внешние риски и предложены пути их решения в управленческой деятельности.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинские услуги, охрана здоровья, управление, финансирование.

Начиная с 8 января 2013 года в рамках развития кардиологической и кардиохирургической помощи в РК, начал свою деятельность «Региональный кардиохирургический центр в городе Павлодар». Мощность центра составляла 50 коек. Помощь оказывалась взрослому и детскому населению Павлодарского и Восточно-Казахстанского регионов.

В 2014 году Центр переименован в «Павлодарский областной кардиологический центр». В 2015 году объединился с городской больницей №2. В результате объединения впервые в Республике создан кардиологический кластер и увеличилась коечная мощность с 50 до 200 коек. А с января 2016 года на его базе централизована кардиологическая служба города Павлодара. Кластер и централизация позволили координировать кардиослужбу области, обеспечить полный цикл лечения и наладить связь с первой медико-санитарной помощью [1].

За пять лет работы трансформировалась структура всего центра. На сегодняшний день центр состоит из двух клиник: кардиохирургическая и кардиологическая.

После перехода Центра на право хозяйственного ведения, система управления значительно изменилась, изменились и направления деятельности

организации. Если в условиях государственного учреждения невозможно было получать прибыль, самостоятельно определять цену услуги, сдавать помещения в аренду, сотрудники не были заинтересованы в результате и качестве работы, то в праве хозяйственного ведения началась работа в команде с ориентиром на конечную цель, предприятие получило самостоятельность в распоряжении имуществом и принятии управленческих решений. Изменились и цели учреждения, добавив такие экономические аспекты, как возможность занятия коммерческой деятельностью и самостоятельность в распределении доходов, возможность использовать лизинг для обновления парка медицинского оборудования.

КГП на ПХВ «Павлодарский областной кардиологический центр» ставит перед собой такие цели, как:

– оказание доступной, качественной, квалифицированной, специализированной помощи населению Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей с заболеваниями сердечно-сосудистой системы с использованием передовых технологий;

– повышение уровня удовлетворенности населения качеством медицинских услуг.

– осуществление производственно-хозяйственной деятельности в сфере здравоохранения;

– решение социальных задач путем насыщения рынка медицинскими услугами;

– выполнение программ охраны здоровья детского и взрослого населения Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей с заболеваниями сердечно-сосудистой системы;

– обеспечение в необходимом объеме населения Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей с заболеваниями сердечно-сосудистой системы стационарной помощью;

– получение дохода, необходимого для поддержания и развития деятельности Государственного предприятия, за счет выполнения государственного заказа, а также оказания платных услуг и договоров с организациями и предприятиями [2].

Достижение данных целей позволит Центру привлечь пациентов, создать благоприятную репутацию, тем самым обеспечив предприятию экономическую стабильность в условиях конкуренции на рынке оказания медицинских услуг.

Для выработки правильной стратегии управления всегда важнейшим этапом является определение возможностей и рисков предприятия, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – SWOT-анализ деятельности «Павлодарский областной кардиологический центр»

Сильные стороны	**Слабые стороны**
- реализация коммерческой деятельности; - обязательное выполнение государственного заказа; - значительная самостоятельность в принятии управленческих решений; - эффективное управление, командная работа; - стимулирование качества предоставления услуг; - осуществление оплаты за пролеченные случаи по фактическим затратам; - ответственность медицинских работников за качество оказания медицинских услуг, достижение конечных результатов и финансовой стабильности; - гибкая политика регулирования цен; - развитие материальной базы; - мотивация Центра для развития и внедрения новых инновационных технологий; - внедрение корпоративного управления.	- наличие ряда ограничений коммерческой деятельности; - недостаточный уровень самостоятельности в управлении предприятием (ценовая и кадровая политика, согласование действий с государственными органами); - отсутствие статуса государственных служащих.
Возможности	Угрозы
- повышение рейтинга медицинской организации, обусловленного выбором пациента; - повышение престижа профессии; - развитие лидерства и навыков профессионального менеджмента у руководящего звена; - внедрения бережливого производства; - внедрение сопутствующих услуг.	- наличие и ужесточение штрафных санкций к организациям здравоохранения; - изменения НПА в сфере здравоохранения Республики Казахстан.

В таблице 2 рассмотрим внутренние и внешние риски и пути их решения в управленческой деятельности Центра.

Таблица 2 – Риски и пути решения в управленческой деятельности Центра

Риски	**Пути решения**
Внутренние риски	
1. Риски, связанные с управленческой и финансовой деятельностью	
- недобросовестное управление (результат - убыточность); - возникновение дефицита бюджета;	- личная ответственность руководителя объекта здравоохранения; - расширение объёма и видов медицинских услуг для пополнения бюджета;

Риски	Пути решения
- увеличение размера кредиторской задолженности;	- увеличения объемов и видов предоставляемых услуг;
- смена руководства, отсутствие преемственности;	- создание благоприятного климата для работы в коллективе, достойная заработная плата;
- снижение рентабельности.	- составление стратегического плана и его исполнение; - увеличение стоимости оказываемых услуг.
2. Риски, связанные с основной деятельностью организации	
- угроза преимущества доходной деятельности над приоритетной задачей;	- ужесточить контроль над выполнением приоритетных задач (государственный заказ);
- неэффективное использование человеческих ресурсов; - неэффективное планирование и управление объемами может привести к нестабильной работе предприятия.	- развитие лидерства и навыков профессионального менеджмента у руководящего звена; - разработка четкой системы планирования и своевременность принятия оперативных решений; внедрение корпоративного управления.
3. Риски, связанные с человеческими ресурсами	
- снижение уровня оплаты труда по сравнению с уровнем оплаты специалистов частных объектов здравоохранения;	- пересмотреть тарифы оплаты труда сотрудников, путем введения дифференцированной оплаты труда;
- недостаточная квалификация среднего медицинского персонала;	- организация обучения СМР согласно новым требованиям;
- слабая мотивация медицинского персонала к качественной работе.	- постоянное повышение квалификации и внедрение новых технологий; - активное изучение мнения сотрудников, индивидуальное собеседование, анкетирование, в том числе анонимное.
Внешние риски	
1. Политические риски	
- угроза преимущества доходной деятельности над приоритетной задачей; - смена стратегии развития отрасли здравоохранения может привести к сдерживанию развития новых форм управления.	- контроль руководства над разграничением услуг по перечню ГОБМП и платных услуг; - активное участие работников предприятия, во всех событиях, связанных с разработкой и реализацией государственных программ развития здравоохранения.
2. Экономические риски	
- неэффективное планирование государственного заказа на пролеченных больных; - отсутствие прозрачности системы; - увеличение объема отчетности; - неэффективное использование средств.	- регулярный контроль и анализ за использованием средств; - недопущение резкого снижения объемов, не более 5,0%; - контроль и мониторинг, открытость; - пересмотр целесообразности всей предоставляемой отчетности, исключить дублирование.

Исходя из SWOT-анализа и оценки рисков КГП на ПХВ «Павлодарский областной кардиологический центр» можно сделать вывод, что после перехода на право хозяйственного ведения Центр обозначил свои основные цели и в результате наблюдается положительная тенденция показателей качества оказания медицинской помощи больным сердечно-сосудистой системы. Вместе с тем в КГП на ПХВ «Павлодарский областной кардиологический центр» определились следующие проблемы:

– несоответствие тарифа за пролеченный случай фактическим затратам Центра;

– отсутствие компенсации за оказание экстренной и неотложной помощи в приемном покое при отсутствии показаний к госпитализации;

– отсутствие возмещения затрат за лечение в реанимационном отделении при проведении повторных операции;

– отсутствие свободных финансовых средств на стимулирующие выплаты;

– слабая подготовка менеджеров, специализирующихся в сфере здравоохранения;

– низкая самостоятельность учреждений здравоохранения, синдром «постсоветской зависимости», нерешительность принятия самостоятельных решений.

Проведенный анализ рисков и проблем Центра позволил сделать выводы о том, что для эффективного управления сферы здравоохранения необходимо:

во-первых решить вопросы, связанные с финансированием, то есть несоответствием фактических затрат и возмещения (отсутствия) затрат;

во-вторых, материальной мотивацией медицинских работников на основе оплаты труда по конечному результату;

в-третьих, подготовкой квалифицированных менеджеров, специализирующихся в данной сфере деятельности.

Список литературы:

1. Официальный сайт КГП на ПХВ «Павлодарский областной кардиологический центр» [Электронный ресурс]. URL: https://cardiomedical.kz/ (дата обращения: 25.12.2020).

2. Официальный сайт Управления здравоохранения Павлодарской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.depzdrav.gov.kz/ (дата обращения: 25.12.2020).

Д. Д. Бадараев
старший научный сотрудник
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

НЕФОРМАЛЬНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТИИ)[2]

Аннотация. В статье рассмотрены особенности занятости населения в период нарастания турбулентности как пиковых проявлений социально-экономических кризисов. Неформальные и дополнительные виды занятости, несмотря на свойственные им негативные характеристики, в турбулентные периоды выполняют специфическую стабилизирующую роль в обществе. Данные социологических исследований показывают, что в Бурятии более четверти занятого населения имеет дополнительный заработок, и, такое же количество занимаются поиском второй работы, что является формой адаптационной стратегии в условиях турбулентности и падения уровня жизни населения в регионе.

Ключевые слова: кризисы, турбулентность, неформальная занятость, Бурятия, региональная экономика, стратификация, уровень жизни.

Кризисы последних трех десятилетий в трансформирующемся российском обществе становятся перманентным явлением. Современное общество встало на путь «нормализации кризиса», т.е. концепция прогресса заменяется концепцией кризиса. Кризисы перестают быть временным явлением, люди склонны рассматривать социальный кризис как хронический, всеобщий и не предвидят его будущего ослабления [5, с. 58]. Пиковые периоды кризисных состояний можно обозначить категорией «турбулентность», когда происходит одновременное наложение политических, экономических, социальных и экологических кризисов. Так, наиболее выраженные периоды турбулентного состояния трансформации российского общества были характерны в начале 1990-х (распад СССР), далее, в 1998 г. (финансовый дефолт), в 2008-2009 гг. (мировой экономический кризис), в 2014 г. (введение западных антироссийских санкций). Четвертый турбулентный период оказался наиболее затяжным и совмещенным с политическими, экономическими кризисами и военными противоречиями на международном уровне. 2020 год прошел под тотальным давлением глобальной пандемии Covid-19, которая оказала негативное влияние на все уровни жизнедеятельности и функционирования стран и континентов. Если регионы Российской Федерации, которые в турбулентные периоды 2008 и 2014 гг. не так сильно испытывали на себе негативное влияние политических и экономических кризисов, то пандемия 2020 г. коснулась всех российских

[2] Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ 20-511-44011 Монг_а «Неформальная занятость в России и Монголии в условиях глобализации»

регионов. Ковидный кризис продемонстрировал очередной турбулентный период для российского общества, охватив прямо или косвенно все основные отрасли экономики, политики, здравоохранения, образования, социальной защиты и т.д.

В условиях турбулентности и социально-экономической нестабильности актуализируются попытки населения региона по реализации имеющегося потенциала и выработке наиболее приемлемых вариантов стратегий социальной адаптации. Трудовая занятость остается основным источником дохода населения. Между тем, по данным налоговых органов региона, уменьшается численность зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, многие из которых уходят в теневую сферу с целью сокрытия реальных доходов, а также из-за невозможности продолжать выплачивать налоги и зарплату работникам в связи с падением доходов и спроса на реализуемую продукцию или услугу. Политика формирования слоя официальных самозанятых не получает реальных откликов со стороны неформальных занятых. По большому счету данная практика не дает существенных привилегий для роста доходов самозанятых, а лишь направлена на то, чтобы улучшить статистический учет этого слоя граждан. В таких условиях под пристальным вниманием специалистов и исследователей оказываются социальные группы людей, занятые в неформальных секторах экономики и относящиеся к категории «неформально занятых».

Под понятием «неформальная занятость» понимается вид занятости граждан без юридического оформления трудовых отношений, направленный на удовлетворение личных и общественных потребностей с целью получения трудового дохода. В отечественной научно-исследовательской практике проблема неформальной занятости считается недостаточно проработанной. К основной характеристике такой занятости относится минимальная ответственность наемного работника и работодателя перед государством и обществом, т.е. налоговыми органами, государственными внебюджетными фондами пенсионного обеспечения, социального и медицинского страхования. Кроме того, неофициальная договоренность между сторонами не обеспечивает гарантии качественного выполнения ими своих обязательств: со стороны работодателя – создания условий труда, предоставления социального пакета, регулярной выплаты заработной платы, что осуществляется в так называемых «конвертах»; а со стороны наемного работника – качественного выполнения порученных трудовых задач. Фактически, многие граждане вынужденно оказываются в статусе неформально занятых. Увеличению доли таких граждан в структуре общей занятости населения способствуют низкие доходы и падение уровня жизни граждан, формальные государственные регуляторы и ограничители, несовершенство действующего законодательства, либерализация трудовых отношений. Но вместе с тем, неформальная занятость имеет существенные позитивные моменты. В сфере социального воздействия неформальная занятость выступает своеобразным социальным стабилизатором ситуации в обществе, хотя она вызывает беспокойство своими масштабами и наличием существенной криминальной составляющей [5, с.

110]. Неформальная занятость позволяет разным социально-демографическим и профессиональным группам населения получать заработную плату в период турбулентных волн, тем самым оставаться «на плаву», сохранять и поддерживать приемлемый уровень жизни.

Сложность проблемы и слабая разработанность понятия приводят к разным оценкам неформально занятых в России: «приблизительно 30% взрослого населения, или от 25 до 30 млн. чел., а всего с теневой экономикой так или иначе связано 58-60 млн. чел.» [5, с. 109]. Такие высокие показатели требуют соответствующего эмпирического обоснования. Масштабы распространения неформальной занятости обусловливают необходимость реформирования законодательства в сфере социально-трудовых отношений, с учетом современных процессов рынка труда, направлений технологического прогресса, цифровизации и прекаризации общества.

Республика Бурятия относится к депрессивным регионам Российской Федерации. Численность рабочей силы в республике в возрасте 15 лет и старше в августе 2020 года составила 427,2 тыс. человек или 43,3 % от общей численности населения республики. Из них 381,9 тыс. человек были заняты в экономике республики и 45,4 тыс. человек не имели занятия, но активно его искали. Уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше составил 50,7 %, уровень безработицы – 10,6 %. В государственных учреждениях службы занятости населения на конец сентября 2020 года зарегистрированная численность безработных составила 27,2 тыс. человек или в 5,2 раза больше, чем в соответствующем периоде 2019 года. Уровень зарегистрированной безработицы достиг 6,3 % [2]. Напряженная ситуация на рынке труда республики привела к усугублению ситуации с распространением неформальных и выездных форм занятости.

В Бурятии к наиболее распространенным видам неформальной занятости можно отнести заготовку леса, отделочные и строительные работы, частный извоз, сбор корней лечебных трав, добычу полезных ископаемых (нефрит, вольфрам) и т.д. Каждый из указанных видов неформальной занятости требует отдельного изучения, что вызвано масштабами распространения в каждой соответствующей отрасли, численностью таких занятых, причинами и социальными последствиями для населения и отдельных домохозяйств. Неформальная занятость, ввиду теневого характера зачастую переходит границы правового поля. Ведение статистического учета неформальной занятости затруднено, по отдельным видам данные фиксируются в ведомственных структурах, в учреждениях внутренних дел, налоговых органах и т.д. Распространение видов неформальной занятости рассматривается как стратегия адаптации населения к кризисным проявлениям в экономике и слабостью реализации отраслевых законодательных актов в сфере социально-трудовых отношений. Такая занятость позволяет работодателям избегать и минимизировать финансовые обязательства перед государством и работниками и способствует снижению общегражданской ответственности. В конечном итоге, основная цель для работодателя и наемных работников – получение доходов без налоговых и

социальных отчислений.

Уровень экономического развития региона влияет на показатели уровня жизни населения. Тому подтверждение: данные всероссийских рейтингов среди регионов и результаты социологических исследований в Республике Бурятия. По данным «РИА Новости» в рейтинге уровня жизни регионов, определяемым по более чем 70 показателям, объединенным в 11 групп, Республика Бурятия на протяжении последних трех лет (2018-2020 гг.) занимает 77 место среди 85 регионов России [4]. Подобные данные позволяют говорить о востребованности среди населения неформальных и дополнительных источников дохода.

С целью выявления социального самочувствия населения Республики Бурятия, а также изменения её социально-стратификационной структуры в период нарастания турбулентных волн в 2015-2016 гг. и 2020 годах были проведены социологические исследования с выборочной совокупностью 1000 и 1289 чел. соответственно[3]. Результаты исследования продемонстрировали, что за межисследовательский период численность бедных и нищих слоев общества осталась практически на прежнем уровне, тогда как, изменения коснулись в большей степени средних и богатых слоев общества. Как видно из таблицы 1, за 5 лет уменьшилось количество обеспеченного слоя Бурятии, по сравнению с другими слоями. Предположительно, представители этого слоя перешли на более высокие уровни материально-финансовой иерархии, в пользу верхней части среднего слоя, тогда как те, в свою очередь, пополнили слои наиболее богатых категорий общества. Кроме того, по сравнению с данными 2015 г., в 2020 г., увеличилась численность граждан, затруднившихся с ответом – с 8,7% до 12,57% соответственно. Данные субъективной оценки граждан Бурятии показывают, что в регионе сохраняется достаточно высокий уровень бедности населения (20,64 + 6,52 = 27,16%), социальная мобильность в основном происходит в средних и богатых слоях населения.

Таблица 1 – Стратификация населения Бурятии в 2015 и 2020 гг. по уровню семейных доходов, %

Значения	**% объектов, 2015 г.**	**% объектов, 2020 г.**	**Доходная стратификация**
1. Денег до зарплаты не хватает на самые необходимые продукты	6.7%	6.52%	Нищие

[3] Выборочная совокупность 2015-2016 гг. составила 1000 чел., определена по взаимосвязанным квотам – по месту проживания, полу и возрасту работающих граждан. Места проведения исследования – г. Улан-Удэ, включающий 3 городских района – Советский, Октябрьский, Железнодорожный, а также г. Кяхта, пгт. Онохой, пгт. Усть-Баргузин, пгт. Наушки и 5 сельских районов республики, расположенных в разной удаленности от столицы, отличающихся по ряду социально-демографических, экономических характеристик – Иволгинский, Баргузинский, Еравнинский, Кижингинский и Кяхтинский районы; в 2020 г. было опрошено 1289 чел. в г. Улан-Удэ и 5 сельских районах республики – Иволгинском, Кижингинском, Кабанском, Закаменском и Тарбагатайском районах по взаимосвязанным квотным параметрам: по месту проживания, полу, возрасту, национальности и уровню образования.

Значения	% объектов, 2015 г.	% объектов, 2020 г.	Доходная стратификация
2. Живу от зарплаты до зарплаты, покупая самое необходимое	19.3%	20.64%	Бедные
3. На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения	14.5%	15.9%	Средне-нижние
4. Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуюсь кредитом или беру в долг	44.9%	32.51%	Средне-средние (Обеспеченные)
5. Покупка дорогих товаров не вызывает затруднений	3.4%	7.6%	Средне-высшие (Состоятельные)
6. В настоящее время могу почти ни в чем себе не отказывать	2.5%	4.27%	Богатые
7. Затрудняюсь ответить	8.7%	12.57%	-
Всего	100.0%	100.0%	-

Удовлетворенность своей работой у граждан Бурятии по медианному признаку по 5-ти бальной шкале находится между 3-4 баллами. Готовы сменить место работы 34,7% опрошенных респондентов. Основная причина смены места работы – повышение зарплаты, увеличение доходов (53,4%). Данный аспект интенсифицирует проблему оттока трудоспособного населения Бурятии в более экономически развитые регионы страны: в 2019 г. – 14276 чел., а в 2010 г. межрегиональный отток составил 9768 чел. Относительно внутрирегионального перемещения населения в 2019 году заметен рост показателей – 29270 чел. (в 2010 г. – 13549 чел.) [3], что демонстрирует неустойчивость и нестабильный характер регионального рынка труда, продолжения «раскачек» экономики республики турбулентными волнами, начавшимися еще в кризисные 2008-2009 годы. По этим двум видам миграции в регионе стабильно сохраняется отрицательное миграционное сальдо на протяжении постсоциалистического периода.

Исследование 2015-2016 гг. позволило вычленить некоторые вопросы анкеты, позволяющие выявить степень распространенности и значимости дополнительной занятости среди занятых граждан Бурятии. Так, по данным исследования, 26,7% респондентов указали, что имеют дополнительную работу, а 29,2% ищут подходящие варианты в качестве второй работы. Высокая финансовая значимость вторичной занятости для жителей Бурятии подтверждается данными исследования (табл. 2): дополнительную работу рассматривают как источник дохода 50,9% опрошенных.

Меньше распространены следующие варианты ответов: 15,4% ответили, что такая занятость способствует поиску новых возможностей и связей, для 14,6% - это способ получения стабильного дохода / стабильного рабочего места, для 14,4% – это средство самореализации и т.д.

Таблица 2 – Значение дополнительной работы для граждан Бурятии*

Значения	% объектов
1. Источник дополнительных доходов	50.95%
2. Средство самореализации	14.44%
3. Способ получения стабильного дохода/ стабильного рабочего места	14.64%
4. Необходимость приобретения новых знаний, повышения квалификации	10.53%
5. Поиск новых возможностей, связей	15.35%
6. Смена профессии, специальности	7.42%
7. Нет ответа	25.2%

* суммарные ответы превышают 100% поскольку респондентам предлагалось выбрать 2-3 варианта из предложенных ответов.

Таким образом, сложившаяся ситуация в экономике вынуждает население региона прибегать к различным вариантам занятости в качестве адаптивной стратегии в период кризисных явлений в регионе и стране, в целом. Анализ данных проведенного исследования демонстрирует, что в условиях нарастания турбулентных волн, а также падения уровня жизни населения и экономики региона, жители Бурятии заинтересованы в дополнительных и неформальных видах занятости как возможности получения нового источника дохода. В такие периоды неформальные и дополнительные виды занятости населения способствуют сохранению социальной стабильности и обеспечению социально-экономической безопасности в регионе. Между тем, уже становится очевидным, что «пандемийный кризис» будет иметь соответствующие негативные последствия, которые повлияют на все сферы жизнедеятельности региональных сообществ. Такие пессимистические ожидания могут привести к еще большему распространению неформальных видов занятости в регионе.

Список литературы:

1. Бирюков А.Н. Современные тенденции изменения форм занятости: неформальная и нестандартная формы занятости населения в регионах // Современные тенденции развития социально-экономических систем: материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, Женева, 17 декабря 2014 г.) / отв. ред. А.В. Янгиров. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 108-112.

2. Занятость и безработица / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. URL: https://burstat.gks.ru/region/doc (дата обращения: 25.10.2020).

3. Общие итоги миграции населения Республики Бурятия / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. URL:https://burstat.gks.ru/demo (дата обращения: 27.10.2020).

4. Рейтинг регионов России по качеству жизни 2020 (дата публикации: 17.02.2020) // Агентство деловой информации «Рейтинги и новости»

[Электронный ресурс]. URL: https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html (дата обращения: 20.09.2020).

5. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

С. В. Беспалый
доцент Инновационного Евразийского университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Сельские общины в развивающихся странах сталкиваются со многими экологическими проблемами. Ненадлежащее обращение с сельскохозяйственными отходами, твердыми бытовыми отходами и сточными водами оказывает постоянное давление на окружающую среду сельских общин. Эти экологические проблемы, с которыми сталкиваются сельские общины, вызывают ухудшение экономики и угрожают здоровью и благополучию людей. Отходы всегда считались нежелательным побочным продуктом, который необходимо устранить. Нельзя игнорировать экологические риски, связанные с захоронением отходов, как простой и дешевый способ их удаления. Для достижения устойчивого развития отходы следует рассматривать как полезный побочный продукт. Международные организации в настоящее время прилагают большие усилия для устойчивого решения экономических и экологических проблем. Тем не менее, очень мало исследований было проведено для использования отходов, образующихся в сельской местности, для производства полезных товаров. С момента появления концепции устойчивого развития было предпринято много усилий для достижения нулевого загрязнения. Несколько концепций, включая подход от колыбели к колыбели и промышленную экологию, были разработаны для перехода от линейной системы к циклическому потоку материала, таким образом решая проблему истощения природных ресурсов в других средах.

Ключевые слова: сельские территории, экологические проблемы, устойчивое развитие, нулевое загрязнение, сельскохозяйственные отходы.

Термин «сельский» не имеет единого универсального определения. В большинстве стран численность населения используется в качестве индикатора для различия между сельскими и городскими районами. Сельские районы обычно имеют более низкую плотность населения по сравнению с городскими районами. Каждая страна определила свой собственный порог, который время от времени меняется. Например, в 1953 году Нигерия определила любое сообщество, в котором проживает менее 5000 человек, как сельское, а в 2006 году пороговое значение изменилось до 20 000. В Австралии и Канаде территория с населением менее 1000 человек считается сельской. В Мексике и США территория с населением менее 25 000

человек классифицируется как сельская. В Японии население менее 30 000 человек является сельским.

Другое определение сельской общины основано на занятиях населения. Большинство сельских сообществ зависят от сельского хозяйства и других видов первичной производственной деятельности, в то время как в городских районах промышленность является основным видом деятельности.

Третье определение сельской местности основано на размерах ландшафта. Действительно, сельская местность определяется как «пространство, где населенные пункты и инфраструктура занимают лишь небольшие участки ландшафта, в большинстве из которых преобладают поля, пастбища, леса, вода, горы и пустыни».

Сочетая все ранее установленные значения, сельские общины можно, следовательно, определить как районы с низкой плотностью населения, которые в основном зависят от сельского хозяйства и связанных с ним видов деятельности. В сельских общинах в развивающихся странах многих находятся за чертой бедности. Действительно, 72% людей, страдающих от крайней нищеты (то есть, получающих менее 2 долларов США в день), живут в сельских деревнях [1].

Несмотря на беспрецедентный прогресс и изменения во многих развивающихся странах, миллионы людей, живущих в сельских районах, по-прежнему находятся в крайней нищете. Многие живут в тяжелых условиях. Их жизнь характеризуется неадекватными жилищами, убогой обстановкой, неграмотностью, безработицей, высоким риском заболеваний, высоким уровнем смертности и низкой продолжительностью жизни. В этих тяжелых условиях жизни некоторые жители сельской местности проявили большую изобретательность в поиске решений для удовлетворения своих основных потребностей. Они строят свои собственные дома, туалеты и дренажные системы. Они подключают электричество из соседних домов через неформальные связи. Они работают на нерегулярных и низкооплачиваемых должностях, и некоторые из них развивают малые предприятия, чтобы зарабатывать деньги и производить, и продавать товары друг другу. Тем не мение, безудержный рост городов увеличил различия между городом и деревней. К сожалению, правительства, предприниматели, экологи и городское общество игнорируют проблемы, с которыми сталкиваются сельские общины, полагая, что, поскольку эти районы изолированы и находятся вдали от городов, они не оказывают никакого влияния на городское процветание. Быстрый рост городов был по большей части незапланированным, причем рост неформальных поселений сопровождался в некоторых районах ростом трущоб. Единственное решение, чтобы остановить рост неформальных поселений в городских территориях и, что самое важное, улучшить качество жизни в сельской местности, – это найти инновационные решения для развития сельской местности.

Сельские общины в развивающихся странах сталкиваются со многими экологическими проблемами. Проблема первостепенной важности в сельской местности – отсутствие инфраструктуры. Не хватает сетей

водоснабжения. Даже в тех районах, где подается достаточное количество питьевой воды, недостаточно санитарно-гигиенических условий. Недостаточная санитария определяется как «отсутствие улучшенных средств (туалеты, системы транспортировки и очистки) и гигиенических практик (например, мытье рук, правильное обращение с водой, личная гигиена и т.д.). По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), только 45 и 31% сельских жителей имеют доступ к базовой санитарии в Африке и Азии, соответственно (ВОЗ и ЮНИСЕФ, 2018).

Правительство Египта вложило значительные средства в покрытие услуг водоснабжения. Многие деревни были обеспечены питьевой водой, что привело к резкому увеличению потребления воды. К сожалению, усилия правительства по обеспечению санитарных услуг значительно отстали от снабжения питьевой водой. Только 4% египетских деревень имеют санитарно-гигиеническое покрытие. Около 90% сельского населения Египта не имеют доступа к канализационным системам и очистным сооружениям. Это приводит к серьезному расхождению между водоснабжением и пропускной способностью санитарных служб. Другой серьезной проблемой является разница между производством воды и способностью собирать и очищать сточные воды. В 2014 году, количество сточных вод, генерируемых в Египте, составляло 10 миллионов м3/день, что составляет 80% потребляемой питьевой воды. В результате домохозяйства в районах, не подключенных к канализационным системам, прибегают к неформальным методам удаления сточных вод. В сельской местности санитарный дренаж в домашних хозяйствах подключен к септику, а сточные воды откачиваются грузовиками и сбрасываются в ближайший водный канал или сеть ирригационных дренажей. Другими словами, большая часть неочищенных сточных вод сельских поселений попадает на улицы, водные пути или в ирригационные дренажные сети. Другая проблема заключается в том, что эти септики, как правило, не запечатаны. Таким образом, сточные воды протекают и загрязняют окружающие земли. Некоторые водные каналы используются для орошения, а другие используются в качестве источника воды для питья. Египетские исследователи, изучая качество воды в Фаюме, городе в Египте, расположенном к юго-западу от Каира, установили, что питьевая вода и поливная вода имеют высокий уровень металлов, солености и микробиологического содержания из-за прямого сброса бытовых сточных вод в водоканалы, а также из-за переполнения сточных вод в водоканалы. Тем не менее, люди в Фаюме напрямую используют эту воду без очистки, вызывающую болезни, передающиеся через воду. Водоканалы стали местом утилизации сточных вод, что приводит к низкому качеству воды. Эта практика внесла существенный вклад в ухудшение качества воды и представляет опасность для здоровья местного населения. Многие заболевания возникают из-за загрязнения воды, такие как брюшной тиф, диарея, бильгарзия и гепатит С. На самом деле, восемьдесят восемь процентов зарегистрированных случаев диареи в мире связаны с загрязнением воды и недостаточной гигиеной [2]. По данным ВОЗ, 25,1%

общего бремени болезней можно облегчить путем улучшения качества питьевой воды, санитарии и гигиены.

Отсутствие надлежащей санитарии не только создает серьезное бремя для здоровья, но и приводит к значительным экономическим потерям. Программа Всемирного банка по водоснабжению и санитарии провела исследование для измерения экономического воздействия неадекватной санитарии в Индии. В этом исследовании были определены четыре основных экономических последствия неадекватных санитарных условий, в том числе:

1. Воздействие на здоровье и как следсвтие, стоимостью лечения больных людей и потери производительности из-за больных людей. В 2016 году в Индии в секторах, связанных со здравоохранением, было потрачено около 38,49 млрд. долл. США.

2. Воздействие через использование бытовой воды, связано с экономическими потерями в размере 4,21 млрд. долл. США, которые представляют собой расходы, связанные с поиском чистой воды для домашнего хозяйства, покупкой бутилированной воды или транспортировкой чистой воды из отдаленного места.

3. Воздействие времени доступа, которое представляет собой стоимость времени, потраченного на доступ к общим туалетам. Это приводит к отсутствию детей (особенно девочек) в школе и женщин на рабочих местах. Это приводит к экономическим потерям в Индии в размере 10,73 млрд. долларов США.

4. Воздействие туризма, которое представляет собой потерю доходов от туризма, составляет около 0,26 млрд. долларов США.

Современная практика обращения с сельскохозяйственными отходами. Помимо проблем со сточными водами, сельские деревни страдают от плохого обращения с сельскохозяйственными отходами. Сельские общины производят огромное количество сельскохозяйственных отходов во многих формах, включая солому, ракушки, стебли, шелуху, а также древесину и лесные отходы. Например, количество сельскохозяйственных отходов в Египте колеблется от 30 до 35 миллионов тонн в год, из которых только 7 миллионов тонн отходов используются в качестве корма для животных и 4 миллиона в качестве навоза. Согласно исследованиям Центра социальных исследований при Американском университете в Каире, в Шаркии, количество хлопковых, кукурузных и рисовых отходов, а также отходов животноводства составляет 1,6 миллиона тонн. Количество рисовой соломы в 280 178 федданов в Шаркии составило 616 391 тонну согласно статистике сельскохозяйственного сезона. Сельскохозяйственные отходы являются результатом сельскохозяйственного производства после различных уборочных работ. Большое количество сельскохозяйственных отходов объясняется отсутствием осведомленности об окружающей среде и слабыми знаниями и навыками обращения с сельскохозяйственными отходами. Фермеры считают методы утилизации и защиты окружающей среды финансовым бременем, потому что они очень дороги. Проблема сельскохозяйственных отходов усугубляется после сбора урожая летних

культур. В течение этого сезона фермеры хотят быстро рекультивировать свою землю и для этого обычно сжигают отходы в качестве быстрого решения. Традиция сжигания сельскохозяйственных отходов – это не только экономические потери, но и значительное загрязнение окружающей среды. Фактически, многие вредные газы выбрасываются в воздух, и микробная активность в почве снижается, что приводит к низкому качеству сельскохозяйственного производства. Отсутствие экологической осведомленности и низкий уровень знаний и навыков крестьян в обращении с сельскохозяйственными отходами усугубили проблему [3].

Современная практика обращения с твердыми бытовыми отходами. Большинство твердых бытовых отходов, либо сжигаются, либо попадают в открытые, общедоступные и случайные свалки или водоканалы, что способствует проблемам здоровья, экологии и окружающей среды в этих общинах. Остальное накапливается на улицах и/или на незаконных свалках. Твердые отходы иногда сбрасываются в водоемы и стоки, что приводит к серьезным проблемам окружающей среды и здоровья населения. Основная проблема, с которой сталкиваются при обращении с твердыми бытовыми отходами развивающиеся страны, заключается в отсутствии надлежащего оборудования для сбора и обработки. Плохое обращение с твердыми отходами в развивающихся странах объясняется как плохим обслуживанием, так и отсутствием ресурсов для увеличения и модернизации оборудования для сбора и обработки [4].

Все вышеперечисленные проблемы оказывают неослабное давление не только на окружающую среду сельских сел, но и на экономику, здоровье и благосостояние людей. Действительно, люди, живущие в сельских общинах, страдают не только от плохих условий жизни, но и от многих болезней, а также от безработицы. Трагическую ситуацию, с которой сталкиваются сельские деревни в развивающихся странах, уже нельзя игнорировать. С появлением концепции устойчивого развития наблюдается стремление достичь нулевого загрязнения. Концепция «от колыбели до колыбели» была разработана для перехода от линейной системы к циклическому потоку материала для решения проблемы истощения природных ресурсов и экологических проблем, вызванных деятельностью человека.

Список литературы:

1. Обзор мирового экономического и социального положения, 2018 год: проблемы устойчивого развития // ООН (2018). [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESS2018-overview_ru.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

2. Харашима, Y. (). Экологическое управление в отдельных азиатских развивающихся странах. Международный обзор экологических стратегий. 2015. №1(1). С. 193-207.

3. Chen Y., Yang G., Sweeney S. & Feng Y. Бытовое использование биогаза в сельских районах Китая: изучение возможностей и ограничений. Обзоры возобновляемой и устойчивой энергии. 2017. №14 (1). С. 545-549.

4. Экономическое влияние неадекватной санитарии в Индии. (2016). Программа водоснабжения и канализации Всемирного банка. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wsp.org/sites/wsp.org/files/publications/wsp-esi-india.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

Л. М. Давиденко
доцент Инновационного Евразийского университета

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Технологизация и цифровизация отраслей народного хозяйства ставятся в качестве приоритетов развития большинства стран мира. В условиях сложной ситуации в здравоохранении обострились вызовы социально-экономического характера, которые внесли корректировки в действующие программы модернизации. Реализация обновленных стратегий экономического роста отдельных отраслей и промышленных комплексов выступит залогом обеспечения экономической безопасности государства.

Ключевые слова: технологическое развитие, технологическая интеграция, экономическая безопасность.

Безопасность всех государств подверглась испытанию со стороны кризиса 2020 года, объединившего в себе пандемию, предшествующую ей дестабилизацию рынка углеводородов и ускоренную технологизацию отраслей экономики. На сегодняшний день не осталось ни одной отрасли мировой экономики, не ощутившей на себе последствия ухудшения социально-экономических факторов, в числе которых:

– рост уровня заболеваемости населения из-за распространения вирусной инфекции нового типа;

– социальное расслоение и падение качества жизни слабо защищенных слоев населения;

– растущее чувство неуверенности людей в завтрашнем дне по причине потери рабочих мест или частичного перехода предприятий на удаленный режим работы, вследствие чего снижается доходная часть семейного бюджета сотрудников.

Изменения в общественной жизни тесно связаны с деформацией экономического развития и смещением пропорций межотраслевого баланса. В состоянии снижения предпринимательской уверенности пребывают строительная отрасль, пассажирские перевозки, сервисный и гостиничный бизнес, туризм. Предприятия промышленного сектора, в частности отраслей

обрабатывающей промышленности, испытывают снижение спроса на свою продукцию, но, тем не менее, изыскивают дополнительные резервы, чтобы завершить крупные инвестиционные проекты по переходу к экологически чистому производству, цифровизации основных и вспомогательных процессов. Перестройка традиционных способов организации деятельности затронула сферу образования, которая в минимальные сроки совершила «прыжок» в освоении ИКТ для дистанционного обучения.

Изучая ситуацию в мире, можно прийти к выводу о фиксации социально-экономических сдвигов, которые определяют современный уровень экономической безопасности (табл. 1).

Таблица 1 – Социально-экономические вызовы технологическому развитию[4*]

Вызовы	**Проявление / варианты смягчения угроз**	**Исследователи**
Трансформация сфер общественной жизни	Переосмысление ключевых элементов бизнес-процессов применительно к используемым технологиям: онлайн-обучение, цифровая стратегия, искусственный интеллект, управление информацией, социальное взаимодействие, кибербезопасность, большие данные, блокчейн, конфиденциальность, мобильные технологии и стратегические инициативы	Йогеш К. Двиведи (Y.K. Dwivedi), Д.Л. Хьюз (D.L. Hughes), К. Кумбс (C. Coombs), Иоанна Константиу (I. Constantiou), Яньцин Дуань (YQ. Duan), Джон С. Эдвардс (J.S. Edwards), Б. Гупта (B. Gupta), Б. Лал (B. Lal), С. Мисра (S. Misra), П. Прашант (P. Prashant) – коллектив ученых из Англии, Дании, США, Индии [1]
Цифровой «разрыв» и сопутствующие исследовательские проблемы	Неравномерное распределение занятости и информационно-коммуникационной оснащенности, проблемы мониторинга рабочих мест, «онлайн-мошенничество», «техностресс» как проявления презентизма. Активизация исследований по управлению цифровой безопасностью	Рахул Де (R. De), Нина Пандей (N. Pandey), Абхипса Пал (A. Pal) – коллектив ученых из Индии [2]
Эмоциональный, психологический климат в рабочем коллективе	Уязвимость сотрудников, занятых в службах поддержки. Систематизация проблем, связанных с моральным духом сотрудников,	Клэй М. Вурхиз (CM Voorhees), Пол В. Фомбель (PW. Fombelle), Стерлинг А. Боун (SA.

[*] Автор по источникам [1-5]

Вызовы	Проявление / варианты смягчения угроз	Исследователи
	взаимодействием с потребителями. Трансформация бизнес-моделей с учетом технологий будущего, в т. ч. связанных с планированием спроса	Bone) – коллектив ученых из США [3]
Реструктуризация глобальных производственных цепочек, новое качество отношений внутри этих цепочек, усиление роли цифровых компаний и конгломератов	Усиление отраслевой и рыночной концентрации, трансформация бизнес-моделей и стратегий взаимодействия под влиянием цифровизации. Поглощение новых функций и областей ведущими лидерами отрасли, расширение взаимодействия с сетью небольших инновационных компаний. Низкая активность малого бизнеса в сфере онлайн-продаж и анализа данных (опыт стран ЕС)	А.А. Невская (A.A. Nevskaya), Россия [4]
Расширение зоны для технологического партнерства	Рост качества оказываемых услуг, генерирование инновационных разработок, увеличение количества патентов, лицензий	О.В. Андрухова, С.В. Разманова, Россия [5]

Пандемия подтолкнула к усилению активности межгосударственных структур не только в общественной жизни, но и в направлении технологической интеграции. Так в казахстанских секторах нефтедобычи, нефтепереработки и нефтехимии, которые являются одними из приоритетных направлений развития ТЭК, несмотря на кризис реализуется стратегия диверсификации производства с непосредственным участием российских компаний [6]. Продолжаются начатые программы цифровизации нефтяного сектора, создается информационная система учета сырой нефти и газового конденсата (аббревиатура «ИСУН»), основным эффектом от внедрения которой станет поддержка принятия оперативных управленческих решений на государственном уровне на основе сбора и систематизации оперативных данных [7].

Важный аспект безопасного технологического развития видится в согласованной программе взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности нефтяного сектора, находящихся перед выбором наиболее эффективных производственных технологий, которые можно внедрить в

короткие сроки и при этом не нанести глобальный ущерб экосистеме страны (рис. 2).

Параллельно с привлечением частного капитала используются средства АО «Фонд национального благосостояния «Самрук-Қазына» (рис. 3).

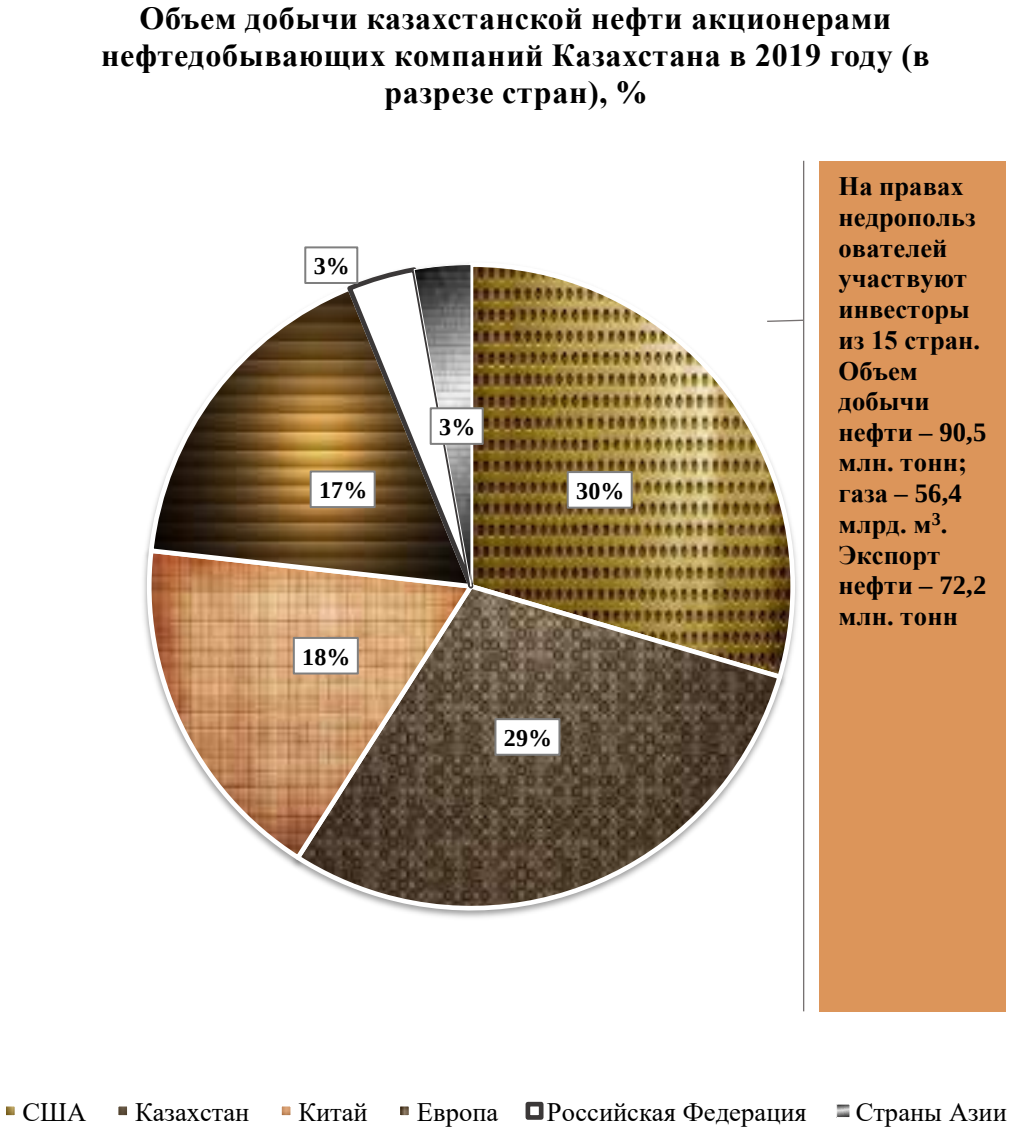

Рис. 2. Страны, представленные акционерами в уставном капитале 86 нефтедобывающих компаний Казахстана в 2019 году / по результатам исследования Союза нефтесервисных компаний Казахстана (автор по [8])

Снижение негативных тенденций в период «постпандемии» видится в налаживании системы технологического менеджмента [9]. Именно она может выступить рычагом воздействия на промышленные объекты, интегрированные в комплексы, обеспечивая соблюдение необходимых условий экономической и информационной безопасности.

Рис. 3. Прорывные казахстанские проекты по углублению технологических процессов в нефтяной отрасли (автор по [8])

Список литературы:

1. Dwivedi Y.K., Hughes D.L., Coombs C., Constantiou I., Duan YQ., Edwards J.S., Gupta B., Lal B., Misra S., Prashant P. Impact of COVID-19 pandemic on information management research and practice: Transforming education, work and life // International Journal of information Management. 2020. Volume 55. Article number 102211. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102211.

2. De R., Pandey N., Pal A. Impact of digital surge during Covid-19 pandemic: A viewpoint on research and practice // International Journal of Information Management. DEC 2020. Volume 55. Article number 102171. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102171.

3. Voorhees CM., Fombelle PW., Bone SA. Don't Forget About the Frontline Employee During the COVID-19 Pandemic: Preliminary Insights and a Research Agenda on Market Shocks // Journal of Service Research. JUL 2020. Article number 1094670520944606. DOI: 10.1177/1094670520944606.

4. Nevskaya A.A. Interaction of corporate Structures in the EU: Impact of Digitalization // Mirovaya Ekonomika i mezhdunarodnye Otnosheniya. 2020. Volume 64. Issue 10. Pp. 93-102. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-93-102.

5. Андрухова О.В., Разманова С. В. Роль интеграционных структур в развитии отечественного нефтесервиса // Проблемы устойчивого развития в отраслевом и региональном аспекте: материалы международной научно-практической конференции, 15 октября 2020 года. В 2 томах. Том 2 / отв. ред. Е. А. Корякина. Тюмень: ТИУ. 2020. С. 173-176. Текст: непосредственный.

6. Ногаев Н.А. Нефтехимия одно из приоритетных направлений развития ТЭК [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства энергетики Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/nurlan-nogaev-neftehimiya-odno-iz-prioritetnyh-napravleniy-razvitiya-tek?lang=ru (дата обращения 07.12.2020).

7. В Казахстане создается информационная система учета сырой нефти и газового конденсата [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/126947?lang=ru (дата обращения 07.12.2020).

8. Нефтегазовый сектор Казахстана [Электронный ресурс] // Нефть и газ. 2020. № 5 (119). С. 155-157. URL: http://neft-gas.kz/ (дата обращения 07.12.2020).

9. Миллер А.Е., Давиденко Л.М. Технологический менеджмент нефтяных компаний в условиях глобальных вызовов // Омский научный Вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Том 5. № 3. С. 109-116. DOI: 10.25206 / 2542-0488-2020-5-3-109-116.

С. В. Золотарева
доцент НАО «Торыйгыров Университет»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В данной статье затрагиваются основные проблемы внутреннего аудита, рассматриваются основные принципы. Дается обоснование проблем, которые отражают основные направления деятельности внутреннего аудита. Также раскрываются этапы внутреннего аудита, как основные направления бизнес-процессов.

Ключевые слова: аудит, внутренний аудит, аудиторские услуги, результативность, принципы аудита.

Сегодня не только в Казахстане, но и во всем мире большое значение уделяется аудиторской деятельности. Аудит позволяет не только осуществлять процесс проверки организаций, но и давать рекомендации по исправлению ошибок. Как мы знаем, аудит занимает очень важную роль в деятельности государства. Исходя из этого, можно выделить несколько основных направлений деятельности внутреннего аудита:

1) повышение эффективности и результативности деятельности (аудит бизнес-процессов организации или операционный аудит);
2) обеспечение достоверности всех видов отчетности (бухгалтерской, финансовой, управленческой, налоговой-финансовый аудит);
3) обеспечение сохранности активов;
4) соблюдение требований законодательства и внутренних регламентирующих документов [1].

Как известно под аудитом понимается деятельность по проведению проверки финансовой (бухгалтерской) отчётности и данных учёта, а также выражение по результатам проверки обоснованного независимого мнения аудитора о достоверности отчётности в форме письменного аудиторского заключения.

Для Казахстана внедрение государственного внутреннего аудита является очень важным шагом на пути совершенствования системы контроля в государственных органах, поскольку важным инструментом является обеспечения эффективности деятельности государственных органов. Очень важно для аудита, как для внутреннего, так и для внешнего результаты и конечно рекомендации аудиторского подразделения. Представленные рекомендации могут принести большую пользу проверяющим государственным органам в выполнении функций и достижении ими своих стратегических целей.

Действующая система внутреннего аудита характеризуется отсутствием целостности и системности [2, с. 3]. Существующий внутренний аудит в организациях не обеспечивает повышения эффективности, результативности

и экономичности. Он фактически не направлен на профилактику и предотвращение нарушений и недостатков.

Существует ряд проблем внутреннего аудита, которые представлены на рисунке1.

Рис. 1. Проблемы внутреннего аудита в РК

Исходя из рисунка, можно сказать, что проблем во внутреннем аудите намного больше, чем они представлены. На решение проблем влияют многие факторы, например, такие как увеличение конкурентов на рынке аудиторских услуг. Таким образом, вопрос о необходимости изменений в аудите в целом имеет исключительно положительный характер.

Сейчас в Казахстане аудиторские услуги развиваются быстрыми темпами. Кроме того роль внутреннего аудита заключается в проведении проверки внутренней практики и процедур организации для обеспечения достижения целей и задач организации [4].

Как известно, внутренний аудит является частью системы внутреннего контроля и предназначен для выполнения работы по определению того, как другие компоненты внутреннего контроля функционируют соответствующим образом.

Внутренний аудит является независимым, то есть свободным от условий, которые могут создать угрозу способности внутреннего аудита беспристрастно выполнять свои обязанности, а также быть объективным.

Объективность заключается в установке, которая позволяет аудиторам выполнять внутренний аудит беспристрастно, таким образом, чтобы аудиторское мнение было объективным и не подчинялось мнению других лиц [5, с. 4].

Любой аудитор при осуществлении своей деятельности должен руководствоваться принципами внутреннего аудита, к которым относятся независимость, объективность, беспристрастность и компетентность. На рисунке 2 представлены основные характеристики принципов.

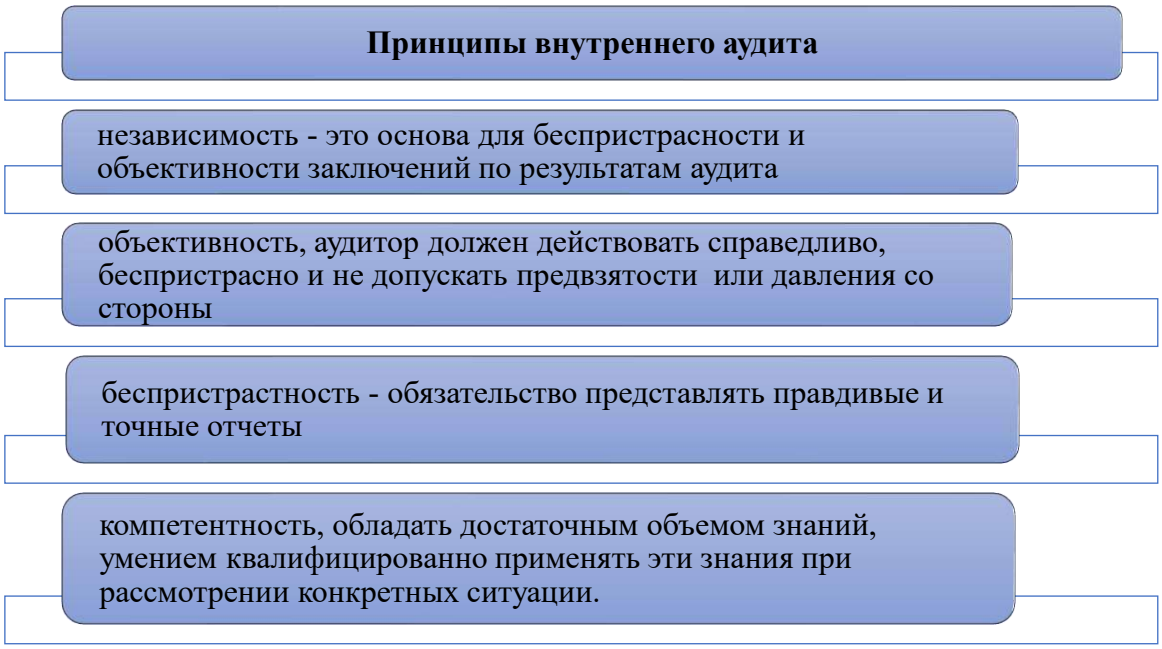

Рис. 2. Принципы внутреннего аудита

Внутренний аудит играет ключевую роль в системе корпоративного управления. Он является одним из связующих звеньев между базисом и надстройкой в организации. Результаты внутреннего аудита очень часто указывают на недочеты и просчеты надстройки. Поэтому надстройка в организации весьма высоко ценит орган внутреннего аудита и прислушивается к его мнению [4].

В целом бизнес-процессы органа внутреннего аудита условно можно разбить на этапы внутреннего аудита**:**

– первый этап – определяются источники информации, осуществляется сбор, анализ информации и документов, касающихся непосредственно объекта аудита;

– второй этап – определяются конкретные цели и задачи, формируется план и программа внутреннего аудита;

– третий этап – осуществляются внутренние мероприятия аудиторские/аналитические/оценочные в соответствии с планом и программой, при необходимости вопросы, масштаб и предмет внутреннего аудита/анализа/оценки подвергаются расширению или сокращению исходя из промежуточных результатов;

– четвертый этап – формируются результаты внутренних аудиторских/аналитических/ оценочных мероприятий на основе проведенных мероприятий, вырабатываются соответствующие рекомендации;

– пятый этап – итоги аудита/анализа/оценки с выводными аспектами и рекомендациями направляются высшему руководству организации на рассмотрение и принятие решений.

Таким образом, можно сделать вывод, что аудиторы должны обладать необходимыми знаниями и навыками, а также уметь отстаивать свою точку зрения, выявлять суть проблемы, быть настойчивыми и уверенными в

собственных силах. При недостатке таких качеств аудиторы будут ориентироваться на мнение и заключения аудируемых и не смогут сохранить свою объективность.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан «Об аудиторской деятельности» от 20 ноября 1998 года (с изменениями и дополнениями на 20 февраля 2009 года).
2. Сборник Международных Стандартов Аудита, Выражения уверенности и Этики. Алматы, 2007. 1260 с.
3. Абленов Д.О. Аудит: теория и практика: учебник. Алматы: Экономика, 2005. 420 с.
4. Жуматаева Б.А., Мукатаева А.К. Проблемные аспекты организации внутреннего аудита // Проблемы внедрения международных стандартов аудита и учета, практика их применения в странах СНГ. Сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы внедрения международных стандартов аудита и учета, практика их применения в странах СНГ». М.: РУДН, 2018. С. 230-232.
5. Шеремет А.Д. Аудит: учебник / А.Д. Шеремет. 5-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 448 с. (Высшее образование).

Д. Е. Искакова
PhD «Инновационный менеджмент»

ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость и перспективность перехода государств от добычи и использования углеводородного сырья к использованию неограниченных запасов возобновляемых источников энергии, который позволит обеспечить более безопасное, экономичное и экологичное решения проблем мировой энергетики.

Ключевые слова: электроэнергетика, инновация, безопасность, возобновляемые источники энергии, технологии, экология, эффективность.

Появившиеся в мировой энергетике новые вызовы и серьезные проблемы связаны с сокращением запасов ископаемого углеводородного топлива, значительными колебаниями цен на энергоресурсы, обеспечением экологической безопасности планеты в условиях все возрастающего энергопотребления. Четко обозначилась тенденция: по мере роста населения и, соответственно, потребления возрастает общий спрос на энергию.

Казахстан поставил перед собой сложную стратегическую задачу – вывести национальную экономику на качественно новый уровень, осуществить переход к инновационному типу развития, в том числе ее ведущей отрасли – электроэнергетики. Это предполагает критическое

переосмысление организации сырьевых индустрий, подходов к управлению природными ресурсами, необходимость «экологичности и эффективности работы самих производителей энергии», к прогрессу в «сфере альтернативной, «чистой» энергии» [1], что, в конечном итоге, окажет позитивное влияние на экономическую и социальную безопасность общества.

В эпоху глобализации и ускоренного развития жизненного цикла современное и качественное новое инновационное развитие связано со вступлением человечества в новую эру своего развития, а не со сменой фаз цикла экономического развития, как считалось в XX в. Такие явления и процессы как техническая/технологическая модернизация, эволюция жизненного цикла производства или конкретного товара, новые технологии в производстве, то есть, те традиционно понимаемые инновации, которые делают процесс производства короче и дешевле, не совсем правильно относить к инновациям. Для такого рода явлений уместно применить понятие «нововведение».

Сокращаются не только длина динамических волн (по Н. Кондратьеву), увеличивается их частота; замена технического оснащения отрасли происходит не столько за счет физического, а сколько из-за морального устаревания; информационные технологии, программирование и искусственный интеллект очень сильно изменили и видоизменили мировую электроэнергетику. В условиях тотальной глобализации и быстрого обмена информацией появление новых технологий или разработок в одной компании или стране достаточно быстро схватываются рынком, внедряются в производство и затем теряют статус инновации.

Таким образом, инновации – это качественно новое открытие, которое создает свою исключительную идею и ценность для всего общества, отдельной отрасли или сектора экономики. Особенность инноваций – это обязательная капитализация на рынке и полное отсутствие аналогов. Внедрение такого рода инноваций требует огромных инвестиций, создания множества новых вспомогательных технологий и мирового научного вклада. К примерам подобных инноваций в мировой практике можно отнести появление электричества и электрификация мира; запуск спутника в космос; использование атомной энергии; появление компьютеров и нанотехнологий, интернета и информационно-телекоммуникационной отрасли, использование стволовых клеток в медицине и прочее.

В настоящее время ни одна национальная энергетика не может больше быть самодостаточной, исходя из имеющихся факторов производства, технологий и потребности в капитале. Полагаясь только на внутренние природные, экономические, технологические и интеллектуальные ресурсы в современном мире невозможно оставаться конкурентоспособным. Ни одно государство не в состоянии рационально формировать и реализовывать энергетическую стратегию развития, не учитывая приоритеты и нормы поведения основных участников мировой хозяйственной деятельности [2].

С точки зрения инновационного развития за последние десятилетия лидирующие позиции занимают США, страны Европы и Юго-Восточной

Азии. Ежегодный мониторинг 130 стран мира, представленный в докладе «Глобальный инновационный индекс» 2017 (далее ГИИ) [3], позволил представить рейтинг государств мира по десяткам параметров, которые выходят за рамки традиционных индикаторов инновационной деятельности. Согласно докладу «Глобальный инновационный индекс» 2017 г., возглавляют рейтинг ведущих государств-новаторов Швейцария, Швеция, Нидерланды, США и Соединенное Королевство. К таким инновационным гигантам, как Китай, Япония и Республика Корея, подступает группа государств Азии, в том числе Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Вьетнам, которые активно совершенствуют свои инновационные экосистемы и добиваются высоких результатов по развитию сферы образования, НИОКР, темпам роста производительности труда и экспорту высокотехнологичной продукции. Казахстан занимает 78-е место в общем глобальном рейтинге инноваций [3]. Как видно из отчета 2017 г., по большинству показателей (качество научных публикаций, качественный уровень университетов, экспорт высокотехнологичных услуг и услуг ИКТ, экспорт продукции творческого труда, производство высокотехнологичной готовой продукции, присутствие компаний, осуществляющих НИОКР в глобальных масштабах и многие другие), Казахстану предстоит еще много работать.

Рассматривая суть инноваций в электроэнергетике как ведущей отрасли экономики любого государства, важно отметить, что они носят не только национальный, но и, главным образом, глобальный характер. В понятие «инновационное развитие» мы вкладываем глобальный переход отрасли от одного состояния в качественно другое. Инновационное развитие электроэнергетики рассматривается как процесс перехода действующей электроэнергетики (основанной на генерации электроэнергии путем сжигания углеводорода и загрязнения окружающей среды, передаче электроэнергии посредством действующих наземных линий электропередач и задействовании человеческого труда в ходе высокотоксичного производства) на качественно новую ступень развития, базирующуюся исключительно на возобновляемых источниках и водородной энергии с внедрением и использованием цифровых, нано-, волновых и иных современных технологий.

Инновационное развитие электроэнергетической отрасли имеет две ступени качественного нового инновационного развития. Первая связана с появлением электричества в XVI веке и дальнейшими развитием отрасли; вторая, нынешняя ступень, берет начало в XX веке с пониманием и осознанием мира ограниченности запасов ископаемого сырья и ухудшения экологии планеты Земля. Промежуточные «инновации» между двумя этими ступенями развития мы рассматриваем как новшества, нововведения, изменения, способствующие улучшению отрасли и ее развитию, но не как существенные трансформации, приводящие к переходу отрасли на новый этап развития.

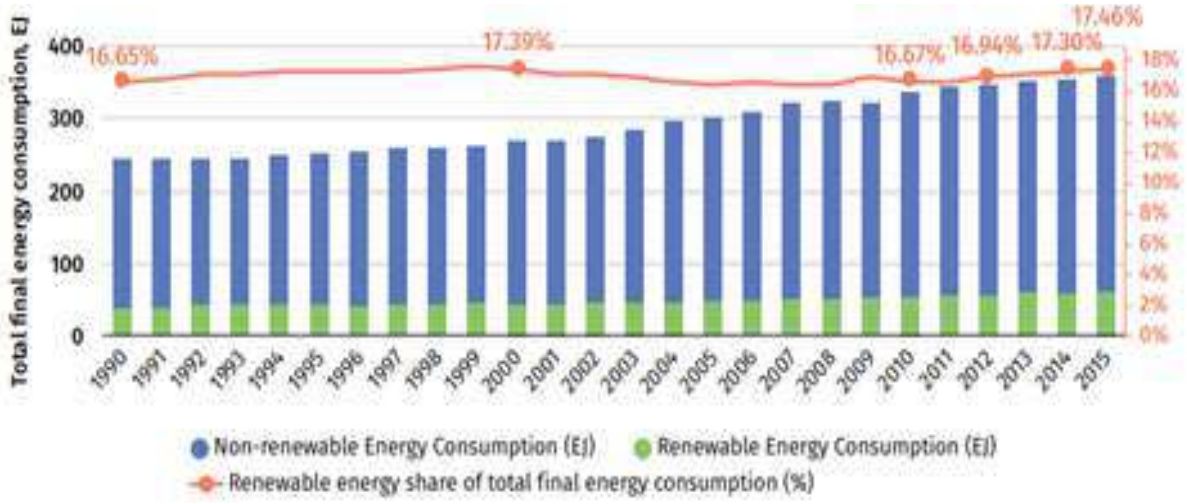
В настоящее время современный мир стоит на переломном этапе развития мировой электроэнергетики (на глобальном уровне). Выделяют три

основных двигателя такого перехода – это декарбонизация, диджитализация и децентрализация, которые ведут энергетические системы в будущее [2].

В последующие десятилетия, после выдвинутой идеи об исчерпаемости природных ресурсов и загрязнении окружающей среды, Римским клубом (1972 г.), наукой, электроэнергетическими корпорациями, государствами и обществом в целом начато движение в сторону использования природных условий в качестве источников энергии, что в последующем получило название как «возобновляемые источники энергии» (далее ВИЭ). На наш взгляд, открытие возможности использования ВИЭ и есть одно из ведущих инновации современного этапа развития электроэнергетики. Однако под «инновацией» мы понимаем не отдельно взятые био-, ветряные или солнечные электростанции, а общую концепцию возможности перехода массового производства электроэнергии за счет возобновляемых источников энергии.

В настоящее время решение экологических и экономических проблем мировая электроэнергетика видит в масштабном развитии ВИЭ в виду их экологичности, маневренности, дешевизны и неисчерпаемости. Широкую известность получили энергия ветра, гидроэнергия, энергия приливов и отливов, энергия волн, энергия солнечного света, геотермальная энергия, биотопливо/биоэнергия. ВИЭ внедряются практически во всех странах мира, а технологии становятся совершеннее и дешевле. Происходящие современные тенденции инновационного развития электроэнергетики свидетельствуют о начавшейся трансформации отрасли.

Последние 10 лет стали рекордными для развития ВИЭ, характеризуемые увеличением мощности возобновляемой энергии, снижением затрат, увеличением инвестиций и улучшением технологии (рис.1).

*По данным International Energy Agency (IEA) and United Nations Statistics Division (UNSD)

Рис. 1. Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного потребления энергии, 1990–2015 годы [5].

Это было вызвано рядом причин, включая снижение ставок по проводимым торгам для солнечной и ветровой энергии в нескольких странах мира, интенсивное развитие диджитализации, дальнейшая электрификация транспорта, ряд принятых юрисдикций по снижению зависимости от угля, проведение новой политики в области ценообразования углеводородов, а также новые инициативы и цели, установленные правительствами многих стран. Технологии ВИЭ (гидроэнергетика, биоэнергетика, геотермальная энергия, солнечная, фотоэлектрическая, ветроэнергетика и тепло) стали использоваться в качестве основных и конкурентоспособных источников энергии наряду с существующим ископаемым топливом и производством ядерной энергии.

Рисунок 2 показывает, что к 2018 году, практически за 20 лет, доля ВИЭ в общем объеме производства электроэнергии превысила четверть производства (26,5%). Известные на сегодняшний день ВИЭ в виду огромной скорости их разработки и повсеместного внедрения можно называть традиционными ВИЭ.

Рис. 2. Расчетная доля возобновляемой энергии в мировом производстве электроэнергии (на конец 2017 года).

Перспективы инновационной деятельности отрасли востребуют изменение приоритетов от количественных к более качественным показателям производства электроэнергии и ориентированы на решение стратегических задач развития отрасли (обновление материально-технической и производственной базы, модернизация существующих и создания новых фондов (генерирующих и транспортных мощностей) в соответствии с тенденциями спроса на электроэнергию).

Инновации в технологическом плане переходят от физического в цифровое состояние. Развитие цифровизации в электроэнергетике существенно повышает эффективность производства и производительности труда. Цифровой учет, мониторинг и контроль производственных процессов помогают многим компаниям определить и внедрить нововведения и

повысить эффективность. Для электроэнергетики как для отрасли цифровизация создает широкие возможности для снижения стоимости электроэнергии за счет автоматизации диагностики и выявления проблемных «точек» или «зон» всей системы генерации, передачи и распределении, предупреждения возможной аварии, значительного сокращения потерь в электрических сетях, а также обновления технологии, оптимизации производственного процесса, повышения эффективности производства и бизнеса.

Последние пять лет наука активно разрабатывает возможности передачи электроэнергии посредством магнитных и иных ультразвуковых волн. Концепция передачи энергии с использованием любого типа ультразвуковых волн относительно новая и уже доказала свою способность воспринимать электроны в пространстве. Однако пока отсутствуют технологии для контроля путей передачи электроэнергии, как при прохождении энергии через провода. Его можно контролировать в некоторой степени с помощью энергетических полей, но на данный момент такой способ является очень дорогим и сложным [6].

В период серьезных перемен практически всем странам придется решать сложные задачи по энергообеспечению, но характер этих задач может различаться в зависимости от региона. Государства, зависящие от экспорта сырья, вынуждены искать альтернативные источники дохода. Импортерам в эпоху низких цен на ресурсы следует позаботиться о создании стратегических запасов. Но независимо от обстоятельств приоритетную роль в новых условиях будет играть гибкая национальная политика, обеспечивающая поддержку наиболее перспективных, инновационных направлений развития [7]. Обеспечение гибкости управления электроэнергетикой может оказаться важнее, чем рост производства электроэнергии, и стать источником конкурентных преимуществ как компании, так и отрасли в целом.

Заключение. Эпоха углеводородной экономики мира постепенно сменяется новым периодом, при котором жизнь общества будет основываться на ВИЭ, цифровых и нанотехнологиях, тотальной роботизации производства в электроэнергетике. Переход от добычи и использования углеводородного сырья к использованию неограниченных запасов возобновляемых источников энергии расценивается как оптимальный вариант более безопасного, экономичного и экологичного решения проблем мировой энергетики.

Список литературы:

1. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции // Казахстанская правда. 10 января 2018 года.
2. Вишняк О. Н. Методология стратегического управления устойчивым развитием электроэнергетики РФ. Казанский Государственный финансово-экономический институт, 2007.
3. Доклад «Глобальный инновационный индекс» 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: www.globalinnovationindex.org. (дата обращения: 26.12.2020).
4. International Energy Agency (IEA) and United Nations Statistics Division

(UNSD) [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/databases.htm (дата обращения: 26.12.2020).

5. Kural A. and other. Wireless power transmission using ultrasonic guided waves // Journal of Physics Conference Series 305(1):012088. 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/231096367_Wireless_power_transmission_using_ultrasonic_guided_waves (дата обращения: 26.12.2020).

6. Бербнер Й. Как инновации преображают сырьевой сектор [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/process/energetics/kak_innovatsii_preobrajayut_syirevoy_sektor/ (дата обращения: 26.12.2020).

Л. И. Кашук
профессор Инновационного Евразийского университета

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАВЛОДАРСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Программы поддержки и развития предпринимательства в Республике Казахстан носят многоаспектный характер и в различные периоды времени были ориентированы на формирование основ становления и развития частного предпринимательства в целом, создание необходимых условий для активного формирования слоя предпринимателей, включая инфраструктурное обеспечение, льготное кредитование и финансирование развития. Вместе с тем исследования, проводимые Фондом «Даму» [1] и результаты социологических и маркетинговых исследований [2] указывают на существование в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП) республики многоаспектных проблем, требующих своего решения, как на институциональном уровне, так и на уровне регионов.

Ключевые слова: МСП, структура, анализ, проблемы, ожидания.

По состоянию на 01.07.2020 г. количество действующих субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Казахстан составляет 1345941 единицы, в их числе 3,4% – субъекты МСП Павлодарского региона (45291). В структуре МСП Казахстана юридические лица малого предпринимательства составляют 20,2%, юридические лица среднего предпринимательства – 0,2%, индивидуальные предприниматели – 63,4% и крестьянские или фермерские хозяйства – 16,2%. Аналогичные показатели по Павлодарскому региону составляют 22,9%, 0,2%, 69,4% и 7,5%, соответственно [3]. Оценка состояния и тенденций развития предпринимательства Павлодарской области в статье основана на анализе динамики основных показателей субъектов МСП региона (таблица 1). Общее

количество действующих субъектов малого и среднего предпринимательства Павлодарской области по состоянию на 01.01.2020 г., по данным Комитета по статистике Республики Казахстан составило 45373 единицы.

По состоянию на 1 января 2020 года в Статистическом бизнес-регистре Павлодарской области (СБР) внесено 13278 юридических лиц и 36118 индивидуальных предпринимателей. Из числа зарегистрированных юридических лиц количество действующих составляет 9994 единиц или 75,3% (в их числе активно действующих – 61,7%). По размерности преобладают малые предприятия – 97,9% (с численностью занятых до 100 человек) По видам экономической деятельности большинство предприятий специализируется на оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и мотоциклов – 30,4% (4220 единиц), а наименьшее число предприятий приходится на услуги по проживанию и питанию – 1,3% (176 единиц).

Таблица 1 – Динамика основных показателей субъектов МСП Павлодарской области

Субъекты МСП	**Год**	**Зарегистрировано субъектов (на 1.01), ед.**	**Действующие субъекты (на 1.01), ед.**	**Численность занятых, тыс. чел.**	**Объем производства,млрд. тенге**
Всего	2017	51794	43997	131,3	745,5
	2018	52059	43311	133,5	745,7
	2019	52935	43820	138,4	898,5
	2020	52924	45373	*	*
Юридические лица МСП	2017	10729	7660	65,9	601,8
	2018	11783	10583	65,7	595,6
	2019	12727	9309	70,6	744,5
	2020	13278	9994	*	*
Индивидуальные предприниматели	2017	37377	32856	57,9	74,0
	2018	36856	29517	60,9	74,5
	2019	36808	31263	60,5	79,5
	2020	36118	31996	*	*
Крестьянские или фермерские хозяйства	2017	3688	3481	7,5	69,7
	2018	3420	3211	6,9	75,6
	2019	3400	3248	7,3	74,5
	2020	3528	3383	*	*
Таблица составлена на основе данных Комитета по статистике Республики Казахстан [3,4]					

Примечание: * Информация отсутствует

Из общего количества зарегистрированных юридических лиц на промышленные предприятия приходится 9,8% (1357 единиц), из них наибольшее количество приходится на обрабатывающую промышленность – 83,4% (1132), а наименьшее – на электроснабжение, подачу газа, пара и воздушное кондиционирование – 3% (41).

В разрезе форм собственности 85,6% составляют предприятия с частной формой собственности, 11,2% – с государственной и 3,2% – с собственностью других государств, их юридических лиц и граждан. По организационно-правовым формам наибольшую долю (79,3%) занимают хозяйствующие товарищества. В территориальном разрезе наибольшее количество юридических лиц зарегистрировано в городе Павлодар (68%).

Одним из важных показателей деятельности сферы МСП являются объемы производства товаров и услуг. Следует отметить, что за период с 2017 года по 2019 год объемы выпуска в сфере МСП возросли на 20,5% при одновременном росте численности на 5,4%. В сфере малого и среднего предпринимательства региона отмечается рост доли занятых в данном секторе в общей численности населения Павлодарской области и в численности экономически активного населения региона, что является положительной тенденцией, свидетельствующей о повышении роли малого и среднего бизнеса в обеспечении занятости населения области.

В объемах выпуска товаров, работ и услуг сферы МСП в 2019 году вклад различных категорий субъектов имеет свою специфику. В составе субъектов сферы МСП региона наиболее эффективно работающими являются юридические лица малого и среднего предпринимательства. На их долю соответственно приходится 82,9% всего объема товаров и услуг, произведенных субъектами данной сферы, при этом в составе действующих субъектов МСП удельный вес юридических лиц малого предпринимательства (МП) составляет 21,2%. Наиболее многочисленной категорией действующих субъектов МСП являются индивидуальные предприниматели (71,3%), на долю которых приходится 8,8% в совокупных объемах производства сферы МСП.

Анкетирование предпринимателей по исследованию проблем развития МСП региона показывает, что отраслевая структура проблем предпринимателей Павлодарской области не имеет определенной специфики, но обнаруживает ряд особенностей, связанных с доминированием тех или иных проблем в сельском хозяйстве (СХ), сфере производства и сфере услуг (торговле).

В числе доминирующих проблем МСП региона респондентами (200 человек) отмечается проблема коррупции в органах власти и управления (26%) и проблема, связанная с недостатком финансовых средств (23%). При этом коррупцию в органах власти и управления как проблему максимально отмечают предприниматели, занятые в сфере торговли – 24 человека и сфере производства – 23 человека из 78 респондентов, указавших на существование данной проблемы. Недостаток финансовых средств максимально отмечают предприниматели, занятые в сфере торговли – 26 человек из 69.

Бюрократизм как актуальную проблему отмечают представители сферы торговли – 18 человек из 48. Высокая арендная плата и высокий уровень налогообложения, как проблема, с минимальным разрывом указывается предпринимателями всех отраслей. Проблемы с привлечением инвестиций и получением кредита, в первую очередь, отмечается предпринимателями,

занятыми в сфере производства – 15 человек и 11 человек из 35, соответственно. Проверки контрольно-надзорных органов максимально как проблему отмечают предприниматели, занятые в сфере торговли – 14 человек из 26. Отсутствие кадров и необходимость подготовки и повышения квалификации кадров как актуальную проблему максимально отмечают предприниматели сферы производства 12 человек из 25 и 10 человек из 18, соответственно. Недостаток специальных знаний, управленческих навыков – отмечают предприниматели аграрного сектора экономики и сферы торговли – по 5 человек из 13.

Аналогичная ситуация наблюдается и в структуре проблем предпринимательства по формам собственности.

Анализ результатов анкетирования субъектов сферы малого и среднего бизнеса Павлодарской области и республиканских информационных обзоров по вопросам развития предпринимательства свидетельствуют об их корреляции и позволяют говорить о существовании многоаспектных проблем организации предпринимательской деятельности.

Ожидания предпринимателей по мерам совершенствования деятельности сферы МСП региона по приоритетности выглядят следующим образом: решение проблем налогообложения и снижение процентных ставок за кредит как первоочередные меры государственной поддержки рассматривают по 26% опрошенных предпринимателей; 19% респондентов как одну из мер по решению проблем предпринимательской деятельности указывают упорядочение системы контроля со стороны контрольно-надзорных органов; в числе мер поддержки предпринимателями отмечается и необходимость консультационной поддержки (13,6% респондентов).

Дисбаланс отраслевой структуры предпринимательства Павлодарской области – высокий удельный вес в составе субъектов МСП предпринимателей, занятых в сфере услуг (и сфере торговли, в частности) говорит об отсутствии в среде предпринимательства объективно существующей мотивации создания бизнеса в реальной сфере экономики. Предпринимательство в сфере производства связано с высоким риском и большими финансовыми затратами на организацию производства. Отсутствие собственных финансовых средств, ограниченность доступа к кредитным ресурсам, высокая арендная плата, неразвитость лизинговых отношений – все это сдерживает развитие предпринимательства в производственной сфере. В этой связи объективными предпосылками и реальными условиями развития предпринимательства в сфере материального производства может быть только государственная поддержка предпринимательства и финансовая, в первую очередь. Такая поддержка может существовать, в том числе, через государственный заказ.

В зарубежной практике сотрудничество субъектов МСБ и крупного бизнеса – одно из эффективных направлений развития предпринимательства. При высоком уровне развития экономики и рыночных отношений такое сотрудничество реализуется на паритетных началах и взаимовыгодно и для МСП и для крупного бизнеса. В условиях нестабильности спроса крупный

бизнес менее охотно идет на сотрудничество со сферой МСП, замыкая всю свою деятельность на себя.

С учетом изложенного объективно приоритетным направлением развития сферы МСП Павлодарской области на ближайшую перспективу остается сфера услуг (как с учетом содержания действующей программы развития региона до 2020 года, так и с учетом существующей экономической ситуации, формирующей тенденции развития МСП в рамках программы развития региона до 2025 года). Несмотря на объединение индивидуальных предпринимателей в сфере торговли в рамках торговых домов (что объективно сократило их численность), в ближайшей перспективе сфера торговли, несмотря на проблемы, обусловленные ситуацией с коронавирусом, все так же остается доминирующей в структуре предпринимательской деятельности региона.

Формирование среднего бизнеса в регионе не имеет мотивационного механизма и без соответствующих мер со стороны региональных структур власти не имеет перспективы своего развития. В числе механизмов мотивации наиболее существенным, на наш взгляд, может быть система мер по имущественной и финансовой поддержке.

Реальной формой сотрудничества крупного бизнеса и сферы МСБ является сотрудничество в форме государственного заказа. Через систему госзаказа государство в лице региональной исполнительной власти имеет возможность сформировать «позитивное» отношение крупного бизнеса к сфере МСП, что со временем может перерасти в сотрудничество на добровольной и экономически взаимовыгодной системной контрактной основе.

Список литературы:

1. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Мониторинг количества действующих субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан. Отчет о состоянии развития малого и среднего предпринимательства в Казахстане и его регионах. Алматы, 2016 г., выпуск № 8. 133 с.

2. Центр бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia. Отчет по результатам маркетинговых исследований «Состояние развития субъектов малого и среднего предпринимательства и результаты реализации программы «Бизнес-Советник». Алматы, 2010.

3. Мониторинг малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан. Экспресс-информация № 36-3-01-36/4113. 15 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz/ official/industry/139/statistic/6 (дата обращения: 20.12.2020).

4. Департамент статистики Павлодарской области. Социально-экономическое развитие Павлодарской области (январь-декабрь). Павлодар. 2017, 2018, 2019 годы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pavlodar.gov.kz (дата обращения: 20.12.2020).

И. Н. Котова
доцент Рязанского государственного
университета имени С.А. Есенина

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье обоснована необходимость изучения социальных аспектов экологической безопасности. Представлены результаты социологического исследования экологической безопасности в городе Рязани: выявлены экологические факторы, способствующие возникновению рисков на территории города; проанализирована деятельность региональных природоохранных структур; проведена диагностика отношения жителей к экологической ситуации в городе и к деятельности органов местной власти; определен уровень социально-экологической напряженности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологические проблемы, социально-экологические интересы населения, социально-экологическая напряженность.

Продолжающаяся в последние годы повсеместная деградация окружающей среды актуализирует проблему экологической безопасности социума. В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия) отмечено, что «окружающая среда в городах и на прилегающих к ним территориях, где проживает 74% населения страны, подвергается существенному негативному воздействию, источниками которого являются объекты промышленности, энергетики и транспорта, а также объекты капитального строительства» [1, раздел II, п.7]. Как следствие на этих территориях фиксируются ухудшение состояния здоровья и повышение смертности населения. Ежегодные экономические потери, обусловленные ухудшением качества окружающей среды, составляют 4-6% ВВП [1, раздел II, п.18].

Подобная оценка дает основания признать экологическую безопасность составной частью национальной безопасности страны. Однако, поставленные в Стратегии задачи по обеспечению экологической безопасности, носят в основном экономический характер, предполагая контроль за соблюдением норм в сфере природопользования без акцента на защите социально-экологических интересов населения.

Вместе с тем, различные экологические риски влекут за собой не только экономические, но и социальные последствия, связанные со здоровьем населения и нарушением жизненно важных интересов различных социальных групп, что подтверждено рядом социологических исследований [5, с. 97]. Так, ущемлением социально-экологических интересов населения могут быть вынужденная миграция, сокращение рабочих мест или рекреационных возможностей как следствие ухудшения экологической ситуации в месте проживания.

В этой связи особую важность приобретает диагностика уровня социальной напряженности в социуме на основе мониторинга окружающей среды, то есть, исследование социальных аспектов экологической безопасности. Алгоритм исследования выглядит следующим образом: «антропогенный экологический фактор» – «потребность» – «интерес» – «мотив» – «действие» [4, с. 87].

На основе данной методологии автором проведен социологический анализ экологической безопасности в городе Рязани: выявлены экологические факторы, способствующие возникновению рисков на территории города; реакция на эти риски со стороны органов власти и общественности; общественное мнение населения по экологическим проблемам; уровень социально-экологической напряженности.

Ключевую роль в обеспечении региональной экологической безопасности как одного из направлений государственной политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды играют Министерство природопользования Рязанской области и Управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Рязанской области (Управление Росприроднадзора). В результате анализа количественных и качественных показателей, статистических данных, аналитических документов указанных ведомств было выявлено, что самые серьезные проблемы, порождающие риски для здоровья жителей города Рязани, связаны с состоянием воздуха и загрязнением воды.

По данным Министерства природопользования за 2014-2019 годы уровень загрязнения воздуха остаётся примерно на одном уровне и классифицируется как повышенный из-за содержания сероуглерода, формальдегида, взвешенных веществ, диоксида азота, бенз(а)пирена [3, с. 8]. Наиболее высокий уровень загрязнения воздуха наблюдается в юго-восточной части города Рязани, где находятся нефтеперерабатывающий завод, картонно-рубероидный завод, «Химволокно» и другие предприятия химической промышленности.

Основными источниками загрязнения воды в городе Рязани являются притоки реки Оки (Москва-река) и недостаточно очищенные хозяйственно-бытовые и промышленные сточные воды города. По индексу загрязнения и классу качества воды река Ока относится к 4-ому классу как грязная (всего 5 классов: 1-й класс – условно чистая; 5-й класс – экстремально грязная) [3, с. 40]. По оценке Роспотребнадзора в Рязанской области качественной питьевой водой не обеспечены 4% горожан и 30% сельских жителей [7].

Самым ярким показателем негативного влияния состояния среды обитания на здоровье человека является отрицательная динамика численности населения. На протяжении ряда последних лет отмечается сокращение численности населения Рязанской области более высокими темпами, чем в целом по России и Центральному Федеральному округу (далее – ЦФО). По данным Роспотребнадзора за 2018 год Рязанская область входила в число 15-ти регионов РФ с высокими показателями естественной убыли населения, занимая 11-е место (в 2017 году – 12-ое место, в 2016 г. – 14-ое место). По

ЦФО регион занимал 9-е место среди областей с более низкими показателями естественной убыли из 18-ти возможных (в 2017 году – 10-е место) [3, с. 139-140].

Для Рязанской области характерны ежегодные превышения республиканских показателей смертности от болезней органов дыхания и пищеварения. В 2018 году регион входил по ЦФО в пятерку территорий с высокими показателями по смертности от болезней органов дыхания, а по РФ – в десятку, занимая 9-ое место (в 2017 г. – 16-е место) [3, с. 142]. По смертности от болезней органов пищеварения регион занимает 27-й ранг по стране и 9-й ранг по ЦФО. В 2016 году по смертности от болезней органов пищеварения Рязанская область занимала 24-е и 10-е место соответственно [3, с. 157].

Таким образом, анализ реальной экологической ситуации в Рязани позволяет сделать вывод о наличии определённых проблем в сфере экологии, которые негативно влияют на здоровье горожан, а значит, на качество их жизни. Выявленные риски создают угрозу экологической безопасности города в целом. Для понимания причин сложившейся ситуации была проанализирована деятельность региональных природоохранных структур.

Анализ ежегодных докладов о состоянии и об охране окружающей среды в Рязанской области показывает, что экологическая политика имеет целью повышение эффективности природоохранной деятельности, улучшение качества окружающей среды и обеспечение экологической безопасности населения. Министерство природопользования Рязанской области реализует ряд экологических программ и проектов, руководствуясь в своей деятельности Стратегией социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года [2], где экология и устойчивое развитие названы среди приоритетов развития региона. Прежде всего, ставятся задачи озеленения, создания «зеленых» городов, имея ввиду минимизацию потребления ресурсов, с одной стороны, и вредного воздействия на окружающую среду, с другой. Обращено внимание на необходимость экологизации производства, минимизации и переработки отходов, мониторинга нарушений природоохранного законодательства. Кроме того, есть понимание, что одними правовыми нормами проблемы экологии не решаются. Поставлены задачи создания системы экологического воспитания в образовательных организациях всех уровней; повышения уровня экологической грамотности всего населения; проведения социального мониторинга в сфере экологии.

Министерство природопользования активно взаимодействует с бизнес-сообществом региона. Так, в 2018-19 годах были организованы совещания с участием представителей надзорных ведомств и предприятий лесопромышленной сферы о застройке на территории Мещерского национального парка, реализации инвестиционных проектов в области освоения лесов, а также проведены круглые столы по экологической тематике. Совместно с группой компаний «Русская кожа» был проведен круглый стол на тему «Экология и бизнес. С заботой о будущем», в котором приняли участие и представители Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

Для регулирования экологических интересов местные органы власти активно взаимодействуют с общественностью. С участием граждан-добровольцев, Региональной общественной организации «Экологический Рязанский Альянс», Рязанской региональной детской общественной организации «Лист», Рязанского регионального отделения общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» и других общественных организаций и объединений региона ежегодно реализуются экологические мероприятия по посадке леса, субботники и другие акции.

Однако, принимаемых мер в сфере природопользования и охраны окружающей среды в регионе недостаточно, о чем свидетельствует нарастание социальной напряженности, связанной с загрязнением воздуха. Примером тому служит многолетний конфликт в микрорайоне Дашково-Песочня, где проживает более 170 тысяч человек, то есть почти треть всего населения города Рязани.

В микрорайоне регистрируются частые превышения предельно допустимых концентраций содержания вредных веществ в атмосферном воздухе. Источник известен – это нефтезавод (Рязанская нефтеперерабатывающая компания – РНПК), входящий в структуру «Роснефти». Виновным в выбросах нефтезавод признали природоохранная прокуратура и суд. Областное правительство не раз сообщало о достижении различных договоренностей с РНПК по предотвращению вредных выбросов, но никаких практических мер до сих пор не принято. Декларируемые сроки реконструкции очистных сооружений постоянно меняются. Соглашение между областным правительством и «Роснефтью» от 2013 года включало реконструкцию очистных сооружений к 2017 году. Затем сроки были перенесены на 2022 год.

Летом 2019 года жители микрорайона в борьбе против вредных выбросов объединились в общественную организацию «Дышим чистым», создали свой сайт дышим-чистым.рф. В течение 2019-20 годов неоднократно проводились массовые акции с участием десятков рязанцев. Крупнейшая протестная акция, состоявшаяся 18 октября 2020 года, собрала около 300 человек [8]. Участники массового пикета обсуждали бездействие рязанских властей, дискутировали о путях решения проблемы выбросов. Были озвучены основные требования: провести комплекс мероприятий, направленных на выявление виновных в выбросах предприятий, устранение нарушений, вплоть до приостановления деятельности, а также обнародование проверок и результатов мониторинга атмосферного воздуха.

В сентябре 2020 года в популярном паблике «Новости Рязани «ВКонтакте» (более 94 тысяч подписчиков) был проведен анонимный опрос (link is external) об отношении горожан к рязанскому нефтезаводу [9]. В опросе приняли участие 2302 человека (рис. 1). При том, что в пояснении к опросу не говорилось о выбросах с предприятия, большинство рязанцев (почти 60%) негативно оценили деятельность РНПК. В комментариях к опросу жители

Рязани высказали свое мнение: «РНПК – это не достоинство города, а его беда. Выбросы производятся здесь, а прибыли уходят в Москву».

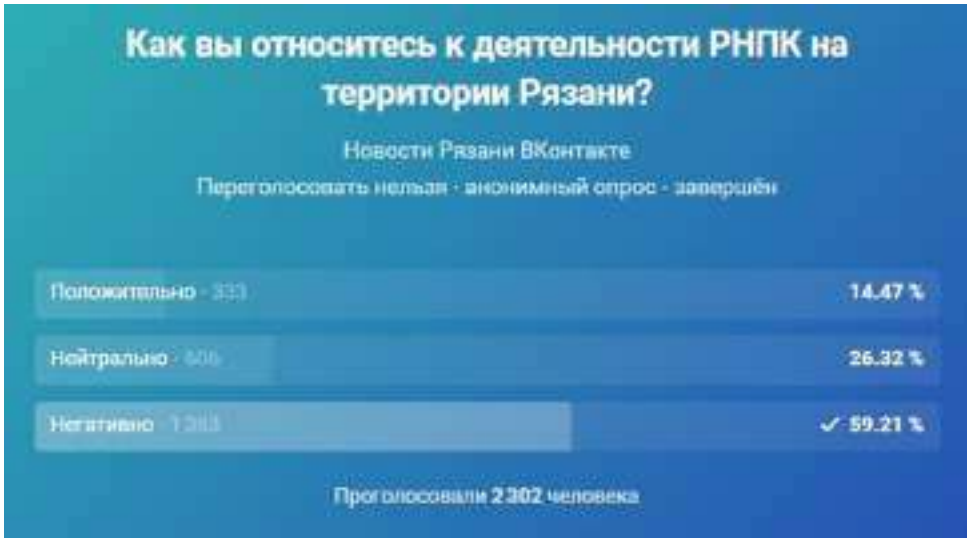

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к деятельности РНПК на территории Рязани?», в % от количества опрошенных (N =2302).

Отношение рязанцев к экологическим проблемам было выявлено в ходе социологических опросов, проведённых под руководством автора в Центре социологических исследований Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина в 2019-2020 годах [6]. Почти 56% опрошенных горожан интересует состояние экологической безопасности в Рязани, 33,2% эта проблема частично интересует. При этом 75,3% жителей не удовлетворены экологическим состоянием города, в котором живут: 21,3% считают экологическую ситуацию в городе критической, а 54% близкой к критической.

При ответе на вопрос «Как Вы оцениваете работу местных органов власти по решению экологических проблем?» были получены следующие результаты (рис. 2). Только 4,3% положительно относятся к деятельности властей в данной сфере; 26,1% ответили «отрицательно» и 69,7% опрошенных считают, что власти принимают отдельные меры в данном направлении.

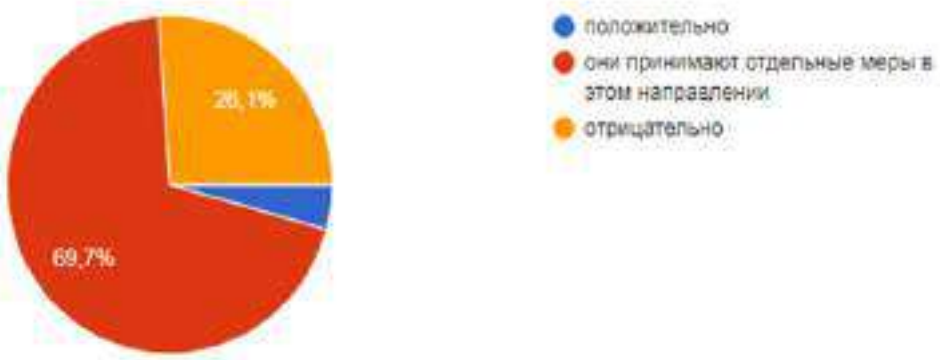

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете работу местных органов власти по решению экологических проблем?», в % от количества опрошенных (N =207).

Таким образом, диагностика отношения жителей к экологической ситуации в городе Рязани и к деятельности органов местной власти в этой сфере свидетельствуют о наличии определенной социально-экологической напряженности. Когда возрастает обеспокоенность населения экологическим состоянием, распространяются тревога, недоверие властям, руководству промышленных предприятий, можно говорить о начальной (диффузной) стадии социально-экологической напряженности [5, с. 98]. Высшей степенью её проявления являются социально-экологические конфликты, возникающие по поводу конкретных действий и решений органов власти или, наоборот, против их бездействия.

В Рязани социально-экологические конфликты пока носят локальный характер, число их участников невелико. Однако, если со стороны органов власти и руководства нефтезавода не будет предпринято никаких мер по предотвращению дальнейшего загрязнения воздуха вследствие хозяйственной деятельности указанного промышленного объекта, то социально-экологическая ситуация может обостриться. При этом речь идет не только о нарастании социальной напряженности, но и об экологической безопасности города. В данном случае очевидна прямая связь социального самочувствия местного сообщества с неблагоприятной экологической ситуацией.

Систему экологической безопасности можно считать эффективной в том случае, если она, во-первых, включает разработку экологических требований, стандартов; внедрение лицензирования, страхования, налогообложения, сертификации и других форм нормативно-правовых документов. Во-вторых, если в регионе активизируется природоохранная деятельность, направленная на регулирование негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, а также создание и внедрение здоровьесберегающих промышленных технологий. И в-третьих, если идет процесс экологизации сознания и культуры членов местного сообщества на основе взаимосвязи всех звеньев образовательной, воспитательной, информационной, культурной и правовой систем.

Список литературы:

1. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/71330e43fc48d840d45e7c44eb8e184f03207692/ (дата обращения: 11.12.2020).

2. Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года, утверждена постановлением Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 г. № 418 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ryazangov.ru/ryazan/socio_economic/dev_strategy/ (дата обращения: 19.12.2020).

3. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Рязанской области в 2018 году // Официальный сайт министерства природопользования

Рязанской области [Электронный ресурс]. URL: https://minprirody.ryazangov.ru/ (дата обращения: 19.12.2020).

4. Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. М.: МНЭПУ, 2010. 400 с.

5. Сосунова И.А. Социально-экологическая напряженность; методология и методика оценки // «Социологические исследования». 2005. №7. С. 97-98.

6. Анкета «Экологическая культура жителей города Рязани» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/forms/d/14ouxg451D_PzmiK7dEYZTRS0M8pMx1oKmrO_WoxAro/edit?usp=sharing (дата обращения: 19.12.2020).

7. Сайт Рязань инфо [Электронный ресурс]. URL: https://www.rzn.info/news/2017/6/7/rospotrebnadzor-svyazal-bolezni-ryazancev-s-gryaznoy-pit-evoy-vodoy.html (дата обращения: 19.12.2020).

8. Сайт «Вид сбоку» [Электронный ресурс]. URL: http://vidsboku.com/articles/hvatit-nas-travit (дата обращения: 19.12.2020).

9. Социальная сеть Вконтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-38416744_1822553 (дата обращения: 19.12.2020).

И. В. Лысенко
магистрант Тюменского индустриального университета

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Рассматриваются экономические условия и факторы для осуществления бизнес-процессов на предприятиях машиностроительного комплекса Тюменской области.

Ключевые слова: экономика Тюменской области, машиностроительные предприятия, импортозамещение, безопасная инфраструктура, бизнес-процессы, внешние факторы бизнес-процессов, внутренние факторы бизнес-процессов.

В экономике Тюменской области исторически сложилась ситуация, что машиностроительная отрасль, обеспечивающая нефтяную и газовую промышленность необходимыми машинами и оборудованием, станками, прицепами и прочей продукцией, в последние годы старается отвечать на вызовы времени. При этом необходимо учитывать вектор развития отраслей и предприятий, связанных с импортозамещением той продукции, которая стала ограниченно поступать из зарубежных стран.

Представителями тюменского машиностроения сегодня являются, как отечественные региональные производители, так и иностранные компании, осуществляющие свою деятельность на территории области (рис. 1).

Характерной особенностью развития отрасли в регионе является тенденция формирования крупных транснациональных машиностроительных корпораций, осуществляющих производство нефтегазового оборудования.

Кроме того, в данном сегменте сегодня функционируют новые формы организации производства и финансовой деятельности, такие как холдинги и концерны. К сожалению, за последние три года в экономике Тюменской области наблюдается сокращение общего числа хозяйствующих субъектов (сокращение на 10% в 2019 г. относительно 2017 г.) [1]. Такая же тенденция сохраняется и в обрабатывающих отраслях. Однако доля предприятий машиностроительного сектора экономики региона остается стабильной и составляет 0,3% общего числа предприятий тюменской экономики.

Как и на предприятиях других отраслей, в машиностроительном комплексе необходимо учитывать конкретные условия и факторы, которые могут и должны учитываться руководителями и работниками для формирования и осуществления безопасных бизнес-процессов.

Рис. 1. Ведущие предприятия машиностроительной отрасли Тюменской области [2, с.14]

Представляется, что в ряду условий для безопасных бизнес-процессов для предприятий машиностроительного комплекса нашего региона можно

выделить: правовые, политические, демографические, конечно же, экономические условия, которые, безусловно, имеют свою динамику (не всегда позитивную для машиностроительных предприятий). В ряду экономических условий формирования и осуществления безопасных бизнес-процессов на машиностроительных предприятиях важным выступает наличие эффективной инфраструктуры Тюменской экономики [3, с. 15-16].

Безопасная инфраструктура (далее – БИН) как объект исследования представляет собой защищенную область обслуживания разработки, создания, применения нововведений в экономике, обществе и жизни людей, а также их защищенную (для людей, для природы, общества, государства) утилизацию по истечении определенного времени. В то же время БИН как предмет исследования включает защищенные процессы, отношения и совокупность участников отраслей обслуживания разработки, создания, применения и утилизации новинок.

БИН может осуществляться на различных уровнях: а) федеральный (координация Правительством, Федеральным Собранием, Президентом); б) территориальный или региональный; в) муниципальный (городская, административных округов и др.); г) корпоративный; д) предпринимательский. На наш взгляд, данная БИН включает следующие подсистемы: складскую, финансовую, маркетинговую, внешнеэкономическую. Рассмотрим компоненты этих подсистем.

Безопасная складская инфраструктура должна содержать такую сферу услуг (организация, планирование материальных потоков, система мест хранения товарно-материальных ценностей, необходимых средств транспортирования, выполнения погрузочно-разгрузочных работ), которая обеспечивает стабильное поступление сырья, материалов, деталей, запчастей и др. для работы машиностроительных предприятий. Особое место в этой сфере занимают склады (специализированные и универсальные (многофункциональные) с учетом критерия назначения.

Следующая подсистема БИН – сфера транспортных услуг: совокупность средств обеспечения непрерывности работы элементов передвижения грузов и людей при определенных условиях. Эта подсистема включает следующие компоненты: грузо- и пассажиропотоки, виды транспорта, средства поддержания транспортных средств. Можно выделить виды транспортной инфраструктуры:

а) по характеру перемещения грузов и людей (авиационная, железнодорожная, автомобильная, трубопроводная, водная);

б) по отношению к машиностроительным предприятиям (внутренняя и внешняя);

в) по принадлежности (государственная, корпоративная, частная, совместная;

г) по отношению к территории (локальная, региональная, национальная, международная).

Третья подсистема БИН – финансовая инфраструктура – защищенная организованная совокупность объектов, субъектов, их взаимосвязей,

процессов и отношений по поводу формирования, движения, распределения и использования денежных фондов, необходимых для функционирования бизнес-процессов на машиностроительных предприятиях Тюменской области. Здесь можно выделить три группы компонентов: субъекты финансового обеспечения бизнес-процессов; безопасные отношения между участниками финансового обеспечения; объекты финансового обеспечения.

Содержание четвертой подсистемы БИН – сферы маркетинговых услуг – предполагает обеспечение рынка товарами (продукцией машиностроения) с целью получения прибыли (дохода). Данная подсистема БИН включает следующие компоненты: маркетинговые исследования, товарную политику, ценовую политику, распределение товаров, продвижение товаров на рынок.

Среди наиболее существенных факторов для обеспечения формирования и функционирования безопасных бизнес-структур на машиностроительных предприятиях выделим следующие с распределением на внешние и внутренние. Факторы внешней среды для машиностроительных предприятий включают факторы прямого действия (деятельность конкурентов, потребителей, заказчиков, поставщиков, посредников) и факторы косвенного действия (колебания и циклы региональной и национальной экономики, инфляционные ожидания и их осуществление, колебания цен на внутренних и внешних рынках, банковское кредитование, страховая деятельность и др.)

К таким внешним факторам можно отнести следующие:

– динамика спроса на машиностроительную продукцию (фактор прямого действия);

– циклический характер инвестиционной деятельности, связанный с макроэкономической нестабильностью и девальвацией национальной валюты (фактор косвенного действия) [4, с. 52];

– инфляционный рост цен на ресурсы для машиностроительных предприятий (фактор прямого действия) [6, с. 104].

Совокупность внутренних факторов для осуществления безопасных бизнес-процессов (внутренних переменных предприятий) можно отнести: наличие и применение капитала в различных формах, динамика персонала и менеджмента, характер применяемых технологий и возможности их совершенствования, динамика доходов и прибыли, подразделений и др.).

Анализ деятельности предприятий машиностроения Тюменской области показал, что к внутренним факторам, имеющим значительное значение для функционирования безопасных бизнес-процессов на этих предприятиях, можно отнести такие, как:

– степень износа основных фондов предприятий машиностроительной отрасли Тюменской области (сохраняется достаточно высокой и составляет около 55%) (фактор прямого действия);

– положительные тенденции к росту инвестиций машиностроительного сектора (в 2019 г. инвестиции машиностроителей в обновление фондов увеличились на 8,5% относительно уровня 2017 г.) (фактор прямого действия);

– рост производства инновационных товаров и услуг, созданных предприятиями машиностроения (фактор косвенного действия);

– стабилизацией финансового положения производителей и производства конкурентоспособной и инновационной продукции (фактор косвенного действия) [2, с. 53-54].

С учетом действия условий и факторов необходимо акцентировать внимание на привлечении инвестиций и ресурсов в отрасль посредством реализации целенаправленной программы модернизации машиностроительного комплекса в Тюменской области. Обновление производственного аппарата, применяемого в рамках основных бизнес-процессов на машиностроительных предприятиях, может определять генезис и качественная эволюция методов эффективного взаимодействия между участниками машиностроительного сектора и межотраслевых отношений.

Список литературы:

1. Информация о промышленности Тюменской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tyumen-region.ru/support/industry/industrialization/ (дата обращения: 14.06.2020).

2. Лысенко, И.В. Машиностроительная отрасль экономики Тюменской области: анализ современного состояния и тенденции развития / И.В. Лысенко // Научные исследования и разработки. Экономика. 2020. №5. С. 52-57.

3. Лысенко, И.В. Определение и компоненты безопасной инфраструктуры нововведений (методологический аспект) / И.В. Лысенко, С.П. Васильченко, И.Ю. Бочков // Управление экономическими системами. 2017. № 4 (20). С. 14-17.

4. Тюменская область в цифрах (2015-2019): статистический сборник [Электронный ресурс]. URL: tumstat.gks.ru›storage/mediabank/ (дата обращения: 12.06.2020).

5. Махмудова М.М. Инновационная активность российских предприятий в условиях индустриализации экономики // Научные исследования и разработки. Экономика. 2019. Т. 7. № 2. С. 49-56.

6. Драговейко И.С., Маршинин А.В. Способы организации рационального природопользования на предприятиях машиностроения в городе Тюмени // Актуальные проблемы обеспечения устойчивого развития Тюменского региона: материалы 70-й студенческой научной конференции. 2019. С. 103-108.

Е. В. Мурзаева
магистрант ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
С. А. Лукьянова
доцент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Целью данной статьи является выявление возможностей обеспечения экономической безопасности в соблюдении концептуальных принципов подготовки достоверной финансовой отчетности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, коррупция, принципы финансового учета, качественные характеристики финансовой отчетности.

Экономическая безопасность предприятия представляет собой процесс поддержания интеллектуальной, производственной, информационной, инновационной, кадровой и финансовой безопасности на достаточном уровне. Приоритетным направлением защиты выступает финансовая безопасность, так как является звеном, которое участвует в функционировании любой из областей деятельности предприятия и организует движение различных финансовых потоков, на которых строится эффективная работа предприятия. Финансовая безопасность строится на качественном информационном обеспечении анализа финансовой отчетности. Качественными характеристиками отчетности является достоверность, полнота ее формирования, сопоставимость, своевременность, уместность, нейтральность. Перечисленные характеристики информации определяются соблюдением принципов ее формирования. Принципы необходимы для формирования качественной информации о деятельности экономического субъекта.

Основными принципами, по которым отражается информация, являются:

– принцип имущественной обособленности – имущество организации и ее обязательства рассматриваются обособленно друг от друга;

– непрерывность деятельности – возникнув однажды, предполагается, что экономический субъект будет функционировать в будущем;

– сопоставимость – информация должна быть сопоставима во времени и с данными аналогичных субъектов;

– принцип временной определенности – хозяйственные операции отражаются в том отчетном периоде, в котором были совершены, независимо от поступления и расходования денежных средств. Данный принцип позволяет рассчитать такой показатель, как прибыль [3].

– принцип наименьшей оценки (консерватизма) – имущество (доходы) организации не должны быть завышены, обязательства – занижены. Если

существует два метода учета, необходимо выбрать тот, который предполагает положение в боле худшем варианте [5].

Несоблюдение принципов формирования информации может свидетельствовать о фактах коррупции, мошенничества, дроблении бизнеса и прочих противоправных схем функционирования экономических субъектов.

Рассмотрим несколько фактов коррупции и разберем на примерах взаимосвязь данных явлений с принципами формирования экономической информации.

Растрата – хищение чужого имущества, вверенного виновному. К данной форме можно отнести: приобретение дорогостоящих активов, присвоение денежных средств, нецелевое использование бюджетных средств и так далее [2].

Так при приобретении автомобиля класса люкс нарушается принцип приоритета содержания над формой. Данное приобретение во многих случаях не является экономически целесообразным, возможно купить автомобиль более низкого класса, но с одинаковыми базовыми характеристиками. В государственных закупках иногда выставляют требования для автомобиля, подходящие только определенным моделям, таким образом, происходит также нарушение принципов содержания над формой и рационализма. Вследствие указанного, в финансовом учете отражаются расходы больше, чем могли бы быть при рациональном расходовании средств.

При проведении государственных закупок возможно проявление таких форм коррупции как фаворитизм, взятка, мошенничество.

Примером может являться следующая ситуация, когда представленная сумма в государственных закупках ниже себестоимости данных работ, следовательно, за нее возьмется только конкретная фирма, или, напротив, сумма намного выше рыночной, но описаны частные условия, подходящие только под определенную компанию. В данных случаях нарушается принцип преобладания сущности над формой, т.е. информация должна достоверно отражать операции, они должны учитываться и представляться в соответствии с их экономической сущностью. Сущность представляет собой экономическое содержание, форма – юридическое оформление факта хозяйственной деятельности. То есть, в данных примерах информация отражает недостоверно хозяйственную ситуацию. Себестоимость данных работ выше, чем их реальная себестоимость на рынке, что приводит к недостоверному отражению хозяйственной операции, а именно, активы должны учитываться по фактической себестоимости, и, как следствие, нарушение главной цели учета – предоставление информации, правдиво отражающей реальное положение экономического субъекта на рынке.

Взятка – материальные ценности, которые принимает должностное лицо за действие или бездействие в интересах взяткодателя [1].

При получении взятки будут нарушены следующие принципы:

– принцип имущественной обособленности (юридическая принадлежность имущества, фактов хозяйственной деятельности и прочих прав собственности только экономическому субъекту реализации);

– принцип начисления (прибыль в учете считается полученной, когда право собственности перешло к покупателю, по факту получается, что часть прибыли была уже получена в качестве взятки);

– принцип полноты отражения информации (часть прибыли не была отражена документально, что приводит к представлению недостоверной информации и уменьшению налога на прибыль, НДФЛ).

При формальном проведении хозяйственных операций только «на бумаге» также нарушается принцип преобладания сущности над формой. В данном примере экономическая сущность отсутствует, в то время как, юридическая форма имеется. Данная ситуация выгодна для подрядчика: он получает возможность уменьшить налогооблагаемую базу по налогу на прибыль, что вследствие уменьшает поступления в государственные бюджеты в виде налога на прибыль.

В настоящее время повсеместно распространена практика дробления бизнеса с целью минимизации налогообложения. Крупный бизнес старается сохранить позиции для применения упрощенной системы налогообложения [4]. Признаками применения дробления экономического субъекта являются: резкое снижение показателей эффективности деятельности, наличие одних и тех же обслуживающих ресурсов (администрирование, единые кадровые, юридические, финансовые службы, наличие бенефициара, одна база контрагентов). При составлении разрозненной отчетности нарушаются принципы полноты и приоритета содержания перед формой.

Таким образом, главной целью информационного обеспечения бизнеса является предоставление достоверной информации о деятельности экономического субъекта. Для достижения этой цели используются фундаментальные основы, принципы, благодаря которым определяются качественные характеристики финансовой отчетности. Знание и умение их применять влияют на способность достоверно предоставлять и формировать отчетность, проводить аналитические процедуры, выявлять нарушение правовых и экономических норм, проводить безопасную экономическую политику.

Исходя из взаимосвязи различным форм злоупотреблений и нарушения принципов учета, можно определить предпосылки вышеперечисленных явлений, исходя из сведений финансового учета. Взаимосвязь результативных показателей отчетности и несоблюдение принципов формирования информации представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Учетные принципы и их влияние на экономические показатели

Финансовая отчетность	**Принцип**	**Влияние на экономические показатели при несоблюдении.**
Общие признаки достоверной финансовой информации	Полноты	Активы и доходы занижены, следовательно, финансовое состояние и финансовый результат занижены.
	Сопоставимость	Невозможность проведения сравнительного анализа финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта. Качественное информационное обеспечение анализа требует пересчета учетно-аналитических показателей по единой методологии.
	Существенность	Релевантная информация скрыта в обобщающих показателях или статьях прочих активов и пассивов.
Отчет о финансовых результатах	Начисления	Доходы и расходы экономического субъекта завышены или занижены, некорректно распределены между отчетными периодами. Финансовый результат искажен.
	Раздельного отражения в бухгалтерском учете капитальных и текущих затрат	Часть расходов капитального характера включена в текущие расходы. Сумма расходов и финансовый результат рассчитываются некорректно.
	Наименьшей оценки	Сумма расходов (списание материальных затрат, амортизация) завышена, следовательно, прибыль занижена.
	Соответствия между доходами и расходами	Начисленные доходы и расходы не относятся к отчетному периоду, к определенным фактам хозяйственной деятельности, бизнесу или деятельности, группировка доходов и расходов на обычные и прочие проведена некорректно.
	Преобладания сущности над формой	Присутствуют оспоримые и ничтожные сделки. Финансовый результат искажен.
Бухгалтерский баланс	Начисления	Остатки запасов, незавершенного производства, дебиторской задолженности искажены.
	Наименьшей оценки	Стоимость активов завышена.
	Раздельного отражения в бухгалтерском учете капитальных и текущих затрат	Стоимость внеоборотных и оборотных активов искажена.
	Преобладания сущности над формой	Присутствуют оспоримые и ничтожные сделки. Недостоверно отражены активы и обязательства.

Таким образом, при нарушении принципов формирования финансовой информации невозможно достоверно оценить экономическое положение организации, отрасли в целом и обеспечить экономическую безопасность бизнеса. Необходимо привлечь внимание к важности соблюдения требования прозрачности финансовой отчетности для обеспечения экономической безопасности с использованием известных инструментов финансового учета.

Список литературы:

1. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ, ред. от 31.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 21.11.2020).
2. Управление МВД России по Архангельской области [Электронный ресурс]. URL: https://29.мвд.рф (дата обращения: 21.11.2020).
3. Положение по бухгалтерскому учета 1/2008 «Учетная политика организации» приказ Минфина России от 06.10.2008 № 106н, ред. от 07.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 21.11.2020).
4. Баранов Н. А. Борьба с коррупцией: европейский опыт [Электронный ресурс]. URL: https://www.nicbar.ru (дата обращения: 19.11.2020).
5. Слободняк И. А. Проблемы учета // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 295. С. 11-15.

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Система безопасности Российской Федерации (далее – РФ) в своей структуре включает важнейшие сферы жизнедеятельности граждан РФ, общества и его институтов. К таким сферам относится экономика государства, которая всё больше ориентирована на цифровизацию своих технологий, высокопроизводительный экспортно-ориентированный сектор развития. В связи с этим инновационный характер российской экономики означает её потребности в обеспеченности высококвалифицированными кадрами специалистов, способных эффективно действовать на международном уровне высокопроизводительных экономик-конкурентов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровые технологии, сфера экономики.

В соответствии с решениями и установками Президента РФ и органов государственной власти научно-технические, образовательные и творческие достояния придают преимущества для создания конкурентоспособной,

основанной на интеллекте и знаниях экономики, основным двигателем которой являются не темпы освоения природных ресурсов, а идеи, умения и изобретения быстрее других внедрять их в жизнь.

Правительство РФ для достижения целей развития страны до 2024 г. должно обеспечить [1]: ускоренное внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу; вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира, при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %, темпы экономического роста выше мировых; создание в базовых отраслях экономики (прежде всего, в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе) высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Несомненно, что «технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета». Это обусловлено процессом глобальной интеграции, когда страны практически утрачивают самостоятельность в развитии; формированием евро-американской цивилизации, как доминанты в мировом развитии; глобальным промышленно-сырьевым балансом; продовольственной проблемой и экологической безопасностью; стремлением добиться военно- экономического превосходства, в том числе в 2030 – 2040 г.

Послание – 2019 Президента РФ ориентирует на вопросы внутреннего социального и экономического развития [2], учёт устойчивости и стабильности макроэкономической ситуации в стране, рост ее доходов. Например, в 2021 г. темпы роста нашей экономики должны превысить 3 %, а вскоре потребуется опережать мировые темпы роста посредством решения проблем в сфере экономике по квартету приоритетов:

1-й – опережающий темп роста производительности труда на основе новых технологий и цифровизации экономики, формирования конкурентоспособных отраслей, увеличения экспорта не сырьевых товаров более чем в полтора раза до 2024 г. В связи с этим, по нашему мнению, внедрение новых технологий и цифровизации в экономику России и всего мира является отражением жизнедеятельности Нобелевского лауреата Жореса Алфёрова, скончавшегося за две недели до своего 89-летия (15 марта 1930 г. – 1 марта 2019 г.). По существу, в человеческой скорби о нем наличествует и признание места и роли квантификации в современной политологии как механизма логико-математического метода выражения конкретными количественно-качественными показателями реальных качеств политика-мыслителя (не отказавшегося от членства в КПСС / КПРФ, депутата Госдумы РФ), выдающегося ученого (совокупностью его представлений, знаний, умений, навыков, компетенций, волевых качеств и чувств, идей, убеждений, мировоззрения, личного опыта, оратора);

2-й – улучшение делового климата и качества российской юрисдикции, чтобы воспретить бегство из страны с якобы со своими капиталами вороватых определенных групп лиц (прежде всего граждан РФ, обладающих

гражданством ни одного государства) в зарубежные юрисдикции, что включено в ключевые критерии оценки деятельности и должностных лиц Правительства РФ, и чиновников других уровней (субъекта РФ, региона, района, городского и сельского поселения);

3-й – снятие инфраструктурных ограничений для развития российской экономики, раскрытия потенциала субъектов РФ (так, все субъекты РФ в Дальневосточном федеральном округе должны превысить среднероссийский уровень по ключевым социально-экономическим показателям и по качеству жизни граждан РФ). При этом, в 2019 г. требуется принять генеральную схему развития инфраструктуры цифровой экономики в стране, включая сети телекоммуникаций, мощности по хранению и обработке данных.

На основе цифровизации различных сфер жизнедеятельности в РФ (например, квантификации политологии, цифровой экономики [3], цифровой дидактики) следует исходить из конституционно-правовых положений ст. 75 Конституции РФ (ч. 1 и 2) в соответствии с которой в РФ, прежде всего, денежной единицей является рубль, а денежная эмиссия осуществляется исключительно Центробанком РФ. Причем, защита и обеспечение устойчивости российского рубля – это и есть основная функция Центробанка РФ, которую он реализует вне зависимости от других ОГВ [4, с. 47-53].

4-й – профессиональная подготовка отечественных кадров на мощном научно-технологическом фундаменте [5, с. 113-115; 6, с.72-80; 7, с. 61; 8, с.78].

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р для реализации Государственной программы РФ «Цифровая экономика Российской Федерации» система высшего образования РФ должна ежегодно осуществлять подготовку 120 тысяч компетентных специалистов нового направления – ИТ-профессионалов цифровой экономики. Закономерен профессорский вопрос: «Разве в системе высшего образования РФ внедрено профессиональное образование?» (Если его нет, то как обеспечить подготовку российских ИТ-профессионалов цифровой экономики?) [5; 9, с. 18-21].

Безусловно, квартет приоритетных направлений системного социально-экономического моделирования перспектив ближайшего и более отдаленного будущего развития страны, ориентирует и должностных лиц органов государственного управления, и граждан РФ на обеспечение достойных условий для самореализации каждого человека, на вызовы и угрозы стремительно меняющегося мира. В связи с этим, Россия должна обеспечить самосохранение как государство, созданное на идентичности наций, народов и народностей (их в стране 193), многовековых традициях, обычаях, нравах, культурных и иных ценностях [10, с. 133-144; 11, с. 226-229].

С 2014 г. функционирует созданная модель глобальной экономики и энергетики (IHS), способствующая переформатированию за полгода мирового товарного рынка нефти реализацией мер по программам SBIR и STTR, обеспечивших 3-кратное увеличение эффективности сланцевых нефтегазовых технологий. Это позволило США перейти к парадигме внедрения вычисляемого управления мировыми запасами нефти и газа.

Модели рыночной экономики с их характеристиками в развитых странах мира интегрируются в модель глобальной экономики (табл.1).

Таблица 1 – Модели экономики в развитых странах мира

Модели	**Основные характеристики**
1.Модель США	Малый удельный вес государственной собственности; минимальная роль государства; поощрение предпринимательства; высокая дифференциация США на богатых и бедных; приемлемый уровень жизни малообеспеченных
2.Модель КНР	Переход от централизованной экономики к социальной товарной экономике; сочетание рынка с государственным планированием; в сельском хозяйстве переход от народных коммун к семейному подряду; разделение права собственности и права хозяйствования для активизации государственных предприятий; внедрение прямых хозяйственных связей предприятий
3.Модель Японии	Высокий уровень воздействия государства на экономику; составление планов экономического развития; незначительные различия в уровне зарплаты между руководителем фирмы и ее служащими; социальная направленность модели
4.Модель ФРГ	Высокий уровень государственного воздействия на экономику; прогнозирование макроэкономических показателей; незначительные различия в уровне зарплаты
5.Модель Франции	Высокая регулирующая роль государства и его вмешательство в накопление капитала; значительные масштабы предпринимательской деятельности
6.Модель Швеции	Социальная направленность экономики с заботой о малообеспеченных, сокращение имущественного неравенства; государство активно вмешивается в ценообразование; высокий удельный вес государственного сектора
7.Модель Южной Кореи	Планирование экономического развития; государственная монополия в кредитно-финансовых областях; регулирование сферы внешнеэкономической деятельности для стимулирования экспорта

Структурный кризис российской экономики – главная причина замедления роста ВВП, недостаточной потребительской и инвестиционной активности, торможения роста уровня благосостояния и жизнедеятельности граждан РФ. Нефтегазовый сектор доминирует в формировании ВВП и доходной части федерального бюджета, который в 2018 г. испытывает явный профицит. Не удался и прорыв к «новой экономике» инновационного развития («Стратегия – 2020») для ускорения экономического роста путем диверсификации экономики и формирования высокотехнологического сектора производства продукции, различных услуг в условиях конкурентной среды [11; 12, с. 24-49]. Кроме того, не снижается потенциал внешних и внутренних угроз экономической безопасности РФ (табл.2).

Таблица 2 – Вызовы и угрозы экономической безопасности РФ

Перспективы	**2020 – 2025 г.**	**2030 – 2040 г.**
Вызовы	Пресс санкций США, ЕС, других стран против РФ; снижение топливно-энергетических ресурсов в РФ (их роли и объема); сокращение иностранных инвестиций в экономику; рост коррупции и теневой экономики (1/3 ВВП)	Торговые войны; воздействие на экономику РФ для недопущения ее в число передовых держав с высокотехнологическим своим производством
Угрозы	Из-за несовершенства проводимой правительством РФ экономической политики: налоговый пресс на граждан РФ и бизнес; наукоемкому производству РФ, валютно-денежной массе РФ, областям экономики; технологиям человека для предотвращения смерти из-за ранений или инфекций, страхованию жизни людей, робототехники (экзоскелет), энергетики (биотопливо), транспорт; рост производительности труда не ниже 5 %	Курсу рубля с выходом на безналичный расчет, медикаментам, нефти и газу РФ, созданию новых видов энергетических ресурсов (электричество беспроводное), транспорта (массовые космические полеты, безопасное передвижение по земле)
Прогнозы	Реализация Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.; Реализация профильного нацпроекта до 2024 г.	Защита личности, семьи, общества и РФ от угроз в экономике. Проблемы промышленно-сырьевые

Угроза экономической безопасности – это совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, семьи, общества и государства в сфере экономики, и структурно включающие внутренние и внешние угрозы.

К внутренним угрозам мы относим: а) сокращение масштабов производства; б) криминализацию экономики и коррупцию; в) неконкурентоспособность экономики РФ, вызванную ее монополизацией, высокими издержками, ресурсоемкостью, слабой базой технологий и инноваций; снижение инвестиционной активности, научно-технического потенциала, утрату престижности интеллектуального труда; низкий уровень жизни и бедность до 20 млн граждан РФ, усиление имущественной дифференциации; кризисные явления в сельском хозяйстве, угрозу самообеспеченности РФ продовольственными товарами; ухудшение экологии и состояния окружающей природной среды и космического пространства.

Среди внешних угроз, по нашему мнению, доминируют следующие: а) бегство капиталов за границу, вывоз из РФ валютных ресурсов; б) *утечка мозгов* из РФ; в) динамика внешнего долга РФ; г) зависимость от импорта, санкций, неэффективного экспорта; д) неблагоприятная динамика цен на мировом рынке (падение на экспортные товары и резкое увеличение на импортные); е) тренд превращения РФ в топливно-сырьевую периферию Евросоюза, АТР; ж) негативное влияние мировых финансовых и валютных рынков на рынок РФ; з) потеря рынков сбыта в дальнем и ближнем зарубежье.

Вместе с тем внешние угрозы экономической безопасности РФ обусловлены функционированием международных финансовых институтов, обеспечивающих экономическое могущество США.

Основные направления обеспечения экономической безопасности РФ составляют следующие: а) увеличение совокупного спроса через повышение жизненного уровня граждан РФ; б) увеличение нормы накопления, сбережения и трансформации накоплений в инвестиции; в) стимулирование ресурсов из стагнации экономики в секторы роста (развитие рынка ценных бумаг, прекращение вывоза капиталов криминализированного свойства за границу, процедуры мнимого банкротства сотен банков, создание эффективной кредитной системы); г) демонополизация экономики и защита реальной конкуренции; д) создание эффективно функционирующей системы государственного регулирования и управления предприятиями, при декриминализации экономики РФ; е) обеспечение устойчивости валюты в РФ на основе бездефицитного госбюджета, стимулирования экспорта; ж)создание эффективной налоговой системы РФ.

Резюмируем: в силу огромной социально-политической значимости сферы экономики и области экономической безопасности РФ требуют фундаментальных научных изысканий. Краткий анализ макроэкономической динамики в РФ является одним из оснований для заключения о снижении эффективности функционирования системы государственного управления, что создает угрозу спада доверия граждан РФ и бизнес-структур к органам государственной власти, к лицам, принимающим непопулярные решения для противодействия коронавирусной инфекции. В связи с этим экономическая безопасность РФ призвана обеспечивать защищённость граждан, семей, общества и государства от внешних и внутренних угроз для восстановления доверия граждан РФ и бизнес-структур к сфере российской экономики.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032 (дата обращения: 24.11.2020).

3. Аузан А. Считаем себя великими, а экономику имеем 3 % от мировой [Электронный ресурс]. URL: https://www.novaygazeta.ru/ articles/ 2017/11/22/ 74633 (дата обращения: 7.02.2019).

4. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.

5. Самойлов В.Д. Информационная безопасность в системе высшего образования России (компетентностный подход в подготовке специалистов): монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 162 с.

6. Самойлов В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учебное пособие. М.: МИЭМП, 2008. 232 с.

7. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-63.

8. Самойлов В.Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 76-78.

9. Самойлов В.Д. О современных требованиях к системе высшего военного образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18-21.

10. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.

11. Самойлов В.Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ: информационно-экономические основы // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской научной конференции с междун. участием (г. Тюмень, 14 дек. 2018 г.) / отв. ред. И. А. Грошева. – Тюмень : Филиал Московского ин-та гос. упр. и права в Тюменской обл., 2019. 484 с.

12. Френкель А., Тихомиров Б., Сергиенко Я., Сурков А. Экономика России в 2017-2019 годах: предпосылки для прорыва пока не созданы // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 5. С. 24-49.

С. Г. Симонов
профессор Тюменского индустриального университета
О. В. Ямова
начальник Управления по работе с персоналом Тюменского индустриального университета

СМЕНА ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Аннотация. Дана характеристика региональному бизнес-сообществу и его элементам – крупному бизнесу, местному бизнес-сообществу и этническому бизнесу. Выявлены особенности протекания первой волны пандемии COVID-19 в российских регионах. Определены факторы, повлиявшие на состояние бизнеса в ретейле в условиях первой волны пандемии коронавируса, и ранг их значимости. Рассмотрены стратегические пути оптимизации потерь, понесенных в период первой волны пандемии COVID-19. Обоснованы бизнес-процессы, нуждающиеся в перестройке, подобраны адекватные каждому из них наборы инструментов. Указаны важнейшие социально-экономические эффекты преодоления субъектами регионального бизнес-сообщества негативных последствий первой волны пандемии коронавируса.

Ключевые слова: крупный бизнес, средний и малый бизнес, региональное бизнес-сообщество, этнический бизнес, местное бизнес-сообщество, ретейлеры, потребительский рынок, трудовые мигранты, пандемия коронавируса.

Экономическое пространство на уровне региона представляет собой территорию конкурентного взаимодействия бизнеса крупного, среднего и малого форматов, вместе образующих региональное бизнес-сообщество.

До «коронавирусных» событий стратегия развития регионального бизнес-сообщества в целом была направлена на обретение им на потребительских рынках региона динамической устойчивости, находящей свое выражение в успешном противостоянии недавно появившимся здесь ретейлерским компаниям, защищенности традиционных для субъектов хозяйствования данного региона рыночных сегментов, лояльности местного населения и органов власти на местах, наличии хозяйственных ниш для тактического маневра.

COVID-19 в корне изменил рыночную ситуацию на всем региональном пространстве. Пандемия коронавируса уже в апреле 2020 года вышла за рамки сугубо медицинской проблемы и повлекла за собой огромные потери отечественного бизнеса. Особо, на наш взгляд, пострадал бизнес «второго эшелона», который не обладает необходимой финансовой «подушкой безопасности», более болезненно реагирует на неожиданные меры эпидемиологического и правового характера со стороны государства, менее активен в использовании режима онлайн при продажах, в работе с клиентами и поставщиками, в применении инновационных инструментов управления персоналом.

В создавшихся условиях объективно необходимыми становятся изменения существующей стратегии развития регионального бизнес-сообщества. Однако, не ясно, насколько кардинальными они должны быть.

В 2020 году нами было проведено исследование развития бизнес-сообщества Тюменской области в условиях пандемии коронавируса, в котором приняли участие свыше 300 представителей крупного бизнеса, этнического бизнеса и местного бизнес-сообщества.

Прежде всего была предпринята попытка оценить потери среднего и малого бизнеса и сравнить их с потерями крупных ретейлеров. Как показали наши исследования и исследования других ученых, за период первой волны пандемии COVID-19 выручка сократилась: у крупных бизнес-структур на 42%, у бизнес-структур «второго эшелона» на 56%, в том числе у этнических предприятий на 60% и у предприятий местного бизнес-сообщества на 52% [1].

По мнению респондентов из числа предпринимателей, это во многом обусловлено остановкой большинства предприятий розничной торговли (за исключением продажи продуктов питания и предметов первой необходимости) в связи с карантином и последующими ограничениями эпидемиологического и правового характера.

Заметим, что сокращение выручки в ретейле затронуло не всех, а только 3/4 числа крупных компаний и примерно 84% всех бизнес-структур среднего и малого форматов [2]. Следствием этого явились разноплановые ощущения предпринимателей влияния первой волны пандемии коронавируса на их хозяйственную деятельность (табл.1).

Таблица 1 – Качественная оценка влияния COVID-19 на бизнес-деятельность в ретейле

№ n/n	Наименование показателя оценки влияния COVID-19	Крупный бизнес (%)	Местное бизнес-сообщество (%)	Этнический бизнес (%)
1	Негативное влияние	71,6	81,0	85,6
2	Позитивное влияние	21,3	10,5	8,9
3	Не ощутил влияния	4,5	5,3	1,7
4	Затрудняюсь с ответом	2,6	3,2	3,8
5	Итого	100,0	100,0	100,0

Из таблицы 1 видно, что местное бизнес-сообщество и этнический бизнес в большей степени ощущают негативное влияние на свою хозяйственную деятельность пандемии коронавируса, чем крупный бизнес. Также среди них вдвое меньше предпринимателей, видящих позитив в ситуации с COVID-19.

Отсюда известный интерес представляет определение факторов, повлиявших на состояние бизнеса в ретейле в условиях первой волны пандемии коронавируса (табл. 2).

Таблица 2 – Факторы, влияющие на состояние бизнеса в ретейле в условиях первой волны пандемии коронавируса

Наименование факторов влияния на бизнес	Значение факторов влияния на бизнес в разрезе его видов (в %)		
	Крупный бизнес	Местное бизнес-сообщество	Этнический бизнес
Падение курса рубля	58,0	34,4	28,8
Ограничительные меры по работе компаний	32,1	59,8	63,7
Дефицит рабочей силы, представленной внешними трудовыми мигрантами	29,5	62,1	66,6
Снижение платежеспособного спроса экономически активного населения на потребительские товары и услуги	52,3	54,9	55,5
Изменения потребительского поведения российского социума в целом в условиях COVID-19	61,5	56,0	59,9

Как свидетельствует таблица 2, ранг значимости факторов, повлиявших на состояние ретейлерских компаний в условиях первой волны пандемии коронавируса, серьезно дифференцируется в зависимости от формата бизнеса. Если для крупных бизнес-структур приоритетными факторами являются изменения потребительского поведения российского социума в целом в условиях COVID-19 и падение курса рубля, то для предприятий среднего и малого бизнеса – дефицит рабочей силы на предприятиях бизнеса «второго эшелона», представленной внешними трудовыми мигрантами (прежде всего, из республик Средней Азии и Казахстана), которые вынуждены вернуться на родину в силу эпидемиологической ситуации в РФ и ужесточения в связи с этим законодательных мер, а также ограничительные меры по работе компаний вплоть до их закрытия на карантин.

В период пандемии коронавируса интегральные потери регионального бизнес-сообщества, вызванные негативным влиянием перечисленных выше факторов, становятся весьма ощутимыми, что актуализирует проблему выбора стратегических путей их (потерь) оптимизации.

При выборе стратегического пути оптимизации потерь всякая предпринимательская структура, представляющая региональное бизнес-сообщество, исходит из своих финансово-хозяйственных возможностей, состояния внутренней бизнес-среды, характера взаимоотношений с местными органами власти и населением, макроэкономической ситуации в стране и т.д. В рамках проводимого исследования предпринимательскому корпусу Тюменской области был задан вопрос: «Какой из предложенных стратегических путей оптимизации потерь, понесенных в период первой волны пандемии COVID-19, Вы можете использовать, исходя из своих реальных возможностей?» (рис. 1).

Мнения представителей регионального бизнес-сообщества дают основания говорить об их прагматичном подходе к выбору стратегического пути оптимизации понесенных потерь в условиях пандемии коронавируса. Ориентация на *экономию и рациональное использование всех видов ресурсов*, о чем заявили 15 % субъектов хозяйствования региона, внешне проста, доступна и, надо признать, способна в известной степени улучшить финансово-хозяйственное состояние бизнес-структуры.

Детализация данного стратегического пути оптимизации потерь показала, что его предпочитают многие этнические предприятия среднего и малого формата, а также незначительная доля местного бизнес-сообщества в части малых предприятий и микропредприятий. Специфика здесь состоит в том, что реализация его на практике осуществляется предпринимателями целиком за счет своих средств.

Перевод в практическую плоскость использования стратегического пути, ориентированного на экономию и рациональное использование ресурсов, предполагает закрытие малоприбыльных торговых точек, снижение заработной платы сотрудникам предприятия, адресный перевод персонала на «удаленку» и гибкий график работы с целью экономии на издержках, сокращение работников предприятия, частичный отказ от офисов, аренды

крупных производственных и торговых площадей, экономию на складских помещениях за счет лучшего управления товарными запасами, переход в on-line при работе с поставщиками и клиентами, оптимизацию ассортимента и др.

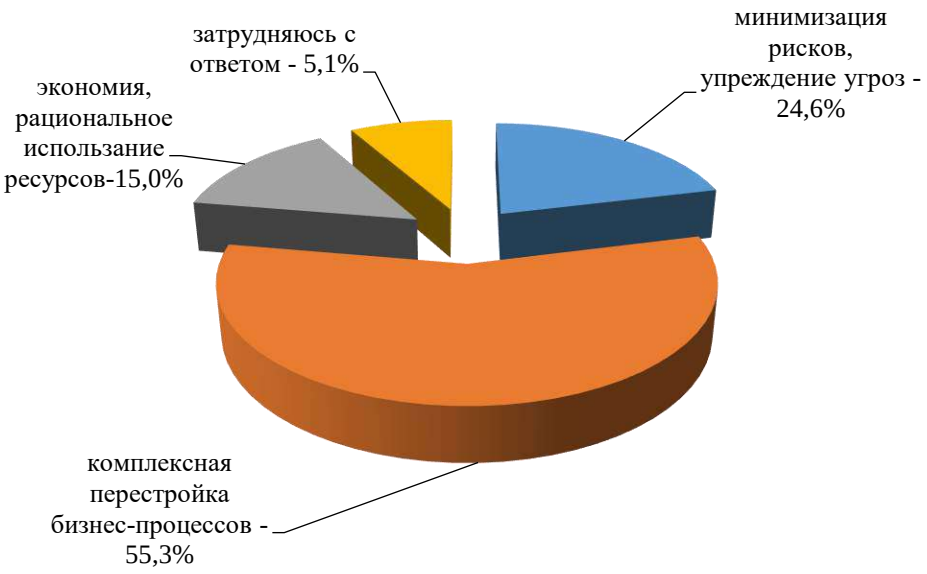

Рис. 1. Какой из предложенных стратегических путей оптимизации потерь, понесенных в период первой волны пандемии COVID-19, Вы можете использовать, исходя из своих реальных возможностей?

Следующий стратегический путь оптимизации понесенных в условиях COVID-19 потерь, берущий за основу минимизацию рисков и упреждение угроз внутренней и внешней бизнес-среды, предпочло около четверти представителей регионального бизнес-сообщества (24,6%). Его практикуют большинство средних и малых предприятий местного бизнес-сообщества и незначительное число этнических бизнес-структур среднего формата.

Данный стратегический путь оптимизации потерь, понесенных в период пандемии коронавируса, отличается от первого участием в его реализации государства и органов власти на местах. Необходимость такого участия в значительной степени объясняется оттоком активно задействованных на предприятиях бизнеса «второго эшелона» трудовых мигрантов к себе на родину, а также нехваткой корпоративных средств на решение проблемы. По мнению самих представителей регионального бизнес-сообщества, с помощью поддержки федеральной и местной власти удастся привлечь внешних трудовых мигрантов обратно в нашу страну, а также минимизировать риски хозяйственной деятельности.

Более половины всех респондентов из числа субъектов регионального бизнес-сообщества (55,3%), исходя из своих реальных возможностей, считают комплексную перестройку бизнес-процессов самым эффективным стратегическим путем оптимизации потерь, понесенных в условиях COVID-

19. Согласно их позиции, использование первых двух стратегических путей не способно кардинально решить проблему преодоления негативных последствий пандемии коронавируса, а лишь продлевает агонию бизнеса региона во времени.

Вместе с тем, многие представителей регионального бизнес-сообщества отдают себе отчет в том, что использовать стратегический путь оптимизации понесенных от потерь COVID-19, базирующийся на комплексной перестройке бизнес-процессов, далеко не всем по карману. Нужны надежная финансовая «подушка безопасности», эффективный менеджмент, научно-методический инструментарий, а также социальное партнерство с органами власти на местах [3]. Поэтому третий стратегический путь реален, прежде всего, для крупного бизнеса и небольшого числа успешных средних предприятий местного бизнес-сообщества.

Методический подход к комплексной перестройке бизнес-процессов был разработан «РБК Исследования рынков» совместно с компанией SAP CIS на основе анализа деятельности свыше 150 крупных предприятий, включая ретейлерских [4]. Согласно ему, вначале определяются бизнес-процессы, подлежащие «ремонту и ревизии» в первую очередь. Для этого респондентам из числа представителей регионального бизнес-сообщества было предложено указать приоритетные с точки зрения перестройки бизнес-процессы (табл.3).

Таблица 3 – Распределение результатов ответа на вопрос «Какие бизнес-процессы нуждаются, на Ваш взгляд, в перестройке в первую очередь в целях оптимизации потерь, понесенных региональным бизнес-сообществом от первой волны пандемии коронавируса?»

№ п/п	**Наименование приоритетных бизнес-процессов**	**Распределение приоритетных бизнес-процессов в порядке убывания удельных весов респондентов (в %%)**
1	Онлайн-продажи	75
2	Маркетинг	62
3	Бизнес-планирование	58
4	Менеджмент персонала	57
5	Закупки товаров	49
6	Оффлайн-продажи	38
7	Управление клиентской базой	22
8	Логистика и перевозка грузов	19
9	Цепи поставок	17
10	Финансовый учет	11

После определения первоочередных для перестройки бизнес-процессов, в соответствии с данным методическим подходом, были подобраны адекватные каждому из них наборы инструментов. Так, для таких бизнес-процессов, как онлайн-продажи, маркетинг, бизнес-планирование, оффлайн-продажи, эффективно, на наш взгляд, использовать инструменты цифровизации бизнеса. В числе последних digital-маркетинг (продвижение в цифровой сфере), способный стать ключевым фактором роста бизнеса; маркетплейсы – платформы электронной коммерции, позволяющие расширить клиентскую базу и максимизировать гибкость по отношению к потребителю, не затрачивая усилия на продвижение товара и имея возможность акцентировать внимание на основных компетенциях бизнеса; модернизацию IT-инфраструктуры и автоматизацию бизнес-процессов с помощью CRM; качественный информативный сайт, дающий возможность не только реализовывать продукцию, но и на базе применения маркетинговых технологий получать огромный массив необходимой для дальнейшего развития бизнес-структуры информации о ее потенциальных потребителях, их возможностях и интересах; расширение применения сформированных стандартизированных облачных решений, которые расширят возможности предприятий разных форматов, но не повлекут за собой слишком больших финансовых затрат; персонализация предложений и расширение возможностей рассылок на основе анализа информации о клиентах по меткам, изначально заложенным в программе; точечное применение новейших технологий автоматизации ключевых операций и модернизации сервисов в зависимости от того, какая задача реализуется в конкретный момент времени и др. [5].

Ранжирование нуждающихся в перестройке бизнес-процессов по рангу значимости и адресный подбор инструментария дают возможность получения целого ряда социально-экономических эффектов преодоления субъектами регионального бизнес-сообщества негативных последствий первой волны пандемии COVID-19. Наиболее важными из них являются: усовершенствование бизнес-модели посредством программных решений (автоматизации) в период пандемии коронавируса; диверсификация хозяйственной деятельности средних и малых предприятий в форме открытия новых направлений развития бизнеса; оптимизация ассортиментного состава и улучшение качества маркетинга путем применения аналитики больших данных в ретейле бизнес-структур разных форматов; совершенствование схемы удаленности работы части персонала бизнес-структуры, чьи обязанности напрямую не связаны с постоянным пребыванием в точке продажи, офисе, на складе и т.п.; формирование финансовой «подушки безопасности» у субъектов регионального бизнес-сообщества на случай второй волны пандемии COVID-19; сокращение сроков выхода предприятий региона на докризисные показатели выручки; улучшение качества работы с клиентами; подбор оптимальных в период пандемии коронавируса видов и форматов торговой инфраструктуры на потребительском рынке региона и др.

По результатам проведенного исследования развития регионального бизнес-сообщества в условиях пандемии COVID-19 можно, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

– финансовая «подушка безопасности», монополистические мотивы и широкий арсенал инструментов, с помощью которых осуществляется перестройка приоритетных бизнес-процессов, позволяют крупному бизнесу, используя тактику системной корректировки, сохранить стратегию развития, основанную на динамической устойчивости;

– часть предприятий местного бизнес-сообщества в период первой волны пандемии коронавируса смогла минимизировать предпринимательские риски и получить определенную экономическую, организационную и правовую поддержку от государства и органов власти на местах. Более того, им удалось добиться частичной перестройки бизнес-процессов, что породило надежду на сохранение стратегии развития, опирающейся на динамическую устойчивость. Однако, как показали последние четыре месяца 2020 года, комплексно изменить в лучшую сторону все бизнес-процессы, происходящие на предприятиях местного бизнес-сообщества, не удалось. В итоге наметилась тенденция к постепенному сползанию в сторону стратегии выживания;

– недостаточность принимаемых «антикоронавирусных» мер финансового, организационного, технико-технологического, информационного и инвестиционного характера не позволяет этническим бизнес-структурам придерживаться стратегии развития, базирующейся на динамической устойчивости, и в условиях надвигающейся второй волны пандемии COVID-19 объективно требует ускоренного перехода к стратегии выживания.

Список литературы:

1. Абдуллина П., Молчанова П. Опыт пандемии: положение компаний с оборотом от 3 до 100 млрд. руб. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/03/12/2020. (дата обращения: 12.12.2020).

2. Информация о социально-экономическом положении России (январь-сентябрь 2020 года). М.: ФСГС (Росстат). 2020. 350 с.

3. Simonov S.G., Khamatkhanova M.A., Lysenko I.V. Development of structural and functional model of interaction of authorities, society and ethnic business at the regional level (2018) Journal of Social Sciences Research, 2018 (Special Issue 3), pp. 334-339, ISSN:2413-6670.

4. Ретейл // Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.sapmybiz.rbc.ru/article/2. (дата обращения: 12.12.2020).

5. Средний и малый бизнес Тюменской области: сущность, становление, современные тенденции развития: монография / С.Г. Симонов, Л.Н. Руднева, Е.А. Корякина. Тюмень: ТИУ. 2020. 196 с. ISBN 978-5-9961-2445-9.

Ю. Р. Чиркова
старший преподаватель
РГУ имени С. А. Есенина

УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ БИЗНЕС-ТРЕНИНГОВ

Аннотация. В статье дается определение и характеристика бизнес-тренинга как метода обучения. Определяются понятия социальной и информационной безопасности участников тренинга. Условия, обеспечивающие безопасность участников тренинга, представлены как правила групповой работы и принципы эффективной гармоничной группы.

Ключевые слова: тренинг, безопасность, участники, правила, принципы, группа.

В настоящее время бизнес-тренинги прочно вошли в систему последипломного бизнес-образования как эффективный метод профессионального обучения практикующих специалистов и руководителей. Главным конкурентным преимуществом бизнес-тренингов выступает возможность в относительно короткие сроки сформировать, развить и довести до совершенства у сотрудников различных категорий профессиональные умения, навыки и модели поведения, востребованные в их непосредственной трудовой деятельности. В этой связи вопросы создания располагающих к достижению этих целей обстановки на бизнес-тренингах приобретают особое значение. В рамках этой задачи проблема обеспечения социальной и информационной безопасности участников бизнес-тренингов занимает одно из приоритетных мест.

Для понимания сути проблемы для начала следует разобраться со спецификой и методической основой бизнес-тренингов.

Бизнес-тренинги приобрели популярность в нашей стране как метод подготовки уже работающих сотрудников в начале 1990-х годов. Этот метод обучения существенно отличался от привычных форм обучения, чем привлек внимание многих руководителей и владельцев бизнеса, так как позволял посредством краткосрочного обучения персонала решить ряд бизнес-задач. Ключевыми чертами бизнес-тренинга является его практико-ориентированность и активность участников.

«Тренинг – это метод активного обучения, в котором теоретические блоки материала минимизированы и основное внимание уделяется практической отработке навыков и умений. В ходе проживания или моделирования специально заданных ситуаций обучающиеся получают возможность развить и закрепить необходимые навыки, освоить новые модели поведения, изменить отношение к собственному опыту и подходам, ранее применяемым в работе.

Тренинг представляет собой, так называемый комплексный метод, который объединяет разнообразные методы и техники активного обучения: деловые, ролевые и имитационные игры, разбор конкретных ситуаций и групповые дискуссии, подготовку мини-проектов. В результате такой организации групповой работы на тренинге участники самостоятельно, при содействии тренера, обнаруживают какой-то метод или правило, эффективные модели поведения, выявляют оптимальные методы и алгоритмы работы» [6, с. 42-43].

Эффективность бизнес-тренинга зависит не только от организационных и содержательных аспектов учебного процесса, но и от того насколько безопасна атмосфера в группе.

В первую очередь, следует отметить социальную и информационную безопасность.

Безопасность – многоаспектное понятие, включающее и состояние, и личное ощущение человека, а также способность. В самом общем смысле под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов человека, ощущение стабильности и способность противостоять внешним негативным воздействиям и сохраняться.

Безопасность может быть разноплановой. Например, при проведении бизнес-тренингов, чаще упоминают о социальной и информационной безопасности участников.

Социальная безопасность участников тренинга – это комфортное состояние каждого участника и учебной группы в целом, располагающее к активному межличностному взаимодействию и образовательному процессу. Социальная безопасность на бизнес-тренинге обусловлена тремя характеристиками тренинговой группы:

- структурой;
- активностью;
- сплоченностью.

«Под структурой тренинговой группы понимается система ролевых связей между участниками тренинга» [3, с. 108]. Участники бизнес-тренинга – это тренируемые лица, подвергаемые коррекционным воздействиям с целью достижения образовательного, личностного, организационного и бизнес-результата. Структура тренинговой группы рассматривается через призму выполняемых участниками игровых ролей независимо от конкретных исполнителей этих ролей.

Активность тренинговой группы – обязательное условие эффективного бизнес-тренинга. Активность тренинговой группы состоит из трех компонентов:

- физическая активность;
- коммуникативная активность;
- когнитивная активность.

Физическая означает, что участники тренинга выполняют какие-либо физические упражнения, в процессе которых перемещаются по учебной

аудитории, меняют физические условия вокруг себя, перемещают мебель, пишут, рисуют, работают с раздаточным материалом и т.д.

Коммуникативная – участники тренинга применяют в учебном процессе имеющиеся у них коммуникативные навыки: умение задавать вопросы и отвечать на них, дискутировать, способность ясно и четко формулировать свои мысли, навыки убеждения и т.д..

Познавательная – участники, обучаясь, используют свои аналитические способности: слушают и обдумывают, анализируют увиденное и услышанное на тренинге, ищут решения, формулируют предложения и т.д.» [6, с. 43].

Третья характеристика тренинговой группы – сплоченность – носит интегративный характер и выступает результатом групповой структуры и степени активности участников.

«Групповая сплоченность – степень интеграции группы, включающая уровень единства ценностных ориентаций, прочности межличностных взаимоотношений и согласованности поведения членов группы» [4, с. 337].

Социальная безопасность на бизнес-тренинге предполагает комфортную атмосферу, конструктивное межличностное взаимодействие участников, готовность к сотрудничеству, инициативу и самостоятельность, высокую учебную мотивацию, отсутствие конфликтов и агрессии, напряженности.

Под информационной безопасностью участников бизнес-тренингов рассматривается создание комфортной информационной среды, способствующей решению основных задач бизнес-тренинга.

Информационная безопасность участников на тренинге исключает раскрытие, искажение, бесправное использование, передачу сведений об участниках и тех действиях, которые они производят на тренинге для получения образовательного эффекта.

Особую роль проблема информационной безопасности на бизнес-тренинге имеет в отношении тренингов, проведение которых сопровождается видеозаписью процесса с целью методико-образовательного анализа.

Социальная и информационная безопасность участников бизнес-тренинга тесно взаимозависимы: невозможно обеспечить одну из них, не затрагивая другую.

Очевидно, что для обеспечения данных видов безопасности на бизнес-тренингах требуется соблюдение ряда условий, которые находят выражение в различных правилах и принципах тренинговой работы.

Так С.И. Макшанов предлагал четыре группы принципов тренинга, обеспечивающих безопасную, комфортную с социальной и информационной точек зрения среду для участников [2, с. 46]:

- организационные принципы;
- поведенческие принципы;
- этические принципы;
- принципы создания тренинговой среды.

К первой группе организационных принципов относятся:

– принцип формирования тренинговой группы с учетом социально-демографических и профессиональных характеристик участников. «Тренинговая группа – это не просто группа индивидов, собранных в одном месте, это коллектив, который сам влияет на изменения каждого участника. Поэтому, крайне важно на этапе формирования тренинговой группы учитывать социально-демографические характеристики и возможности участников для того, чтобы обучающиеся могли конструктивно эффективно взаимодействовать» [7, с. 48];

– принцип физической закрытости. Участники бизнес-тренингов – это закрытая группа, которая работает в одном и том же составе на протяжении всего периода обучения. В рамках данного принципа невозможно включение новых участников на промежуточном этапе обучения, а начавшие обучаться могут покинуть тренинг только по уважительной причине, в крайнем случае;

– принцип принятия общегрупповых норм. Начало работы группы на бизнес-тренинге должно сопровождаться формированием и принятием всеми участниками общих правил, которые следует соблюдать на протяжении всего тренингового процесса. Обычно они вводятся посредством проговаривания ведущим в начале работы. Данные правила могут подразделяться на обязательные и желательные [1, с. 181]. При этом принимаемые участниками правила групповой работы на тренинге отражают основные поведенческие и этические принципы, выделенные С.И. Макшановым.

Среди традиционных обязательных правил групповой работы, которые учитываются участниками бизнес-тренингов, следующие:

1. Конфиденциальность. Прогресс в обучении каждого участника прямо зависит от того, насколько надежна и безопасна атмосфера в группе. Поэтому на тренингах соблюдают конфиденциальность в отношении сказанного другими участниками и не обсуждают содержание групповой работы с теми, кто не участвует в бизнес-тренинге.

2. Пунктуальность. Групповой процесс требует полного физического и психологического присутствия, в него нельзя «зайти посмотреть». Поэтому на бизнес-тренингах рекомендуется не пользоваться смартфонами, присутствовать на всех занятиях и не опаздывать на них.

3. Уважительное отношение к другим участникам и их мнениям. Каждый имеет право высказать свое мнение по любому вопросу. Собственные мысли и чувства каждого участника представляют ценность для группы. Поэтому на бизнес-тренингах высказываются только от первого лица и избегают оценочных суждений. Общение и взаимодействие участников на бизнес-тренинге должны выстраиваться в соответствии с интересами, ценностями, чувствами и переживаниями других.

4. Бережное отношение ко времени. Работа на бизнес-тренингах ведется по принципу «здесь и сейчас». Это требует от участников обсуждения происходящего непосредственно в группе в данный момент.

5. Активность предполагает включение в активную работу всех участников. Результативность бизнес-тренинга для каждого участника

определяется степенью его личной включенности во все происходящие события и процедуры.

6. Соблюдение последовательности и очередности. На бизнес-тренинге применение дискуссионного метода требует последовательности в высказываниях, поэтому участникам следует не перебивать говорящего, ожидая своей очереди. Все участники бизнес-тренинга имеют равные права на время и внимание тренеров и группы. Поэтому на тренингах говорят только по очереди, дослушивая друг друга.

7. Право говорить «нет». Каждый участник бизнес-тренинга имеет право сказать «нет» в отношении любого действия и события, происходящего в группе. Участники имеют право самостоятельно решать, как себя вести, как поступить в той или иной групповой ситуации.

8. Объективные обстоятельства. В жизни есть вещи, которые следует воспринимать как данность – это так называемые объективные обстоятельства, которые в большинстве случае люди не могут изменить или каким-либо образом повлиять на них. Поэтому на бизнес-тренинге не тратят время на анализ подобных вопросов, сосредотачиваясь действительно на подвластных участникам бизнес-тренинга вещах.

9. Исследовательская позиция. Участники бизнес-тренинга сами обнаруживают, открывают уже известные в рамках предложенной темы закономерности (например, типы поведения в конфликтных и напряженных ситуациях), осознают свои особенности, возможности, ресурсы.

Принципы создания тренинговой среды направлены на обеспечение специфических условий и атмосферы в группе:

– принцип реалистичности. Данный принцип обеспечивает создание условий на бизнес-тренинге, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности обучающихся, что позволяет им прорабатывать различные бизнес-ситуации. Чем в большей степени отличается внутригрупповая среда на тренинге от реальной, тем в меньшей степени будут востребованы результаты обучения и тем меньше вероятность того, что участники будут применять полученные знания, умения, навыки и модели поведения в своей работе. Реалистичность содержания бизнес-тренинга достигается через применение комплекса активных методов, среди которых ролевые и деловые игры, бизнес-кейсы, практические упражнения, групповые дискуссии, мозговые штурмы;

– принцип альтернативы. Соблюдение данного принципа при создании групповой среды способствует созданию дополнительных возможностей выбора различных вариантов последующего течения бизнес-тренинга с учетом развития группы.

«В настоящее время профессиональное обучение персонала прочно вошло в систему управления персоналом многих отечественных компаний. Качественное профессиональное обучение сотрудников различных категорий давно стало залогом успеха организаций и гарантом эффективной работы» [5, с. 33]. При этом, большую часть бизнес-задач компании могут решить, выбирая в качестве метода обучения бизнес-тренинги.

Соблюдение ряда организационных, групповых, поведенческих и этических принципов на бизнес-тренинге создает условия социальной и информационной безопасности участников, что, в свою очередь, существенно влияет на качество образовательного процесса и его итоговую эффективность.

Список литературы:

1. Горбатова Е.А. Теория и практика психологического тренинга: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2008. 320 с.
2. Евтихов О.В. Практика психологического тренинга. СПб.: Издательство «Речь», 2007. 256 с.
3. Никандров В.В. Антитренинг, или Контуры нравственных и теоретических основ психотренинга: Учеб. пособие. – СПб: Речь, 2003. 176 с.
4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательство НОРМА, 2000. 488 с.
5. Чиркова Ю.Р. Методы и процедуры определения потребности в профессиональном обучении персонала организаций // Научная дискуссия: вопросы социологии, экономики труда и управления персоналом // Под ред. В.К. Потемкина, О.А. Попазовой. 2016. С. 33-38.
6. Чиркова Ю.Р. Профессиональное тренинговое обучение персонала как инструмент развития современного бизнеса // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2018. № 6 (25). С.42-51.
7. Чиркова Ю.Р. Социально-демографические характеристики участников бизнес – тренингов и их влияние на эффективность обучения: VI Рязанские социологические чтения // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, в ознаменование 100-летия Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. С. 48-51.

А. М. Шамшит
студент Инновационного Евразийского Университета
М. А. Амирова
доктор PhD Инновационного Евразийского Университета

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Научная статья посвящена рассмотрению роли и значения кадрового потенциала в системы государственной службы Республики Казахстан, рассматривает основную цель национальной кадровой политики и ее развитие.

Ключевые слова: кадровый потенциал, государственная служба, кадровая политика.

Основными задачами, обозначенными Президентом Республики Казахстан, являются создание эффективной современной структуры государственной службы и управления, которая лучше всего подходит для Казахстана в условиях рыночной экономики, правительства, которое может достичь приоритетов, и, в конечном итоге, страны, создавать то, что защищает национальные интересы.

Основная цель национальной кадровой политики – создание высокопрофессионального, стабильного и сбалансированного национального института.

Задача кадровой политики – внедрить систему поиска и отбора наиболее квалифицированных специалистов в национальных учреждениях. Повышение квалификации государственных служащих с помощью механизмов, обучения, сертификации и квалификационных испытаний. Разработка системы поиска и отбора наиболее квалифицированных специалистов в отечественной технике; повышение квалификации, обучение, сертификация, квалификационные экзамены на государственной службе и т. д.

Целью кадровой политики является обеспечение максимально возможного баланса между количественным и качественным составом обновления и содержания земли в соответствии с потребностями организации, требованиями действующего законодательства и государства при ее развитии [1].

В современных условиях основной темой национальной кадровой политики является оптимальное сочетание национальных, региональных и местных интересов. Решение этой институциональной задачи делает кадровую политику более результативной и результативной, поскольку она отражает интересы всех ее целей и интересы всех здоровых людей в стране – пользоваться конституционным правом на государственные услуги.

Следовательно, кадровая политика государственной службы – это деятельность государственных органов, их менеджеров и сотрудников отдела кадров, направленная на поиск, оценку и отбор персонала, а также на реализацию стратегии управления персоналом для повышения квалификации сотрудников и их мотивации к выполнению, а также мотивации их обязанностей.

Учитывая один из главных приоритетов стратегии Казахстана до 2030 года – создание профессионального государственного агентства государственной службы в Республике Казахстан – особое внимание с самого начала уделялось привлечению высококвалифицированных кадров с соответствующей подготовкой и опытом. Наем и трудоустройство являются важной частью социальной реформы, а также важными рычагами, влияющими на все области и области жизни.

В Казахстане создана необходимая институциональная и правовая база для эффективной работы государственных служащих. Закон о

государственной службе и другие нормативные законы и постановления предусматривают прием, передачу и прекращение предоставления государственных услуг.

Уполномоченные должностные лица и их территориальные подразделения [1].

В настоящее время в системе государственной службы имеется эффективная инфраструктура обучения, включая Академию государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Национальную академию государственной политики, Региональные центры переподготовки и повышения квалификации в сфере государственной службы и другие образовательные организации.

Согласно Стратегическому плану развития Республики Казахстан до 2020 года, должна быть обеспечена не только профессионализация государственных услуг, но и эффективность всего государственного сектора.

В целях повышения качества национальных стандартов Казахстан стремится создать новую модель государственного управления, основанную на принципах корпоративного управления, эффективности и социальной ответственности.

Одним из основных шагов в реализации данной концепции стало принятие в декабре 2012 года Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты о государственных услугах в Республике Казахстан».

В этом документе представлен эффективный и прозрачный механизм входа в систему государственной службы, систему планирования карьеры, создание управленческой команды категории «А», а также роль кадровых служб в повышении профессионального уровня и эффективности национальных учреждений, а также в формировании энтузиазма, в том числе и энтузиазма чиновников.

Кроме того, 2019 год по указу первого Президента Республики Казахстан – Лидера страны – был объявлен Годом молодежи. В рамках поддержки молодых и талантливых казахов была проведена отдельная работа на государственной службе. Президент Токаев поставил перед собой задачу сформировать резерв Молодежного персонала президента.

Первый президент Республики Казахстан Президент Нурсултан Назарбаев инициировал формирование эффективных и профессиональных национальных институтов в рамках национального плана «100 конкретных шагов», документа плана, инициированного в 2015 году.

С 2013 года НИИ "а" корпуса работает в Казахстане. Президентский Молодежный резерв и кадровый резерв – это программы, используемые для различных целей.

Во-первых, возрастная категория. Президентский Молодежный фонд талантов будет создан для создания социального лифта для молодых людей. Таким образом, люди в возрасте до 35 лет могут зарегистрироваться в заповеднике.

Во-вторых, диапазон позиций, выделенных резерву, варьируется. К должностям полка «а» относятся исполнительный секретарь, начальник штаба и председатель комитета. Поэтому на эти должности назначается резервный персонал команды «А». Объем деятельности молодежного резерва президента гораздо шире – помимо установленных должностей в него входят министры, заместители министров, региональные руководители Нур-Султан, Алматы, Шымкент и его заместитель, председатель и члены Совета национальной компании [3].

Поэтому значение концепции государственного управления для Казахстана, в первую очередь, определяется поиском новых реалистических методов совершенствования системы управления, внедрением рыночных механизмов в государственные и местные автономные органы управления и развитием экономики Казахстана.

Список литературы:

1. Как проходила оценка потенциала кандидатов в Президентский молодежный кадровый резерв [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/kak-prohodila-ocenka-potenciala-kandidatov-v-prezidentskiy-molodezhnyy-kadrovyy-rezerv_a3583000 (дата обращения: 12.12.2020).

2. В Казахстане остается острой проблема кадров, как в госаппарате, так и в квазигосударственном корпоративном секторе [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31121394#pos=3;-80 (дата обращения: 12.12.2020).

3. Перезагрузка кадровой работы // Казахстанская правда [Электронный ресурс]. URL: https://www.kazpravda.kz/articles/view/perezagruzka-kadrovoi-raboti (дата обращения: 12.12.2020).

Сессия 4. Безопасность семьи и молодежи в условиях общества потребления

Т. П. Белова
доцент Ивановского государственного университета
К. П. Рычкова
студентка Ивановского государственного университета

КИБЕРБУЛЛИНГ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье выявляются факторы, актуализирующие проблему цифровой безопасности; раскрываются причины уязвимости молодёжи перед цифровыми девиациями, в том числе, кибербуллингом, имеющим как общие черты с буллингом, так и существенные отличия; характеризуются основные формы кибербуллинга, его ролевая структура, социальные последствия; обосновывается необходимость социологического изучения кибер-травли; приводятся результаты авторского онлайн-опроса, подтверждающие распространённость данной цифровой девиации в молодёжной среде; намечаются меры социальной и цифровой профилактики кибербуллинга.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, цифровая безопасность, цифровые девиации.

В условиях современного цифрового общества, сопряжённого с пандемией коронавируса, происходит всё большее погружение в пространство Интернета и виртуальной реальности. С одной стороны, это существенно облегчает коммуникативные процессы, служит наращиванию социального капитала а с другой – меняет привычный образ жизни и повседневные практики. Виртуальная среда подарила человечеству огромное количество возможностей, стала одной из важнейших платформ для реализации гражданских прав и свобод, в том числе свободы выражения мнения. Однако эта же среда привнесла в мир и новые угрозы: некоторые пользователи выходят за пределы правомерной реализации свободы мнения, причиняя своими действиям реальный вред другим лицам. Стали распространяться различные формы «виртуального насилия», в реализации которых особым субъектом являются подростки и молодые люди. Они могут выступать как в роли жертвы такого насилия, так и в роли причинителя вреда [7, с. 72-73].

Таким образом, расширяя возможности человека, виртуальная реальность увеличивает и круг опасностей, чему служат такие присущие ей свойства, как анонимность; отсутствие социальных ограничений; свобода действий; относительная безнаказанность; неограниченная доступность контактов; моментальная смена позиции собеседника, взглядов и социальных характеристик; отсутствие иной информации о собеседнике, кроме его сообщений в письменной форме и в виде графических символов [1, с. 64]. Тем

самым актуализируется проблема цифровой безопасности, то есть, состояния защищённости и способности преодолеть негативное воздействие цифровых технологий.

Наиболее уязвимой для угроз в виртуальном пространстве Интернета оказывается молодёжь, т. к. она является наиболее активным его пользователем и в силу своих возрастных и психологических особенностей подвержена склонности экспериментировать в нём с разными социальными ролями и разными Я, не боясь негативной оценки или социальных санкций, которые бы последовали при общении вживую [2, с. 179]. Вследствие этого появляются различные формы деструктивной активности в Интернет-среде, распространяются нетипичные, отклоняющиеся от социальных норм, эмоциональные, физические, социальные, интеллектуальные и мировоззренческие реакции. В социологии совокупность подобных деструктивных действий и актов определяется как цифровая девиация или цифровое девиантное поведение [4, с. 48].

При этом необходимо учитывать, что сегодня нет строго разделения между онлайн и оффлайн-реальностями. Поэтому девиантные формы поведения могут переходить из оффлайн среды в онлайн: издевательства над жертвой могут начаться в школе и продолжиться в социальной сети [8, с. 20]. Однако можно также ожидать обратного влияния и переноса коммуникативных ситуаций и правил, распространенных в Интернете, в «реальное» пространство общения [2, с. 178]. Примерами такой негативной диалектики служат ситуации буллинга и кибербуллинга.

Понятие «буллинг» впервые определил в 1991 г. шведско-норвежский психолог Дэн Ольвеус (Dan Olweus). Так он назвал «повторяемое и агрессивное поведение, направленное против сверстников в школьной среде, и характеризуемое дисбалансом власти между агрессором и жертвой» [цит. по: 6, с. 18].

На основе данного определения канадский учёный Билл Белси (Bill Belsey) в 1997 г. дал формулировку понятию «кибербуллинг». По его мнению, «кибербуллинг – это использование информационных и коммуникационных технологий, например, электронной почты, мобильного телефона, личных интернет-сайтов, для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей» [цит. по: 1, с. 63].

Современные исследования подтверждают, что кибербуллинг нередко сочетается с традиционным школьным буллингом. Имеются данные о том, что около трети подростков, подвергшихся издевательствам в школе, также сталкивались и с кибербуллингом, а жертвы школьного буллинга более чем в 2,5 раза чаще подвергались кибербуллингу. В 2009-2010 г. в рамках исследовательского проекта EU KidsOnline II, в котором приняли участие 26 европейских стран, включая Россию, было выявлено, что каждый пятый подросток в Европе (19%) и каждый четвертый в России (23%) были жертвами травли офлайн и онлайн [6, с. 18].

О масштабе проблемы социального и психологического насилия

посредством цифровых технологий среди молодёжи и подростков говорят следующие статистические данные: в США ежегодно 41 % школьников испытывает воздействие в среднем трёх атак кибербуллинга; около 13 % – четырех-шести атак, 19 % – семи и более; в Европе больше всего подростков подверглось кибербуллингу в Польше (52 %) и в Эстонии (31 %). [3, с. 123]. В разных странах известны случаи суицидов, совершенных подростками после киберпреследования.

Российской особенностью является тот факт, что кибертравля нередко осуществляется по социальным или национальным мотивам, фактически представляя собой разновидность экстремистских действий [5].

Как и традиционный буллинг, кибербуллинг может быть прямым и косвенным. Прямой кибербуллинг – это непосредственные атаки на жертву через письма или сообщения. При косвенном кибербуллинге в процесс травли жертвы вовлекаются другие люди, не всегда с их согласия; преследователь может взломать аккаунт жертвы и, мимикрируя под хозяина, рассылать с этого аккаунта сообщения знакомым жертвы, порождая сомнение в его моральных качествах [2, с. 180-181].

Американские психологи Робин Ковальски (Robin Kowalski), Сьюзан Лимбер (Susan Limber), Патрисия Агатстон (Patricia Agatston) составили классификацию форм кибербуллинга. К таковым они, в частности, отнесли:

флейминг – эмоциональный обмен репликами оскорбительного характера, например среди посетителей форума;

киберхарассмент – повторяющиеся оскорбительные сообщения жертве, от которых она чувствует себя морально уничтоженной, распространённой формой которого является кибертроллинг – провокации, использование «слабых мест» других людей;

кибersталкинг – преследования жертвы через повторяющиеся сообщения, вызывающие тревогу и раздражение;

секстинг – рассылка или публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными и полуобнаженными людьми [2, с. 181-182].

Итак, кибербуллинг как вид цифровой девиации означает агрессивное поведение в отношении пользователя Интернета, разнообразных цифровых устройств и сервисов, подразумевающее любое оперирование личной информацией для того, чтобы унизить, стигматизировать жертву и показать собственное превосходство.

Ситуация кибербуллинга предполагает набор социальных ролей: агрессор (буллер), помощники агрессора, жертва, защитники жертвы, наблюдатели (пассивные участники ситуации). В девиантное поведение втягиваются все эти социальные акторы.

Среди подростков и молодёжи основным местом реализации кибербуллинга сегодня являются социальные сети. Часто этот вид цифровой девиации начинается с того, что в силу желания поднять свой сетевой статус и собрать побольше лайков запускаются негативные сообщения в адрес выбранной жертвы, доступные друзьям по сети и всем пользователям Интернета. Негативные последствия подобного поведения чрезвычайно

серьезны не только для жертвы травли, но и для агрессора и других активных и пассивных участников ситуации, а также для общества в целом, поскольку происходит формирование десоциализирующих поведенческих конструктов, реализуемых социальными акторами в конкретной ситуации виртуального и реального взаимодействия.

Своеобразие онлайн-пространства и применение цифровых форм контакта в качестве инструментов осуществления агрессивных действий позволяют выделить ряд специфических особенностей кибербуллинга. В качестве основных можно выделить следующие: иллюзия анонимности для агрессора и его помощников, а также для активных свидетелей; дистантность и «круглосуточность – 24/7» кибербуллинга в силу отсутствия временных и пространственных ограничений; непредсказуемость и неожиданность совершаемых агрессивных действий в связи с неограниченным и повсеместным доступом в онлайн и одновременным использованием широкого спектра электронных форм контакта; значительное увеличение аудитории свидетелей, которой агрессор может произвольно управлять; изолированность свидетелей друг от друга и от жертвы, что частично воспроизводит и придает свою специфику известному в психологии «эффекту свидетеля», определяющему одиночное противостояние жертвы агрессивным действиям со стороны обидчика; достаточность совершения всего лишь одного агрессивного акта для достижения эффекта систематической травли; стимулирование механизма инверсии в ролевой структуре – агрессор становится жертвой, а жертва – искусным агрессором, свидетели могут стать как жертвами, так и агрессорами; неравенство сил в онлайн-пространстве, определяющееся различиями в уровне цифровой компетентности участников ситуации [6, с. 25-26].

Кибербуллинг в молодёжной среде вызывает сильную обеспокоенность по нескольким причинам:

во-первых, одним из ведущих видов деятельности подрастающего поколения в процессе традиционной и цифровой социализации является коммуникация;

во-вторых, коммуникация в виртуальном пространстве Интернета может восприниматься по аналогии с компьютерными играми, т. е. не по-настоящему, иллюзорно, безответственно, и подобный характер межличностных и межгрупповых отношений может переноситься в офлайн;

в-третьих, процесс коммуникации и её последствия выступают важными факторами социального и психологического благополучия, вследствие этого киберагрессия особенно для подростков и молодёжи оказывается наиболее значимым, опасным и травматичным коммуникативным риском;

в-четвёртых, в связи со значимостью коммуникативной сферы столкновение с деструктивными ситуациями в виртуальном пространстве становится сложной жизненной ситуацией для молодёжи, самостоятельно справиться с которой, как правило, затруднительно или невозможно.

Сегодня феномен кибербуллинга и его последствий наиболее изучен с психологической точки зрения. Однако нельзя недооценивать социальную

сторону кибер-травли, её десоциализирующие последствия, которые в силу неопределённости и размытости границ между жизнью в виртуальном и реальном мире, имеют не только онлайновое, но и офлайновое измерения. Поэтому кибербуллинг – это проблемное поле для изучения социологов. Особенно актуальны социологические исследования в среде подростков и молодёжи.

В июне 2020 г. авторами данной статьи был проведён онлайн-опрос, в котором приняли участие 100 молодых жителей города Иваново в возрасте 15-20 лет (36 % юношей и 64 % девушек). Исследование подтвердило включённость молодёжи в виртуальное пространство Интернета. Все опрошенные ежедневно общаются в социальных сетях (чаще всего «ВКонтакте»).

Почти две трети участников опроса (69 %) встречали в виртуальной среде агрессивное поведение по отношению к другому человеку. По отношению к себе с кибербуллингом сталкивался почти каждый четвертый опрошенный – 23 % (13 % имели дело с интернет-травлей несколько раз, 10 % – один раз), из них 30,6 % юношей и 18,2 % девушек. В возрасте 15-16 лет кибер-травлю на себе испытали почти в два раза больше респондентов, чем в возрастных группах 17-18 и 19-20 лет. Чаще всего агрессия проявлялась в социальных сетях: «ВКонтакте» – 91,3 % и «Инстаграмм» – 43,5 %. В основном жертва и агрессор не знакомы друг с другом (77 %), то есть, в роли буллеров выступают посторонние люди. В качестве мотивов киберагрессии большинство опрошенных юношей и девушек выделяют зависть (72 %) и способ развлечься (65 %).

У третьей части участников опроса (31 %) есть фейковая страница в социальных сетях. Основными целями использования фейкового аккаунта являются: слежение за бывшей девушкой, бывшим парнем или незнакомыми людьми; использование фейкового аккаунта на случай взлома основной страницы; хранения фото или документов. Таким образом, подобные аккаунты используются как в личных, не всегда позитивных целях, так и в целях цифровой безопасности.

Барьерами в преодолении кибербуллинга служат следующие факты, выявленные в ходе онлайн-опроса:

1) современная молодёжь в основном не знакома, либо не следует основным правилам безопасности при пользовании социальными сетями. В большинстве случаев юноши и девушки не ограждают себя от возможной кибертравли. Всего 17 % опрошенных использует закрытые профили в социальных сетях и блокировку агрессора;

2) большинство молодых людей не склонны рассказывать кому-либо о своём негативном опыте (60,9 %), даже если понимают, что не справляются самостоятельно с опасной ситуацией.

Соответственно к основным мерам профилактики кибербуллинга следует отнести:

во-первых, повышение осведомлённости молодёжи в сфере цифровой безопасности, ориентирование на оперативное использование технических

средств защиты (заблокировать обидчика, частично или полностью ограничить доступ агрессора к персональной информации с помощью настроек приватности профиля, проверить список друзей, сохранить доказательства кибертравли);

во-вторых, развитие социально-коммуникативных компетенций (не оставаться наедине со своими переживаниями, не замалчивать проблему кибербуллинга, а попытаться объясниться с обидчиком, обратиться в службу поддержки сервиса, ориентироваться на получение социально-психологической помощи со стороны родных и близких людей, подписчиков, учителей, преподавателей, специализированных служб).

Подводя итог, важно подчеркнуть, что сегодня противодействие кибербуллингу – это одно из ключевых направлений в защите молодёжи от цифровых и социальных угроз.

Меры профилактики и преодоления данного вида цифровой девиации, часто принимающей форму традиционного буллинга, должны носить комплексный характер, а потому к их разработке и реализации следует привлекать специалистов, представляющих различные отрасли науки и виды практической деятельности.

Список литературы:

1. Баранов А.А., Рожина С.В. Кибербуллинг – новая форма угрозы безопасности личности подростка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 11. С. 62-66.

2. Бочавер Б.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 177-191.

3. Зинцова А.С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 122-128.

4. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41-53.

5. Парфентьев У. Кибер-агрессоры. [Электронный ресурс]. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/2/threat2_2.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

6. Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17-31.

7. Суркова И.Ю., Зеленский П.А, Алексеевская Я.И. Кибербуллинг в пространстве интернет-коммуникаций как форма деструктивной активности молодежи // Парадигма. 2019. № 2. С. 72-79.

8. Шевко Н.Р., Исхаков И.И. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 19-22.

Б. Ю. Борисов
доцент Псковского государственного университета
С. В. Грушевский
преподаватель Нарвской школы для взрослых

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ В ПОИСКЕ РАБОТЫ И УЧЕБЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из важных аспектов государственной молодежной политики, касающегося социальной работы с подростками и молодыми людьми с ограниченными возможностями. Также рассказано об осуществлении в Нарве нового социального молодежного проекта, направленного на стимулирование получения образования молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: социальная работа, молодежная политика, инвалиды, трудоспособность, образование.

Известно, что молодежь является особой социальной группой, отличающейся статусом и особенностями социально-психологического развития. Также молодежь является важнейшим ресурсом государства, в силу возложенной на нее ответственности за будущее общества и страны. Современная социальная политика Российской Федерации и Эстонской республики определяет молодежную политику как одну из самых приоритетных. Исходя из этого, совершенствуются и внедряются различные инновационные социальные технологии работы с молодежью. Происходит разработка и принятие новых нормативно-правовых актов, регулирующих статус молодежи, и увеличивающих финансирование различных молодежных программ.

Институционально одним из важнейших регуляторов возникающих трудностей в области молодежной политики является социальная работа с молодежью как, соответственно, неотъемлемая часть молодежной политики. В ее задачи входит смягчение последствий социальных проблем, а также привитие молодежи умений самостоятельного преодоления жизненных трудностей.

Наличие нерешенных социальных проблем в России и Эстонии, усиление кризисных явлений в обществе, трудность самоопределения молодежи в силу неопытности, общая нестабильность экономики – все это обусловливает актуальность направлений молодежной политики и социальную работу с молодежью как ее часть.

Актуальность исследований в области социальной работы с молодежью из неблагополучных семей, детей-инвалидов и иных социально незащищенных групп обусловлена необходимостью разработки и внедрения соответствующих мероприятий, направленных как на развитие уровня

социализации и адаптации молодежи, так и на оказание ей помощи в поиске работы и учебы.

За последние годы в Эстонской республике наблюдается тенденция к росту числа детей-инвалидов. Согласно данным Министерства социальных дел Эстонии, за последние 8 лет в Эстонии количество детей с особыми потребностями удвоилось, и этот показатель продолжает увеличиваться.

Согласно данным Министерства социальных дел Эстонии на 1 января 2017 года в Эстонии было зарегистрировано 12896 детей с особыми потребностями, в то время как на 1 января 2009 таких детей было практически в два раза меньше – 7368 человек. На период с 2014 по 2020 г. ЕСФ (Европейский социальный фонд) выделил на «Разработку и предложение опорных услуг для детей с недостатком здоровья» 31 974 592 евро, а государственное софинансирование составило 5 642 575 евро, что в общей сложности насчитывает 37 617 168 евро [1].

В 2016 году в Эстонии начала действовать новая система определения трудоспособности, которая кардинально изменила подход как к детям с особыми потребностями, достигшими 18 лет, так и к взрослым. Главная цель изменений заключалась в смене отношения к людям с пониженной трудоспособностью и помочь им найти или сохранить учебное, или рабочее место. При этом, если до 2016 года определением инвалидности занимался Департамент Социального Страхования, то с 1 января 2018 года за процесс оценивания степени инвалидности стала отвечать Касса по безработице, ранее подобным не занимавшаяся.

С 2019 г. в Нарве началось осуществление молодежного проекта «Молодежь на работу/учебу», финансируемого фондом Бистанд Нарва (Bistand Narva) из Норвегии. Цель проекта заключается в том, чтобы помочь молодежи в возрасте от 18 до 26 лет из неблагополучных и малообеспеченных семей г. Нарва, получить необходимое образование (основное, среднее, различные курсы или получить профессию в училище), или необходимые навыки для получения работы. Из двенадцати участников проекта более половины – подростки и молодые люди (в возрасте от 16 до 26 лет) с ограниченными возможностями здоровья.

До осуществления новой реформы человек с инвалидностью имел право не работать, не учиться, при этом получая пособие по инвалидности. До введения новой системы оценивания, в Эстонии существовала процентарная система инвалидности. Минимальное значение, при котором начиналась выплата денежных средств – это 40% инвалидности (40%-70% – это 3-я группа, 80%-90% – это 2-ая группа и 100% – это 1-я группа). С введением новой системы оценивания появилось два новых названия инвалидности – это частичная и полная нетрудоспособность. Стоит отметить, что такой подход уравнял категорию инвалидов, у которых была 3-я и 2-ая группы, где заболевания и недуги могли различаться очень существенно и по денежным выплатам также.

Новая методика оценки трудоспособности базируется на том, что каждый человек уникален и одинаковые симптомы или ограниченные

возможности, или протекание болезни могут проявляться очень по-разному. При оценке трудоспособности рассматривается состояние здоровья и вытекающие из него ограничения к деятельности и участию в ней. Оценка трудоспособности включает в себя пять этапов:

- визит к врачу;
- подача ходатайства об оценке трудоспособности;
- составление экспертного мнения;
- решение о размере оценки трудоспособности;
- выплата пособия на трудоспособность и при необходимости оказание вам консультаций и услуг для рынка труда, направленных на трудоустройство или сохранение рабочего места.

Если трудоспособность подростка определена как частичная, то для получения пособия по нетрудоспособности, он не сможет больше ничем заниматься, а должен соответствовать хотя бы одному из критериев: стоять на учете в кассе по безработице и искать работу (быть зарегистрированным безработным и быть активным соискателем работы), работать, учиться (получать основное, среднее, прикладное или высшее образование), воспитывать ребенка до трех лет, ухаживать за нуждающимся в помощи членом семьи, у которого есть тяжёлый или глубокий недуг по инвалидности, находиться на амбулаторном или стационарном лечении, и так далее.

Выбрав один из вариантов занятости у инвалида появляется право выбора: либо остаться на учете в Кассе по безработице и продолжить посещать консультанта или карьерного консультанта, или сняться с учета и полностью посвятить себя выбранному делу.

Стоит отметить, что если трудоспособность определена как отсутствующая, то для получения пособия, человек освобождается от вышеперечисленных требований к активности и может полностью посвятить себя здоровью.

Размер пособия по инвалидности зависит от того частичная или отсутствующая трудоспособность. Если определена частичная нетрудоспособность, то размер выплаты составляет 8.48 евро в день или 57% от действующей дневной ставки пособия. За 30 дней начисляется 254.62 евро. В случае отсутствия трудоспособности, применяется 100% от действующей дневной ставки пособия, а именно: 14.89 евро в день, что составляет 446.70 евро за 30 дней.

Участники проекта «На работу/учебу», имеющие неполную трудоспособность, с введением нового порядка начисления пособия осознали и решили продолжить свое обучение в Нарвской Школе для взрослых, которая предлагает гибкую систему обучения в две смены, что дает хорошую возможность совмещать семейную жизнь, заботу о здоровье и хобби.

Внедрение новой системы помогло молодым выйти из зоны комфорта, осознать значимость для общества, получать новые знания или повысить свою квалификацию, чтобы стать более конкурентоспособными на рынке труда.

Список литературы:

1. Сайт Министерства социальных дел в Эстонии / Опорные услуги для детей с недостатком здоровья https:// https://sotsiaalkindlustusamet.ee/ru/deti-semi/opornye-uslugi-dlya-detey-s-nedostatkom-zdorovya (дата обращения: 03.01.2021).

Л. В. Власенко
доцент Московского государственного строительного университета
П. С. Буслаева
студентка Московского государственного строительного университета
В. М. Орлова
студентка Московского государственного строительного университета

УЧЕБНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы организации учебной и профессиональной деятельности, возможности эффективной коммуникации в условиях пандемии. С целью изучения особенностей коммуникации людей в профессиональной и учебной среде в дистанционном режиме, определения трудностей коммуникации, возникших у людей в период пандемии (февраль-декабрь 2020 года) преподавателями и студентами НИУ МГСУ (г. Москва) было проведено социологическое исследование. Выделены три целевые группы (преподаватели, студенты, сотрудники организаций) респондентов, которые были опрошены в ходе проведения исследования. По результатам социологического опроса сделаны выводы. Предложены некоторые пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: учебная деятельность, профессиональная деятельность, коммуникации, пандемия.

Общеизвестно, что деятельность представляет собой совокупность определенных действий человека (группы), направленных на освоение и преобразование им окружающего мира, достижение поставленной цели. Деятельность человека отличается многообразием. Исследователи, осуществляя классификацию видов деятельности, опираются на различные критерии: по объектам и результатам деятельности, по соответствию правовым, моральным нормам, по сферам общественной жизни и многие другие.

Учебная и профессиональная деятельность относятся к основным видам человеческой деятельности, являются важной частью системы общественных

отношений. Её основой становятся различные коммуникационные связи от устойчивости которых зависит стабильность данной системы.

Современная социальная наука рассматривает учебную деятельность как мощный фактор изменения общества, поэтому мы наблюдаем существенные модификации целей, задач, функций образования, а также, содержания учебной деятельности и самих педагогических технологий, обеспечивающих эффективное включение молодежи в современные социальные процессы, и, прежде всего, дальнейшую профессиональную деятельность.

В современной действительности в ситуации пандемии, в учебной и профессиональной деятельности происходят определенные трансформации, и, прежде всего, в процессах коммуникации между субъектами деятельности, в самом действии и результате деятельности.

Появление вируса COVID-19 в Китае (г. Ухань), который, по мнению ученых, ориентировочно пришелся на декабрь 2019 года, его активное распространение по всему миру не могло не внести определенные коррективы в учебную и профессиональную деятельность, как россиян, так и граждан других стран [2, 3, 4].

Были введены ограничения на передвижения, студенты очной формы обучения и школьники были переведены на «дистанционную форму» обучения, 30% работников организаций руководители были вынуждены перевести на удаленную форму работы. Работающие граждане старше 65 лет во многих организациях осуществляли работу дистанционно и др.

Изменения в организации образовательного процесса, профессиональной деятельности, ограничение социальных контактов, взаимосвязей, непосредственной коммуникации не могло не отразиться на социальном самочувствии граждан, особенно в городах и мегаполисах.

С целью изучения особенностей коммуникации людей в профессиональной и учебной среде в дистанционном режиме, определения трудностей коммуникации, возникших у людей в период пандемии (февраль-декабрь 2020 года) нами было проведено социологическое исследование.

В ходе подготовки к проведению исследования была разработана программа исследования, определены три целевые группы потенциальных респондентов:1) преподаватели вуза (НИУ Московского государственного строительного университета (МГСУ)); 2) студенты вуза (НИУ МГСУ); 3) сотрудники предприятий. Для каждой группы были сконструированы анкеты.

Социологический опрос проводился как среди жителей Москвы, так и среди жителей регионов, что позволило в ходе анализа полученной информации выделить мнения представителей регионов в каждой целевой группе.

1. Преподаватели вуза. Преподавателям были заданы различные вопросы, касающиеся их опыта дистанционного преподавания, отношения к данному «формату» работы. Выявлялись трудности, которые появились в ситуации «опосредованной» коммуникации.

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1) у 40,0%, опрошенных был опыт дистанционной работы со студентами и большинство (60,0%) быстро адаптировались к новому «формату» преподавания;

2) большинство респондентов, а именно 80,0% (в том числе и представители регионов) считают, что «работать стало сложнее», и всего лишь 20,0% преподавателей-москвичей ответили, что «ничего не изменилось».

3) 60,0% опрошенных преподавателей указали на то, что «работали больше обычного»;

4) 40,0% респондентов указали на трудности в коммуникации и все 40,0% являлись представителями регионов (рис. 1). Действительно, преподаватели из регионов (первая волна пандемии) столкнулись с техническими проблемами: отсутствовало необходимое оборудование, были проблемы со стабильным интернет-соединением. Преподаватели из Москвы таких сложностей не увидели, однако они выявили другие проблемы, такие как: сложность подготовки материалов к дистанционным практическим занятиям, отсутствие единой удобной платформы.

В целом необходимо отметить, что преподаватели критично относятся к дистанционному обучению и отрицательно относятся к перспективе удаленной работы уже после пандемии. В связи с тем, что такой режим неудобен, невозможен прямой контакт с каждым студентом, информация усваивается хуже, работать приходится больше, все это в совокупности приводит к тому, что качество образования значительно снижается. В регионах ситуация еще хуже, например, одной из основных проблем, отмеченных опрошенными, становится то, что не все студенты и преподаватели имеют необходимое техническое оборудование, что усложняет (или вообще делает невозможной) работу.

2. Студенты вуза. Для студентов вуза была разработана анкета, где ряд вопросов были идентичными с вопросами анкеты для преподавателей, некоторые были предложены исключительно для студентов. У 60,0 % опрошенных студентов не было опыта дистанционной учебы ранее, но тем не менее, большинство респондентов (80,0%) быстро адаптировались к новому «формату» обучения.

Если проблем с адаптацией у большинства опрошенных не было отмечено, то о проблемах, связанных с «отсутствием мотивации и самодисциплины» высказались 40,0% студентов (20,0% – г. Москва, 20,0% – регионы), что может напрямую влиять на результат коммуникации, ее эффективность. Данный тезис был подтвержден анализом результатов ответов на следующие вопросы: «Как вы считаете, снижается ли качество образования при дистанционном обучении?», «Стало ли обучение менее эффективным?». 80,0% респондентов ответили, что «по их мнению, качество образования при дистанционном обучении значительно снижается», «да, снижается, но незначительно» – ответили лишь 20,0%.

Следовательно, большинство опрошенных студентов считают такую форму преподавания «менее эффективной». Говоря о своих проблемах,

связанных с работой в данном «формате», они отмечали: «непонимание заданий в письменной форме» (40,0%), «трудности коммуникации» (30,0%) и др. (рис.1). 60,0% студентов учиться стало сложнее, лишь 30,0% «положительно» относятся к «перспективе дистанционного обучения в будущем».

3. Сотрудники предприятий. Несколько другие результаты мы получили, опрашивая сотрудников предприятий.

Большинство (80,0%) опрошенных приветствуют «удаленный режим работы» и в целом положительно относятся к «перспективе удаленной работы в будущем». 40,0% опрошенных сотрудников столкнулись с проблемой «отсутствия мотивации и самодисциплины» и считают, что производительность их труда «незначительно снизилась».

Опрошенные сотрудники предприятий «работали как обычно» и «трудностей» во взаимодействии и коммуникации у них не возникало (100,0%) (рис. 1).

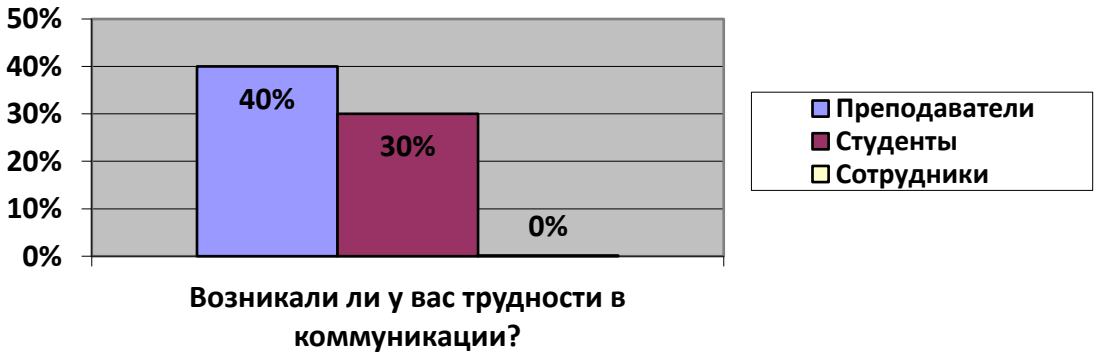

Рис. 1. Наличие проблем в процессе коммуникации

В целом респонденты из Москвы и респонденты из регионов положительно относятся к дистанционной работе. Главный плюс, который выделил каждый сотрудник – «не нужно тратить время на дорогу до работы».

Подводя итог, следует сказать, что большинство респондентов из первой и второй групп, опрошенных нами, отрицательно относятся к перспективе удаленной работы и учебы уже после окончания карантина (особенно представители регионов). На это влияют многие факторы. Они «голосуют» за непосредственное взаимодействие, видя определенные проблемы дистанционной коммуникации.

Положительно относятся к дистанционной форме работы сотрудники предприятий, которые до пандемии были вынуждены добираться до работы, тратя большое количество времени и физических сил.

Трудности коммуникации возникли в двух группах респондентов, опрошенных нами (преподаватели и студенты). Во-первых, у тех, которые непосредственно связаны с процессом «передачи-получения» новых знаний.

Особую роль, на наш взгляд, сыграло то, что не было единого мессенджера (особенно в первую волну пандемии) для решения насущных проблем.

Стало ли обучение менее эффективным? Положительный ответ на этот вопрос дают как большинство опрошенных студентов, так и преподавателей. Они выступают за «непосредственное» взаимодействие, за работу в аудиториях.

Если же данная ситуация будет повторяться, то для решения проблем, которые возникают в ситуации дистанционной коммуникации, можно предложить следующее.

1. Для студентов и преподавателей:

1) Организовать учебный процесс, разработать четкий график работы и обучения так, чтобы не допускать переработок и выгорания.

2) Определиться с использованием различных сетей для решения конкретных рабочих и учебных вопросов.

3) Помочь преподавателям осуществить интеграцию ИКТ-устройств в профессиональную деятельность, дать возможность приобрести необходимые технические и педагогические навыки.

4) Адаптировать учебную программу к конкретной ситуации и др.

2. Для организаций:

1) Перенять опыт компаний, которые уже много лет работают в таком режиме.

2) Опросить сотрудников и выяснив, какие сложности в их работе существуют, постараться разработать наиболее удобную программу действий и результатов, которая поможет улучшить сложившуюся ситуацию.

3) Помочь сотрудникам осуществить интеграцию ИКТ-устройств в профессиональную деятельность, дать возможность приобрести необходимые технические навыки.

Список литературы:

1. Агранович М. Л. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza (дата обращения: 17.12.2020).

2. Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру: аналитический материал международный, национальный и институциональный ответ [Электронный ресурс]. URL: //www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf (дата обращения: 04.01.2021).

3. Черепанова Ю. Между первой и второй: он-лайн образование на волне пандемии [Электронный ресурс]. URL: https://education.forbes.ru/authors/online-education-vs-covid (дата обращения: 04.01.2021).

4. Шмурыгина О. В. Образовательный процесс в условиях пандемии // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 51-52.

Ф. С-А. Ганиева
старший преподаватель ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
А. Ш. Исраилова
студентка ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. В статье осуществлено комплексное авторское исследование проблемы социального здоровья развития молодежи, как основа обеспечения безопасного развития общества. В процессе исследования данной проблемы, использовались методы логического, теоретического и статистического анализа. Сделан вывод о том, что безопасность социального здоровья нации обеспечивается жизнеспособностью каждого индивидуума, увеличением его возможностей развиваться физически и духовно, сохраняя высокий потенциал социального здоровья

Ключевые слова: Россия, молодежь, развитие, социум, общество.

К одной из глобальных задач российской социальной науки относят проблему социального здоровья молодежи. Молодёжь как перспективная возрастная группа населения представляет собой важный потенциал общественного развития и значимый объект социальной политики в сфере здоровья.

Укрепление и сохранение здоровья молодежи – это важнейшая задача государственной политики в сфере здравоохранения, так написано в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Важность этой задачи заключается в том, что на фоне низкого уровня безопасности среды для проживания в нашей стране и социально-экономической нестабильности существует вероятность ухудшения состояния социального здоровья молодежи [3].

Во-первых отметим, что социальное здоровье – это внутреннее состояние индивида, которое определяет способность человека контактировать с социумом [6]. Очень важно изучать социальное здоровье молодежи, ведь данная социальная группа имеет определенную стратегическую значимость. От показателя социального здоровья молодежи зависят темпы модернизации в России, моральные и нравственные особенности общества. Для молодежи характерны проблемы, связанные с социальной активностью, а именно с социальной адаптацией, мобильностью. Именно социальная активность позволяет молодежи занять достойное место в обществе.

Во-вторых, социальное здоровье формируется посредством

взаимодействия с обществом, т.е. под влиянием родителей, друзей, коллег, соседей, знакомых и т.д.

К характеристикам социального здоровья молодежи можно отнести поведение, способствующее социальной активности; неформальное общение; социальное самочувствие. Благодаря социальной активности молодежь может занять достойное место в обществе. Неформальное общение, благоприятно влияет на психологическое состояние молодого человека. Показатели социального самочувствия характеризуют уровень социального здоровья [7, с. 27].

Также стоит выделить основные компоненты социального здоровья:

1. Нравственность – совокупность норм, определяющих поведение человека, моральные свойства. В наиболее общем смысле – абсолютная объективная система норм, определяющая поведение разума (биологического или технического), соответствующее вектору эволюции мира (в частности, началам термодинамики).

2. Социальная адаптация – это непрерывный процесс активной интеграции индивида или группы в общество и приспособление к условиям и требованиям социальной среды [5, с. 186].

Оценить социальное здоровье молодежи можно на двух уровнях:

I. Индивидуально-личностное здоровье. Данный уровень здоровья формируется в процессе первичной и вторичной социализации личности. Судить о полноценном социальном здоровье личности весьма сложно, поскольку, говоря о первичной социализации, стоит упомянуть, что из 100 % заключенных семейных браков, 58 % в дальнейшем заканчиваются разводом. Несмотря на это, на взгляд авторов, даже у неполноценных семей есть возможность грамотно воспитать поколение молодежи при условии отсутствия навязывания своего мнения и опыта [2].

II. Групповое здоровье. На данном уровне в совокупности с низкой эффективностью социальной политики государства в области сохранения здоровья нации, прежде всего молодого поколения, усиливается опасность дальнейшего снижения показателей социального здоровья российского общества и сокращение его человеческого ресурса. Множество факторов давят на молодежь, из-за чего теряют свою ценность институты семьи, образования, государства и религии.

Но чем же все-таки обусловлена потребность в изучении социального здоровья молодежи?

Прежде всего к главенствующим факторам относят желание молодежи трансформировать социальные структуры. Обобщая, можно отметить, что данная проблема рассматривается не только на территории Российской Федерации, но также и во всем мире. Связано это, в первую очередь, с развитием молодежи в социально-демографических группах.

Если выделить цифровые данные, это даст диапазон от 14-15 лет до 29-30. В данный интервал в настоящее время в России попадает примерно 25 миллионов человек, что составляет около 17 % всего населения [5, с. 185].

В жизни молодых людей все большую роль играют такие факторы, как

недостаточная мышечная и двигательная активность (гиподинамия), чрезмерное питание, а также психоэмоциональная перегрузка.

Наш современник испытывает постоянный моторно-висцеральный голод, отсутствие импульсов, исходящих от интенсивно работающих мышц (двигательных рефлексов) и внутренних органов (висцеральных). Психоэмоциональное напряжение связано с тем, что нервная система постоянно перегружена здоровыми и возбуждающими эмоциями, причем негативными, даже патогенными [4].

Темп жизни растет, условия «истощения» знаний и технологий ускоряются, некоторые профессии «стареют», наука и культура стремительно развиваются. Все это увеличивает спрос на внутренние ресурсы человека, физическое и психическое здоровье.

Социальное здоровье молодых людей также связано с демографическими характеристиками. А. Верещагина утверждает, что есть в нашей стране один кризис семьи учреждения. Семья больше не может выполнять социальные функции, которые она выполняла раньше. Во время изменений в семейном устройстве произошли также изменения во всех областях семейных отношений и семейного поведения, которые влияют на социальное благополучие и социальное здоровье молодых людей. Автор пишет: «В ходе трансформации социальных процессов уменьшаются такие явления, как рождаемость и смертность, увеличивается число уязвимых или неблагополучных семей, брошенные дети, насилие в семье, снижение квалификации здоровья, высокая степень отклонения в молодости и юности, рост разводов, одиноких родителей, институционализация явления одиночества как фактора образа жизни» [1].

Поэтому молодежь стремится к социальной безопасности, которая в свою очередь, представляет собой состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод [5, с. 185].

Список литературы:

1. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи в условиях риска трансформирующегося общества // Вестник института ИАЭ. 2012. № 3. С. 137-142.
2. Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. 152 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 143 с.
4. Социальная медицина: учебник для бакалавров / под ред. А.В. Мартыненко. М.: Издательство Юрайт, 2014. 55 с.
5. Цикалюк Е.В. Основные теоретические подходы к осмыслению сущности социального здоровья// Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2010. №4. С.185-190.
6. Энциклопедический словарь. Социология молодежи / отв. ред. Ю.А. Зубок, В. И. Чупров. М., 2008. 110 с.

7. Ярская В.Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные ценности [Текст] // Российский журнал социальной работы, 1995. №2. С. 27-33.

З. И. Иванова
профессор Национального исследовательского Московского государственного строительного университета
О. А. Филиппова
Магистрант Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Аннотация. Обсуждаются актуальные вопросы обеспечения безопасности урбанизированных пространств во время пандемии COVID-19. Методом опроса изучалась реакция москвичей и жителей подмосковных городов на ограничение мобильности, вынужденную самоизоляцию, выявлялись потребности и запросы работающих жителей. Анализу также подвергнут положительный опыт некоторых зарубежных городов. Вывод: необходим пересмотр существующих градостроительных норм, применение технологий «умного города» для снижения заражения, налаживание информационной работы среди населения и обеспечение доверия между горожанами и властью.

Ключевые слова: устойчивый город, безопасность, пандемия, городское планирование и проектирование, плотность застройки, городская мобильность, улично-дорожная сеть.

Введение

Внезапное и быстрое распространение вируса COVID-19 по всему земному шару вызвало необходимость срочного исследования причин пандемии, механизмов, способствующих распространению вируса, его медицинских, экологических и социально-экономических последствий, связанных, в том числе, с организацией городской среды и обеспечением безопасного городского пространства. Множество исследований было проведено в странах, которые подверглись наибольшей атаке вируса: США, Японии, Китае, Италии, Франции. С этой точки зрения интересно исследование специалистов из США, анализирующих взаимосвязи между плотностью застройки и показателями заболеваемости и смертности от COVID-19. Авторы изучили данные из 1165 столичных округов в Соединенных Штатах Америки. Исследование показало, что большой размер мегаполиса (измеренный с точки зрения численности населения) приводит к значительно более высокому распространению COVID-19, а также к более

высокому уровню инфицирования и смертности. Авторы высказались против разрастания больших городов и усиления плотности городской застройки [1].

В статье исследователей из Японии и Ирана заостряется внимание на проблемах высокой концентрации населения и активной экономической деятельности в городах, что является причиной быстрого распространения вируса. В статье есть некоторые рекомендации, связанные с городским управлением, организацией функционирования транспорта, которые можно использовать для городского планирования и дизайна в посткоронавирусный период. Авторы считают, что кризис COVID-19 дает возможность для градостроителей и политиков предпринимать трансформирующие действия по созданию более справедливых, устойчивых и безопасных городов [2].

Планированию устойчивых городов и регионов также посвящена статья профессора из Университета Мемфиса (США). Автор признает, что пандемия обнажила уязвимость городской системы в широком масштабе, но она также дала стимул для изменения подхода к планированию и развитию безопасных и устойчивых городов и регионов по всему миру. Практика урбанизма поставила вопросы о нормативном зонировании, плотности застройки, доступа в город-регион и другие [3].

В российской науке вопросы изменения подхода к планированию городского пространства стали также подниматься вскоре после появления вируса на территории России. Специалисты ИПЭИ РАНХиГС провели анализ нескольких месяцев жизни в условиях пандемии и дали оценку краткосрочных и возможных долгосрочных последствий влияния пандемии на тенденции пространственного развития, на изменение требований горожан к городской среде и на формы удовлетворения жилищных потребностей. Авторы представили рекомендации по совершенствованию государственной политики в сфере городского развития с учетом уроков COVID-19 [4, с. 34-35]. Серия онлайн-дебатов «Город после пандемии: каким будет городское планирование?» была организована Информационным центром Германской службы академических обменов (DAAD) в Санкт-Петербурге и Германским домом науки и инноваций (DWIH) в Москве. Градостроители и архитекторы обсуждали изменения в городском планировании, такие как направленность на полицентрическое развитие систем расселения, неизбежные изменения в области городской мобильности. Участники признали, что Пандемия 2020 года станет катализатором проектирования таких городов, которые способны противостоять возникающим природным и антропогенным угрозам пролонгированного действия с минимальным уровнем потери качества жизни населения [5]. Участниками дискуссии также подчеркнули, что необходимо изучать восприятие населением ситуации пандемии и модели поведения горожан в условиях самоизоляции для принятия эффективных решений в процессе управления городом.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является изучение реакции горожан на ситуацию ограничения мобильности, вынужденную самоизоляцию, а также выявление потребностей и запросов работающих жителей во время пандемии,

мнений горожан о необходимости изменений в пространственной структуре города и работе транспорта. Исследование проведено методом онлайн-анкетирования жителей Москвы и подмосковных городов.

В рамках исследования применялся метод анализа документов: обзор материалов сайтов ЕС, отдельных европейских стран для анализа мероприятий по преобразованию городской среды, структурированию городских пространств и городской мобильности в период пандемии.

Результаты исследования

Социологический опрос проводился группой исследователей Национального исследовательского Московского государственного строительного университета в октябре 2020 года. В рамках пилотного исследования опрошено 109 человек.

Среди опрошенных 45% мужчин и 55% женщин, работающих в разных отраслях и организациях Москвы и Московской области. 61,5 % опрошенных проживают в Москве, 38,5% респондентов – жители подмосковных городов. Диапазон трудовой занятости опрошенных разнообразен, в частности, 15,5% респондентов работают в сфере торговли, 9,7% – на промышленных предприятиях, 6,8% – в вузе. 62% опрошенных горожан работали дистанционно, 11% опрошенных – на своем рабочем месте. 12% респондентов приостановили свою трудовую деятельность на время изоляции, 3% респондентов вовсе лишились работы.

Во время самоизоляции 70% опрошенных остались жить в квартире, 5% постоянно жили в Подмосковье в собственном доме, около 5% опрошенных переехали жить на дачу на время пандемии, остальные респонденты сочетали жизнь на даче и в городской квартире.

Из тех, кто был вынужден быть на рабочем месте, 36% респондентов добирались до работы на общественном транспорте, 26% – на личном автомобиле, 22% респондентов ходили на работу пешком, так как место работы оказалось неподалеку от дома. Распределение ответов на вопрос «Насколько сложно жить в условиях пандемии?» представлено на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько сложно жить в условиях пандемии?», %

В условиях самоизоляции горожанам, прежде всего, не хватало посещений спортзалов, кафе, кинотеатров (36,3%), прогулок на свежем воздухе (25,5), личного пространства (13,4%). Тем не менее, некоторым горожанам удавалось выйти на прогулку (рис. 2).

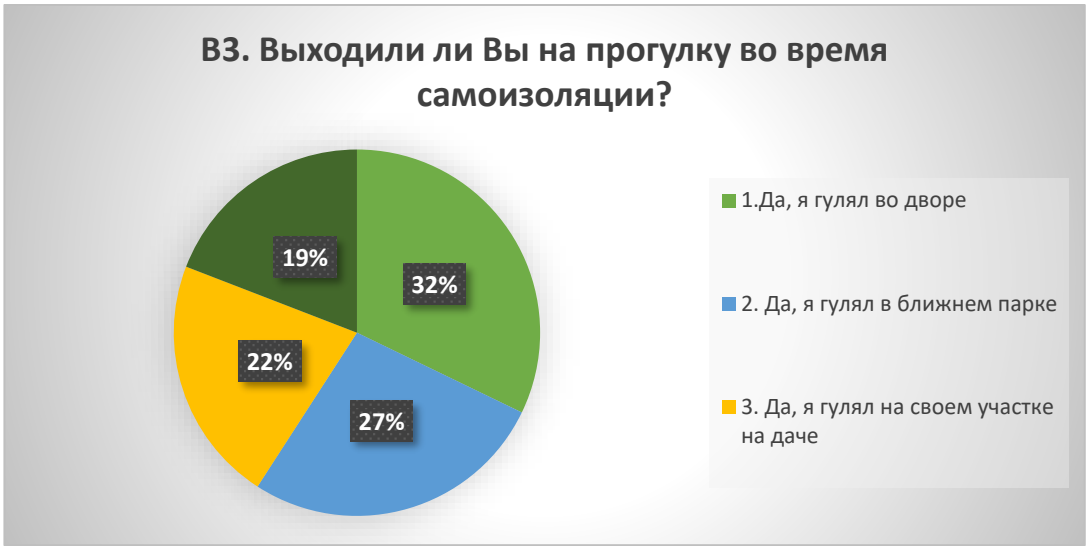

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Выходили ли Вы на прогулку во время самоизоляции?», %

39% респондентов считают, что ношение масок оберегает от заражения коронавирусом, 23% опрошенных так не считают, а 35% затруднились с ответом. На вопрос, какие санкции можно предпринять к нарушителям санитарных требований, 31,4% опрошенных выбрали вариант «Штрафы», 26,4% – вариант «Убеждение», 25,6% респондентов затруднились с ответом. При этом большинство респондентов (73%) предложили привлекать к ответственности лиц, знающих о своем заболевании, но вступающих в контакт с другими людьми в общественных местах. Однако при этом видеонаблюдение и применение специальных технологий распознавания личности тех, кто либо инфицирован, либо находится в общественном месте без масок и перчаток, применять не надо. По результатам опроса выявилось, что почти половина опрошенных (47%) оценивают официальную информацию о ситуации в стране и городе как недостоверную.

Горожанам был также задан вопрос о том, какой способ передвижения наиболее эффективен и безопасен во время пандемии (рис. 3).

41,2% опрошенных горожан считают наиболее безопасным способом передвижения личный автотранспорт, 21,6% предпочитают передвигаться пешком, лишь 14,7% респондентов выбрали велосипед или самокат.

Большинство работающих горожан (60%) также не считают, что надо отдать предпочтение велодорожкам, потеснив транспортную часть улиц. Представляется, что такие ответы связаны с отсутствием в России привычки использования велосипеда для передвижения в городе. Такая традиция не сложилась, поскольку города в России развивались с ориентацией на

применение общественного автомобильного транспорта. Большинство горожан (53%) также высказалось против того, чтобы часть улиц отдать пешеходам и дать возможность добираться до мест назначения пешком, лишь 24% респондентов поддержали эту идею, 23% затруднились ответить на данный вопрос.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какой способ передвижения наиболее эффективен и безопасен во время пандемии и его нужно развивать для предупреждения заражений?», %

Обсуждение

Проведенный опрос показывает, что горожане – жители Москвы и подмосковных городов достаточно спокойно восприняли ситуацию самоизоляции и ограничения мобильности, хотя и претерпели некоторые лишения. Более всего беспокоила горожан невозможность свободного посещения спортзалов, кафе, кинотеатров, прогулок на свежем воздухе, многих также беспокоила необходимость постоянно оставаться дома всей семьей, им не хватало личного пространства.

По данным опроса большая часть респондентов во время пандемии находилась в городских квартирах (70%). Около 20% респондентов перемещались из городской квартиры в дачный или деревенский дом и обратно в зависимости от ситуации. По сведениям МТС, в период с 25 марта по 8 апреля 2020 года более 15% жителей столицы, которые являются абонентами МТС, приняли решение переждать период самоизоляции за пределами города: 79% из них направились в Подмосковье, 21% – в другие регионы страны [6]. Эксперты РАНХиГС считают, что тенденция перемещения людей за пределы города будет усиливаться. «В общественном сознании выросла ценность проживания либо наличия «резервного» жилья на территориях со сравнительно меньшей плотностью населения» [6].

Однако такая тенденция усилит нагрузку на транспортную сеть московской агломерации. По результатам опроса 41,2 % респондентов отдали предпочтение личному автотранспорту. В такой ситуации для доставки работающих из пригородов в столицу необходимо продумать новые схемы расположения транспортной сети и работы общественного транспорта. В пределах города большинство опрошенных горожан не поддержало идею развития велосипедных и пешеходных дорожек за счет урезания транспортных магистралей. Между тем, из-за угрозы новых пандемий пешеходы и велосипедисты должны стать главными хозяевами будущего города. Например, Париж и Милан уже объявили о планах по созданию сотен километров велополос, такой способ передвижения позволяет людям держаться на расстоянии друг от друга [7].

Безусловно, полностью изменить транспортную структуру Москвы невозможно. При существующей плотности автомобильного движения, достаточно узких улицах невозможно создать широкие велосипедные зоны, однако решить вопрос можно было бы за счет ограничения движения транспорта на определенных улицах и передачи их пешеходам. Ранее опрошенные магистранты МГСУ – будущие молодые специалисты – предложили множество вариантов организации улично-дорожной сети, в частности, создание многоуровневых транспортных магистралей. Будущие градостроители считают, что больше городских улиц нужно сделать пешеходными, и это должно стать нормой при планировании городской мобильности.

По результатам опроса выяснилось, что горожане еще недостаточно осознали опасность заражения коронавирусом, 35% опрошенных не могли определиться, оберегают маски от заражения или нет. Выразив свое негативное отношение к свободно передвигающимся по городу гражданам с признаками заболевания, респонденты высказались против видеонаблюдения и применения технологий распознавания таких индивидов. Между тем в Южной Корее именно защитные маски стали одной из основных профилактических мер против коронавируса. Они не исчезали из продажи как в Москве (63% опрошенных отметили отсутствие средств защиты в продаже весной 2020 г.), более того, их стали продавать по две штуки в неделю одному человеку по строгой системе учета. Важным инструментом также стала система видеонаблюдения, предоставляющая информацию о перемещениях потенциально зараженных граждан и их контактах. Сведения поступали в единый центр, затем происходила принудительная изоляция таких лиц [8].

Выводы

Как отметил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, «городские районы – эпицентры распространения CPVID-19, на них приходится 90 процентов зарегистрированных случаев заболевания» [9]. Пандемия вызвала необходимость пересмотра существующих градостроительных, транспортных норм. Плотность застройки должна быть снижена, создано больше открытых пространств, зеленых насаждений,

широких тротуаров, велодорожек. Обеспечение безопасности городского пространства в эпидемиологическом плане возможно за счет архитектурно-градостроительных решений.

Еще один путь создания безопасной среды – применение технологий «умного города» для сбора информации и контроля поведения горожан, в частности, выявления людей с симптомами заболевания в общественных местах и передаче данной информации в соответствующие службы.

Немаловажное значение имеет информационная работа среди населения – доведение информации о реальной ситуации, разъяснение степени опасности. Налаживание доверительного диалога между населением и властью – обязательное условие эффективной борьбы с последствиями вирусной пандемии.

Список литературы:

1. Hamidi S., Ewing R., Sabouri S. Longitudinal analyses of the relationship between development density and the COVID-19 morbidity and mortality rates: Early evidence from 1,165 metropolitan counties in the United States. Health & Place, 2020, vol. 64 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2020.102378 (дата обращения: 26.12.2020).

2. Sharifi A., Khavarian-Garmsir A.R. The COVID-19 pandemic: Impacts on cities and major lessons for urban planning, design, and management. Science of The Total Environment, 2020, Vol. 749, 142391 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.142391 (дата обращения: 26.12.2020).

3. Banai R. Pandemic and the planning of resilient cities and regions. Cities, 2020, vol.106, DOI: 10.1016/j.cities.2020.102929

4. Максимов А.Н., Соснин Д.П. Анализ долгосрочных перспектив развития городской среды населенных пунктов России и ее адаптации к последствиям пандемии COVID-19. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 20(122). С. 28-35.

5. Город после пандемии: каким будет городское планирование? [Электронный ресурс]. URL: https://mgsu.ru/news/Universitet/Gorodposlepandemiikakimbudetgorodskoeplanirovanie/?sphrase_id=3038781 (дата обращения: 06.01.2020).

6. Перспективы развития городской среды России и ее адаптции к последствиям COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://roscongress.org/materials/perspektivy-razvitiya-gorodskoy-sredy-rossii-i-eye-adaptatsii-k-posledstviyam-covid-19/ (дата обращения: 26.12.2020).

7. Зонирование, новые парки и гибкие здания [Электронный ресурс]. URL: https://sk.ru/news/zonirovanie-novye-parki-i-gibkie-zdaniya-zhenschinyurbanisty-o-tom-chto-zhdet-goroda-posle-pandemii/ (дата обращения: 06.01.2020).

8. Мастер-план апокалипсиса: что нужно учесть городам для борьбы с эпидемией [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5ea1aef09a794731b2717fca (дата обращения: 06.01.2020).

9. Гутерриш А. COVID-19 в урбанизированнном мире [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/coronavirus/covid-19-urban-world (дата обращения 26.12.2020).

Т. П. Притворова
профессор Карагандинского университета им. Е. А. Букетова
Д. М. Темирбаева
докторант PhD Карагандинского университета им. Е. А. Букетова
С. Г. Ши
преподаватель Карагандинского университета им. Е. А. Букетова

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРАКТИК

Аннотация. В статье представлена оценка системы поддержки домохозяйств в Казахстане в сравнении с критериями, которые применяются в статистической базе стран ОЭСР. Рассмотрены пять критериев: денежные выплаты для детей от 0 до 5 лет, продолжительность декретных и родительских отпусков, размер оплаты услуг детского сада, поддержка детей из малообеспеченных семей, качество услуг в детских дошкольных учреждениях. Для 10 базовых моделей домохозяйств Казахстана рассчитан коэффициент соотношения среднемесячного объема денежных выплат в сравнении со среднемесячной заработной платой в Казахстане.

Ключевые слова: домохозяйства с детьми, модель социальной поддержки, денежные выплаты, цена и качество услуг детских учреждений.

Семья является одной из фундаментальных точек опоры государства при проведении любой политики, даже если она непосредственно не упомянута в конкретном послании президента или стратегическом документе [1,2]. Социальная защита семьи в стремительно усложняющейся постиндустриальной экономике исходит из создания условий для максимально возможного выравнивания стартовых условий жизни для каждого члена общества.

На постсоветском пространстве сформирован значительный массив исследований такими авторами как Н. Зверева [3], В. Елизаров [4], В. Сидоров [5], В. Грибовский [6] и другими. Меры семейной политики рассматриваются в контексте формирования человеческого капитала такими авторами как О. Потапова [7], Г .Тюменцева [8], Т. Притворова и Д. Бектлеева [9] и другими. Результаты исследований говорят о значимом влиянии уровня доходов и поддержки домохозяйства на человеческий капитал детей.

Казахстанская система социальной защиты семьи (или как принято в экономических исследованиях – домохозяйств с детьми) создавалась и

совершенствуется с учетом наилучшего мирового опыта. Подтверждением этому являются периодические изменения в системообразующих законах.

Система поддержки семьи в контексте мировых норм и практик может быть оценена по пяти критериям, которые используются в статистической базе ОЭСР.

1-й критерий – Уровень поддержки семей с детьми от 0 до 5 лет в соотношении со среднемесячной заработной платой в стране, в %.

Критерий включает 4 показателя. Нами выделены группы стран по объемам и видам поддержки рождаемости и ухода в первые 5 лет жизни ребенка (табл. 1).

Таблица 1 – Уровень поддержки семей с детьми от 0 до 5 лет в соотношении со среднемесячной заработной платой в стране, 2017 г., в %

Уровень поддержки	**Все виды поддержки**	**Денежные выплаты и налоговые льготы**	**Услуги по уходу за детьми**	**Прочие блага**	**Образование**
		Количество стран, применяющих меру			
Свыше 200%	4	нет	нет	нет	нет
199-150	8	1	нет	нет	нет
149-100%	9	4	3	нет	нет
99-50%	8	15	12	нет	нет
Менее 50%	3	12	17	2	2

Примечание – составлено автором с использованием материалов источников [10,11].

Распределение элементов совокупности «количество видов поддержки в соотношении со средней заработной платой» является почти симметричным. Модальный вариант 9 видов поддержки осуществляется на уровне 100-149% от среднемесячной заработной платы по стране.

Для затрат на услуги по уходу за детьми модальным является вариант менее 50%, который реализуют 17 стран из 32.

Количество возможных денежных пособий, получаемых в связи с присутствием в семье ребенка/детей в Казахстане равно 9, что соответствует наилучшей практике стран ОЭСР.

Денежные выплаты в Казахстане регулируются Законом Республики Казахстан от 28 июня 2005 года № 63-III «О государственных пособиях семьям, имеющим детей» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2020 г.) [12].

В состав возможных выплат включены несколько пособий:

1. Пособие на рождение ребенка.
2. Пособие по уходу за ребенком до достижения им 1 года.
3. Пособие многодетной семье.

4. Пособие многодетной матери.

5. Пособие ребенку-инвалиду, которое выплачивается на каждого ребенка инвалида.

6. Пособие по уходу за ребенком инвалидом 1 группы выплачивается лицу, которое ухаживает за ребенком инвалидом.

Кроме этого на детей выплачивается пособие по потере кормильца, государственная адресная социальная помощь, жилищная помощь.

Первые два пособия относятся к группе универсальных пособий, которые выплачиваются всем семьям без исключения, в том числе для усыновленных и взятых под опеку детей.

Размеры одноразового пособия на 01.04.2020 года на 1 ребенка в объеме 3,2 прожиточных минимумов (далее ПМ) составили 105564 тенге, то есть фактически на уровне среднедушевых номинальных доходов населения, которые на начало 2020 года составляли 104 386 тенге.

Ежемесячно получаемые размеры пособия составляют 0,5 ПМ и при рождении третьего ребенка увеличиваются всего лишь до 0,8 ПМ, что составляет 0,6 МЗП (минимальной заработной платы).

Базовые модели домохозяйств и накопленная сумма денежной поддержки, связанной с детьми (за исключением одноразового пособия на рождение ребенка) представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Базовые модели домохозяйств и суммарная денежная поддержка

	Модели домохозяйств с детьми	**Суммарная денежная поддержка, тенге**	**Соотношение со среднемесячной заработной платой, %***
1	2 взрослых, 2 детей: 1 ребенок до года	44052,5	22,5
2	2 взрослых, 3 детей: 1 ребенок до года	46941,6	24,0
3	2 взрослых, 3 детей:1 ребенок до года, 1 ребенок-инвалид	138412,0	70,6
4	2 взрослых, 4 детей:1 ребенок до года	110925,5	56,6
5	2 взрослых, 4 детей: 1 ребенок до года, 1 ребенок-инвалид	202395,9	103,3
6	2 взрослых, 6 детей: 1 ребенок до года	153067,8	78,1
7	2 взрослых, 6 детей: 1 ребенок до года, 1 ребенок-инвалид	242454,7	123,7
8	2 взрослых, 16 детей: 1 ребенок до года, 1 ребенок-инвалид	353435,8	180,4
9	1 взрослый, 6 детей: 1 ребенок до года, 1 ребенок-инвалид, потеря кормильца	311384,2	158,9
10	1 взрослый, 16 детей: 1 ребенок до года, 1 ребенок-инвалид, потеря кормильца	422365,3	215,6

Примечание – составлено автором с использованием материалов источников [12,13].

Сравнение суммы поддержки со среднемесячной заработной платой в стране нами предпринято для обеспечения сопоставимости со статистической базой ОЭСР.

Как нами указано выше, для домохозяйств с детьми существует семь пособий поддержки, которые имеют единый национальный размер, и два пособия, которые применяются для малообеспеченных домохозяйств (государственная адресная социальная помощь и жилищная помощь). Размеры последних двух пособий отличаются в зависимости от среднедушевого дохода семьи и места её проживания, что является объективной трудностью для статистических обобщений.

Количество пособий составляет 9 видов, что согласно представленным в таблице 6 данным является максимально возможным для стран ОЭСР.

Модель №10 представляет домохозяйство, которое получает максимально возможное число универсальных национальных пособий (7 видов) для поддержки, и при этом частота таких домохозяйств является статистически заметной в Казахстане – 3%.

При этом соотношение суммарной величины пособий и среднемесячной заработной платы составляет 215,6%, то есть согласно данным таблицы 1, входит в первую группу с уровнем поддержки свыше 200%. Но учитывая исключительность ситуации и то обстоятельство, что попадание в данную группу было обусловлено численностью 16 и более детей и получением пособия «потеря кормильца», необходимо признать эту модель нетипичной. То есть, скорее исключением, чем правилом.

Все остальные модели входят по объемам поддержки в другие группы, представленные в таблице 1:

- в третью группу попадают модели №5 и №7.
- в четвертую группу входят модели №№ 3, 4 и 6.
- в пятую группу входят модели №№ 1, 2.

Попадание в третью группу по интенсивности поддержки (100-150% среднемесячной по стране заработной платы) связано с присутствием в семье ребенка-инвалида, наряду с факторами многодетности и ребенка до года. Фактически модели 7 и 6 отличаются только присутствием в модели 7 ребенка-инвалида. То же самое относится и к моделям 4 и 5.

Размер пособия для многодетной матери не играет значительной роли в повышении уровня поддержки, поскольку это пособие составляет всего 9% к среднемесячной по стране заработной плате. В то время как пособия по инвалидности и уходу за ребенком-инвалидом увеличивают уровень поддержки на 46,7% при переходе от модели 4 к модели 5; на 45,6% при переходе от модели 6 к модели 7.

В четвертой группе находятся модели 4 и 6, которые представляют «стандартную» многодетность без особенностей (без инвалидности, потери кормильца). В этой группе уровень поддержки составляет 50-100%. Разница между этими моделями составляет 21,5% среднемесячной заработной платы или приблизительно 42 тысячи тенге, которые призваны уловить разницу в пособии по многодетности для женщины и дополнительные средства для двух

детей. К этой же группе относится модель 3, которая является семьей с ограниченными возможностями, т.к. у нее один ребенок имеет инвалидность.

К пятой группе с уровнем поддержки 0-50% среднемесячной заработной платы относится 1 и 2 модель, представленные семьями с двумя и тремя детьми, которых в Казахстане большинство.

По первому критерию можно сделать вывод, что наиболее распространенные в Казахстане модели с двумя и тремя детьми поддерживаются на минимальном уровне до 25% среднемесячной по стране заработной платы, что на самом деле характерно для 12 стран из 32, входящих в статистическую базу ОЭСР.

Одновременно с этим, наиболее многочисленной группе стран ОЭСР (15 стран) с уровнем поддержки 51-100% соответствуют многодетные семьи с 4 и более детьми без особенностей, т.е. без инвалидности, потери кормильца.

К группе с высоким уровнем поддержки 100-150% относятся многодетные семьи с 4 и более детьми, один из которых имеет инвалидность.

К группе с наивысшим уровнем поддержки более 150% относятся многодетные семьи, получающие все возможные пособия и попавшие в рисковую ситуацию по причине потери кормильца.

Рассмотренные казахстанские пособия не зависят от:

– дохода родителей, в то время как половина стран ОЭСР проверяет доходы, а иногда активы семьи для получения пособия;

– характеристики семьи по признаку полная/неполная, т.е. родитель одиночка (специальное пособие есть в 24 странах) В результате разница в размерах пособия составляет в среднем по ОЭСР 9,4%;

– статуса родителя на рынке труда (занятый, частично занятый, безработный). Не применяются налоговые льготы для работающих родителей.

2-й критерий – Система отпусков, которые поддерживают работающих родителей во многих странах от рождения до максимально установленного возраста, отличающегося во многих странах.

Сравнение нормативно-правовой базы Казахстана с применяемыми в странах ОЭСР нормами, позволяет сделать вывод, что в нашей стране применяются среднестатистические нормы по основным параметрам продолжительности отпусков: материнского (18 недель) и родительского (36 недель). По данному критерию Казахстан соответствует средним по ОЭСР показателям продолжительности материнского и родительского отпуска: 18 и недель соответственно. Суммарная продолжительность отпуска равна 54 недели, что меньше 62 недель в среднем по ОЭСР за счет отсутствия в нормативно-правовой базе отпуска для отца с его продолжительностью 8 недель.

Отсутствие адресного отпуска для отца и стимулирующих его норм является негативной характеристикой пакета мер, а также невысокий уровень возмещения дохода в период родительского отпуска – 13%. В то же время, необходимо отметить, что примерно половина стран ОЭСР вообще не оплачивает родительский отпуск или делает это на уровне менее 30%.

3-й критерий – Доля оплаты услуг детского сада в соотношении со средней заработной платой в домохозяйстве.

Для Казахстана валовые сборы за пользование услугой детского учреждения составляют приблизительно 7,6% в сравнении со среднемесячной заработной платой по стране и таким образом находятся на уровне Швеции. Это гораздо ниже, чем страны ЕС – 22% и ОЭСР – 27,2%. Но если мы сравниваем чистые расходы, которые учитывают субсидии и льготы разного рода, то Казахстан с 9,2% находится на уровне средних по ЕС – 10,7%.

Поскольку льготы по оплате за посещение детского учреждения в Казахстане отсутствуют, то семья с двумя детьми и заработными платами 100% и 67% от среднемесячной заработной платы по стране, будет тратить 9,2% на услуги детского сада для двух детей.

4-й критерий – Поддержка детей из малообеспеченных семей.

Для малообеспеченных семей затраты на получение услуги детского сада для 1 ребенка составляют 16,4% ежемесячного семейного бюджета, для 2 детей – 33,8%, для трех детей 40%. Оплата за 2 или 3 детей выходит на значения в 3 и 4 раза выше, чем средние значения по ОЭСР.

Недостатком нормативного правового обеспечения действующего закона, на наш взгляд, является невозможность замены пособия государственной адресной социальной помощи субсидированием услуги детского сада, что, безусловно, решает проблему целевого использования данного пособия. Недостатком казахстанской модели является значение черты бедности ниже уровня прожиточного минимума

5-й критерий – Качество услуг в детских учреждениях воспитания и образования.

Соотношения воспитатель/воспитанник, контактный штат/воспитанник, учитель/ученик в начальной школе, которые являются базовым индикатором оценки качества услуги, в Казахстане почти в два раза превышают средние значения по ОЭСР. Эти показатели оценены нами экспертно. Негативной характеристикой является тот факт, что данные соотношения официально не отслеживаются ни статистикой, ни государственными органами. Соответствующие индикаторы отсутствуют в стратегических планах Министерства образования и науки.

Таким образом, казахстанская модель поддержки домохозяйств с детьми во многом удовлетворяет средним показателям по группе развитых стран ОЭСР. Семья с детьми может получать 9 видов пособий, что является наибольшей их численностью в группе ОЭСР. Продолжительность декретного и родительского отпуска вполне соответствуют средним значениям по странам ОЭСР.

В то же время, модель имеет ряд несовершенств, которые требуют корректировки. Наиболее распространенные в Казахстане модели семьи с двумя и тремя детьми поддерживаются на уровне до 25% среднемесячной по стране заработной платы, что является минимальным уровнем, но применяется в 12 странах из 32, входящих в статистическую базу ОЭСР.

Негативной характеристикой является отсутствие родительского отпуска для отца, отсутствие возможности замены адресной социальной помощи на услугу детского сада, а также величина черты бедности ниже прожиточного минимума.

Все выявленные нами недостатки нуждаются в корректировке, что позволит усилить поддержку домохозяйств с детьми.

Список литературы:

1. Послание народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» [Электронный ресурс]. URL: https://strategy2050.kz/ru/ (дата обращения: 21.12.2020).
2. 100 шагов по 5 институциональным реформам [Электронный ресурс]. URL: // https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet?lang=ru (дата обращения: 21.12.2020).
3. Елизаров В., Зверева Н. Домохозяйство, семья и семейная политика. М.: Диалог МГУ, 1997. 190с.
4. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Синица А Л., Потанина Ю А. Демографическая и семейная политика в странах СНГ. Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / под ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 169-181. («Демографические исследования», вып. 27).
5. Сидоров В. Семейная политика в системе государственной социальной политики // Власть. 2015. №11. С. 83-88.
6. Грибовский В. Семейная политика евроскептиков Германии, Австрии и Швейцарии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. Т.90. №3. С. 54-58.
7. Потапова О.И. Проблемы реализации государственной семейной политики // Молодой ученый. 2016. №21. С. 791-793.
8. Тюменцева Г.И. Государственная семейная политика: региональный аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018.Т.15. №4. С. 56-72.
9. Притворова Т.П., Бектлеева Д.Е. Доходы домохозяйств с детьми в Казахстане: рост уровня жизни при сохранении неравномерности распределения // Экономика: стратегия и практика. 2014. №3. С. 72-93.
10. Организация экономического сотрудничества и развития. База данных семей ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: // http://www.oecd.org/els/family/database.htm (дата обращения: 21.12.2020).
11. Организация экономического сотрудничества и развития. Статистическая база данных [Электронный ресурс]. URL: // https://stats.oecd.org/ (дата обращения: 21.12.2020).
12. Закон Республики Казахстан от 28 июня 2005 года № 63-III «О государственных пособиях семьям, имеющим детей» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.06.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30015071 (дата обращения: 21.12.2020).

13. Закон Республики Казахстан от 16 июня 1997 года № 126-I «О государственных социальных пособиях по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1007927 (дата обращения: 21.12.2020).

Т. А. Самойленко
магистрант Инновационного Евразийского университета[5]

«ВОЛОНТЕРСТВО» КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА (КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ)

Аннотация. В работе обобщается опыт организации и проведения мероприятий в рамках развития волонтерства в Республике Казахстан. Приводятся факты активизации добровольной помощи в период усиления карантинных мероприятий с привязкой к областям и регионам страны. В качестве эффективного источника ресурсного обеспечения волонтерских проектов приводится вариант грантового финансирования социально значимых проектов. Делается вывод о необходимости распространения положительного опыта менеджмента волонтерского движения в условиях кризиса.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, пандемия, грантовое финансирование.

С каждым днём растет армия волонтеров среди молодежи. Кто-то становится добровольцем, равняясь на старших, кто-то руководствуется девизом: «Никто кроме нас!», а многие понимают, что только совместно объединив усилия, можно оказать помощь нуждающимся людям, оказавшись один на один со своим недугом, бедой. Между тем, волонтерское движение является неотъемлемой частью социальных процессов, которые отражают мотивацию человеческого поведения, организацию социальных отношений и их закономерности посредством анализа социальных последствий экономических и других решений, принимаемых на различных уровнях управления человеческими ресурсами, как объекта управления внутри системы социального менеджмента.

В 2019 году Национальная волонтерская сеть Казахстана совместно с «United Nations Volunteer» и экспертами по развитию волонтерства провели исследование, нацеленное на анализ особенностей, трендов и тенденций волонтерских движений в четырнадцати областях и трех городах республиканского значения. Период исследования пришелся на октябрь-

[5] Научный руководитель: Давиденко Л.М., канд. экон. наук, доцент Инновационного Евразийского университета

ноябрь 2019 года. Данное исследование было организовано в рамках проекта «Реализация программы малых грантов для развития волонтерских инициатив» от НАО «Центр поддержки гражданских инициатив» и Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан. В исследовании приняли участие 2384 респондентов со всего Казахстана, из них 72% женщин и 28% мужчин. При этом из выборочной совокупности 30% составили респонденты моложе 18 лет, а 30% – люди в возрасте от 18 до 25 лет, оставшиеся – лица от 25 лет и старше.

Картина сложилась следующая. На вопрос: «Волонтерство – это …» около 30% респондентов ответили, что понимают волонтерство как «добровольное или безвозмездное оказание помощи нуждающимся, что под собой подразумевает благотворительность»; 53% респондентов ответили, что в их понимании волонтерство – «любая бескорыстная деятельность, направленная на решение социальных проблем, что может включать в себя все остальные виды социально-гражданской активности, помимо благотворительности». Результаты ответов респондентов на вопрос «Волонтерство – это …» представлены на рисунке 1.

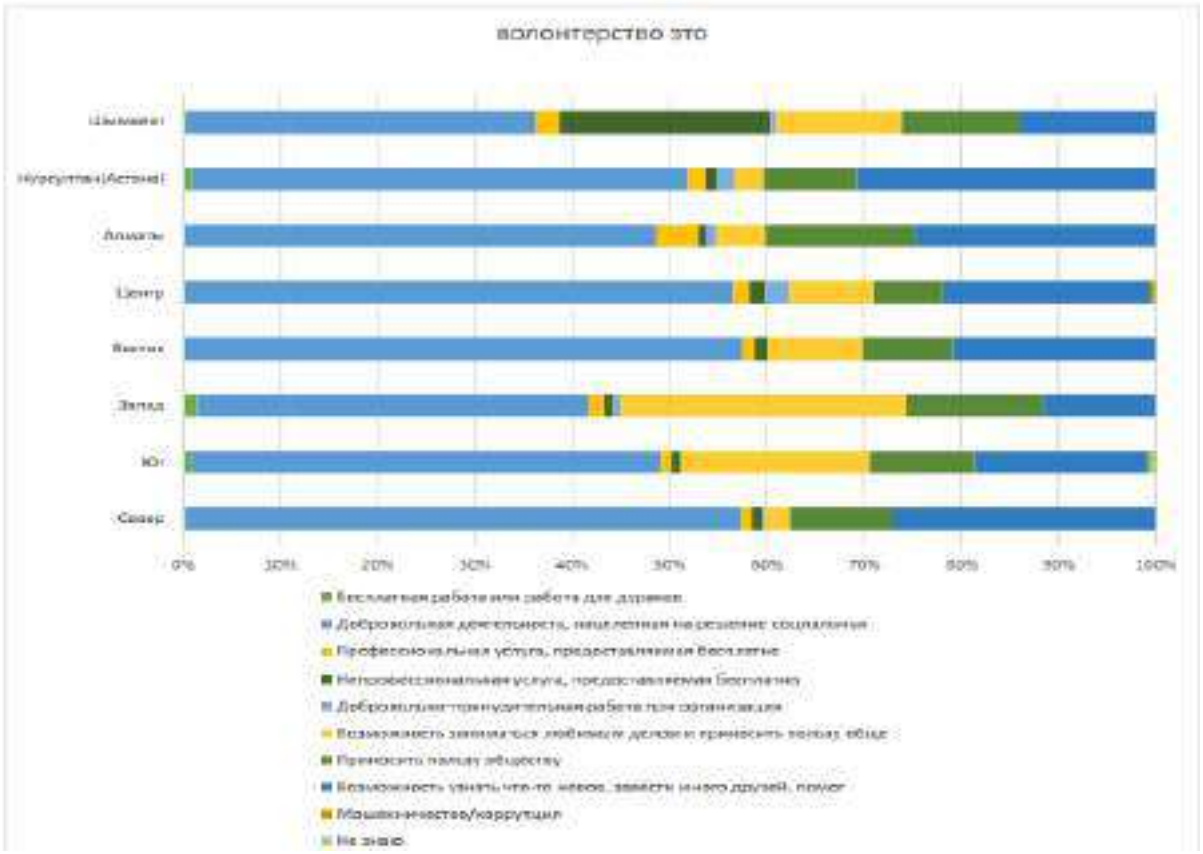

Рис. 1. Понимание термина «волонтерство» населением Республики Казахстан (по источнику [1])

С точки зрения готовности оказать помощь при чрезвычайных ситуациях, значительный процент респондентов отметил высокий уровень готовности (до 90%). Единственная разница между регионами – это то, каким образом респонденты готовы оказать эту помощь. Согласно данной таблице,

они готовы оказать любую помощь, включая материальную. Результаты ответов респондентов на вопрос «Готовность людей помогать другим в случае ЧП» представлены на рис. 2.

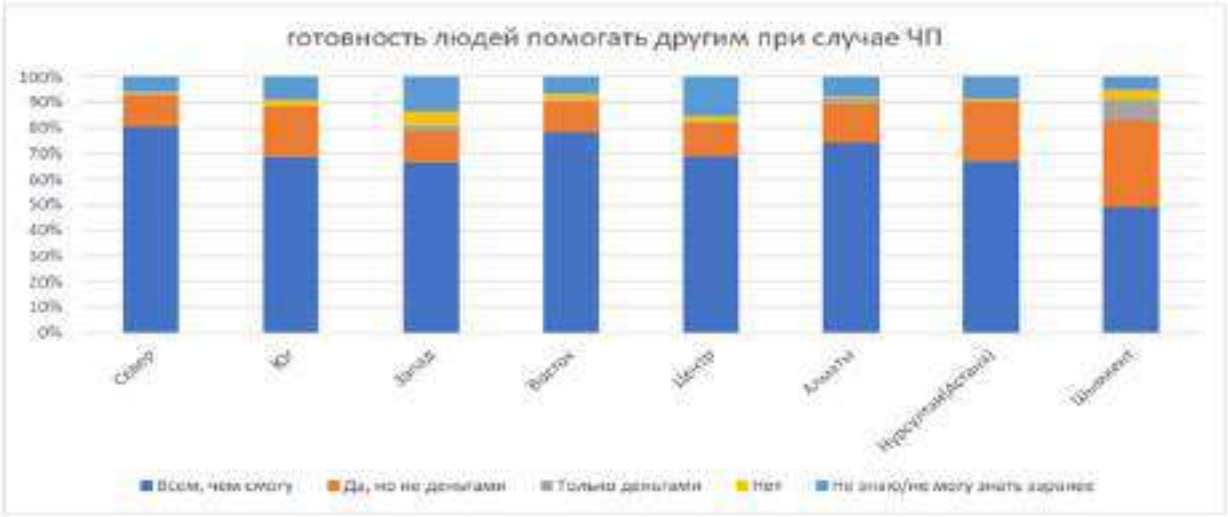

Рис. 2. Готовность людей помогать другим в случае ЧП
(по источнику [1])

Интересен факт, что еще год назад, когда Российская Федерация проводила «Год волонтера», а Казахстан принимал «эстафету» у соседей, Президент Касым-Жомарт Токаев объявил о том, что 2020 год станет в Казахстане «Годом волонтера» [2]. Тогда никто и не догадывался, какой вызов добровольцам бросят современные реалии окружающего мира. Объявленная в марте 2020 года Всемирной организацией здравоохранения пандемия активировала работу волонтеров. При проявленной активности, набирающей ежедневные обороты, мы столкнулись с определенными ограничениями. Например, стало невозможным проводить традиционные благотворительные акции, ярмарки, концерты с привлечением горожан, организацией массовых мероприятий.

Из собственной практики хочется отметить, что приходилось искать новые формы работы, объединять усилия с волонтерскими организациями из других регионов. При введении весеннего локдауна в небольшом городе Аксу с населением 50000 человек посредством Общественного Объединения «В единстве сила Аксу» был организован колл-центр, где волонтерами принимались звонки от горожан и жителей всего района [3]. Призывы о помощи носили разный характер: «покупка продуктов, лекарств»; «выезд в областной центр»; «организация похорон»; «приобретение детского питания, обуви, одежды» и другое. Важно подчеркнуть, что оперативная помощь оказывалась всем обратившимся без исключения. Положительным примером для молодежи служат поступки людей, включая не состоявших в волонтерских организациях, но по велению сердца оказывавших помощь другим. Рискуя личным здоровьем, здоровьем близким, волонтеры доставляли лекарства и продукты, спасали жизни, находясь в «красной зоне» рядом с докторами, дежурили и доставляли горячую пищу на районные блокпосты.

Наряду с распространявшейся эпидемией, жизнь не стоит на месте: близких, друзей, малознакомых людей настигают чрезвычайные бедствия, другие недуги, в таких ситуациях волонтеры безотложно приходили на помощь. Форма и методы проведения спасательных мероприятий связаны с образованием официальных организаций. В частности, «Волонтерское движение «LIDER.KZ», непрерывно занимается работами по поиску без вести пропавших людей; процесс начинается с момента обращения близких в отряд, а затем, совместно с правоохранительными органами, осуществляется расклейка ориентировок, распространение информации в СМИ, поквартирный и подворный обходы, опрос жителей [4]. В течение 2020 года, благодаря сплоченным действиям участников, было найдено четыре пропавших человека.

Стоит отметить, что идеи волонтерского движения имеют реальные шансы на победу в конкурсах грантового финансирования. Например, республиканской командой волонтеров разработан и предложен к реализации проект «Островок безопасности», признанный победителем на конкурсе малых грантов. Согласно заложенным в него мероприятиям, на территории города Алматы планируется расположить «островки безопасности», на которых потерявшимся людям смогут оказать необходимую помощь. При положительных откликах населения данный опыт будет распространен по всей республике.

Еще одной организованной формой волонтерского движения является так называемый «Общественный контроль», в котором на безвозмездной основе проводится мониторинг медицинских учреждений, аптек, мест общественного скопления людей на предмет соответствия требованиям, предъявляемым к данным организациям в период профилактических мер по борьбе с COVID-19.

Возвращаясь к социологическому исследованию 2019 года и предположив, что оно будет проведено в 2020 году, результаты могут получиться разительными в сравнении с предыдущими данными. Среди учёных бытует мнение, что «волонтерство – это социальный феномен нашего времени». Выскажем свою точку зрения. Разве может быть удивительным то, что изначально природой заложено в человеке? Человечность изначально присуща каждому разумному существу, но иногда необходим толчок – «катализатор» для её пробуждения, и тогда сущность каждого становится отражением реалий нашего времени.

Пандемия сплотила людей независимо от достатка, пола, возраста, конфессий; все в едином порыве помогают друг другу, потому что беда не бывает чужой, потому что в этом и есть предназначение каждого Человека!

Список литературы:

1. Исследование волонтерства в Казахстане 2019 // Национальная волонтерская сеть, 2019. С. 3-15 [Электронный ресурс]. URL: https://qazvolunteer.kz. (дата обращения: 25.11.2020 г.).

2. Указ Президента Республики Казахстан № 135 «Об объявлении Года волонтера» [Электронный ресурс]. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000135 (дата обращения: 25.11.2020 г.).

3. Официальная страница ОО «В единстве сила Аксу» [Электронный ресурс]. URL: https://instagram.com/club_dobryakov_aksu?r=nametag (дата обращения: 25.11.2020 г.).

4. Официальная страница Поисково-гуманитарного отряда города Аксу «LiDER.KZ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.instagram.com/volontery_aksu_lider_kz?r=nametag (дата обращения: 25.11.2020 г.).

Е. И. Турова
доцент Тюменского государственного медицинского университета
Л. Г. Черемных
доцент Тюменского государственного медицинского университета

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1970-1980 ГГ.)

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать особенности демографической политики в Тюменской области в 1970-1980 гг. Выявлены причины повышения рождаемости в 1970-е гг. и ее снижение в 1980-х – начале 1990-х гг.

Используемые в работе статистические данные и материалы периодической печати позволяют понять региональную специфику демографических мероприятий и объективно оценить их эффективность.

Ключевые слова: демографическая политика, демографические мероприятия, рождаемость, репродуктивный возраст, смертность.

Демографическую политику в Тюменской области в 1970-1980 гг. невозможно рассматривать отдельно от становления нефтегазодобывающего комплекса. Интенсивное освоение и обустройство сибирских месторождений предполагало привлечение молодых, грамотных, физически развитых специалистов, способных вынести все невзгоды сурового климата. Как справедливо заметил первый секретарь Тюменского областного комитета КПСС Б.Е. Щербина: «буйство молодости породило буйство нефтяной промышленности» [4, с. 94].

В результате проводимой демографической политики север Западной Сибири стал в 1970 гг., пожалуй, самым «молодёжным» во всем СССР. «Средний возраст жителя Нефтеюганска – 24 года. В древнем Сургуте... 26 лет. Средний возраст кандидата наук – 28 лет...» [4, с. 94]. В 1980-е гг. возрастной состав северных городов оставался практически неизменным.

Об этом свидетельствуют данные трудовых коллективов. Так, нефтяников рабочих профессий моложе 30 лет было 51 %, 40-50 лет – 44% и от 50 лет и выше – всего 5 % [9, с. 228].

Возрастная специфика населения Тюменской области требовала разработки особой региональной программы демографической политики, которая была успешно реализована. Уже в 1970-х гг. рост рождаемости в Тюменской области был большим, чем в целом по стране. В СССР прирост составил 0,9 %, а в Тюменской области 2,7 % [5, с. 82]. Связано это с тем, что в области были построены новые больницы, дополнительные детские лечебные отделения, увеличено количество женских консультаций. Кроме того, с 1970 по 1972 гг. уменьшается заболеваемость детей пневмонией и дизентерией. Если в 1970 г. из 1000 детей пневмонией болели 55 человек, то в 1971 г. этот показатель снизился до 30 человек [5, с. 82].

Так же в этот период происходит и снижение материнской смертности при родах. Больницы снабжают современным, на тот момент, оборудованием, которое позволяло выявить серьезные заболевания на ранних сроках. Так, например, в г. Ханты-Мансийске была открыта новая лаборатория, которая позволяла при профилактических осмотрах выявлять самые ранние формы заболеваний [1, л. 33]. В результате только по Ханты-Мансийскому округу материнская смертность снизилась с 17,7 до 3,3 на 10000 родов [1, л. 32].

В 1970-е гг. открываются новые родильные дома в Сургуте, Нижневартовске, Советском, что сказывается на рождаемости [1, л. 32]. Однако все положительные перемены в области охраны здоровья матери и ребенка происходили на севере области, в молодых нефтегазовых городах.

Но если демографические мероприятия на севере Западной Сибири проходили весьма успешно, то на юге области, даже в областной столице, положение было иным. В Тюмени в этот период закрывают гинекологическое родильное отделение, так как оно размещалось в купеческом доме, который был построен еще в первой половине XIX века. Там могло помещаться только 100 рожениц, но их всегда было больше, и такая скученность приводила к вспышке заболеваний [3, л. 46]. Закрыли роддом только потому, что там стал проваливаться пол. В итоге в городе осталось работать только одно гинекологическое отделение, которое оказывало только экстренную помощь женщинам. В целом, в Тюмени обеспеченность гинекологическими койками была в два раза ниже средних показателей по стране [3, л. 46].

Повсеместно изменяется ситуация в конце 1980-х – начале 1990-х гг., ухудшается демографическая обстановка в стране. Можно выделить две основные причины падения рождаемости. Во-первых, в детородный период вступает «малолюдное поколение» 1960-х гг., а во-вторых, ухудшается социально-экономическая обстановка в стране. Так, в 1991 г. число родившихся сократилось на 31% в сравнении с 1987 г. [7, с. 1].

В Тюменской области возрастает количество женщин, умерших в результате осложнений беременности и родов, если в 1989 г. их было 26, то в 1991 – 38 [6, с. 21].

Чтобы снизить смертность, правительство Тюменской области в конце 1980-х гг. решает создать объединенные комплексы акушеров, терапевтов и педиатров, планировалось объединить работу женских консультаций и детских поликлиник [2, л. 9]. Но работа продвигалась медленно и полностью так и не была реализована.

В конце 1980-х гг. в области снижается уровень младенческой смертности (табл. 1). Причина была в падении рождаемости в целом в эти годы. В 1990 г. рождаемость в области упала до чрезвычайно низкого уровня – 15,9 родившихся в расчете на 1000 человек населения [8, с. 4].

Таблица 1 – Число детей Тюменской области, умерших в возрасте до 1 года [6, с. 22]

Годы	**Оба пола**	**Мальчики**	**Девочки**
1988 г.	1215	720	495
1989 г.	1034	608	426
1990 г.	933	554	379
1991 г.	851	507	344

В этот период причиной снижения рождаемости является закономерное сокращение доли женщин репродуктивного возраста. С 1985 по 1990 гг. число таких женщин сократилось с 22,4% до 17,5 % [6, с. 22], так как в 1980-е гг. в возраст интенсивного деторождения вступило малочисленное поколение женщин, родившихся у матерей военных лет рождения.

Снижение уровня рождаемости, начавшееся в конце 1980-х гг., привело к уменьшению доли детей в общей численности населения. На начало 1991 г. доля лиц в возрасте до 15 лет составила 30,1 % населения Тюменской области [10, с. 97].

Таким образом, демографическая политика Тюменской области, тесно связана с освоением нефтегазовых месторождений северных районов области. Необходимость в привлечении молодых кадров обусловливала особенности демографической политики. Проводимые в регионе мероприятия были направлены на повышение рождаемости и оказание качественной медицинской помощи при родовспоможении. Особое внимание уделялось также уходу за детьми и профилактике детских заболеваний. Все это благотворно влияло на повышение уровня рождаемости и снижение смертности. Оптимистичную статистику не портили даже показатели юга Тюменской области, где ситуация складывалась не так хорошо. Однако, уже к концу 1980-х гг. вслед за ухудшающейся демографической обстановкой в стране регион теряет свои позиции и достигает уровня общереспубликанских показателей.

Список литературы:

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (далее – ГБУТО ГАСПИТО) Ф. 107. Оп. 1. Д. 2376.
2. ГБУТО ГАСПИТО Ф. 135. Оп. 80. Д. 32.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» Ф. 1725. Оп. 1. Д. 887.
4. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976. 165 с.
5. Население Западной Сибири в XX веке/ Отв.ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск, 1997. 169 с.
6. Некоторые показатели, характеризующие положение детей в области: статистический материал. Тюмень, 1996.
7. О состоянии демографической обстановки и защищенности отдельных слоев население области. Тюмень, 1992.
8. Основные показатели развития здравоохранения Тюменской области за 1985-1990 гг. (Статистический сборник). Тюмень, 1991. 256 с.
9. Очерки истории Тюменской области. / Под общ. ред. В.М. Кружинова. Тюмень, 1994. 270 с.
10. Попенко Е.В., Чимаров В.М. Репродуктивное здоровье семьи-индикатор медицинских и социальных проблем современного общества // Роль женщины-матери в современном обществе. Материалы областной научно-практической конференции. Тюмень, 1999.

Студенческая сессия

В. О. Бабушкин
курсант Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова[6]

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности самореализации молодёжи через изобразительное искусство в рамках виртуального пространства. На основе результатов авторского исследования определены базовые затруднения молодёжного сообщества, реализующие свой творческий и коммерческий потенциал. Определены основные направления помощи молодым художникам в цифровом сообществе.

[6]Научный руководитель: Грошев И.Л., канд. социол. наук, профессор ТВВИКУ имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

Ключевые слова: творчество, творческая молодёжь, цифровое общество, виртуальная коммуникация, потенциал молодёжи.

В последнее десятилетие виртуальное пространство стало базовой площадкой для популяризации творчества, а также для самореализации творческой молодёжи. Благодаря повышению интенсивности информационного обмена значения и смыслы стали меняться стремительно, само искусство также приобрело свойства высокой изменчивости, в отдельных случаях, в ущерб стилевой характеристике. Молодые люди, в том числе и курсанты, получают возможность выразить свои ощущения только в рамках сети Интернет, так как многие ранее доступные офлайн формы самовыражения и ознакомления с предметами культуры также переходят в виртуальную среду [2, с. 41].

Современное искусство иногда называют актуальным или концептуальным искусством. В разное время, начиная со второй половины XX века, существовало своё актуальное искусство, всё то, что было до, относилось к модерн-арт (современное искусство), а актуальное искусство официально попало в направление постмодерн [1, с. 76]. Например, знаменитый американский художник Энди Уорхолл являлся деятелем именно актуального искусства и создавал свои работы в стиле поп-арт. Также французский художник Марсель Дюшан, находившийся практически у истоков образования актуального искусства со своими авангардными работами в стиле минимализма, кубизма и поп-арта, сформировал новый подход в направлении «быстрого» искусства, которое характеризуется относительно быстрым процессом создания и быстрой сменяемостью другими трендами и продуктами [5, с. 82].

К особенностям современного молодёжного искусства относят несколько разнонаправленных тенденций.

Ориентация на кратковременность потребления продукта. Распространённые движения из разряда стикер-арта или стикер-бомбинга пришли на смену граффити и монументальному уличному искусству. В сюжетах стикеров зачастую присутствует политический или социальный подтекст. В цифровом пространстве подобную функцию несёт мем-культура, существенно увеличивающая количество произведений по актуальной тематике.

С другой стороны, присутствует неограниченная длительность хранения образцов творчества без утраты его качества. Вместе с кратковременными ориентирами части изобразительного творчества существует вероятность неограниченно длительного хранения творчества на серверах в рамках различных порталов и тематических площадок. Создавая продукт, художник осознаёт перспективу длительной жизни своего труда. Монетизация заказов приводит к тому, что остальные направления и сюжеты на определённое время могут почти полностью утратить свою актуальность, что не позволяет раскрывать художнику собственный взгляд на творчество. Конфликт интересов собственной личности и общественного признания в данном случае является определяющим в поведении творческой молодёжи [3, с. 55].

Широкая аудитория относится к продуктам искусства достаточно специфично, предпочитая наиболее простые художественные формы и бытовым, «злободневным» сюжетом. Данный факт является результатом стремления молодых людей отвлечься от сложных социальных взаимоотношений [4, с. 335]. По этой причине тематика художественной продукции приобретает некоторое среднее значение между образцами массовой и народной культуры, создавая эффект вирусного концепта.

Анонимность искусства в цифровой среде обусловлена высоким уровнем сложности защиты собственного творчества. Зачастую авторы не способны отследить нелегальное использование собственного труда.

Таким образом, цифровое искусство формирует специфическую среду для деятельности художников, которая по-своему воздействует как на их аудиторию, так и на самих создателей. С целью выяснения качества влияния цифрового искусства на творческую молодёжь, было проведено исследование методом полуформализованного интервью, в котором приняли участие 72 человека в возрасте 18-30 лет, занимающихся созданием цифровых образов для массовой аудитории (как под заказ, так и в рамках косвенной монетизации сообщества) в социальных сетях (ВКонтакте, Инстаграм).

Таким образом, среди преимуществ цифрового искусства молодые люди отметили относительную простоту создания работ, возможность неограниченных правок и формирования новых продуктов на основе имеющихся наработок.

Однако в то же время художникам трудно поддерживать проект более трёх лет без эмоционального выгорания. Данный факт препятствует формированию преемственности контента и развитию идеи в полноценный популярный продукт, способный закрепиться в массовом сознании продолжительное время. Опрошенные отметили, что на качественную раскрутку проекта требуется минимум 1-1,5 года, ввиду чего их интерес к идее угасает быстрее момента его действительной востребованности в обществе. По этой причине отмечалась высокая частотность феномена, в рамках которого заимствованные ранее невостребованные идеи в итоге смогли завоевать большую популярность, нежели в исполнении исходного автора, который не смог удержать собственный интерес к проекту достаточное время.

Представители творческой молодёжи, работающие под заказ (создатели шаблонов, моделей к играм, тематических изображений героев), сравнили свою работу с производственным конвейером и отметили низкую удовлетворённость своим трудом. Молодые люди считают коммерческую деятельность вынужденной и нежелательной, так как творческие идеи нестабильны и требуют определённого настроя.

Другой проблемой цифрового мира молодые люди обозначили шаблонность востребованных сюжетов. Молодые люди отмечают, что большая часть аудитории предпочитает видеть максимально простые бытовые сюжеты, коррелирующие с их собственной жизнью или отражающие их настроение (в большинстве случаев – депрессивное). Наибольшую удовлетворённость творческим трудом отметили те художники, которые

сумели отстоять право на собственный стиль и авторские темы. Собственную аудиторию они оценивают с преимущественно положительной стороны, хотя её активность в среднем в 3-4 раза уступает сообществам с массовым продуктом. Также численность участников подобных групп в среднем в 1,5-2 раза меньше.

Конкуренция в области цифрового искусства зачастую сопровождается публичными дискуссиями и конфликтами между художниками одной направленности. В качестве примеров были приведены скандалы вокруг запуска в продажу стикеров с голубем (условно похожим на авторского голубя Геннадия), а также случаи прямой кражи авторского продукта. Соответственно, авторское право утрачивается не только на стадии непосредственного сюжета, но и на уровне концепции персонажей и специфического стиля.

Негативным является тот факт, что только десятая часть творческой молодёжи имеет представление о способах защиты своих авторских прав. Каждый второй художник признаёт возможность утраты авторства над своим продуктом, поэтому не всегда вкладывается в качество его исполнения. По признанию одного из интервьюируемых, он создаёт «средний продукт, достаточный для востребованности аудитории, но минимально затратный с точки зрения ресурсов».

Решить указанные проблемы можно посредством комплекса мероприятий.

1. Сформировать профессиональные сообщества по защите прав российских художников.
2. Выработать методы поиска и определения фактов хищения продуктов, блокирования недобросовестных сообществ.
3. Наладить процедуру централизованного информирования молодых художников о правилах работы в сети и методах защиты прав.
4. Объединить усилия департамента по спорту и молодёжной политике с выставочными центрами и площадками для популяризации творчества художников (без условий членства в конкретных проектах).
5. Проводить массовые конкурсы для представителей художественного сообщества с целью популяризации и коммерциализации авторского стиля человека.

Таким образом, продвижение цифрового искусства в сфере изобразительного творчества испытывает затруднения в обеспечении нормативного закрепления авторских прав, а также в значительной мере ориентируется на своего потребителя. В развитии творчества присутствуют разнонаправленные тенденции, которые, в свою очередь, формируют условия для расслоения в среде творческой молодёжи. Массовость изобразительного искусства во многом упрощает его, но, с другой стороны, позволяет тиражировать единую концепцию разнообразными способами, обеспечивая максимальный охват целевой аудитории.

Список литературы:

1. Акунина Ю. А. Протестное искусство в молодёжной среде: социально-культурный анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5. С. 76–83.
2. Ванюшкина Л. М. Развитие через искусство: специфика организации исследовательской деятельности студентов художественного вуза // Вопросы культурологии. 2017. № 1. С. 41–47.
3. Грошева И. А., Грошев И. Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. №2. С. 54–62.
4. Грошева Л. И. Специфика интернационализации образования в мультикультурном аспекте // Сборник материалов XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения-2017». «Университет в глобальном мире: новый статус и миссия», 20-21 февраля 2017 г. – М: Издательство: ООО «МАКС Пресс», МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. 2017. С. 334–336.
5. Шестаков В. П. История американского искусства. В поисках национальной идентичности. М.: Рип-холдинг, 2013. 454 с

А. В. Мекаева
студентка Филиала АНО ВО «ИДК»
в Тюменской области[7]

ПРИЧИНЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема наркотизации в молодежной среде. На основании эмпирических данных выявлена структура потребляемых ПАВ и причины наркопотребления. Предложены направления профилактической работы с молодежью.

Ключевые слова: молодежь, психоактивные вещества, наркопотребление, профилактика, общество.

В разных странах в различные времена люди использовали наркотические вещества, с помощью которых пытались изменить настроение. Если изучить степень распространения алкогольных напитков, то можно выявить определенную закономерность. В странах, где преобладает выращивание зерна, чаще употребляют пиво и крепкие напитки; в тех странах, где выращивают виноград – преобладает вино. Использование табака, конкурирующего с алкоголем по распространению, приобрело глобальный характер. Особую тревогу вызывает распространение среди молодежи

[7] Научный руководитель: Грошева И.А., канд. социол. наук, доцент Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

веществ, изменяющих сознание. Исследование причин употребления молодыми людьми психоактивных веществ приобретает особую актуальность в современных условиях, поскольку для современной молодежи социальные риски создания неадекватного «культа счастья» достаточно высоки. Многие исследователи указывают на появление новых моделей употребления наркотических веществ в молодежной среде, на факт отсутствия полноценных статистических данных и исследований в этой области [3]. Злоупотребление наркотическими веществами среди молодежи является трагичным и гибельным, потому что из-за этого начинается разрушение настоящего и будущего общества. Губительным является и то, что все чаще производятся новые и новые препараты, которые еще не успели включить в список наркотиков. Как показывается практика, чаще всего наркотики, не включенные в список ранее известных, приносят больше вреда.

Объект исследования: молодежь в возрасте от 17 до 25 лет. Предмет исследования: причины употребления психоактивных веществ (ПАВ) в молодёжной среде.

Цель исследования – изучить причины употребления молодежью психоактивных веществ и определить направления профилактики наркопотребления.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Осуществить статистический анализ наркопотребления в молодежной среде.

2. Провести анализ высказываний молодых людей в сети Интернет об употреблении ПАВ.

3. Выявить структуру потребляемых веществ на основе интервью.

4. Определить направления профилактической работы среди молодежи.

Методы исследования: статистический анализ; анализ историй жизни молодых людей, употреблявших наркотические вещества (55 историй); неформализованное интервью.

Официальная статистика МВД по наркозависимым в России на начало февраля 2020 года, указывала на сокращение количества потребителей психотропных веществ на 7,5%, в том числе среди подростков – на 24%. По мнению представителей МВД, ситуацию с наркопотреблением в стране удалось стабилизировать [2]. По данным Главного управления по контролю над оборотом наркотиков МВД России, в России в 2020 году насчитывалось 6 млн. наркозависимых:

– 20% от общего их числа – школьники 9-13 лет;
– 60% – молодые люди 16-30 лет;
– около 20% – старше 30 лет [5].

Однако следует учесть, что официальная статистика регистрирует лишь тех, кто состоит на учете. Большинство молодых людей не обращается за медицинской помощью, опасаясь потерять работу или из-за нежелания вставать на специализированный учет. Для лечения в платной клинике не всем хватает средств, а те, кто прошел в них реабилитацию, в официальную

статистику не попадают. Не учитываются и потребители тех препаратов, которые официально не включены в группу наркотических веществ. Поэтому реальные масштабы проблемы, гораздо шире.

Молодежь и подростки в современном обществе считают, что наркотики и алкоголь – это часть их повседневной жизни, без которой им не обойтись. Сейчас молодежь, находясь в различных компаниях, на дискотеках или «тусовках», не могут обойтись без веществ, создающих иллюзию «веселости».

Анализ историй молодых людей, употреблявших наркотические вещества, найденных автором статьи в сети Интернет, показал высокую степень их типичности. Всего было подвергнуто анализу 55 историй. Выявлено, что впервые подростки начинают принимать наркотики в возрасте 10-14 лет. В своих историях они отмечали, что начали употреблять наркотические вещества для того, чтобы «понравиться старшим товарищам», «быть интересными для своих сверстников», «казаться взрослее и круче». Подтверждается версия М.Е. Поздняковой и В.В. Брюно о распространении мягких «рекреативных» моделей потребления [3]. Но выделялись и такие, кто говорил о том, что употребляли с целью уйти от проблем, не выдержав домашнего насилия. Некоторые авторы отмечали также, что причиной употребления наркотиков является социально-экономическое неравенство [1]. Наркотики легко распространяются в больших городах, где очень популярными оказались такие места как дворы, торговые центры, клубы, места вблизи учебных учреждений. Кто-то брал или даже крал наркотические вещества у знакомых наркоманов и даже родственников.

Анализ историй молодых людей, изложенных в интернете, показал, что большая часть из них – 31 человек считает, что употребление наркотических средств «помогает забыть о проблемах» и «приносит приятные ощущения». «Интерес к риску» в связи с потреблением наркотиков обнаружили 16 студентов. Начали прием наркотических препаратов «от скуки» – 14 человек, «считают наркотики необходимым элементом молодежных вечеринок» 5 человек. Среди мотивов употребления наркотических веществ преобладал поиск необычных ощущений и переживаний. Изучение «Исповеди наркомана» (такое условное название получил письменный рассказ молодого человека о своей жизни) позволил выявить ряд причин, из-за которых он начал употреблять наркотические вещества. Самым первым шагом стало непонимание со стороны классного руководителя, недооценка его как личности. Она не поддержала его, когда решался вопрос о том, исключат ли его из школы, а наоборот, всячески способствовала его уходу из учебного заведения. Следующей причиной было отсутствие заинтересованности в школьных предметах. Но самой главной причиной стало непонимание со стороны педагогов в вузе и, как следствие, неуспеваемость в институте с последующим отчислением. Преподаватели не хотели идти ему на встречу, а может быть, даже не хотели замечать, что у молодого человека есть какие-то проблемы. Возможно, его судьба сложилась бы по-другому, если бы он получил нужную ему поддержку и внимание в школе. Не начались бы проблемы со школьными предметами и с успеваемостью в институте, если бы

педагоги более внимательно отнеслись к его проблеме. Может быть этот молодой человек, благодаря поддержке, добился бы огромных успехов в учебе и не опустился бы на дно.

В ходе интервью, проведенных среди знакомых (N=28), посещающих клубы, «вписки» и другие места, где много молодежи, выявлены наиболее популярные употребляемые в молодежной среде вещества. На диаграмме (рис.1) представлено, какие наркотики чаще всего называли знакомые молодые люди.

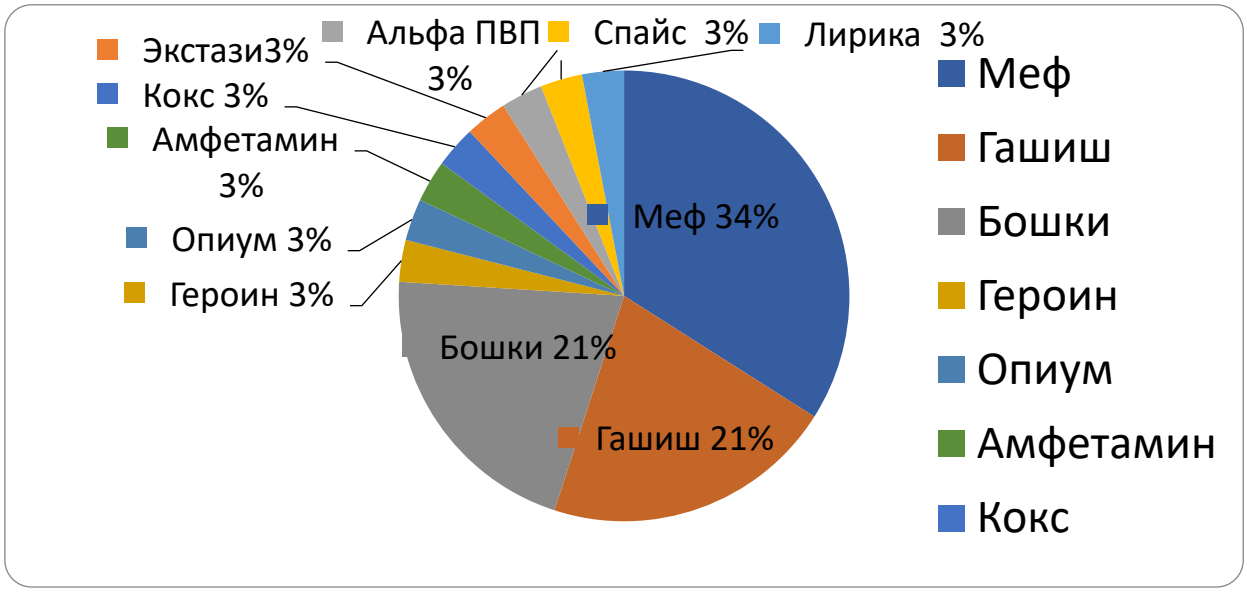

Рис. 1. Перечень наркотических средств, пользующихся популярностью в молодежной среде, %

Поученные результаты вызывают определенное беспокойство, поскольку доминирующим веществом оказался так называемый «меф» – сокращенное название синтетического наркотика мефедрон. Невысокая стоимость делает его весьма популярным на вечеринках и тусовках. Он дает эффект бодрости, человек может танцевать всю ночь, однако возникают серьезные последствия, проявляющиеся в виде повышенной агрессии и панических атак. К сожалению, на государственном уровне пока не разработаны эффективные методики лечения зависимости от синтетических наркотиков. «Бошки» на молодежном сленге – цветки конопли. Существует заблуждение, что это – легкий наркотик. Последствия употребления – расстройство деятельности важнейших органов человека, таких как печень, легкие, способствует нарушению кровотока. Доступность некоторых наркотических средств, к сожалению, создает условия для новых наркоэкспериментов, заставляя молодых людей попадать в опасные ловушки.

Для осуществления дальнейших исследований представляется важным выяснить, почему одни легко становятся наркозависимыми, а другие не поддаются пагубному влиянию, иными словами, важно выявить факторы, влияющие на молодежную наркотизацию.

В заключение исследования, необходимо отметить, что если у подростка выработан внутренний моральный запрет, самостоятельность, если отсутствует «инстинкт толпы», имеется богатый духовный мир, наркомания ему не грозит. Защита подрастающего поколения от пагубного влияния алкоголя и наркотиков возможна при проведении комплекса воспитательных, санитарно-просветительных, ограничительных и медицинских мероприятий.

Родители и другие взрослые, играющие важную роль в жизни ребенка, должны принимать активное участие в стратегии антинаркотического просвещения, а именно – организация досуга детей и активное вовлечение в различные культурные, социальные, спортивно-оздоровительные мероприятия [4]. Профилактика наркомании в молодежной среде должна быть направлена на предотвращение случаев употребления среди тех, кто никогда не употреблял. С другой стороны, необходимо обеспечить своевременную помощь тем, кто имеет признаки зависимости от наркотиков, но еще не страдает необратимой зависимостью от них.

Необходимо ввести строгий контроль в СМИ, в частности, в интернете и исключить любую возможность рекламирования наркотических веществ, а тем более их изготовления и покупки. Следует всячески предотвращать спровоцированное со стороны заинтересованных лиц приобщение молодежи к наркотикам, алкоголизму, курению путем формирования установки на здоровый образ жизни и активную социальную позицию молодежи.

Список литературы:

1. Дамбаева Д.Б. Молодежный наркотизм // E-Scio. 2019. №11(38). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-narkotizm (дата обращения: 15.12.2020).

2. Доклад о наркоситуации в российской федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: https://xn--74-6kca7ehel.xn--p1ai/upload/iblock/0b5/Doklad_GAK_2019_KMM.pdf (дата обращения: 17.12.2020).

3. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 115-139. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.500 [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=500&jn=vestnik (дата обращения: 05.12.2020).

4. Профилактика наркопотребления, алкоголизма и суицидального поведения // Республиканский Центр олимпийской подготовки по парусному спорту [Электронный ресурс]. URL: http://rcopsail.by/profilaktika-narkopotrebleniya-alkogolizma-i-suitsidalnogo-povedeniya/ (дата обращения: 15.12.2020).

5. Статистика по наркозависимым в России в 2020 году, последние цифры исследований [Электронный ресурс]. URL: https://xn--74-6kca7ehel.xn--p1ai/news/detail/statistika-po-narkozavisimym-v-rossii-2020/ (дата обращения: 05.12.2020).

О. Мирзоян
студент Тюменского индустриального университета[8]

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы этнокультурной безопасности в современных условиях, выявлены признаки глобализации и ее влияния на развитие культуры и отдельных этносов, рассмотрено понятие «этнокультурная безопасность», дается характеристика этноса и его развития в условиях глобализации.

Ключевые слова: этнокультурная безопасность, глобализация, этнос, суперэтнос.

Для определения такого явления как этнокультурная безопасность, необходимо выяснить содержание одного из основных понятий – «этнос».

Понятие «этнос» имеет различные дефиниции. Рассматривая его как ключевое в структуре этнокультурных процессов, наиболее адекватным видится применение такого определения, которое учитывало бы многообразные характеристики этноса.

Этнос – исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, объединённых общими объективными либо субъективными признаками, в которые различные авторы включают происхождение, единый язык, культуру, хозяйство, территорию проживания, самосознание, внешний вид, склад ума и другое, синоним термина «народ» [5].

При этом базовыми характеристиками этноса являются:

– общий язык, религия;

– наличие территории, на которой проживает данный этнос (не всегда исполняется);

– общая материальная и духовная культура;

– общие представления о территориальном и историческом происхождении;

– общие оформленные представления о родине и государстве;

– осознание членами группы своей принадлежности к этносу и основанное на этом чувство солидарности.

В свою очередь, кроме понятия этнос, существуют и другие, характеризующие этническую сплочённость людей, это такие понятия как «суперэтнос» и «субэтнос». По словам Л.Н. Гумилёва «этносы, возникшие в одном регионе, в одну эпоху, а тем самым от одного импульса ... называются суперэтническими целостностями. Они часто образуют мозаику типов, культур, политических образований. Каждый этнос, в свою очередь, включает

[8]Научный руководитель: Узлова Н.В., канд. пед. наук, доцент Тюменского индустриального университета

в себя субэтносы – мелкие группы, отличающиеся друг от друга иногда языком, иногда религией, иногда родом занятий, но всегда стереотипом поведения. Этносы (члены одного суперэтноса) не всегда похожи один на другой, но всегда ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов, как по ментальности, так и по поведению» [1, с. 141].

Сформулированное определение понятия «этнокультурная безопасность» Л.С. Перепелкиным и В.Г. Стельмахом имеет следующее значение: «понятие этнокультурная безопасности, как сферу устойчивого функционирования и воспроизводства культур всех национальных групп, проживающих в рамках того или иного государства, вкупе с возможностью их участия в свободном взаимообмене культурными ценностями и сохранения их членами своей этнической идентичности» [3, с. 15].

Положительным примером обеспечения этнокультурной безопасности является опыт России. Но в последнее время, в связи с угрозами этнической идентичности и самобытности, вызванными глобализационными процессами, большинство этносов столкнулись с серьезными трудностями при воспроизводстве своего образа жизни и культуры.

Сегодня глобализация характеризуется как процесс, протекающий во всем мире, касающийся всех государств и их интеграции в сфере экономики, социальных отношений, культуры, политики и других направлений, причем процесс этот управляемый и контролируется определёнными группами и корпорациями. Основным движущим фактором глобализации является международная торговля, которая выгодна большинству участников мирового рынка.

По мнению исследователей, явными признаками глобализации являются следующие факторы.

1. Стирание языковых барьеров. Процесс объединения мира привел к необходимости выделения общего языка и поскольку инициатором процесса глобализации является США, таким языком стал английский.

2. Исчезновение пространственных барьеров. Доказательством исчезновения пространственных барьеров является появление возможности, практически любому человеку, в течение короткого времени добраться до любой точки мира.

3. Сглаживание культурных различий. В прошлом веке людей различных национальностей и культур можно было различить по их одежде, культуре, архитектуре и внутреннему убранству жилья. В настоящее время все эти особенности нивелируются, люди во всём мире начали одинаково одеваться, слушать одну и ту же музыку, смотреть одни и те же фильмы, одинаково оформлять своё жильё и прививать детям одни и те же ценности.

4. Обмен достижениями науки, идеями и концепциями. Это проявляется в заимствовании государствами друг у друга идей законопроектов, коммерческие компании выпускают похожие продукты и предоставляют похожие услуги. На всех уровнях заимствуются любые нововведения.

5. Мгновенное распространение и доступность информации. Сегодня любой человек имеет практически неограниченный доступ к информации. Для

того, чтобы получить ее, не нужно идти в библиотеку – достаточно иметь любое устройство, позволяющее работать с интернетом.

При этом необходимо отметить, что общим показателем, связывающим все факторы глобализации, является взаимодействие всех государств между собой как взаимосвязанность ресурсов и взаимосвязанность процессов.

Основными причинами, обусловливающими глобализацию, исследователи считают: ослабление национальных традиций и обычаев; появление современных средств связи, в том числе, создание всемирной компьютерной сети, позволяющей мгновенно контактировать с собеседниками и партнерами, искать любую информацию, общаться с людьми разного социального статуса, использовать его для развлечения, обучения, ведения бизнеса, рекламы или как средства массовой информации (СМИ), а общение собеседников в видео чате, находящемся на противоположной стороне планеты, является реальностью, а не фантастикой; появление быстрого и дешевого транспорта; объединение информационного пространства заключается в том, что сегодня уже нельзя заявлять о том, что у каждой страны своё информационное пространство, так как все государства связаны между собой, а любая опубликованная информация сразу становится доступной всему миру; международная торговля, поскольку экономики мира неразрывно связаны между собой и находятся в полной зависимости друг от друга.

Глобализация очень сильно влияет на развитие всех мировых этнических культур за счет повсеместного распространения «западной» культуры, которая сегодня становится общепринятой; туризма и общения граждан разных стран между собой; музыки, фильмов и других произведений культуры, доступных по всему миру; возникновения и развития «массовой культуры» – обычной культуры, которая одинаково доступна и понятна всем людям на планете; обмена плодами интеллектуальной деятельности.

А.Н. Чумаков [4], специалист в области философии и теории глобалистики, характеризуя это явление, отмечает, что глобализация является многоаспектным естественно-историческим процессом становления в масштабах планеты целостных структур и связей.

В дополнение к вышеизложенному хотелось бы обратить внимание на то, что на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются негативные процессы, охватившие все человечество, что выражается в виде угроз войны, локального столкновения цивилизаций, межнациональных конфликтов, а также осуществляется радикальный пересмотр системы ценностей.

Так в условиях глобализации и унификации народ Карабаха, как и народ Осетии, встал на путь активного «возрождения» и укрепления своей идентичности, как главного способа защиты от культурной и национальной ассимиляции, «возрождается» патриархальный мир этносов, особенно в области семейно-бытовых традиций.

Наслаивания на традиционное, частичное или полное национальное замещение первых вторым со временем может привести к противоречиям. Различные этносы абсолютно по-разному реагируют на угрозу растворения в

глобализирующемся мире: практически у всех наблюдается тенденция ослабления тех общеэтнических черт, которые интегрировали этнос – у одних они замещаются западной культурой, у вторых – возрождением этнокультуры, а у третьих – исламизацией и т.д.

В связи с чем во избежание культурной ассимиляции и защиты своей идентичности на Кавказе «возрождаются» самобытные духовные стандарты и этнические установки, что объясняется психологическими факторами: для народа идентификация себя с этносом естественнее и глубиннее, чем чувства по отношению к политической, идеологической и какой-либо другой общности. Так, например, А.В. Лубский по этому поводу в своих работах отметил, что национализм на Кавказе получил реализацию в двух проектах – этническом и политическом. «Этнический проект, осуществляемый на уровне повседневности, связан, прежде всего, с ростом этнического самосознания, формированием на этой основе специфической этнической картины мира как основы национальной идентичности» [2], при этом этническая идентичность связана с осознанием народом самого себя как некой общности, отличной от других, так, например «мы – армяне», «мы – осетины», «мы – кумыки» и т.д.

Политический проект осуществляется в ходе стремления приобрести государственно-территориальный суверенитет, эти требования выплескиваются в межэтнические конфликты» (Стремление Нагорного Карабаха, Арцаха) отстоять независимость.

Таким образом, можно отметить, что глобализация в современном мире имеет как минусы, так и плюсы. Относительно этнокультурной безопасности процессы глобализации в большей степени, играют негативную роль. Это касается, в первую очередь, роста националистических настроений и подрыва суверенитета отдельных государств.

Список литературы:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Ди-Дик, 1997. 637 с.

2. Лубский А.В. Северный Кавказ - периферия Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rudocs.exdat.com/docs/index-23081.html?page=3 (дата обращения: 17.10.2020).

3. Перепелкин Л., Стельмах В. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Россия и мусульманский мир. 2003. №9. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-bezopasnost-rossii-obschestvennye-vyzovy-i-gosudarstvennaya-politika (дата обращения: 16.10.2020).

4. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации: культурно цивилизационный контекст : монография. М.: КАНОН, 2006. 516 с.

5. Этнос [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Этнос (дата обращения: 10.12.2020).

Д. Ю. Пакоцких
студентка Филиала АНО ВО «ИДК»
в Тюменской области[9]

ЖЕНЩИНА В ИСЛАМСКОМ МИРЕ: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье осуществлена попытка провести анализ положения женщины в исламском мире. Отмечается, что несмотря на высокий духовный потенциал ислама, сохраняются устойчивые предрассудки в отношении женщин. Кроме того, социальная незащищенность женщин создает опасность вовлечения их в деятельность радикальных экстремистских организаций.

Ключевые слова: женщина, ислам, предрассудки, экстремизм, социальная безопасность.

В истории развития государства и права мусульманское право оказало сильное влияние на культуру целого ряда стран, в особенности на положение женщины в обществе. С приходом ислама в аравийском обществе, основанном на патриархальных нормах, были инициированы серьезные изменения. В доисламский период рождение девочки расценивалось как проклятие, женщине не предоставлялось равных прав в социальной и правовой сферах, она считалась движимым имуществом. В исламской общине женщина стала рассматриваться как личность, ей были предоставлены права, которые в других сообществах уступали под давлением [3].

Несмотря на то, что в настоящее время мы живем в просвещенную эпоху, когда равные права мужчин и женщин закреплены в конституциях различных стран, когда женщины активно включаются в экономическую и политическую жизнь общества, имеют доступ к образованию и получили право голоса, положение женщин в исламском мире во многом остается проблематичным. Появились новые риски и вызовы цивилизованному миру в виде экстремистской деятельности. Однако в исламе не существует призывов к терроризму, к насилию, тем не менее, женщины все чаще попадают в информационные сводки как жертвы насилия или исполнительницы террористических актов. Возникает определенное противоречие, что обусловливает актуальность рассматриваемой темы.

Целью исследования является изучение особенностей положения женщин в исламском мире. В ходе выполнения исследования были поставлены следующие задачи: 1) раскрыть особенности положения женщин в исламе; 2) выявить адаптивные риски исламских женщин в условиях современного общества. Метод исследования – традиционный анализ источников, анализ документов.

Проблемы исламской культуры изложены в научных трудах различных авторов. Большое значение для исследования статуса женщины в арабской культуре имеют работы российских историков и культурологов, посвященные

[9] Научный руководитель: Грошева И.А., канд. социол. наук, доцент Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

исламу и арабской культуре. Некоторые авторы пишут о том, что Коран дал женщинам права, которые прежде отсутствовали. Например, женщине позволялось выразить согласие или несогласие на замужество, даны права наследования имущества мужа. Кстати, с приходом ислама был запрещен зверский обычай убивать новорожденных девочек. Мусульманские женщины в настоящее время социально активны: они осваивают новые информационные технологии, занимаются медицинской, преподавательской, журналистской и даже политической деятельностью. Учёба и работа для них доступны, поскольку в исламе уважают права женщины на образование и труд. В исламском праве женщина может получить долю из наследства, оставленного отцом, матерью, братом, сестрой и мужем. Однако проблемы равенства по признаку пола существуют и находятся в иной сфере гарантий прав и обязанностей [2, с. 99]. Женщина может воспользоваться унаследованным капиталом в семейном финансовом цикле. Мужчина должен обеспечивать ее средствами для жизни соразмерно ее потребностям в плане одежды, жилья, еды и других жизненных нужд.

Действия женщины в исламе обладают ценностью и общественным уважением. Она может обратиться непосредственно в соответствующие компетентные инстанции в отношении выполнения своих законных прав. В случае нарушения прав может подавать иски в судебные инстанции, давать показания в суде. Во всех перечисленных случаях мужчина не имеет права навязывать женщине свое мнение [2, с. 100].

Но, несмотря на положительное влияние ислама, в современном обществе бытует ряд стереотипов. На практике принципы равноправия далеко не всегда и не везде реализуются. Согласно статистическим данным, права женщин в большинстве стран исламского мира нарушаются. Например, сексуальному насилию в Египте подверглись 99,3% женщин (!); 93% женщинам в Джибути пришлось принудительно пройти процедуру женского обрезания; принуждение к ранним бракам зафиксировано в Сирии и Йемене (четверть девочек выходит замуж до 15-ти лет); отсутствует закон о бытовом насилии в Кувейте, а в Бахрейне свидетельство со стороны женщин в суде учитывается в два раза реже, чем у мужчин [4].

Известная исламская феминистка и активистка Германии С. Атеш утверждает, что на практике принцип гендерного равноправия не реализуется в том числе и для женщин, живущих на территории Евросоюза. Она приводит примеры бедственного положения мусульманских женщин и девочек в сегодняшнем немецком обществе, признает проблему закрытых женских сообществ: «Турецкие женщины и девочки живут в Германии часто в средневековых условиях, от них скрывают основные права, принудительный брак стоит на повестке дня. С этими женщинами точно никто не ищет диалога» [3].

Немецкая активистка отмечает, что турчанки и курдки вынуждены жить в подобных условиях по культурным и религиозным причинам. Их угнетение начинается еще до их рождения: они в редких случаях желанны для родителей по сравнению с сыновьями, причем дискриминация проявляется во всем: от

обучения до воспитания. Девочки воспитываются в авторитарной среде, основной метод воспитания – насилие [3].

В литературе описываются случаи средневековой расправы над ними. Женщин наказывают за измену, за изнасилования, за любое поведение, которое мужчины семьи посчитают недопустимым. Например, в декабре 2003 года 23-летняя женщина в Мултане (Пакистан) была убита отцом из-за того, что после развода убежала к другому мужчине из чужого враждебного племени. Ее родители и родственники являлись выходцами из образованной интеллигентной среды: госслужащие, инженеры и юристы. После того как представители семьи нашли беглецов в другом городе, ей лживо пообещали, что в случае возвращения домой с ней ничего не произойдет. В реальности после возвращения она была задушена собственным отцом, рассуждавшим впоследствии о приоритете чести над человеческой жизнью. В 2008 году в Сомали Аиша Ибрагим Духулов (13 лет) была зарыта в землю на глазах тысячной толпы и побита камнями «за прелюбодеяние». В среднем в Пакистане совершалось до 1000 убийств «чести» в год. На втором месте по количеству убийств находится Турция. Примерно 37% турецких курдов относятся с одобрением к убийствам чести. Племенная вражда часто становится причиной убийств женщин в Иране и Афганистане [5].

Ещё одной проблемой становится следование жестоким традициям самими мусульманскими женщинами. В качестве примера стоит назвать вербовку женщин в террористические организации. При этом эксперты отмечают, что женщины подвержены идеологической обработке со стороны исламских фундаменталистов даже в большей степени, чем мужчины [1]. Шахидками становятся женщины, исповедующие ислам, что кажется весьма странным, так как в исламе нет оправданий тому, чтобы верующие люди убивали других («неверных»). В традиционном исламе женщина должна выполнять волю мужа, ограничиваясь домашней сферой, а род деятельности, в случае работающей женщины, не должен противоречить биологической природе. Экстремистские организации искусно пользуются вековыми традициями, сложившимися в исламском мире. Усиленно поддерживается миф о покорности женщин мужчинам, апологеты твердят о необходимости жертвенности, т.е. вовлекают в террористические акты под предлогом необходимости принесения жертвы ради веры.

Причины женского терроризма также связаны с неразвитостью социальных возможностей женщин в мусульманском мире, из-за бесправия и высокой степени зависимости, также следует обратить внимание на экономические проблемы. Фундамент женской покорности составляют различные мотивы, провоцирующие мусульманских женщин на совершение экстремистских действий. Существенным мотивом может оказаться потеря близкого человека, брата или мужа, что дает возможность вербовщикам манипулировать беспомощностью и отчаянием. Чаще всего в террористические организации вербуются женщины, у которых по какой-либо причине не сложилась личная жизнь, которые имеют проблемы во взаимоотношениях с близкими родственниками и окружающими людьми.

Некоторые из них искренне верят в идеи джихада и считают необходимым, практически своим долгом попасть в зону конфликтных действий, чтобы оказать поддержку боевикам. Некоторые из них берут в руки оружие, но в большинстве случаев их роль заключается в бытовом, финансовом обеспечении. Среди шахидок встречались и те, кто оказался в запрещенных террористических организациях и удерживался там путем обмана. В некоторых случаях девушек насильно выдавали замуж за боевиков, а после гибели мужей их как рабынь передавали следующим террористам. Несмотря на то, что женщин обещали причислить к мученикам и гарантировали вечную славу, на самом деле они оказывались в роли «пушечного мяса» в руках боевиков. Женщины-камикадзе не способствуют улучшению положения женщин в мусульманских странах. В случае поддержки экстремистских организаций и участия в них они получали реальные наказания. Например, 19 февраля 2018 г. Центральный уголовный суд Багдада назначил высшую меру наказания 48-летней гражданке Турции за связи с запрещенной террористической организацией. Аналогичный приговор вынесли также в отношении 16 женщин из Турции: по версии следствия, они оказывали материальную и организационную поддержку террористам. Кроме того, многих жён и вдов боевиков в Ираке приговаривают к длительным тюремным срокам, вплоть до пожизненного заключения [1].

В заключение хотелось привести слова выдающегося богослова Мусы Бигиева: «О степени развитости общества можно судить по тому, какой статус занимает женщина». Ислам считается одной из первых религий, которая превознесла женщину. Однако несмотря на то, что в исламской культуре высоко ценится положение женщины в обществе, в отношении женской части населения допускается много несправедливости. Стереотипы, граничащие с предрассудками, создают негативные прецеденты как в отношении женщин, так и со стороны самих женщин. Невозможно говорить о создании безопасного и гуманного общества в отсутствие нравственности и как ни странно звучит – в условиях преобладания политической ангажированности. Радикальный исламизм – это следствие проявления политизации мусульманского мира. В исламе заложен высокий духовный потенциал и предрассудки, воплощающиеся в стереотипах, или получающие более страшное обличие в «шахидизме» препятствуют формированию социальной безопасности в обществе.

Список литературы:

1. Алексеева Н. Заложницы халифата: какую роль сыграли женщины в истории «Исламского государства» [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/world/article/501007-terrorizm-ig-zhenshiny-irak (дата обращения: 08.01.2021).

2. Иноземцева Е. К вопросу о положении женщин в исламе // Власть. 2009. №12. С. 98-100.

3. Михалева А.В. Исламский феминизм Сейран Атеш // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. №4. [Электронный

ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-feminizm-seyran-atesh (дата обращения: 08.01.2021).

4. Почему к ним так несправедливы? Права женщин в Исламе. 28.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5d5af4174735a600af82a4e7/pochemu-k-nim-tak-nespravedlivy-prava-jenscin-v-islame-5d8e4dfafc69ab00adca41a1 (дата обращения: 08.01.2021).

5. Убийства «чести» женщин в исламских странах как массовое явление [Электронный ресурс]. URL: http://nashaplaneta.su/news/ubijstva_chesti_zhenshhin_v_islamskikh_stranakh_kak_massovoe_javlenie/2017-08-27-4800 (дата обращения: 08.01.2021).

В. В. Свиридова
студент Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС

БЕЗОПАСНОСТЬ СЕМЬИ И СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация. В данной статье рассмотрена семейно-демографическая политики и понятие семьи. Состояние современных семей характеризуется определенными проблемами, которые влияют на их развитие. Основной проблемой является финансовый аспект. В рамках национальных проектов существуют направления по улучшению как финансовых, так и других аспектов. В настоящее время увеличивается число разводов и растет количество неполных семей. Формирующийся образ девиантного поведения разрушает молодые семьи уже на ранней стадии.

Ключевые слова: социальная безопасность, безопасность, семья, молодая семья, политика, демография, семейно-демографическая политика, национальные проекты.

Тема семьи никогда не теряла своей актуальности. На протяжении многих лет ученые исследуют проблемы семейных отношений, формирования семьи, выдвигают различные гипотезы. Помимо социологии изучением семьи занимаются и другие науки, которые помогают углубленно изучать проблемы древнейшего социального института. Семью изучают такие дисциплины как психология, социальная медицина, социальная психология. Если социология изучает семью в обобщенном виде, то другие дисциплины помогают ей выявить нюансы развития социального института. С точки зрения философии проблемой государственного управления является взаимосвязь государства как субъекта управления и общества как его объекта. К семье, как к социальному институту, некорректно применение понятия «государственное управление». Здесь более уместно заменить понятие «государственное управление», на «взаимодействие». В данном случае государство влияет на семью, а семья влияет на государственное устройство.

В настоящее время функционирование молодой семьи в современном обществе характеризуется сложностью и противоречивостью взаимоотношений, с одной стороны, между молодыми супругами, с другой стороны – между общественными институтами, обществом в целом. Молодая семья вынуждена справляться с различными социальными, экономическими и психологическими проблемами. Супруги в молодых семьях, не имея опыта межличностных отношений, сталкиваются с проблемами межличностной адаптации и со сложностью протекания социально-функциональных механизмов интеграции семьи, что делает молодую семью весьма уязвимой, социально зависимой категорией населения и позволяет рассматривать её как группу социального риска. Молодым семьям необходима поддержка государства, так как семья как социальный институт нуждается, в первую очередь, в социальной безопасности. Под молодой семьей в статье понимается семья в первые три года после заключения брака при условии, что ни один из супругов не достиг 30-летнего возраста [5, с 6].

Транслируемые образы девиантного поведения разрушают молодые семьи уже на ранней стадии. Зачастую, на состояние современной семьи влияют проблемы, которые негативным образом отражаются на развитии семьи в целом. Молодые семьи нуждаются в безопасности, создавая семью, молодые люди надеются на поддержку со стороны государства, что их ценностные границы не будут нарушатся.

Социальная безопасность семьи подразумевает под собой защищенность от угроз, которые могут повлиять негативным образом на интересы семьи как в целом, так и отдельных ее членов. Молодые семьи нуждаются в социальной безопасности. Защита ценностей, социальных прав и свобод: право на жизнь; право на труд и его справедливую оплату; право на бесплатное образование, охрану здоровья и медицинское обслуживание, на доступный отдых, а также право на гарантированную социальную защиту и социальное обслуживание со стороны государства [10, с.72]. Именно в этих социальных аспектах защищенности нуждаются все семьи.

Следует отметить, что угрозы, которые могут отражаться на безопасности семьи могут быть как финансовыми так и физическими. Насилие в семье является одной из угроз социальной безопасности семьи. Семейное насилие не позволяет членам семьи чувствовать себя в безопасности. Семья должна предоставлять полную безопасность для своих членов. Одной из функций семьи является защитная функция, заключающаяся в предоставлении физической, экономической и психологической защиты своих членов. Некоторые ученые выделяют также психотерапевтическую функцию семьи, задачей которой является сохранение эмоционального и психического здоровья ее членов. Каждый человек в своей семье хочет чувствовать себя принятым и защищенным от различных угроз и опасностей. В условиях домашнего насилия члены семьи не будут чувствовать себя в безопасности. В связи с этим актуализируется проблема социальной безопасности в семье [1, с.39].

В настоящее время в России институт семьи находится в кризисном состоянии. Молодая семья является социально незащищенной группой населения и требует государственной поддержки с целью ограждения негативных тенденций в ее системе изменений и упрочнении жизненных устоев семьи. Обеспечение социальной безопасности молодой семьи является одним из эффективных средств успешного решения проблем семьи, а также важнейшим фактором и базовым условием реформирования общества. Социальная безопасность семьи должна стать важнейшей составляющей социальной безопасности [11, с. 244]. В дополнение к этому 14 октября 2020 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). предоставляет данные о жизненных ценностях россиян и о том, как они изменились за период карантина. Исходя из представленных данных, 99% ответивших на открытый вопрос указали, что социальная безопасность является наиболее значимой.

Современная демографическая политика Российского государства направлена на изменение модели российской семьи: переход от преобладания однодетных семей к доминированию двухдетных семей и семей с тремя и более детьми.

Изучение проектов федерального масштаба, принятых в России в 2018 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 24 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» по 13 направлениям, позволило сделать вывод, что поддержка семьи реализуется лишь в нескольких национальных проектах.

В первую очередь, это национальный проект «Демография». Сегодня демографическая политика нацелена на противодействие естественной убыли и старению населения, прежде всего посредством стимулирования рождаемости, появления в российских семьях второго и третьего ребенка [6, с.200]. Национальный проект «Демография» является ответом на новые вызовы и угрозы, в которых оказалась страна. В России стала проводиться активная демографическая политика, направленная на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации [7, с.27]. Главная цель проекта заключается в том, чтобы улучшить благосостояние семей. Будет предоставлена финансовая поддержка в виде различных выплат, льготной ставки по ипотеке на уровне 6%, бесплатных курсов для женщин в декрете, процедур искусственного оплодотворения. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению рождаемости – суммарного коэффициента, то есть, числа детей, рожденных одной женщиной.

Структура данного национального проекта включает в себя:

– финансовая поддержка семей при рождении детей;

– содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет.

В современной России очень часто наблюдается смешение социальной, демографической и семейной политики, что является огромным препятствием на пути построения грамотной управленческой системы по преодолению депопуляции. Сегодня демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране.

Семейная политика, в отличие от демографической, не нацелена на изменение показателей демографического воспроизводства и достижение конкретных демографических результатов. Вместе с тем, нельзя отрицать, что, будучи направленной на поддержку семьи, улучшение условий ее жизнедеятельности и т.д., семейная политика может параллельно способствовать достижению целей демографической политики [2, с. 59].

На экономическое развитие страны особое влияние оказывает социально-демографическая политика, она выступает одним из основных элементов его формирования. От того, с какой скоростью будет происходить воспроизводство населения, зависит состояние важнейших форм общественной жизни: экономики, качества жизни различных социальных слоев населения, уровня обороноспособности страны.

В России на сегодняшний момент катастрофически падает рождаемость и плохими темпами снижается смертность. Естественная убыль населения за четыре месяца 2019 года составила 149 тыс. человек, Россия катастрофически теряет население. Важный показатель для анализа демографической динамики, по мнению различных экспертов, – это суммарный коэффициент рождаемости, показывающий количество детей, которые появляются у женщины в течение ее жизни.

Президент В.В. Путин 15 января 2020 г. в своем послании Федеральному Собранию выделил приоритеты социальной политики: демографию и повышение уровня доходов россиян. Основными условиями выполнения нацпроекта видится тесное сотрудничество между федеральными и региональными органами власти, работа с молодежью, с людьми «третьего» поколения, постепенное изменение сознания общественности в вопросах, связанных со здоровьем и его поддержанием, создание достойных условий жизни [4, с.11].

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что семья – это главная ячейка общества, социальный институт и малая социальная группа. На протяжении долго периода времени демографические показатели ухудшаются по сравнению с другими годами. Главной причиной демографического упадка является низкой рост воспроизводства населения. Молодые люди, узаконив свой брак, не спешат создавать семью и обзаводиться детьми. Они считают себя незащищенными слоями населения, что в итоге приводит к низким показателям рождаемости. Каждый человек, которые вступает в брак, который готов к появлению на свет ребенка, хочет чувствовать себя защищенным. Государству необходимо принимать меры по поддержке молодых семей.

Именно поэтому в национальных проектах затронуты аспекты, которые касаются темы семьи. На протяжении многих лет тема семьи является актуальной. С каждым годом проблемы, которые касаются материального положения семьи, набирают обороты. Демографический кризис в стране связан, в первую очередь, с тем, что многие супруги не готовы к рождению детей. Такая неготовность связана с материальным положением супругов. Они не готовы воспитывать детей из-за маленького дохода. Национальные проекты помогают многим семьям справиться с финансовыми проблемами, что в перспективе может способствовать улучшению социально-демографического положения в стране.

Список литературы:

1. Бадонов А.М. Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях // Материалы Международной научно-практической конференции.2018. С. 38-42.
2. Васильева Е.Н., Вавилина Ю.В., Хлыстова А.Г. Современные тенденции и проблемы семейно-демографической политики в Российской Федерации // Модернизация современного общества: инновации, управление, совершенствование: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные закономерности и тенденции : в 3-х частях. 2018. С.75.
3. Иванова Л.А. Проблема демографии в Российской Федерации // Современные технологии обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте. 2020. С.11-12.
4. Маркова А.В. Организация защиты молодой семьи // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. №56-57. С. 6-10.
5. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 26.03.2020) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 23.02.2020).
6. Проказина Н.В. Демографическая ситуация в регионе: особенности репродуктивного поведения населения // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. №6. С. 190-200.
7. Проказина Н.В., Перевозкин Л.М. Особенности демографического развития в центральном федеральном округе Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. №1. С. 18-27.
8. Социологический словарь. [Электронный ресурс] // URL: https://gufo.me/dict/philosophy/Семья (дата обращения: 20.02.2020).
9. Федулова А.Б., Туралькина Н.А. Социальная защита семьи, материнства, отцовства и детства в современной России // Материалы VII заочной научно-практической конференции с международным участием. 2016. С. 71.

10. Эреджепова А.С. Особенности изучения молодой семьи и государственной поддержки молодых семей // Аллея науки. 2016. № 4. С. 244-247.

Д. М. Сирожева
студентка Филиала АНО ВО «ИДК»
в Тюменской области[10]

СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Аннотация. В статье автор анализирует особенности функционирования социальных стереотипов как схематизированных, упрощенных алгоритмов человеческого поведения. Проведен анализ содержания и природы стереотипов, выявлены роль и место в современном обществе. В ходе анализа обращено внимание на негативные последствия стереотипизации сознания.

Ключевые слова: социальные стереотипы, общество, этнокультурные стереотипы, гендерные стереотипы, шаблоны мышления.

На протяжении всей сознательной жизнедеятельности люди часто совершают поступки и принимают решения, опираясь на сложившиеся ранее в обществе определенные модели поведения и мышления. Схематизированные, упрощенные алгоритмы действий чаще всего помогают человеку ориентироваться в выборе одобряемых в социуме решений, экономя при этом силы и время. Однако не во всех случаях принятые ранее алгоритмы соответствуют современным социальным нормам. В шаблонах поведения порой кроются значительные конфликтогенные факторы. В связи с этим целью представленной статьи является изучение особенностей социальных стереотипов в современном обществе.

Под стереотипами подразумеваются обобщенные оценки людей и явлений, сформированные на основе случайных наблюдений и неполных знаний. Понятие «стереотип» впервые употреблено в работе У. Липпмана «Общественное мнение» (1922). Это определенные образы, складывающиеся в нашем сознании на основе собственного воображения человека и сообщений других людей [3]. В дальнейшем изучение стереотипов приобрело междисциплинарный характер.

Например, в лингвистических исследованиях С. Небжеговска-Бартминьска определяет стереотипы как фрагменты языковой картины мира, под которой подразумевается интерпретация действительности, доступная к изучению и содержащаяся в языке. Исследователь отмечает взаимосвязь стереотипов и ценностей. Для каждого субъекта ценностями могут оказаться понятия и предметы различных категорий как абстрактных, так и абсолютно реальных. Существуют так называемые общие стереотипы (солнце, бог, мать

[10] Научный руководитель: Грошева И.А., канд. социол. наук, доцент Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

и др.) и «идеологические стереотипы» (свобода, демократия и др.) в зависимости от политической, социальной, экономической и иной ситуации, наполняющиеся определенным набором ценностей [4].

Социальные стереотипы – это социокультурный феномен, в основе которого заложены механизмы сохранения традиций, поэтому имеет место частое соотнесение понятия с такими явлениями нашей жизни как предрассудки, верования, предубеждения и др. [1]. В основе стереотипов лежит эмоционально окрашенная оценка окружающей действительности, он «заряжен чувствами в высшей степени», легко распространяется в средствах массовой информации и легко внедряется в общественное сознание. Стереотипы обычно легки для понимания и восприятия человеком любого возраста, и поэтому многие следуют им до конца, не разобравшись в их достоверности и соответствии конкретной ситуации.

Следовательно, для социальных стереотипов характерны консервативность, предвзятость, аксиологичность (они всегда являются следствием оценки). Кроме того, социальные стереотипы обладают свойством однозначности, т.е. насчет одного и того же объекта не могут появиться одновременно два противоречащих друг другу суждения. Этой устойчивый, упрощенный образ группы людей, социального явления, события и др.

Часто в обычной жизни можно наблюдать следующую ситуацию: в ходе игры на детской площадке родители на обыденном уровне внушают детям, что мальчик должен играть с машинкой, а девочка – с куклой или же с посудой в песочнице. И если вдруг мальчик возьмет в руки куклу, а девочка – машинку, не всегда этот факт может быть воспринят однозначно, вследствие чего появляются насмешки, «подколки» и др. Позже формируется целый комплекс гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы образовались не без помощи античных мифов и баллад. В современном мире гендерные роли потерпели ряд изменений, но стереотипы плотно укоренились в сознании большинства. Самые распространенные: «Мужчины не плачут», «Место женщины на кухне» и др. Многие в обществе придерживаются именно таких установок. В рамках маскулинности и феминности говорят о зависимости, эмоциональности, пассивности женщины и активности, энергичности, агрессивности мужчины. Поведенческие стереотипы диктуют определенное закрепление ролей: семейные роли (мать, хозяйка) достаются женщине, мужчине – профессиональные («добытчик»). Кроме того, не изжили себя и социальные предписания в отношении половой принадлежности профессиональной деятельности (обслуживающий характер – женщина, созидательный и руководящий – мужчина).

Протест против сложившихся стереотипов актуализировался в виде «битвы» за права женщин и дошел до крайней формы проявления, наиболее радикальной – феминизм. Хотелось отметить, что в плане борьбы за права необходимо иметь чувство меры, в случае потери которого можно прийти к плачевным результатам.

Особое место занимают этнокультурные стереотипы, строящиеся на основе представлений о традиционной культуре и формирующие

самопознание этнической группы. Именно они порождают универсальную оппозицию взглядов «свой-чужой», появившуюся в ходе межкультурных контактов, имеют значимый общественный вес, поскольку формируют традиционное народное мировоззрение. Этнокультурный стереотип может появиться на основе самых заметных черт внешности, поведенческих особенностей представителя конкретного этноса. В этом случае имеет место стереотип-клише, устойчивое суждение об одних с точки зрения других. Это своеобразный эталон, порождающий «медлительных эстонцев», «аккуратных немцев», «галантных французов», «русский авось» и др. Стереотип-клише оказался популярен в народном фольклоре, народных анекдотах, облегчающих посредством юмора межкультурную коммуникацию. Однако стереотип-клише может эволюционировать, меняться в соответствии с геополитической обстановкой, как это произошло в ситуации с русско-украинским конфликтом, породившим ряд негативных изменений в стереотипических представлениях о народах двух стран [2].

Некоторые исследователи также отмечают не только положительное влияние этнокультурных стереотипов на формирование культуры этноса. Попытки втиснуть непривычное действие или поведение в определенные рамки приводит к ошибочному восприятию действительности. Например, очень часто предубеждения сводятся к притеснениям в отношении представителей других национальностей, вероисповедания и т. д. Проблема заключается в оценочной компоненте стереотипизации. Стереотип-ценность способствует появлению этноцентризма (восприятие иных культур через призму своей собственной), который влечет за собой специфическое явление мегаломании (самовозвышение) [1].

Шаблонные представления о собственном или чужих народах чаще всего вредят позитивному общению между ними, приводят к отрицательным последствиям. Когда предубеждения становятся нормой, то появляется основание для дискриминации, национализма, шовинизма, расизма.

Человек следует стереотипам с раннего возраста, они являются частью нашей социализации в обществе и помогают принимать быстрые решения в конкретных ситуациях. Но очень часто стереотипы держат нас в определенных рамках мышления, вырваться за которые порой очень сложно, поскольку шаблоны мышления закрывают путь к развитию и восприятию нового. Стереотипическое мышление, как правило, является результатом недостатка знаний.

В обществе люди должны научиться понимать простую истину: с развитием социума многие стереотипы устаревают и со временем уже не имеют к современному обществу никакого отношения. У мужчин нет острой необходимости охотиться за добычей, а женщинам со всей строгостью не предписывается заниматься только домом и семьей. Важно понимать – каждый человек индивидуален. Каждый из нас может жить так, как посчитает нужным, но не стоит забывать об установленных границах дозволенного.

В ходе теоретического анализа выявлено, что мнения различных исследователей в отношении сущности и природы стереотипов нельзя назвать

однозначным. Одни ученые полагают, что они появляются в результате социального запроса, создающегося специально и не предполагающего чувственных аспектов. Другие, наоборот, считают, что чувственные аспекты наиболее значимы в ходе формирования стереотипического мышления. Социальные стереотипы выполняют важные функции в ходе социализации индивида, имеют положительное наполнение в том случае, если не подавляют человеческую индивидуальность и являются способом решения отдельных проблем. Однако стоит помнить о том, что социальные стереотипы могут таить в себе опасность и в определенном случае стать катализатором социальной напряженности, сопровождающейся острыми межгрупповыми и межличностными конфликтами.

Список литературы:

1. Белова О.В. Человек в системе этнокультурных стереотипов [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2018_chelovek_belova.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

2. Жерновая О.Р. Этнокультурные стереотипы как отражение меняющейся культурной и политической действительности общества [Электронный ресурс]. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling32/ling32_15.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

3. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

4. Небжеговска-Бартминьска С. Стереотипы и ценности в языковой картине мира [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/173326/1/%D0%9D%D0%B5%D0%B1%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D0%A1.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

Д. Д. Соловьева
студентка Филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области[11]

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется проблема домашнего насилия. В качестве эмпирической основы были взяты статистические данные, отражающие положение в отношении домашнего насилия как в мире, так и в России, а также было проведено авторское исследование. В результате предлагаются направления профилактики домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, семья, молодежь, последствия домашнего насилия, профилактика домашнего насилия.

Несмотря на глобальные изменения последних десятилетий во всех сферах жизни общества, семья остается важнейшим социальным институтом. Отмечаются различные последствия постигших этот социальный институт изменений, носящих как позитивный, так и негативный характер. Одним из негативных изменений стало домашнее насилие, которое в последние несколько лет приобрело поистине впечатляющие масштабы, и особую актуальность эта проблема приобрела в период пандемии COVID-19, причем как в отношении женщин, так и в отношении мужчин.

Целью исследования является изучение домашнего насилия в отношении женщин, как социокультурной проблемы и определение направлений профилактической работы. Для ее реализации были поставлены следующие задачи: 1) изучить понятие «домашнее насилие» и выявить объективный и субъективный смысл социокультурной среды, обусловливающий существование насилия в семьях; 2) определить особенности восприятия домашнего насилия в молодежной среде; 3) предложить рекомендации по профилактике негативных явлений в семье.

Чтобы определить понятие «домашнее насилие» на теоретическом уровне, достаточно обратиться к признанной теоретической системе, которой можно считать Оксфордский словарь. В нем мы находим следующее толкование – «жестокое или агрессивное поведение в доме, обычно связанное с жестоким обращением со стороны супруга или партнера» [1]. Трактовка термина «домашнее насилие» дается во многих правовых источниках, в том числе и международного права. Так, в пункте b статьи 3 Конвенции Совета Европы «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием» дается следующее определение «…все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту или между бывшими или

[11] Научный руководитель: Грошева И.А., канд. социол. наук, доцент Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва…» [2].

Определение домашнего насилия в эмпирическом контексте размещено на сайте Центра помощи женщинам «АННА», пострадавшим от домашнего насилия: «…повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, сексуального, словесного, психологического и экономического оскорбления и давления по отношению к близким с целью обретения над ними власти и контроля» [3]. Несмотря на то, что вопросами насилия в российских семьях занимаются два министерства (Министерство внутренних дел и Министерство здравоохранения) и два уполномоченных (Уполномоченный по правам человека и Уполномоченный по правам ребенка), следует отметить, что специальных нормативно-правовых актов, раскрывающих понятие семейного насилия, в России нет. Лишь в ноябре 2019 года сенаторы подготовили законопроект «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», а также пакет документов, включающий проект Федерального закона №1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия», где содержится определение семейно-бытового насилия. Этот термин идентичен понятию «домашнее насилие» и трактуется следующим образом «…умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений…, причиняет нравственные страдания…» [4]. Отмена уголовной ответственности за первые побои в семье, произведённая в 2017 году, стала основой для роста вседозволенности и, как следствие, насилия. Обозначился консервативный тренд российской политики, выражающийся в формировании «новой нормальности», культурных стереотипов, охраняющих от посягательств на «традиционные ценности» российской семьи: «сама виновата», «получила по заслугам», «нельзя оставить детей без отца» и др. [5]. Косвенно это проявилось в скандальном высказывании блогера Р. Тодоренко (женщина «сама провоцирует насилие»), вызвавшем бурную дискуссию и негативный общественный резонанс. Наблюдается общее стремление перевести проблему в плоскость «личных неприязненных отношений».

Возможно принятие закона о профилактике насилия будет ускорено после первого решения Европейского суда по правам человека по делу о домашнем насилии «Володина против России» от 9 июля 2019 года, принятого в пользу Валерии Володиной, которая так и не дождалась помощи от правоохранительных органов и, спасаясь от издевательств сожителя, вынуждена уехать из России [6]. Складывается уникальная ситуация: стереотипические представления о семейных взаимоотношениях поддерживаются законодательно, т.е. имеют объективную природу. Побочным эффектом стереотипического подхода к проблеме насилия выступает деформация процесса социализации детей, которые не только сами подверглись насилию со стороны родителей, но и стали свидетелями подобных действий. В детском представлении закрепляется силовая модель разрешения споров. Они лишний раз убеждаются в том, что решение проблем в семье лежит только через насилие. Данный факт подтверждает резюме

отчета «Репродуктивное здоровье населения России 2011». В ходе выборочного обследования репродуктивного здоровья подтвержден фактор последующей вовлеченности в отношения, сопряженные с насилием: 45% опрошенных женщин (N=10000 женщин РФ в возрасте от 15 до 44 лет), которые подверглись насилию со стороны партнера, сами были свидетелями жестокого обращения в детстве [7, с. 54]. Впоследствии, подкрепляемое внешними впечатлениями и воспитанием, насилие становится частью социокультурной среды и представляется единственно возможной моделью поведения, т.е. приобретает субъективный смысл.

На основании вышеизложенного определение «домашнее насилие» можно сформулировать следующим образом: повторяющийся цикл действий со стороны партнера, заключающихся в жестоком обращении и психологическом давлении, причиняющий физический и (или) имущественный вред, а также нравственные страдания жертве, независимо от того, проживает ли она с агрессором или нет. Многие авторы приходят к выводу, что существует четыре основных вида насилия в семье: физическое (телесное повреждение, побои и др.), сексуальное (изнасилование, домогательство и др.), психологическое (оскорбление, запугивание и др.) и экономическое (лишение имущества, средств к существованию и др.). Практически все исследователи отмечают высокую степень латентности этого явления [8].

В условиях пандемии заговорили о резком всплеске насильственных действий в семьях. Например, во Франции и на Кипре за первые две недели карантина число случаев домашнего насилия увеличилось на 30%, в Сингапуре – на 33%, в Бразилии – на 40-50% [9]. Нашли применение следующие меры: в Италии и Испании онлайн-помощь; на Канарских островах – ключевые слова «Маска-19», и фармацевт сразу поймет, что женщине нужна помощь [10].

В России, согласно утверждению Уполномоченного по правам человека Татьяны Москальковой, количество случаев домашнего насилия с апреля по май 2020 года выросло в 2,5 раза – в апреле поступило около 13 тысяч обращений, для сравнения: в марте – чуть больше 6 тысяч. Стоит отметить, что эти данные получены от некоммерческих организаций и журналистов. Согласно статистике МВД, количество случаев семейно-бытовых конфликтов наоборот снизилось на 13% (по сравнению с 2019 годом) и на 16,4% по тяжким и особо тяжким преступлениям. Однако здесь играет роль то обстоятельство, что в МВД учитывается только уголовный состав преступления, а административные правонарушения пропускаются [11].

С целью выявления особенностей восприятия домашнего насилия в молодежной среде автором в апреле-августе 2020 года было проведено исследование методом формализованного интервью. В исследовании приняли участие 264 человека, которым было предложено ответить на 4 вопроса, направленных на определение характера информированности о домашнем насилии, выявление особенностей его распространения и личном восприятии данного явления, включая последствия. Подавляющее большинство

интервьюируемых составили женщины – 75,8 %; превалирующая возрастная категория – 16-25 лет (82,9 %).

В ходе интервьюирования выявлено, что треть информантов лично сталкивались с насилием и знают подобные случаи в других семьях. Проявление домашнего насилия на основании ответов можно разделить на два вида – физическое и психологическое. Физическое в большинстве случаев сводилось к побоям разной степени тяжести (начиная от шлепков и заканчивая серьезными побоями, после которых было страшно идти в школу). Психологическое насилие, по рассказам молодежи, оказалось более разнообразным. К нему можно отнести манипуляции, оскорбления, запреты, газлайтинг и иные виды. Отвечая на вопрос о последствиях домашнего насилия, интервьюируемые отметили, что оно оставило «неизгладимый след» в их представлениях. В основном люди избирали пассивный способ ухода от проблемы (уехать, забыться и др.). В качестве последствий насилия были названы – боязнь осуждения со стороны окружающих, боязнь совершить ошибку, низкая самооценка, нервные расстройства, недоверие к людям, проблемы со здоровьем в целом и т.д. Несмотря на все произошедшее, люди боятся обратиться за помощью, оправдывая это тем, что «не стоит выносить сор из избы», т.е. срабатывают социокультурные стереотипы, давая тем самым повод делать вывод, что проблема домашнего насилия очень сильно преувеличена и не нуждается во внимании со стороны компетентных органов. В целом по итогам интервьюирования следует отметить, что преодоление опыта домашнего насилия для интервьюируемых в значительной мере не было полноценно реализовано. Опрошенные отметили, что испытывают проблемы в сфере построения личных отношений и создания собственной семьи. Ряд молодых людей высказывались о вероятности отказа от семейных форм отношений. Треть интервьюируемых призналась, что ввиду полученных травм отсутствует мотивация к активной гражданской позиции, замедлен процесс социализации и адаптации к новым социальным ролям взрослой жизни, наблюдается недоверие к окружающим людям. В ходе интервью выявлена низкая степень информированности о кризисных центрах, видах психологической помощи.

Вопрос в отношении возможных мер профилактики домашнего насилия и нивелирования насильственных действий в рамках семьи разделил информантов на две категории. Первая группа отметила историческую обусловленность домашнего насилия патриархальными устоями и традициями системы воспитания и высказала мнение о невозможности существенно повлиять на ситуацию (влияние социокультурных стереотипов). Вторая группа высказалась за необходимость коррекции ситуации и готовность к разработке и реализации программных мероприятий. Теоретические и эмпирические аспекты исследования позволили автору статьи предложить некоторые направления в качестве рекомендаций по профилактике проблемы домашнего насилия.

Одно из наиболее предпочтительных направлений – просветительское. В рамках данного направления совместными усилиями юристов, психологов

и иных специалистов следует организовать различные мероприятия образовательного плана по сохранению и развитию социально приемлемой позиции в межличностных отношениях (формирование понимания характеристик, причин и последствий насилия). Подобное направление может быть реализовано в рамках возвращения учебной дисциплины по вопросам психологии семейной жизни в школах (9-11 классы).

Институциональная помощь в борьбе с насилием может быть представлена рядом мероприятий. Наиболее необходимым является юридическое закрепление феномена домашнего насилия с уточнением форм ответственности, а также определением как отягчающего фактора при совершении иных преступных деяний. Также актуальным является введение охранного ордера, позволяющего нормативно и технически (при наличии необходимости) обезопасить жизнь жертвы в ходе ведения следственных мероприятий и по их окончанию.

В рамках помощи комплексного профиля необходимо расширение и популяризация горячих линий для жертв насилия, а также центров, предоставляющих временное убежище для пострадавших в ходе преступных действий в семье. При этом следует учитывать тот факт, что пострадавшей стороной могут быть и мужчины, которые значительно реже обращаются за помощью по личным причинам.

В заключение необходимо отметить, что домашнее насилие формируется в социокультурной среде, имеющей объективную и субъективную составляющие. Проблема домашнего насилия носит всеобщий характер, она не имеет пола или возраста, и с ним может столкнуться абсолютно любой человек, как в роли агрессора, так и в роли жертвы. Кроме того, его не следует сводить лишь к одним побоям и сексуальному домогательству – это нечто большее, поскольку оно проявляется как на физическом уровне, так и на психологическом. С этим явлением можно и нужно бороться. Необходимо разрабатывать различные государственные программы, анализировать и применять зарубежный опыт борьбы. Да, в совокупности это не сможет искоренить домашнее насилие окончательно, но будет способствовать изменению ситуации к лучшему.

Список литературы:

1. Домашнее насилие [Электронный ресурс] / English Oxford living dictionaries. Lexico.com. UK, 2020. URL: https://www.lexico.com/definition/domestic_violence (дата обращения: 15.11.2020).

2. Конвенция Совета Европы о предупреждении насилия в отношении женщин и бытового насилия и борьбе с ним [Электронный ресурс] / Совет Европы. Конвенция, 2011: офиц. текст. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008482e8 (дата обращения: 15.11.2020).

3. Домашнее насилие в отношении женщин [Электронный ресурс] / Информационно-методический центр «АННА». Россия, 2019. URL:

http://anna-center.ru/index.php/ru/2017-07-14-12-49-21/domashnee-nasilie (дата обращения: 15.11.2020).

4. Проект федерального закона №1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. Официальный сайт, 2020. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=151153#021 9471580514403 (дата обращения: 16.11.2020).

5. Hendin R. «Я могу тебя убить, и никто меня не остановит». Проблема домашнего насилия в России и реакция государства [Электронный ресурс] / Human Rights Watch. USA, 2018. URL: https://www.hrw.org/ru/report/2018/10/25/323535 (дата обращения: 16.11.2020).

6. Дело №41261/17 «Володина против России» [Электронный ресурс] / Помощь при обращении в Европейский суд по правам человека. Официальный сайт. Москва, 2019. URL: http://european-court-help.ru/delo-41261-17-volodina-protiv-rossii/ (дата обращения: 16.11.2020).

7. Репродуктивное здоровье населения России 2011. Резюме отчета [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Министерство здравоохранения Российской Федерации. Россия, 2012. 56 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdravo-2011.pdf (дата обращения: 17.11.2020).

8. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика [Текст] // Lex Russica. 2018. №9(142). С. 129-138.

9. COVID-19 как причина роста насилия против женщин [Электронный ресурс] / Новости ООН. Россия, 2020. URL: https://news.un.org/ru/interview/2020/04/1375712 (дата обращения: 17.11.2020).

10. Димитриади М. Пандемия жестокости: в мире резко увеличилось число случаев домашнего насилия [Электронный ресурс] // Euronews. Франция, 2020. URL: https://ru.euronews.com/2020/03/31/coronavirus-domestic-violence (дата обращения: 17.11.2020).

11. Димитриади М. Число случаев домашнего насилия в России за время карантина выросло в 2,5 раза [Электронный ресурс] // Euronews. Россия, 2020. URL: https://ru.euronews.com/2020/05/05/russia-domestic-violence (дата обращения: 18.11.2020).

М. Н. Трофимов
курсант Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова[12]

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ В ОБЩЕСТВЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема восприятия положительного девиантного поведения в современном социуме. Отмечена проблема определения молодыми людьми феномена девиации, а также смешение восприятия социально одобряемых качеств и положительного отклонения от нормы. Определены основные направления по корректированию выявленной ситуации.

Ключевые слова: молодёжь, девиация, девиантное поведения, положительная девиация, социальные коммуникации.

Девиация как проявление поведенческих установок известна человечеству с момента формирования обществ и появления приемлемых правил поведения. Девиация в различных теориях рассматривается как поступок, специфический комплекс действий, особенности мышления, которые выделяют отдельных людей на фоне большинства [2, с. 61]. В военной системе отношение к девиации исторически сложилось в достаточно однозначном представлении. Отклонения от стандарта в поведении солдат, с одной стороны, снижают норму управляемости командира. С другой стороны, девианты характеризуются значительно меньшей адаптивностью к коллективу и дисциплинарным требованиям [3, с. 335], что увеличивает срок их вхождения в коллектив и подготовку к эффективной службе.

Не поддаётся сомнению тот факт, что правила и нормы поведения, понятие нормы в обществе формируются для обеспечения стабильности функционирования социальных институтов. Правила позволяют быстрее адаптироваться к незнакомой среде, а также определить своё место в обществе. Однако Э. Дюркгейм полагал, что девиация есть прямое следствие возникающей аномии, когда нормы и стандарты утрачивают своё значение. И при этом жизнь людей может подвергаться опасности ввиду высокого уровня неопределённости. Для М. Вебера девиантное поведение представляло скорее внутриличностную проблему определения социально-ролевого положения человека в общества, степень его принятия тех готовых приёмов, стандартов, их соответствие внутриличностным ожиданиям и установкам [1].

Наиболее комплексный подход к оценке проявления девиации осуществил Роберт Мертон, который одним из первых выделил феномен

[12] Научный руководитель: Грошева Л.И., канд. социол. наук, доцент ТВВИКУ имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

положительной девиации и определил инновационный тип поведения и мышления как одну из вероятных форм девиации.

Таким образом, проблема девиации неоднородна, так как она может проявляться как в негативной (наиболее часто исследуемой) форме, так и в положительном ключе, позволяя социальным институтам обнаруживать новые и нестандартные пути решения.

Основная проблема изучения девиации заключается в том, что зачастую исследователи концентрируют внимание на негативных формах проявления феномена, в то время как затруднения положительных девиантов остаются вне поля их интереса. В то же время, анализируя причины девиантного поведения, становится очевидным тот факт, что проблемы адаптации положительного девианта в обществе так же значимы, как и механизмы ресоциализации антисоциально настроенных людей [4].

Проблема положительного девиантного поведения в армии заключается в двойственной природе воинского дела. С одной стороны, креативность и нестандартное мышление позволяют повысить эффективность в бою. С другой – девианты хуже поддаются оперативному управлению, что снижает норму управляемости командира. Отрицательная девиация в значительной мере опасна, так как характер воинского труда сопряжён с оружием, взрывчатыми веществами и иными предметами, которые могут причинить вред сослуживцам как по умыслу, так и по неосторожности.

Таким образом, автором было проведено социологическое исследование, позволяющее определить восприятие девиантного поведения в среде военной молодёжи. Наиболее значимым аспектом выступила оценка положительной девиации и способность к её обнаружению в коллективе.

Учитывая затруднения в определении отклонений от нормы в среде молодёжи (ввиду её естественного стремления к демонстративным формам поведения) исследование было реализовано посредством качественного подхода – метода фокус групп. Всего было проведено 9 фокус-групп с октября 2019 по январь 2020 г. Участники отбирались среди военной молодёжи по целевому принципу, в качестве критерия отбора выступило наличие опыта руководящей работы.

Следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных сталкивалось в практической деятельности именно с негативной девиацией. Участники отмечали асоциальное поведение, различные виды зависимостей, токсичные формы взаимодействия, а также агрессию или наоборот – полную апатию и безразличие к событиям коллектива. Однако положительные проявления были отмечены почти в трети случаев. Среди их проявлений были высказаны неоднозначные феномены, что позволяет предположить о невысокой информированности молодых людей о положительных девиантах. Следует подчеркнуть, что к положительной девиации участниками были отнесены качества и стандарты, которые отражают нормальные формы поведения (бескорыстие, здоровый альтруизм). В значительной мере упоминался талант или даже гениальность – как правило, связанная с умением находить решение в сложных ситуациях. Настораживающим фактом стало

отнесение способности к пониманию и поддержке в группу положительных отклонений. При этом курсанты действительно считают данные качества редкостью и несвойственным явлением для современных людей.

Несмотря на то, что в целом участники показали наличие навыков отличия положительных и отрицательных отклонений, отношение к девиантам в целом более негативное, чем терпимое. Если относительно отрицательной девиации высказывания были аргументированными и обоснованными, то высказывания о положительных отклонениях были весьма неоднозначны.

Необходимо подчеркнуть, что положительные девианты также вызывают опасения и некоторые негативные чувства со стороны коллектива, такие как зависть, страх, недоверие и др. При этом ни один из участников не привёл в качестве объективного аргумента оснований, достаточных для указанной реакции относительно людей, отличающихся положительными свойствами.

На вопрос о наличии желания стать положительным девиантом опрошенные разошлись во мнениях. Наиболее востребованной позицией стали супергерои или фантастические персонажи с особой миссией. При этом, молодые люди рассматривали исключительно превосходство над окружающими, как наиболее желаемое преимущество. Низкая востребованность внешних особенностей, пусть и дающих преимущества – психологически оправдана. Однако позиции гения и таланта также не были востребованы. Молодые люди отметили, что с такими особенностями будет невозможно жить в коллективе, строить хорошие взаимоотношения с командиром и будет трудно найти пару. Более того, треть опрошенных привела суждения своих родителей и родственников в подтверждение собственной позиции. Данный факт свидетельствует о наличии преемственности в выявленном феномене.

Оценка восприятия положительной девиации показала, что молодые люди в равной мере избегают проявления любых отклонений в поведении. И хотя они сами сталкивались с подобным поведением со стороны окружающих их восприятие феномена одинаково негативно. Отрицательное отклонение воспринимается как преступление, проступок, нарушение норм и правил. Положительное отклонение, как правило, вызывает жалость или зависть по отношению к обладателю особых свойств. Данный факт может косвенно свидетельствовать о том, что положительная девиация в военных структурах ещё не принимается как данность и вызывает определённое сопротивление.

Среди рекомендаций следует отметить необходимость комплексных мер по созданию положительного образа позитивных отклонений. Необходимо предупредить проблемы, связанные с распространением негативных эмоций по поводу человека, обладающего отличными от окружающих качествами, чтобы способствовать его включению в коллектив, нормальной адаптации и применению его способностей на благо защиты Родины.

Список литературы:

1. Бабаева А.В., Попова Н.А. Классификация позитивной девиации и её проявления // JSRP. 2013. №3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pozitivnoy-deviatsii-i-ee-proyavleniya (дата обращения: 06.11.2020).
2. Грошева И. А., Грошев И. Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. №2. С. 54-62.
3. Грошева Л. И. Специфика интернационализации образования в мультикультурном аспекте // Сборник материалов XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения-2017». «Университет в глобальном мире: новый статус и миссия», 20-21 февраля 2017 г. – М: Издательство: ООО «МАКС Пресс», МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. 2017. С. 334-336.
4. Остапенко П.И. Положительные девиации как элемент развития современного российского общества // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2012. №84 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polozhitelnye-deviatsii-kak-element-razvitiya-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva (дата обращения: 13.10.2020).

А. Ю. Шумская
курсант Омской академии МВД России[13]

РАДИКАЛИЗМ В РЕЛИГИИ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Предложенная тема остается актуальной довольно давно и была рассмотрена в научном сообществе не единожды. Но последние события, происходящие не только в конкретном обществе, но и во всем мире, заставляют нас обратиться к данной теме еще раз. Автор осуществляет раскрытие особенностей современной ситуации, указывает на проблемные места, а также предлагает способы их преодоления.

Ключевые слова: религия, религиозный радикализм, «традиционные» и «нетрадиционные религии», религиозный экстремизм, терроризм.

Религиозный радикализм, если он не затрагивает большую часть общества и не порождает экстремизм и терроризм, а является «мирным», не будет оказывать на государство большого влияния. Однако, та часть общества, которая будет подвержена его влиянию, будет страдать. Не стоит путать радикализм с ортодоксальным явлением (ортодоксами), хотя переход последних на сторону «зла» возможен, если их действиями будут затронуты интересы общества и государства.

[13] Научный руководитель: Морозов А.А., канд. истор. наук, доцент Омской академии МВД России

Из-за того, что нередко радикализм в религии сопровождается терактами и убийством людей, большая часть государств в мире борется с подобными проявлениями. Законы многих стран в мире призваны оградить людей, которые больше всего подвержены внушению от подобных манипуляций со стороны заинтересованных в этом лиц.

Чаще всего радикализм используется в целях изменения отношения к постулатам людей, изменения их сознания и внесения в их обиход новых постулатов. Это приводит к разрыву межличностных отношений людей, изменения самосознания, что влечёт за собой полную деградацию человека как личности, гражданина, части ячейки общества (отца, матери, сына….) и дальнейшее самопожертвование вымышленным идеалам.

Современное общество в большинстве своём уже научилось различать «плохое и хорошее». Сейчас религиозному радикализму в большей степени подвержены подростки и студенты, со своей не окрепшей психикой, недостаточными познаниями, а также малым жизненным опытом. На данном этапе эволюции на это нужно обращать пристальное внимание со стороны государств. Деградация системы образования, как в нашей стране, так и за рубежом, увеличивает ряды «адептов»…. Еще Карл Манхейм говорил о том, что молодежь легко управляема и подвержена воздействию [1].

Продвижению религиозного радикализма способствует развитие цифровых технологий и средств связи. Скорость обмена информацией, её объем и доступность увеличиваются с каждым днём. На данном этапе развития общества, почти каждый человек может получить в свободном доступе через «сеть Интернет», практически любую информацию и даже запрещённую законом. Государства пытаются ограничить доступ к определённым материалам в «сети», но без решения суда это практически невозможно, т.к. удалённая с одного ресурса информация, тут же появляется на другом ресурсе или сервисе.

Только неотвратимость уголовной ответственности останавливает большую часть людей от запрещённых законом действий (копирование, репосты, создание собственных запрещённых работ….). Однако, радикально настроенных людей даже это не останавливает. Осознавая неотвратимость наказания за свои действия, они всё равно продолжают свою незаконную деятельность.

На данном этапе развития мира к основным мировым «традиционным» религиям относятся: христианство (православное, католическое и протестантизм), ислам, индуизм и буддизм. Под традиционными в данном контексте мы будем иметь в виду религии в религиоведческом и историческом смысле при цивилизационном развитии обществ в мире и признанных на официальном уровне государствами. Хотя под традиционностью в религии понимаются правила культа, хранящиеся в конкретном сообществе людей на определённой местности, так называемые этнические религии. В качестве яркого примера можно привести индейские религии. Так у каждого племени индейцев в США имеется своя традиционная религия, т.к. каждое племя

проживало обособленной группой на определённой территории на протяжении долгого времени [2].

Мы не можем отрицать наличие и других религий в мире, как созданных тысячи лет назад, так и вновь созданных на протяжении последних нескольких веков. Представители основных мировых «традиционных» религий пытаются воздействовать на государства и основную часть общества с целью признания их главенства над другими религиями и религиозными течениями. Эти действия встречают противодействие со стороны представителей других религий и религиозных течений. Что также приводит к возникновению религиозного радикализма.

Религии и религиозные течения должны быть независимы от государства и государственной власти. Влияние государственных структур на религии и религиозные течения, подрывает в них то доброе и справедливое, что они должны нести людям. Утрачивается смысл учения. В настоящее время мы видим, как государства контролируют основные религии, находящиеся на их территории, тем самым оказывая определенное воздействие на большую часть граждан, как на прихожан.

Плохо это или хорошо? Ответ на этот вопрос мы не будем раскрывать в данной работе, т.к. данная тема требует более детального рассмотрения и будет недостаточно терминологического обоснования, а также того обстоятельства, что будут затронуты государственные интересы либо интересы определённых государственных структур. Нельзя не согласиться с тем, что во многих случаях нетрадиционные религии в связи с их осовремениванием, больше помогают людям в решении их проблем, забот и нравственных терзаний, так как общество постоянно развивается, а не стоит на месте. Также имеет значение привлечение сторонников на свою сторону, так как большинство людей уже придерживаются либо веры из числа основных мировых религий, либо имеют атеистические взгляды. Основные мировые религии при этом страдают ортодоксальностью. Хотя определённые тенденции к новшествам у них прослеживаются. Вопрос о необходимости внесения изменений в основные мировые религии в настоящее время остаётся открытым, так как у него имеются сторонники как за, так и против внутри этих религиозных сообществ.

Любая религия является угрозой свободе на самовыражение своих мыслей и взглядов. Религиозные догматы считаются верующими соответствующей религии непреложной истиной, не подлежащей сомнению, оспариванию и опровержению. Любые сомнения в религиозных догматах встречают яростное сопротивление среди религиозных людей, особенно, среди руководителей религиозных культов.

Развитие науки и цивилизации в целом даёт более обширные знания, а также возможность переосмысления написанных в «священных писаниях» догматов. Противоречия, установленные научной практикой, всё равно отрицаются большинством представителями религиозных культов. Те религиозные служители, которые принимают достоверные выводы мирового научного сообщества, и пытаются привнести в религию установленные

новшества, спорят с религиозными догматами, которые опровергаются современной наукой, публично указывают на цинизм, разгильдяйство и тому подобное внутри самой религии, изгоняются из религиозных организаций. С данных служителей снимается религиозный «сан».

Много людей, глядя на то, что происходит в мировых религиях, пытаются найти себя в традиционных религиях, существовавших на данных территориях до прихода мировых религий. Как пример, возврат многих славян к так называемому многобожию (язычеству), существовавшему на территории Руси до принятия христианства.

В настоящее время на наш взгляд, одной из серьезных угроз человечества является религиозный экстремизм и терроризм. Как отмечает А.А. Морозов, нередко религиозная идентичность «приобретает достаточно агрессивный характер» [3, с. 65]. Попытка религиозных фанатиков, посредством своего учения подчинить своему религиозному сообществу людей, большую часть граждан страны, и в дальнейшем всего мира, приводят к насильственным действиям, убийствам, подрывам домов, зданий и сооружений, автомобилей. Данные действия фанатиков сталкивают религии, несут разрушения государственному строю стран, приводят к смене власти и приходу к власти радикально настроенных людей, что не всегда является положительным явлением для общества стран и мира в целом.

Теракты уносят жизни большого количества людей во всём мире, оставляют их без крова, инвалидами и так далее. Многие государства, используют подобные теракты для ущемления прав и свобод граждан, осуществления тотальной слежки и контроля за людьми. Подобное мы можем видеть на примере США после 11 сентября 2001 года.

Государства противодействуют экстремизму и терроризму. На государственном уровне среди практически всех стран мира приняты программы по противодействию экстремизму и терроризму в любом его проявлении. На данное противодействие тратится очень много денег, которые могли пойти на рост благосостояния граждан стран. Но проблема в том, что сейчас ежедневно расширяется информационная, тактико-стратегическая, финансовая, идеологическая, психологическая, ресурсная взаимосвязанность экстремистских сообществ и групп в отдельных странах и в международном масштабе [4], что затрудняет возможность решения данной проблемы и требует все больше финансовых вложений.

Религиозный экстремизм и терроризм в большей степени стал проявляться после начала войн, которые привели к большому потоку миграции населения. Беженцы из малоразвитых стран в основном арабских, стали проникать в развитые страны Европы, государства с другим менталитетом, общественным строем, обычаями и религией. Изнасилование местных жителей со стороны мигрантов, убийства местного населения, кражи, грабежи приводят к катастрофическим последствиям. Европейские страны со своей толерантностью не знают, что с подобными проявлениями делать. Защитить своих граждан они не в состоянии. Руководители государств не предпринимают тех действий к беженцам, которые могли бы указать им на их

место в «чужом доме». Местные жители в большинстве своём уже не надеются на помощь государства и берут свою защиту в собственные руки, что провоцирует межрасовую и межконфессиональную рознь.

Многие ученые высказывают мысль о том, что деление народа по религиозному признаку в корне неправильно. На примере нашей страны мы видим, к чему это приводит.

Подводя итог всему сказанному, мы можем сказать о том, что религиозный радикализм имеет место во многих государствах, совмещая в себе как положительные, так и отрицательные черты. Религиозный радикализм, проявляющийся с негативной стороны, должен предотвращаться государством не только в политико-правовой сфере, но и в информационной среде.

Список литературы:

1. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. 744 с.
2. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964. 559 с.
3. Морозов А. А. Свобода совести в условиях постсекуляризма (российский вариант) // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12 декабря 2019 г.) / отв. за вып. д-р юрид. наук, доцент М. А. Бучакова. Омск : Омская академия МВД России, 2020. С. 63-65.
4. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала: Кавказ, 2009. 217 с.

М. М. Юданов
курсант Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова[14]

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СКАНДИНАВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассмотрена совокупность причин, формирующих основу популярности скандинавской культуры среди гражданской и военной молодёжи. Автором представлены результаты контент-анализа, позволяющего оценить базовые механизмы, направленные на привлечение целевой аудитории. Отмечены основные особенности гендерной, профессиональной специфики, учитываемой при создании контента, посвящённого скандинавской мифологии.

[14]Научный руководитель: Грошева Л.И., канд. социол. наук, доцент ТВВИКУ имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Ключевые слова: скандинавская мифология, молодёжные объединения, творческая молодёжь, цифровое общество, виртуальная коммуникация.

Современный мир нередко характеризуют как противоречивый и даже полярный. Такая антагонистичность проявляется во всем: начиная от мировых тенденций, заканчивая процессами локального характера, и вызвана преимущественно отсутствием строго определенных стандартов и нивелировкой значимости традиционных форм. Эта тенденция отражается не только на внешних процессах, но и напрямую затрагивает мировоззрение личности, побуждая к постоянному поиску [1, с. 54].

Свидетельством этого является стремительное возникновение нетрадиционных религиозных объединений и активное приобщение к ним новых членов, охотно изменяющих свои религиозные убеждения в силу привлекательности предлагаемых идей. В противовес происходит возрождение забытых современниками традиций с целью поиска «правильного» пути развития личности и всего общества, а также избавления от актуальных для современной цивилизации проблем. К последним можно отнести «неоязычество», которое в России и в мире постепенно набирает популярность [4].

Привлекательность подобных культов обусловлена рядом вероятных причин. Современная молодёжь в значительной мере вовлечена в фантазийный мир игр, сообществ и коммуникативных пространств, наполненных необычным и ярким контентом, который, по ряду причин, зачастую не коррелирует (не соотносится) с действительностью. Значительный объём информации, обязательств, надежд, возлагаемых на молодых, стимулирует их конструировать особый мир, наполненный особым смыслом, не похожим на будничную рутину [2, с. 334].

Согласно данным современных антропологов, скандинавские культы наиболее распространены в странах, где изначально появились данные системы ценностей, как способ актуализировать национальную культуру. В России популярность данных течений связывают с изначальным сходством отдельных традиций и символов между славянским и скандинавским культом. Как правило, наиболее привлекательное в данной культуре исследователи считают образ героического воина и систему Вальхаллы [3, с. 185].

Военная среда имеет ряд параллелей со скандинавской культурой. В значительной мере оправдывается смерть на поле боя, которая рассматривается как начало другого способа существования. Самоотверженность и аскетичность викинга в значительной мере соответствует требованиям умеренности в поведении военнослужащего. Сообщество викингов в значительной мере представляет собой магическую ритуализацию профессии, а также включение элемента магического.

Таким образом, востребованность мифологии Скандинавии обусловлена особенностями романтизации жизненного пути, смерти и наличием чётко обозначенного смысла жизни и деятельности человека (преимущественно мужчины). Данный факт, в условиях отсутствия единой идеологии или

базовых ценностных ориентиров, позволяет компенсировать морально-нравственный вакуум, образующийся в ходе дистанционных форм обучения и воспитания [5].

Ввиду отсутствия единого мнения относительно причин возникновения скандинавской культуры, а также появления социальных оснований для увеличения спроса на него среди молодёжи, необходимо осуществить подробное рассмотрение в контексте значимости заложенных в нем идей для развития современной России. Это определяет актуальность изучения заявленной темы и даёт основания для формулировки цели исследования, состоящей в рассмотрении основ вероучения неоязычества и анализе предпосылок его популярности в современном российском обществе. В свою очередь, задачами исследования является рассмотрение различных подходов, позволяющих понять смысл и значение неоязычества, а также изучение способов решения неоязычеством актуальных для России социальных проблем.

В качестве метода исследования был выбран контент-анализ, источников в социальных сетях и сети Интернет. Мною было проанализировано 283 источника за 2020 год. Статьи отбирались по принципу наличия ключевых слов и словосочетаний-маркеров. Подсчёт производился по методике Алексеева. Качественный анализ рассматривал основные тематические направления статей и их содержательную характеристику.

Анализ статей позволяет говорить об ориентации отражения культа на духовную гармонию и ритуализацию жизни. Наиболее подробно описываются особенности верований, мифов и мифологических персонажей. Треть статей освещает возможности применения артефактов, талисманов и мест силы, в то время как в мужских сообществах превалирует описание образа викинга – его личностные качества и жизненные ориентиры. Соответственно, образ культа существенно разнится в зависимости от гендерного фактора целевой аудитории. Для женщин в большей мере представляется магическая и духовная составляющая, для мужчин – конструирование смысла жизни и образа победителя.

В значительной мере скандинавская культура позиционируется в сети Интернет как альтернативный мир, содержащий своих героев и смысл существования. Зачастую в сообществах присваивают своим членам особые имена, символы (биндруны) и другие сакральные атрибуты, чтобы сформировать у человека ощущение таинства.

По этой причине треть статей оценивает скандинавский культ как объединение единомышленников, готовой вступить в «бой» ради достойных побуждений или идеалов. Присутствует так же в 22,3 % случаев пессимистичный уклон в достижение Вальхаллы. При этом следует отметить, что данный культ выступает резко против суицидальных установок.

Также данный культ описывается в связи с хобби отдельных людей (коллекционирование оружия, лепка скульптур драконов и др.)

Привлекательность культа достигается за счёт достаточно продуманного использования графического контента. Интересным фактом

является использование образов викингов в более половины случаев. Для женщин образы представлены в более романтичном контексте, в то время как для мужчин предлагаются изображения с поля боя, или воина в крови после боя.

Используются изображения женщин в национальной одежде (хотя в отдельных ситуациях картинки зачастую не соотносятся с конкретным культом). Также достаточно часто отражаются магические символы. При этом сами символы подбираются довольно тщательно, согласно тематической направленности статьи (если речь идёт о пути, то используется райдо, кано или соулу, если о защите – альгиз или стан).

Привлекательность скандинавской культуры как части жизни молодого человека в значительной мере оправдывается борьбой с обстоятельствами и прежде всего – с самим собой. Данное содержание в той или иной мере встречалось в 43,5 % сообщений. Второй по значимости выступила ритуализация обыденных действий посредством произнесения особых слов, фраз или использования ритуальных предметов. Ряд поступков и действий оправдывался с позиции скандинавских богов (проблема оценки бога Локи), таким образом проводились параллели между жизнью богов и людей. Демонстрировалось сходство возможных ошибок или пороков.

Таким образом, популярность скандинавского культа обусловлена противоречием стремлений молодёжи жить насыщенной и красочной жизнью и теми условиями, которые создаёт общество в рамках рабочего и воинского труда. Молодые люди ощущают потребность в принадлежности к большому сообществу, и в случае наличия дезадаптационных процессов, например, во взводе, отдельные люди могут таким образом заменить себе воинское братство скандинавским сообществом. Для отдельных людей особое значение имеет место смерти в существовании человека. По этой причине подробное описание Вальхаллы может иметь положительное влияние, снижая тревожность от профессии с высокими рисками.

На текущий момент большинство сообществ не имеет ярко выраженных признаков сект или праворадикальных сообществ. По этой причине включение данных групп в социально-активную среду могло бы вывести сообщества на открытую площадку для взаимодействия и реализации гражданской позиции. С другой стороны, необходимо проводить мониторинг сообщений в сети, ввиду наличия вероятности радикализации отдельных сообществ. Также необходим анализ воинского сообщества, так как чрезмерное распространение данной культуры может свидетельствовать о деградационных процессах в организационной культуре отдельных подразделений.

Список литературы:

1. Грошева И. А., Грошев И. Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа // Вестник РУДН. Серия Социология. 2009. №2. С. 54-62.

2. Грошева Л. И. Специфика интернационализации образования в мультикультурном аспекте // Сборник материалов XI Международной научной конференции «Сорокинские чтения-2017». «Университет в глобальном мире: новый статус и миссия», 20-21 февраля 2017 г. М: Издательство: ООО «МАКС Пресс», МГУ имени М.В. Ломоносова, Социологический факультет. 2017. С. 334-336.

3. Мацевич А.А. Становление национальной самоидентификации в культуре и литературе скандинавских стран // Studia Litterarum. 2016. №1-2. С. 171-191.

4. Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky10.htm (дата обращения: 11.12.2020).

5. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Федорова М.В. Отношение молодежи к религии // Власть. 2014. №12 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-molodezhi-k-religii (дата обращения: 05.12.2020).

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Сессия 1. Военно-политическая и информационная безопасность в условиях геополитических вызовов

С. Ляшенко
докторант Университета естественно-гуманитарных наук[15]

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Конфликт в Нагорном Карабахе является одним из самых трудноразрешимых конфликтов на постсоветском пространстве. Армения и Азербайджан ведут переговоры с 1990-х гг., но совершенно различные мнения по поводу путей выхода из затяжного кризиса не позволяют им найти решения, устраивающего обе стороны. Военное противостояние на границе Армении и Азербайджана вошло в очередную активную фазу 27 сентября 2020 года. Несмотря на эти события, реакция международного сообщества крайне осторожна. Россия и Турция являются основными внешними силами, которые могли бы повлиять на урегулирование конфликта.

Ключевые слова: региональная безопасность, конфликт, Кавказ, Нагорный Карабах.

Введение – общие сведения

Нагорный Карабах расположен в регионе Закавказья, в восточной части Армянского нагорья. Происхождение названия «Карабах» берёт начало от тюркского слова «кара», т.е. «чёрный», и персидского слова «баг», т.е. «сад» [2]. Эту территорию армяне часто называют провинцией Великой Армении Арцах, которая охватывала регион в древности [2].

Под Нагорным Карабахом часто подразумевается Нагорно-Карабахская Республика (НКР), хотя географически её территория занимает большую площадь, чем регион Нагорного Карабаха. НКР со столицей в Степанакерте (Ханкенди) провозгласила свою независимость 2 сентября 1991 года [4]. Официальным языком республики является армянский и большая часть населения (около 95 %) – армяне [4].

Карабахский конфликт

Конфликт в Нагорном Карабахе является одним из самых трудноразрешимых конфликтов на постсоветском пространстве. При наличии глубоких исторических корней перспективы его разрешения до сих пор не определены. Армения и Азербайджан ведут переговоры с 1990-х гг., но, как известно, совершенно различные мнения по поводу путей выхода из

[15] Научный руководитель – Adam Bobryk, dr hab., profesor uczelni Instytut Nauk o Bezpieczeństwie

затяжного кризиса не позволяют им найти решения, устраивающего обе стороны: согласно позиции Армении, которая ссылается на Хельсинский Заключительный акт [6], армяне как нация имеют право на самоопределение, в то время как Азербайджан придерживается политики сохранения территориальной целостности государства [5, с. 57]. Как подчёркивает Д.А. Сидоров, ситуация в этом регионе не улучшилась несмотря на соглашения, достигнутые на Лиссабонском саммите, а также Мадридские принципы и Цюрихские протоколы [5, с. 57]. Кроме того, после распада СССР в регионе Закавказья изменилась геополитическая ситуация вследствие появления новых независимых государств и ослабления позиции России [5, с. 57].

Согласно историческим фактам крах Российской Империи повлёк за собой возникновение в Закавказье в 1918 году новых республик, одной из которых была Азербайджанская демократическая республика (АДР), в состав которой вошёл Карабах. Преобладающее на территории Карабаха армянское население не желало подчиняться властям АДР. Вплоть до 1920 года принадлежность Карабаха была причиной столкновений между Азербайджаном и Арменией, а впоследствии, в советское время, неоднократно приводила к массовым беспорядкам [2]. На территориии Нагорного Карабаха была создана Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО), просуществовавшая в составе Азербайджанской ССР в период 1923-1991 годов [3]. Выход НКАО из Азербайджанской ССР был объявлен в феврале 1988 года и поддержан на внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО 20-го созыва [8, с. 155]. Сентябрь 1991 года ознаменовался созданием Нагорно-Карабахской Республики со столицей в Степанакерте [2]. Нагорный Карабах вышел из-под контроля Азербайджана в результате военного противостояния, которое принудило стороны к подписанию Бишкекского договора о перемирии в 1994 году [2]. Однако это так и не привело к полному прекращению вооружённых действий на линии соприкосновения и к урегулированию конфликта.

Предвестником нового обострения конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха послужили факты обстрела военными обеих сторон позиций противника на границе в июле 2020 года. Ни одна из сторон не признала себя инициатором нарушения режима прекращения огня. Использование тяжелого вооружения в результате усиления конфликта повлекло за собой увеличение количества жертв как со стороны Азербайджана, так и со стороны Армении. Военное противостояние на границе Армении и Азербайджана вошло в очередную активную фазу 27 сентября 2020 года. Согласно Минобороны Азербайджана, в результате минометного и артиллерийского обстрела армянскими войсками нескольких населенных пунктов, расположенных вблизи границы, были зафиксированы жертвы среди мирного населения [1]. С другой стороны, Армения обвинила Азербайджан за возобновление военных действий и настаивает на том, что азербайджанские войска первыми начали обстрел территории Нагорного Карабаха [1].

Реакция международного сообщества

Кризисная ситуация в Нагорном Карабахе на сегодняшний день является неразрешённой, но по словам А. Умарова, несмотря на эти события, реакция международного сообщества крайне осторожна [7]. Более того, обострение конфликта на Южном Кавказе не стоит на первом плане из-за ряда международных событий, включая пандемию коронавируса и связанный с ней социально-экономический кризис, внутренние проблемы в ЕС, а также активную избирательную кампанию в США [7].

По мнению А. Умарова, Россия и Турция являются основными внешними силами, которые могут повлиять на урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе, так как эти государства «имеют исторические стратегические интересы в регионе Южного Кавказа и очевидно намерены расширить свое присутствие на данной территории» [7]. Однако эти страны, в каком-то отношении, тоже повлияли на развитие настоящей эскалации конфликта в регионе, организовав крупные военные учения между Россией и Арменией, а также между Турцией и Азербайджаном в июле-сентября 2020 года, а также благодаря поставкам Россией вооружения в Армению и Азербайджан в 2010-2019 годах [7].

После обострения конфликта в сентябре 2020 года Россия призвала Армению и Азербайджан к немедленному прекращению военных действий и началу переговоров. В свою очередь, президент Турции высказался в поддержку Азербайджана, настаивая на том, что Армения должна покинуть оккупированные азербайджанские территории [1]. Что же касается США и стран Европы, они критически отнеслись к возобновлению конфликта в Нагорном Карабахе и тоже призвали Армению и Азербайджан прекратить огонь и вернуться к переговорам.

Для России скорейшее урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе имеет ключевое значение. Одним из главных поводов является тот факт, что Армения выступает для России важным стратегическим партнёром на Кавказе, так как она – член организаций ЕАЭС и ОДКБ, а на её территории расположена российская военная база [5, с. 58]. Кроме того, Россия, будучи основным торговым партнером Армении, является также важным инвестором в экономику этой страны. Однако, по мнению Д. Сидорова, у Армении меньше шансов выиграть противостояние с Азербайджаном, так как, с одной стороны, Азербайджан экономически превосходит Армению и сам «диктует свою политику», а с другой стороны, мировое сообщество придерживается мнения, что территория Нагорного Карабаха была оккупирована Арменией и ей не принадлежит [5, с. 58].

Заключение

Таким образом, как видно из выше изложенного, неразрешённый конфликт в Нагорном Карабахе имеет существенное влияние на безопасность стран данного региона. При наличии глубоких исторических корней перспективы разрешения конфликта до сих пор не определены из-за совершенно различных мнений сторон по поводу путей выхода из этого затяжного кризиса. После распада СССР в регионе Закавказья изменилась

геополитическая ситуация вследствие появления новых государств и ослабления позиции России. Однако, как показывает текущее развитие ситуации, особенно после новой эскалации конфликта в сентябре 2020 года, Россия и Турция являются основными внешними силами, которые могут повлиять на урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе ввиду своих исторически обусловленных стратегических интересов в этом регионе.

Список литературы:

1. Антонова Е., Сироткин К., Пудовкин Е. Конфликт Армении с Азербайджаном. Что важно знать. РБК 09.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/11/2020/5f7067be9a794753f86fb7b5 (дата обращения: 16.12.2020).
2. Анушевская А. Что представляет собой Нагорный Карабах? Аргументы и факты 05.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/dontknows/file/chto_predstavlyaet_soboy_nagornyy_karabah (дата обращения: 16.12.2020).
3. Карабах в 1920-1980 годах [Электронный ресурс]. URL: https://www.virtualkarabakh.az/ru/post-item/22/36/karabah-v-1920-1980-godah.html (дата обращения: 20.12.2020).
4. Об Арцахе. Общие сведения [Электронный ресурс]. URL: http://www.nankr.am/ru/31 (дата обращения: 20.12.2020).
5. Сидоров Д. А. Нагорно-Карабахский конфликт после бархатной революции в Армении. [в:] Курылева К. П. (ред.). 30-летие конфликта в Нагорном Крабахе. Москва: РУДН, 2019. 172 с.
6. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки 1975 [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 16.12.2020).
7. Умаров А. Война в Южном Кавказе: уроки для Центральной Азии. CABAR.asia 19.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://cabar.asia/ru/vojna-v-yuzhnom-kavkaze-uroki-dlya-tsentralnoj-azii (дата обращения: 16.12.2020).
8. Хачатрян А. Г., Алексанян Г. А. К 30-летию Нагорно-Карабахского конфликта: ключевые события до и после распада СССР // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 155-162.

М. С. Перминова
доцент Оренбургского государственного университета

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В статье отмечается, что на фоне активного использования современных информационных технологий, актуализируется проблема распространения экстремизма среди молодежной аудитории в информационном пространстве социальных сетей, которые обладают огромным потенциалом распространения разнообразной информации, включая возможность тиражирования экстремистского контента. Автором проанализированы основные социально-психологические особенности молодежи как социальной группы и выделены основные факторы, влияющие на возникновение и проявление экстремистских настроений в молодежной среде.

Ключевые слова: социальные сети, молодежь, экстремизм.

Проникновение информации и современных технологий в жизнедеятельность человека очень велико. Кроме того, само информационное пространство представляет собой совокупность настроений, взглядов, идей, мнений, существующих в средствах массовых коммуникаций и создающих определенную информационную обстановку в том или ином регионе. Практически все значимые мировые события освещаются как в СМИ, так и в Интернете.

По оценкам аналитиков, каждый год можно наблюдать положительную динамику роста числа интернет-пользователей. В 2020 году количество интернет пользователей в мире составило 4,54 млрд. человек, что на 7% больше, чем в 2019 году или на 298 млн. человек. В январе 2020 года число пользователей социальных сетей составило 3,8 млрд. человек. Аудитория социальных медиа каждый год имеет положительную динамику роста в среднем на 9%, что составляет 298 млн. новых пользователей каждый год [6].

Универсальным средством коммуникации в информационном пространстве Интернета по-прежнему остаются социальные сети. Они уже завоевали более 80% аудитории интернет пользователей. Говоря о России, отметим, что проникновение социальных сетей оценивается в 47%, аккаунты в них имеют 67,8 млн. россиян [7]. По данным Всероссийского Центра изучения общественного мнения среди наиболее активных пользователей социальных сетей 70% аудитории составляют люди в возрасте от 18 до 24 лет. А 69% детей и подростков в возрасте от 12 до 17 лет, ежедневно использующих Интернет и социальные сети, уже не представляют своей жизни без них [3].

Однако следует учесть тот факт, что масштабы проникновения и использования социальных сетей значительно отличаются в зависимости от таких факторов как социально-демографические характеристики

пользователей, территория проживания. Учет данных различий играет большую роль при выборе целевой аудитории, на которую ориентирован тот или иной контент.

Многие эксперты сходятся во мнении, что вместе с положительными аспектами использования социальных сетей, возникли и новые социальные риски. В частности, это проблема обеспечения информационной безопасности молодежной аудитории в Интернете и социальных сетях в силу распространения экстремисткой идеологии, что обусловлено социально-психологическими особенностями самой молодежи. К таким особенностям можно отнести, во-первых, незавершенность процесса социализации; во-вторых, мировоззренческую неустойчивость; в-третьих, склонность к проявлению различных форм протестного поведения; в-четвертых, стремление к поиску простых решений сложных жизненных ситуаций. Эти социально-психологические особенности молодежной аудитории активно используются экстремистами при формировании контента и выборов средств его распространения. При подготовке аудио- и видеосообщений, различного рода публикаций применяется молодежный сленг, символы или слоганы, демотиваторы, мемы, генераторы изображений, фотографии и т.д. Таким образом, информация всегда подается в виде понятной и популярной среди молодежной аудитории форме.

Расширение сферы влияния экстремистской идеологии через социальные сети обусловлены рядом преимуществ – легкостью получения доступа к многомиллионной Интернет аудитории, анонимный характер коммуникации, дешевизна и простота в использовании, скорость передачи информации, а также слабый уровень контроля за информационным пространством Интернета и социальных сетей со стороны государства [4, с. 101].

А. В. Щеглов в работе «Противодействие методам вербовки в религиозные экстремистские организации» отмечает, что с психологической точки зрения страница в социальной сети воспринимается пользователем как некое личное пространство, поскольку именно он определяет круг своего общения, добавляя или удаляя пользователей в друзья, становится членом тех или иных сообществ, размещает на своей странице понравившийся контент. Именно этот фактор во многом определяет доверие к информации, полученной из социальных сетей, нежели из других источников – федеральных, региональных СМИ [8]. Отметим, что по своим пропагандистским возможностям социальные сети уже обошли все традиционные виды СМИ – газеты, радио, телевидение.

Сегодня в России действует более 100 молодежных экстремистских организаций различной направленности, наблюдается негативная тенденция к увеличению их числа. По оценкам экспертов, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица, возраст которых не превышает 30 лет.

Российская молодежь в силу своих социальных, психологических характеристик, а также особенностей восприятия окружающей

действительности, по мнению директора НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ В. Амелина, чаще остальных возрастных групп проявляет ксенофобию, национализм и даже расизм. Это может быть обусловлено множеством факторов, среди которых сложная социально-экономическая обстановка, духовный кризис российского общества, социальная поляризация, раскол внутри некоторых конфессий [5].

И. Бочарникова и О. Зубова в своей работе «Оценка эффективности противодействия молодежному экстремизму: на примере анализа региональных программ» выделяют следующие детерминанты возникновения и проявления экстремистских настроений в молодежной среде:

– дисфункциональность общественных институтов;
– коррупция и криминализация российского общества;
– изменение культурно-ценностных ориентаций;
– отсутствие условий для самореализации молодежи;
– чувство незащищенности и невостребованности в современном обществе;
– включенность молодежи в интернет-ресурсы, усиливающая возможность использования сети Интернет в противоправных целях [1].

Наиболее распространенной точкой зрения сейчас является та, согласно которой в ряды экстремистских организаций может попасть только молодежь с низким социально-экономическим статусом и образованием. Однако, как показывает статистика, в рядах подобных организаций оказываются молодые люди с разным уровнем образования, с разным материальным доходом, с разным семейным статусом.

В этой связи в научном социологическом дискурсе активно обсуждается проблема обеспечения информационной безопасности молодежи, разрабатываются профилактические программы, направленные на уменьшение степени воздействия экстремистских организаций на молодежную аудиторию в информационном пространстве социальных сетей.

Учитывая рост количественных показателей преступлений экстремистской направленности среди молодежи [2], противодействие данному социальному явлению должно быть одним из приоритетных направлений взаимодействия органов государственной власти, институтов гражданского общества и научного сообщества. При этом особое значение имеет работа, связанная с разработкой и внедрением эффективных методов борьбы с пропагандой экстремистских идей в информационном пространстве Интернета и социальных сетей.

Список литературы:

1. Бочарникова И. С., Зубова О. Г. Оценка эффективности противодействия молодежному экстремизму: на примере анализа региональных программ // Госсоветник. 2013. №4 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-protivodeystviya-

molodezhnomu-ekstremizmu-na-primere-analiza-regionalnyh-programm (дата обращения: 20.12.2020).

2. Быкадорова А. С. Обзор судебной практики по делам об экстремистской деятельности в сети Интернет // Обзор. НЦПТИ. 2017. № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:c4NLsyO4uc8J:nac.gov.ru/sites/default/files/obzor_ncpti.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 20.12.2020).

3. Дети и подростки в Интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.bizhit.ru/index/internet_i_podrostki/0-342 (дата обращения: 20.12.2020).

4. Маевская Л. Б. Социальные сети и методы вербовки сторонников ИГ, угроза национальной безопасности стран СНГ // Современные евразийские исследования. 2015. Т.4. С. 95-105.

5. О мерах противодействия молодежному экстремизму [Электронный ресурс]. URL: http://www.osu.ru/news/16543 (дата обращения: 20.12.2020).

6. Самые важные цифры из глобального отчета Digital 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/ (дата обращения: 20.12.2020).

7. Самые популярные социальные сети в России в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: https://indiger.ru/samye-populjarnye-socialnye-seti-v-rossii-v-2020-godu/ (дата обращения: 20.12.2020)

8. Щеглов А. В. Противодействие методам вербовки в религиозные экстремистские организации // Вестник экономической безопасности. 2016. №2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-metodam-verbovki-v-religioznye-ekstremistskie-organizatsii (дата обращения: 20.12.2020).

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Отношения между государствами в современном мире представляют собой среду конкурентов, стремящихся в определённых условиях усиливать свою значимость военно-силовыми формами и методами, включая демонстрацию новых видов оружия массового поражения людей (далее – ОМП). Военная безопасность, как составная часть государственной безопасности Российской Федерации, определяет суверенитет страны. В связи с этим свои агрессивные намерения вероятные противники стремятся ориентировать на граждан, семьи, российское общество, провоцируя новые вызовы и угрозы в их созидательной жизнедеятельности.

Ключевые слова: военная безопасность, вызовы, угрозы, военная сила.

Под сущностью *военной безопасностью* условимся понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, семьи, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять [1; 2, с. 42; 3, с. 155].

Структура военной безопасности представляет собой триаду: 1) военные вызовы, опасности и угрозы личности, семьи, обществу и государству; 2) силы, средства, системы и технологии, которые обеспечивают защищенность жизнедеятельности государства, общества, семьи и личности (далее также – ГОСЛ; 3) деятельность по принуждению (удержанию) противника от применения им ОМП (вооружённой силы), в противном случае – нанесение ему заданного ущерба [2, с. 43].

Для реализации военных доктринальных установок и обеспечения военной безопасности РФ создан и эффективно функционирует оборонно-промышленный комплекс (далее – ОПК), как *составная* часть военной экономики, основными элементами которой являются: предприятия, научно-исследовательские организации, конструкторские бюро, осуществляющие разработку, испытание, производство, ремонт и утилизацию военной продукции, а также органы управления ими [9].

Среди системообразующих *факторов* состояния и перспектив ОПК РФ выделяются: а) социально-политические условия внутри страны; б) динамика международных отношений государств; в) череда реформ экономики РФ (цифровизация), обусловленных процессом перехода к социально ориентированному производству, разработкой и внедрением инноваций; г) выявление новых угроз и вызов безопасности РФ.

Результирующие аспекты функционирования ОПК включают: военно-научные разработки новых образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), новых технологий; поставки модернизированных (новых) образцов ВВСТ в Вооружённые Силы РФ (ВС РФ); оснащение военного производства новыми системами, технологиями и средствами, внедрение новых услуг для обеспечения ВС РФ (транспорта, связи, снабжения и др.).

Для формирования организационно-правовых основ обеспечения военной безопасности РФ на основе анализа выявленных потенциальных вызовов и угроз прогнозы представлены в таблице 1 [12, с. 253-259].

Таблица 1 – Вызовы и угрозы военной безопасности РФ до 2040 г.

Перспективы	**2020 – 2025 г.**	**2030 – 2040 г.**
Вызовы	Коалиции государств во главе с США: нет идеи о многополярном мире; сосредоточение усилий на роли ИТР вместо АТР; воздействие на ЕС для его «послушания» в разных сферах; милитаризация космоса	Эпоха многополярного мира; укрепление РФ – мировой державы; не военно-силовое воздействие для достижения победы над противником. Роботизация средств и сил на

Перспективы	2020 – 2025 г.	2030 – 2040 г.
		основе новых технологий их производства
Угрозы	Вне госграницы РФ, вблизи на сопредельной территории, провокации новых внутренних вооружённых конфликтов	В связи с незримыми линиями агрессивного противостояния сторон (зоны конфликта, среды или сферы), гибридизация войн
Прогнозы	Военно-политические аспекты обеспечения безопасности страны на своей территории и вне её; реализация механизмов Военной доктрины РФ	Обеспечение безопасности РФ, стран – союзников; устранение лидерства США на мировом пространстве; укрепление защиты РФ в зоне Арктики, в воздушно-космической и других сферах жизни и деятельности ГОСЛ

Несомненно, спектр возможных вызовов, рисков и угроз военной безопасности РФ более обширный, ибо для любого суверенного государства обеспечение своей внешней защиты является важнейшей общественно значимой функцией, в рамках реализации которой осуществляется выбор вариантов в условиях реальных и прогнозируемых факторов и обстоятельств: возрастание роли и значимости в мировой политике негосударственных акторов; распространение ОМП и военных технологий; внедрение асимметричных методов политико-экономического и военного принуждения в политико-военных целях; возрастающий антагонизм между европейской и исламской этнокультурой; борьба за иссякающие естественные ресурсы и др.

При этом объективно необходим институт экспертизы рисков в области обеспечения военной безопасности, с его внедрением в деятельность должностных лиц органов государственного и военного управления (далее – ДЛ ОГВУ), включая новые формы и методы их профессиональной подготовки [4, с. 148-174; 5, с. 63; 6, с. 77; 7, с. 21]. В связи с этим военная опасность порождает закономерное стремление граждан РФ, социальных групп, российского общества и государства к ее устранению, минимизации возможных людских (экономических, территориальных, природно-ресурсных и др.) потерь, защиты от воздействий военной силы (внешней и внутренней).

В качестве направлений обеспечения военной безопасности выделим следующие основные: а) создание благоприятных внешнеполитических условий для активизации научных изысканий в областях теории и практики оборонительной достаточности РФ; б) определение приоритетных интересов руководством страны, прежде всего, органами государственной власти, включая ДЛ ОГВУ в области военной безопасности; в) комплексирование политико-дипломатических и иных невоенных сил, средств и технологий обеспечения военной безопасности РФ; г) эффективная разведывательно-информационная и контрразведывательная деятельность; д) организация политико-военного и стратегического руководства обороной РФ [2, с. 45].

Вместе с тем в силу соблюдения государственной и военной войны ряд аспектов достижения и всестороннего обеспечения военной безопасности РФ, в рамках данной статьи не представлены в их количественно-качественных

потенциалах. Тем не менее, некоторыми российскими и зарубежными СМИ в определённом доступе указанные данные периодически доводятся до общественности, зарубежных исследователей и целевых аудиторий. В условиях информационного противоборства государств и их коалиций Президентом РФ в Посланиях Федеральному Собранию РФ в 2018-2020 г. доводилась часть сведений военной значимости [1].

В то же время процесс военно-стратегического противостояния ОВС НАТО усиливающемуся военному потенциалу ВС РФ продолжается, что подкрепляют СМИ заявлениями о военно-информационном противоборстве. В частности, выявлено, что ВС США разрабатывают новую стратегию ведения боевых действий под названием «Троянский конь» [10], о которой известил начальник Генерального штаба ВС РФ на конференции по развитию военной стратегии [11]. Предполагаемая сущность знаменитого коня означает активное использование протестного потенциала «пятой колонны» в целях как информационно-психологического воздействия на людские ресурсы противоборствующих сторон, так и дестабилизации внутриполитической обстановки в стране с одновременным нанесением подготовленных ударов средствами ВТО по наиболее важным государственным объектам.

В связи с этим, Верховный Главнокомандующий ВС РФ и начальник Генштаба ВС РФ в своих выступлениях подчёркивают, что Россия готова к предотвращению любой стратегии Пентагона (НАТО). Так, военными учеными, экспертами и аналитиками совместно с Генштабом ВС РФ разработаны концептуальные подходы для нейтрализации агрессивных действий вероятных противников. Это предусмотрено «стратегией активной обороны» (военной доктрине РФ присущ оборонительный характер), что означает реализация отечественными военными экспертами-стратегами мер по упреждению (на шаг впереди) и нейтрализации внешних и внутренних угроз безопасности государства [8, с. 93-99, 133-144].

Анализ приоритетов внешней политики РФ убеждает в том, что они абсолютно открыты и включают [1]: укрепление доверия, борьбу с угрозами всему мира, расширение сотрудничества в сферах науки, экономики, торговли, образования, культуры, технологий, снятия барьеров общения людей. Такие приоритеты РФ реализует под эгидой ООН, с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), БРИКС, G-20 и др.

В конце февраля 2019 г. (через неделю после Послания В. Путина) генерал Дэвид Голдфайн, начальник штаба ВВС США, заявил о новой стратегии ВС США, идея которой заключается в нанесении удар не по сильным, а по слабым сторонам противника. Реализация такой идеи означает, что ВС США получат «асимметричные преимущества» перед РФ и КНР, от которых якобы исходят военные угрозы, вынудившие руководство Пентагона к разработке новой стратегии.

По нашему мнению, столь скорая реакция американского генерала обусловлена его беспокойством о том, что Россия вынуждена создавать и развертывать некоторые виды вооружений, которые могут применяться с

территорий, откуда для нее будет исходить реальная угроза, включая пункты управления или места расположения центров принятия решений на применение ракетных комплексов против РФ.

Следовательно, к выходу из ограничения РСМД командование ВС США в одностороннем порядке добавляет практический демонтаж существующей договорно-правовой основы международной безопасности. При этом, уже Россия, а не Советский Союз, представляет собой страну, от которой исходит угроза национальной безопасности США. Однако тому, что Россия кому-то угрожает нет доказательств и фактов. В сфере военной безопасности РФ реализует оборонительный характер своей внешней политики.

Резюмируем: в соответствии с целевыми установками Президента РФ цель повышения обороноспособности направлена на обеспечение безопасности России и ее граждан, чтобы никто не мог мыслить новыми идеями не только об агрессии против страны, но и о том, чтобы попытаться использовать в отношении неё методы силового воздействия [1; 9].

Список литературы:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032 (дата обращения: 24.11.2020).
2. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.
3. Самойлов В.Д. Информационная безопасность в системе высшего образования России (компетентностный подход в подготовке специалистов): монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 162 с.
4. Самойлов В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учебное пособие. М.: МИЭМП, 2008. 232 с.
5. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-63.
6. Самойлов В.Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 76-78.
7. Самойлов В.Д. О современных требованиях к системе высшего военного образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18-21.
8. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.
9. [Электронный ресурс]. URL:http://www.kremlin.ru/events/president/ news /copy/59863 (дата обращения: 02.03.2019).
10. Троянский_конь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/ wiki/ (дата обращения: 08.03.2019).
11. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru /20190302/ 1551498141. html? utm_ source= yxnews&utm _medium = desktop (дата обращения: 02.03.2019).

12. Самойлов В.Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ: военно-политические аспекты // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской научной конференции с междун. участием (г. Тюмень, 14 дек. 2018 г.) / отв. ред. И. А. Грошева. – Тюмень : Филиал Московского ин-та гос. упр. и права в Тюменской обл., 2019. 484 с.

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

МАНИФЕСТ ЕВРАЗИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Актуальные проблемы евразийского сотрудничества разрешают, как правило, руководители государств Европы и Азии, а реализуют эксперты совместно с должностными лицами органов государственной власти, органов государственного управления и органов военного управления (далее – ОГВ, ОГВУ). В связи с этим Россию, Казахстан и Францию связывает общность государственных и межгосударственных интересов, включая сотрудничество с другими странами. Великий Шарль де Голль утверждал о существовании Европы от Лиссабона до Дальнего Востока, что было закреплено в Конституции Франции 1954 г.

Ключевые слова: евразийское сотрудничество, Россия, Казахстан, Франция.

Манифест (от франц. ***manifester*** – проявлять, демонстрировать и т.д.) представляет собой своеобразный инструмент выражения различных аспектов евразийского сотрудничества на примере трёх государств, а именно, Франции (многовековой), России и Казахстана (современных) [11, с. 625-630].

В процессе прохождения своей действительной воинской службы на территории Казахстана иногда интересовали контакты ОГВ Республики с ОГВ Франции. Было возможным совершенствовать свои знания, умения и навыки в познании языка, нравов и обычаев казахов, а также французского языка, который вплоть до начала 1990-х годов был языком международного общения.

В январе 2020 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (далее – РАНХиГС) состоялся открытый диалог *Владимира Александровича Мау* (ректор РАНХиГС) с *Николя Саркози* (президент Франции, 2007 – 2012 гг.) по актуальным вопросам темы: «*Глобальная повестка: вызовы, возможности, риски*». Личное отношение к результатам диалога с анализом и эмпирикой в научно-исследовательском аспекте в расширительном представлении содержит список литературы.

Цель статьи – сосредоточение на проблемных вопросах евразийского сотрудничества, с одной стороны, высказанных Н. Саркози, с другой – прозвучавших при личной встрече с Н.А. Назарбаевым Президентом Казахстана 17 января 1992 г. на Всеармейском совещании представителей офицерских собраний в Кремлёвском Дворце съездов г. Москве.

По проблематике возможных современных глобальных вызовов и рисков Н. Саркози высказал мысль как житель планеты Земля, подчеркнув, что впервые в истории человечества жизнь каждого человека стала представлять собой ценность для своего государства и общества. Хотя с начала 1990-х годов население планеты увеличилось, составив на начало 2020 г. свыше 7, 7 млрд человек, через 30 лет будет 11 млрд человек [1, с. 105], а по состоянию на 30 ноября 2020 г. численность землян составляла 7 850 631 400 человек.

В качестве ключевых трендов-вызовов миру и Европе в третьем десятилетии XXI века он выделил климат, связав его со сферой демографии [1, с. 100]. При этом он подчеркнул, что Москва как столица России представляет собой огромнейший город, в котором ему приятно бывать, где численность жителей примерно вдвое меньше численности жителей современного Алжира. Отдельно была затронута сфера демографии в Китае, который несколько лет назад выступал за сокращение рождаемости, однако с 2018 г. запрет на рождение второго ребёнка у членов Коммунистической партии Китая был снят. В странах Западной Европы рождаемость пребывает в стагнации при активизации процессов миграции [2, с. 192-194; 3, с. 82-88].

Применительно к трендам технологизации и цифровизации в части их последствий для политических и социально-экономических процессов на государственном и межгосударственном уровне Саркози акцентировал внимание участников встречи на связь квантификации со сферой демографии. В качестве факта из семейного архива он заявил, что его родители при жизни познали процесс покорения Луны, а потому те нации, которые избрали прогресс технологий, являются лидерами в мировом развитии. По проблеме международной безопасности им отмечено, что прежде СССР и США соперничали между собой, потом США стали вовсе доминировать в мире. В настоящее время их прежнего доминирования нет, мир стал многополярным, неопределённым и непредсказуемым, подверженным новым рискам [1, с. 8-9, 91; 4, с. 60; 5, с. 77]. Так и Китай, приграничное с Россией и Казахстаном государство, впервые в мировой истории вышел на передовые позиции.

Следовательно, единого механизма международного управления нашей планетой нет. Более того, мощной силой в мире стала Россия, которая обладает и такими вооружениями, которых пока не имеют США [1, с. 9-10]. Многолетний вооружённый конфликт на территории Сирии с незаконным участием ВС США, ВС Турции, а также с законным участием контингента ВС России сопровождается огромными людскими потерями. Из стран Ближнего Востока беженцы наполняют Европу. В Южной Африке нет бескризисных стран. Роль ООН стала иллюзорной, а потому нет международной организации, которая бы управляла нашей планетой [6, с. 137-144].

Вместе с тем было высказано мнение о существовании в политическом сознании понимания Европы от Атлантики до Урала и Тихого океана. Великий француз, генерал Шарль де Голль утверждал о существовании настоящей Европы от Лиссабона до Дальнего Востока, что отражено в Конституции Франции 1954 г.: а) в её *преамбуле* констатировалось, что французский народ торжественно провозглашает принятие прав человека и принципов

национального суверенитета такими, какими они определены Декларацией 1789 г., утверждены и дополнены преамбулой Конституции 1946 г.; б) в с*татье Первой* – Республика и народы заморских территорий свободны в принятии и одобрении представляемой Конституции всем Сообществом. Сообщество основано на равенстве и солидарности всех образующих его народов [6, с. 10-46; 7].

В историческом аспекте высказано мнение о Соединённых Штатах Европы, которые прогнозировал В.И. Ленин как перспективы сотрудничества на европейском континенте, включая страну Советов и Францию. Николя Саркози констатировал, что Франция активно сотрудничает с современной Россией, что соответствует историческим истокам [8]. Однако конфликты в Европе есть, некоторые из которых ожесточённые, но на глобальном уровне нет войн между Европой, Азией и Африкой. Кроме того, он подчеркнул, что как глава ВС Франции и гарант защиты жизненно важных и стратегических интересов своей страны, был в ответственности за стратегию и средства, необходимые Франции для решения проблем её безопасности и независимости, защиту французского народа [1, с. 45-46; 7; 8;]. В связи с этим им выражена надежда в том, что Евросоюз сохранится, что создан новый союз – Россия, Турция и Европа для утверждения безопасности на континенте в сферах политики, экономики и др. [1, с. 42-82], по протяжённости вплоть до *озера Байкал и Пекина*. XXI век – век новых идей! [1, с. 47, 51, 53-54; 8].

С позиции политического компаративизма завершение советской эпохи и образование постсоветских государств осуществлялось не цивилизованным путём. В отличие от блока НАТО разделу ВС СССР и формированию армий в странах СНГ начало положило руководство Украины, которое стало «захватывать всё, что находилось на её территории: боевые соединения, части, … живых людей», которые перешли под украинскую юрисдикцию [9, с. 149]. К мнению автора 17 января 1992 г. на Всеармейском совещании представителей офицерских собраний в Кремлёвском Дворце съездов прислушался *Н. А. Назарбаев*, Президент Казахстана: «Настоящие офицеры … две присяги не принимают», это когда он автору и сослуживцам по Среднеазиатскому (Туркестанскому) военному округу предложил продолжить службу в составе ВС Казахстана [9, с. 151].

По перспективам Евросоюза в связи с выходом из него Соединённого Королевства было заявлено, что: во-первых, он многого не знает о будущем Европы; во-вторых, что Франция многое сделала для защиты России, потому что, хотя трудно Президенту Франции защищать свою страну, но будущее – за объединением, в том числе в составе стран Евросоюза [1, с. 91, 97; 5, с. 76-78; 9, с. 180-183]. В части денежной политики вклад Франции в Евросоюзе составляет 17 %, что касается угрозы *глобального кризиса в ближайшем будущем,* то, если экономист не знает истории, пока не закончен очередной день, стратегия национальной безопасности объединяет в государстве и обществе все сферы жизнедеятельности, включая политику внутренней безопасности, внешнюю экономическую политику [10, с. 31-34; 8]. Признаком

кризиса является спекуляция, а жизнь в мире должна регулировать деятельность должностных лиц ОГВ и ОГВУ [1, с. 143-151; 3, с. 82-88].

Будучи энтузиастом в сфере политики он личные и государственные успехи представил фразой: «Жизнь не видна, а смерть – не вина или жизнь прекрасна с личным достоинством моим с рождения не для смерти».

Гимном СССР был Интернационал, который исполнялся на митингах на русском и французском языках. Концепция патриотизма и интернационализма продолжается в жизнедеятельности высшего руководства Казахстана и России в целях: а) сохранения Отечества для сограждан, общества и государства; б) объединения всех граждан и законно проживающих в стране иностранных граждан и апатридов (лиц без гражданства), вне зависимости от социально-религиозных, региональных, гендерно-возрастных и иных различий.

C' est la lute finale groupons-nous et demain, l'Internationale sera le genre humain. Так сплотимся к финалу для победы в борьбе! Флаг Интернационала человечество тебе! Это Гимн страны Советской, 27 лет её нет. Перевод припева веский миру в мире аргумент. Да, *Эжен Потье* создатель, только нынче мир иной. Так что, дорогой читатель, это не последний бой. Ведь интернациональным род людской, увы, не стал. Гимн французский, шедевральный свой оставил пьедестал. Речь английская засильем наводнила этот мир. Ценен Гамлет твой, сэр Вильямс, я французского кумир [6, с. 71].

Резюмируем: евроазиатское сотрудничество по ряду актуальных проблем изобилует периодически предлагаемыми политическими решениями для их реализации. Концепция многополярного мира не нравится руководству США, для которого ещё недавно было привычным управление мировыми процессами после так называемой «холодной войны». В современном мире много всевозможных вызовов и угроз, с одной стороны, как невоенных мер (гибридные войны), с другой – как значимых экономических, экологических, торговых, финансовых, миграционных, демографических рисков, и др.

Список литературы:

1. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.

2. Самойлов В.Д., Панов А.И. Миграция как социально-экономическое явление // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 191-196.

3. Самойлов В.Д. О совершенствовании государственной миграционной политики Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. № 3. С. 82-88.

4. Самойлов В.Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 76-78.

5. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-63.

6. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.
7. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Росс. Федерации. № 31. 04.08.2014. Ст. 4398.
8. Саркози Н. Белая Книга «Оборона и национальная безопасность». Париж, 2008. 157 с.
9. Бурлаков М. Возвращение. Записки. Союз ЗГВ-Москва. 1994. 256 с.
10. Самойлов В.Д. Государственно-правовые аспекты миграционной безопасности России // Вестник эконом. безопасности. 2018. № 2. С.31-34.
11. Самойлов В.Д. Российско-французская цивилистика в аспекте актуальных проблем иноязычной подготовки в военном вузе // Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Образование в военно-инженерном деле: теория и практика». Часть II. Тюмень: ТВВИКУ, 2020. С. 625-630.

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ РУКОВОДСТВОМ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Военная безопасность, как составная часть безопасности Российской Федерации (РФ), определяет суверенитет страны. Отношения между государствами в современном мире представляют собой среду конкурентов, стремящихся в геополитических условиях усиливать свою значимость военно-силовыми формами и методами, включая демонстрацию новых видов оружия массового поражения людей (далее – ОМП). В связи с этим руководство РФ приняло решение на оказание военной помощи по запросу руководства Сирийской Арабской Республики (далее – САР) в ответ на агрессивные намерения коалиции государств во главе с США.

Ключевые слова: военная безопасность, геополитика, вызовы, угрозы.

Военно-политическая деятельность представляет собой процесс выполнения обязанностей (полномочий, регламентов) должностными лицами органов государственной власти и военного управления (далее – ДЛ ОГВВУ) в военной сфере. Предметом указанной деятельности в области военной политики является специфика вооруженной борьбы, охватывающая военные аспекты ее подготовки, ведения, предотвращения. Вместе с тем предмет военной политики объективно отражает ее сущность в процессе теоретико-практической деятельности ДЛ ОГВВУ и по структурно-функциональным свойствам представляет содержание военной политики государства (табл. 1).

Таблица 1 – Элементы содержания военной политики государства

Основные элементы	**Дополнительные элементы**
Характер вооруженных конфликтов	Поиск путей их предотвращения
Определение задач ОГВВУ и ВС РФ	Средства для их выполнения
Способы, формы и условия войны	Стратегия военных действий
Военно-политическое и стратегическое планирование применения ВС РФ	Применение видов и родов войск в составе ВС РФ
Руководство и строительство ВС РФ	В мирное и военное время
Обеспечение действий ВС РФ	Моральное, техническое, тыловое
Выработка требований к строительству ВС РФ	Подготовка государства к обороне
Оценка возможностей государства(коалиций) при подготовке к вооруженному конфликту	Защита своего Отечества, в том числе за пределами государства

Содержание военной политики развивается в политико-военной, социально-экономической и других сферах. Значимы военные угрозы и опасности на глобальном, региональном и локальном уровнях, как влияющие на научно-технический прогресс, разработку и производство новых технологий, средств и систем вооруженной борьбы. В частности, рост террористических угроз привел к осознанию необходимости привлечения ВС для противодействия терроризму [1-7]. С начала XXI в. совершенствуется нормативный и правовой механизм применения ВС РФ. Из анализа опыта оборонительной достаточности советского государства следует уточнить роль военной политики в обеспечении военной безопасности САР от возможных внешних и внутренних угроз [1; 10, с. 252; 11, с. 181].

Для этого в условиях современной военно-политической обстановки требуется уточнение задач ВС САР по обеспечению военной безопасности, что связано с мерами, предпринятыми военно-политическим руководством страны для защиты независимости и суверенитета. В частности, в ответ на обращение президента САР Б. Асада 30 сентября 2015 г. к руководству РФ, в котором он выразил просьбу об оказании военной помощи, Совет Федерации Федерального Собрания РФ проголосовал за принятие Постановления об использовании ВС РФ за пределами РФ.

В процессе поддержки ВС САР в вооружённой борьбе против ИГИЛ (исламское государство Ирака и Леванта – исламистская террористическая организация, действующая на территории Сирии и Ирака) был уточнён план применения ВС САР с учётом развития военно-политической обстановки: а) внесены изменения в План стратегического развёртывания ВС САР и создания оперативных группировок войск (сил) на угрожаемых направлениях, последовательности их оперативного развёртывания в районах предназначения; б) доработаны планы оперативного применения группировок войск ВС САР на угрожаемых направлениях и оперативные директивы на подготовку и проведение операций группировками войск (сил); в) уточнён План мобилизационного развёртывания ВС САР с учётом состава и задач оперативных группировок войск (сил), План организации управления ВС САР, Планы оперативного обеспечения применения ВС САР и План тылового

обеспечения стратегических действий ВС САР. При уточнении Плана стратегического развертывания ВС САР учтены условия и новые задачи интегрированной военной политики [4; 9, с. 253-259].

Безусловно, закономерности и принципы – это элементы содержания и теории военной политики, существующие взгляды на закономерности которой убеждают в наличии в ее сфере общих законов вооруженной борьбы и войны, определяющих их тенденции в зависимости от хода и исхода войны, от соотношения сил сторон в экономической, политической, военной и иных сферах. Свою профессиональную деятельность ДЛ ОГВВУ реализуют по законам и закономерностям, что представляют объективно существующие, необходимые, повторяющиеся связи между элементами или процессами такой деятельности для решения военно-политических задач.

Среди закономерностей, характеризующих содержание военной политики выделим следующие: а) динамику военной политики вследствие возникновения, трансформации или исчезновения элементов, отражающих развитие военно-политической деятельности; б) развитие военной политики вплоть до ее нового состояния на более высоком уровне организации; в) организацию военно-политической деятельности [7, с. 19].

Учитывая сложности военно-политической обстановки на Ближнем Востоке и в САР, подтверждая действенность изложенных закономерностей, в ходе исследования выявлены и обоснованы трио новых закономерностей:

1-я (всеобщий характер) – военная политика страны развивается под воздействием военной политики союзников и противника. Основу данной закономерности составляют: процессы развития военно-политических взглядов противника на подготовку к войне и ведение военных действий; практика реализации им идей и установок в ходе боевых действий против других стран. Вывод: закономерность требует изучения военно-политической обстановки, характера современных вооруженных конфликтов, достижений противника и союзников в области военного искусства и использования результатов анализа показателей для совершенствования военной политики.

2-я (присущ всеобщий характер) – в современной геополитике с многообразием сил и средств воздействия на суверенное государство созданы условия для трансформации военной политики на основе новых достижений военного искусства [5, с. 61]. Эта закономерность ориентирует руководство САР на: расширение исследований по оценке своих военно-политических взглядов и возможностей противника; повышение уровня взаимодействия; эффективность международного сотрудничества с Россией. Вывод: это позволит не только изменить основы военной политики, но и разработать практические рекомендации для ДЛ ОГВВУ, прежде всего для защиты интересов своей страны в вооруженном конфликте.

3-я (частный характер) – в условиях чрезвычайной опасности для территориальной целостности государства, независимости военная политика должна быть ориентирована на его защиту от внешнего и внутреннего врага (международного терроризма, внутренней оппозиции против правительства САР). Вывод: ДЛ ОГВВУ должны выявлять динамику военно-политической

обстановки во внутреннем вооруженном конфликте, проявлять готовность к отражению агрессии [6, с. 77-78; 10, с. 252-253].

Общий вывод: очевидна потребность в том, чтобы принципы военной политики, связанные с необходимостью реагировать на новые угрозы, воплотить в подготовку ДЛ ОГРВУ [10, с. 251]. Такие принципы составляют основы военно-теоретических исследований для уточнения закономерностей вооруженной борьбы в результате обобщения опыта военно-политической деятельности, что обеспечивает: безопасность государства, реализацию военной доктрины, совершенствование механизма их влияния на специфику современных вооруженных конфликтов [11, с. 180-182].

В связи с развитием человечества, прогрессом науки и техники, новыми условиями применения военной силы, под воздействием иных факторов изменяются цели, задачи, содержание и средства вооруженной борьбы. Вследствие этого претерпевают изменения и принципы военной политики: одни утрачивают значимость, другие наполняются новым содержанием. Так, принцип стратегического сдерживания, который предусматривает в конечном итоге предотвращение войны, сформирован и реализуется в системе политических, военно-экономических мероприятий государств. Принципы формируются во всех сферах военно-политической деятельности ОГВВУ и применяются в военной теории и практике (табл. 2).

Таблица 2 – Основные принципы военной политики государства

Регламентируют подготовку государства к военным действиям в мирное время	**Военно-политическое руководство при ведении военных действий**
Предвидение военно-политической и стратегической обстановки	Внезапное, решительное ведение военных действий во взаимодействии видов ВС, родов войск и сил
Точное выявление военных опасностей	
Всесторонняя оценка военных угроз	Военно-политическое руководство ВС
Соответствие задач стратегии целям войны	Всестороннее обеспечение действий ВС
Заблаговременная подготовка государства к обороне при боевой и мобготовности, создание стратегических резервов и запасов	Внезапность и непрерывность военных действий, захват и удержание военно-политической инициативы
Поддержание боеспособности войск (сил)	Согласование видов ВС и родов войск

На основе изучения опыта освободительных войн сирийского народа, борьбы с терроризмом и внутренней вооруженной оппозицией предложены принципы военной политики, связанные с необходимостью реагирования на новые военные угрозы: а) всесторонний мониторинг и контроль развития военно-политической ситуации; б) содержание в высокой готовности сил для отражения агрессии; в) подготовка, применение и смена сил, привлеченных к борьбе с терроризмом и внутренней оппозицией; г) организация и проведение совместных операций ВС и сил внутренней безопасности по борьбе с оппозиционерами; д) недопущение распространения военных действий за пределы районов их возникновения; е) охрана жизни и обеспечение

безопасности граждан; ж) обеспечение поддержки семей граждан участвующих в борьбе с терроризмом; з) ведение информационной работы внутри страны и за ее пределами [11, с. 183].

Вместе с тем принципы военной политики проявляются через влияние на сознательную деятельность ДЛ ОГВВУ, командующих, командиров, штабов и подчиненных им группировок войск и сил. От указанных лиц требуются знания, умения, навыки и компетенции для осуществления своей деятельности при подготовке и применении войск (сил) в различных условиях военно-политической обстановки. Тогда такие принципы являются исходными теоретическими положениями для деятельности ДЛ ОГВВУ при принятии ими целесообразных решений по вопросам военной безопасности и обороны в условиях вооруженного конфликта [10, с. 252-253].

Однако ни законы, ни отражающие их принципы не гарантируют победы ни одной из сторон: а) каждая из них может познать законы, закономерности и использовать их для достижения своего успеха; б) многое зависит от умений ДЛ ОГВВУ реализовать принципы как условие для успешного достижения военно-политических целей [2-3; 8; 11, с. 181].

На основе изложенных выше принципов к характерным чертам вооруженного конфликта, развязанного в САР враждебными государствами и международным терроризмом, в исследовании отнесены следующие:

Заблаговременное проведение мер информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем – в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы [10, с. 251-253];

Усиление роли политико-информационного противоборства для обеспечения успешных военных действий [11, с. 180-183];

Сокращение сроков принятия политических решений, организация экономической и информационной блокады, подготовка и ведение действий регулярными (иррегулярными) ВС;

Расширение взаимодействия сил и средств в воздушно-космическом пространстве, регулярных и иррегулярных формирований;

Постоянный мониторинг зон военных действий на территории САР.

С учетом характерных черт вооруженного конфликта в САР к основным мероприятиям в сфере безопасности РФ отнесены: а) формирование мировоззрения для обеспечения безопасности в условиях внешних и внутренних угроз [1-2; 4]; б) определение целей военной организации, в том числе перевооружения ВС РФ новым вооружением, военной и специальной техникой; в) всесторонняя подготовка страны к обороне, в том числе от внутренних угроз; г) совместное применение ВС РФ и других войск для обеспечения военной безопасности страны, учитывая возможные действия государств-агрессоров [6, с. 77; 7, с. 19-20].

Для реализации военно-политических мер необходимы: а) определение состава, организации и порядка комплектования войск, обеспечивающих их готовность к решению боевых задач; б) подготовка военных кадров, организация военной службы, расквартирование войск (сил), создание запасов

материальных средств и резервов; в) обеспечение безопасности и поддержка семей военнослужащих. В результате анализа условий, влияющих на обеспечение военной безопасности САР, выявлен и обоснован комплекс военно-политических мероприятий в угрожаемый период и с началом войны:

1) Своевременное выявление подготовки агрессии и организация работы ОГВВУ, объявление состояния войны, введение чрезвычайного или военного положения, проведение частичного (полного) стратегического развертывания ВС САР, приведение их в полную готовность;

2) Подготовка и ведение военных действий по отражению агрессии;

3) Государственно-правовая координация деятельности ДЛ ОГВВУ, органов власти на местах, общественных организаций и граждан для отражения агрессии, локализации вооруженных конфликтов;

4) Организация и ведение информационно-экономической и политико-дипломатической, других видов не вооруженной борьбы [1; 3-4];

5) Организованный перевод экономики, предприятий и организаций, транспорта, СМИ, коммуникаций государства на военное положение;

6) Организация и реализация территориальной и гражданской обороны;

7) Оказание политико-дипломатической и информационной поддержки союзникам САР, военной и экономической помощи в случае военной угрозы;

8) Реализация потенциала союзников САР для достижения целей;

9) Предотвращение вовлечения в войну внутренней оппозиции;

10) Использование потенциала ООН, международных организаций для предотвращения внешней агрессии, принуждения агрессора к миру [5, с. 63].

Выводы: развитие политико-военной сферы достигло такого уровня, на котором выявлены условия для совершенствования теории военной политики как фундаментальной тенденции. Обоснованы условия для принятия ДЛ ОГВВУ политического решения на применение военной силы на территории САР, что объективно означает признание их профессиональной деятельности предметом познания военной политики, а, начиная с 30 сентября 2015 г., объектом геополитического вызова России законным Президентом САР.

Список литературы:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL://http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032 (дата обращения: 24.11.2020).

2. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.

3. Самойлов В.Д. Информационная безопасность в системе высшего образования России (компетентностный подход в подготовке специалистов): монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 162 с.

4. Самойлов В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учебное пособие. М.: МИЭМП, 2008. 232 с.

5. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-63.

6. Самойлов В.Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 76-78.
7. Самойлов В.Д. О современных требованиях к системе высшего военного образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18-21.
8. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.
9. Самойлов В.Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ: военно-политические аспекты // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской научной конференции с междун. участием (г. Тюмень, 14 дек. 2018 г.) / отв. ред. И. А. Грошева. Тюмень: Филиал МИГУП в Тюменской обл., 2019. С. 253-259.
10. Самойлов В.Д., Турченюк И.Н. Подготовка офицерских кадров стратегического и оперативного уровней государственного и военного управления // Вестник экономической безопасности. 2016. №5. С. 251-253.
11. Самойлов В.Д., Тышер В.В. Информационно-психологическое воздействие как контент внутреннего вооружённого конфликта // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. №4. С. 180-183.

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Аннотация. Современное развитие российского государства характеризует и обеспечивает сфера информатизации как приоритет политики Российской Федерации (далее – РФ). В связи с вызовами и угрозами государственной безопасности РФ, разрабатываемые и внедряемые в стране информационные технологии, многоуровневые базы персональных данных, идея «электронного государства» и другие аспекты составляют основу для профессиональной подготовки специалистов информационной безопасности (далее – СПИБ), способных обеспечивать защиту личности, семьи, общества и государства.

Ключевые слова: информационная безопасность, технологии, подготовка кадров.

Под сущностью понятия «информационная безопасность РФ» (далее – ИБ РФ) условимся понимать состояние защищённости интересов РФ в сфере информации, которые определяет совокупность сбалансированных интересов личности, общества, государства, а также сведения (данные), обеспечивающие их доступность, целостность и конфиденциальность. Структурно элементы ИБ РФ в теоретико-правовом аспекте профессиональной подготовки СПИБ связаны с доступом к сведениям, их распространением, государственной

тайной, допуском к ним, способами защиты, уголовной ответственности за преступления в сфере информации, с правом на информацию и его ограничением [1, ст. 24; 6, с. 73; 7, с. 148; 8, с. 146].

В аспекте содержания к предмету государственного регулирования подготовки СПИБ с целью обеспечения информационной безопасности значим институт государственной тайны. Именно он в эпоху глобализации международных отношений в разных сферах жизнедеятельности личности, семьи, общества и государства, при возрастающей открытости ресурсов баз хранения сведений и данных предназначен для определения информационных областей, охраняемых нормами законов, включая конфиденциальность данных. Доступ к информационным ресурсам СПИБ при профессиональной подготовке в системе высшего образования (далее – СВО) реализуется в части касающейся, так как неразглашение закрытых сведений – это важный метод обеспечения безопасности государства [1, ст. 13; 2]. Несомненно, что для профессиональной подготовки будущих СПИБ в СВО особо значимы формы их допуска к используемым информационным ресурсам.

В соответствии с целевыми индикаторами нацпроекта «Цифровая экономика» до 2024 г. требуется: а) использование должностными лицами органов государственной власти (далее – ДЛ ОГВ) и органов местного самоуправления (далее – ДЛ ОМСУ) преимущественно отечественного программного обеспечения; при передаче, обработке и хранении данных обеспечение ИБ РФ на основе российских разработок; оказания госуслуг и внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах деятельности ДЛ ОГВ [13, с. 64].

Развитие технологий увенчалось прогрессом человечества, что 12 марта 1989 г. обеспечило научное достижение под названием «Всемирная паутина» или WWW (World Wide Web) английского инженера и физика Тима Бернерс-Ли [6, с. 75; 12, с. 84; 16]. Была реализована идея создания единой среды общения всех людей, обладающих возможностью подключиться к ней для того, чтобы пополнять арсенал личных знаний, делиться с своими абонентами. Так называемая «паутина» стала обеспечивать связь между собой сразу несколько страниц или мест хранения гиперссылок на доступных сайтах. В честь 30-летия Интернета можно констатировать, что объем Всемирной паутины составляют сотни миллиардов сайтов [12, с. 80-88].

В связи с этим в системе образования необходима профессиональная подготовка СПИБ для совершенствования нормативной правовой основы информации, информатизации, информационной безопасности и реализации нормативных правовых актов вузами [2-4], с учётом освоения обучающимися источников основных угроз ИБ РФ (табл. 1).

Таблица 1 – Источники угроз информационной безопасности РФ

Внешние источники угроз ИБ РФ	**Внутренние источники угроз ИБ РФ**
1. Деятельность разведывательных, политико-экономических и военных структур против системы ИБ РФ	Проблемы координации решений ДЛ ОГВ, ДЛ ОМСУ в реализации государственной политики для обеспечения ИБ РФ
2. Стремление ряда стран доминировать в мире, ущемляя интересы ИБ РФ на информационном пространстве, вытесняя её с внешнего и внутреннего рынков информационного воздействия	Неактивная деятельность ДЛ ОГВ в области информировании целевых аудиторий в части разъяснения им принятых решений, в формировании открытых инфоресурсов для доступа к ним граждан РФ
3. Острота борьбы государств мира за обладание своими технологиями, и информационно-психологическими ресурсами и средствами воздействия	Ненадёжная нормативная правовая база, регулирующая правоотношения в сфере информатизации и правоохрану
4. Информационно-психологические базы террористов из состава ИГИЛ	Неэффективность системы подготовки кадров СПИБ для обеспечения ИБ РФ
5. Технологический отрыв государств из-за их собственных возможностей противодействовать информационным технологиям в системе ИБ РФ	Проблемы государственного контроля за ДЛ ОГВ и ДЛ ОМСУ из-за недостаточного финансирования ИБ РФ
6. Действия воздушно-космических, морских и наземных технических и иных средств (видов) разведки иностранных государств против ИБ РФ	Зависимость ИБ РФ от потенциала ряда стран по информатизации ДЛ ОГВ в сферах финансов, образования, здравоохранения, сельского хозяйства, промышленности и др.
7. Накал информационных войн между государствами, воздействия на систему ИБ РФ и её целевые аудитории с целью нарушения функционала средств телекоммуникации; защита своих инфо ресурсов РФ от несанкционированного доступа к ним зарубежных СПИБ	Негативные тренды в криминогенной обстановке для: сращивания криминальных и государственных структур в области ИБ РФ; их доступа к закрытым данным; усиления влияния оргпреступности на жизнедеятельность личности, общества и ИБ РФ, снижения степени их защищённости

В результате генезиса ИБ РФ с целью подготовки СПИБ обоснованы: принципы – адаптивности, адекватности, интеграции, целостности; закономерности – образования, обучения, развития и воспитания; противоречия – в информационной, образовательной и военной сферах; тренды – интеграция ведомств с СВО, стандартизация профессиональной подготовки СПИБ ДЛ ОГВ, интеграция фундаментальности с гуманизмом образовательного процесса; интенсификация обучения на основе реализации системного подхода, формирования компетентных специалистов для создания перспективных моделей, средств и технологий [5, с. 229-234; 9, с. 61; 10, с. 77].

Разработанная и апробированная автором в 2012-2013 г. модель профессиональной подготовки СПИБ по-прежнему адаптивна для вузов Минобороны России, МВД России и других ведомств силового блока согласно потребностям заказчиков, а также для практики мониторинга становления выпускников профильных вузов в местах прохождения ими воинской и правоохранительной службы, для совершенствования реализуемых вузами

учебных планов и учебных программ, переподготовки и повышения квалификации кадров в области ИБ РФ.

Контент профессиональной подготовки СПИБ для Минобороны России и МВД России структурно включает ситуационный, методологический и результирующий компоненты с их аспектами:

а) *аспект ситуационного компонента* способствует формированию СПИБ через выявление детерминирующих объективных и субъективных факторов, противоречий, закономерностей и трендов, отражая социально-образовательные условия профессиональной подготовки;

б) *аспект методологии характеризует*: цели и приоритеты, принципы и задачи подготовки СПИБ по потребностям заказчиков; организационную и межведомственную деятельность ДЛ ОГВ ведомств силового блока РФ; стратегию профессиональной подготовки кадров по основам ИБ РФ, защите информации и информационной культуре; рекомендации и предложения по оптимизации нормативной правовой основы реализуемых в СВО основных образовательных программ с учетом требований к уровню и качеству готовности СПИБ; лично-социально-деятельный подход к организации подготовки кадров для ИБ РФ;

в) *аспект результирующий (итоговый)* ориентирует на перспективы деятельности СПИБ в ведомствах силового блока РФ, первоначально на результатах апробаций теоретических положений, а также предполагает периодическое повышение квалификации СПИБ в области ИБ РФ, с учетом роста потребностей в компетентных специалистах [11, с.18-21].

Концепция профессиональной подготовки СПИБ в профильных вузах СВО включает: реализуемые (внедряемые авторами) методики обучения СПИБ, формирование у них межличностной и информационной культуры на требуемом уровне освоения общекультурных и профессиональных компетенций по специальности подготовки, обеспечение востребованности выпускников для профессиональной деятельности в области ИБ РФ.

Перспективы педагогической системы профессиональной подготовки СПИБ в профильных вузах СВО РФ автор связывает со сменой парадигмы СВО, а именно, доминанту педагогической модели (парадигмы) с уровня среднего профессионального образования неоднократно доказано именовать андрагогической парадигмой [13, с. 143-144; 14, с. 263]. В связи с этим ИБ РФ будут обеспечивать личностно-социально-деятельный подход к подготовке отечественных СПИБ на основе обоснованных практических рекомендаций.

На основе анализа выявленных потенциальных вызовов и угроз ИБ РФ были сформированы государственно-правовые основы её обеспечения, а также осуществлён их прогноз [15, с. 226-229] (табл. 2).

Таблица 2 – Вызовы и угрозы информационной безопасности РФ

Перспективы	**2020 – 2025 г.**	**2030 – 2040 г.**
Вызовы	Информационное воздействие на сознание граждан РФ лично и	Активизация компьютерных атак на инфоресурсы личности, ОГВ,

Перспективы	2020 – 2025 г.	2030 – 2040 г.
	через СМИ с целью вербовки для совершения терактов, вовлечения в оргпреступные структуры	ОМСУ, иные объекты (ложь, вирусы); реализация политических целей в зонах киберпространства
Угрозы	Совершение терактов в зонах максимального скопления людей Определение (выбор) способов для поражения людей, объектов жизнеобеспечения и др.	Вывод из строя средств связи на стратегических объектах; воздействие на психику ОГВ, ОМСУ; устранение физических лиц (неугодных политиков, и др.)
Прогнозы	Реализация Доктрины инфо безопасности РФ; использование киберпространства для преступлений против личности, общества, социальных групп и др.	Создание на территории РФ и за ее пределами эффективной системы защиты информационных ресурсов личности, государства и его структур (органов, учреждений)

В таблице 2 представлены структуры реальных и прогнозируемых угроз ИБ РФ как совокупность их компонентов, внешних и внутренних истоков: а) конституционно-правовой – угрозы правам и свободам гражданина РФ и человека в его духовно-нравственной жизни и деятельности в сфере информации, групповому и общественному сознанию, а также духовному возрождению РФ; б) государственно-политический – угрозы информационно-аналитическому обеспечению политики РФ; в) индустриально-экономический – новые угрозы развитию системы ИБ РФ, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка РФ в своей продукции с экспортом её части на мировой рынок; г) информационно-телекоммуникационный – угрозы и новые вызовы ИБ РФ (информационно-телекоммуникационным средствам и системам).

Резюмируем: на основе вышеизложенного полагаем обоснованным вывод о том, что для обеспечения ИБ РФ деятельность ДЛ ОГВ, ДЛ ОМСУ, а также ведомств силового блока должна быть направлена на воспрещение утечки конфиденциальных сведений (данных), создания профильных структур для противодействия доступу физических и юридических лиц к ресурсам, содержащим источники хранения баз государственной и военной тайны. Практическую значимость и ценность имеет профессиональная подготовка СПИБ в СВО для потребностей силового блока ведомств РФ.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Росс. Федерации. № 31. 04.08.2014. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (вступил в силу 1.01.2017).

3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года».

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032 (дата обращения: 24.11.2020).

5. Самарский А.В. Теоретико-методологические основы компетентностного подхода в подготовке специалистов информационной безопасности // Материалы IX-й Международной научной конференции «Инновационное развитие России: условия, противоречия, приоритеты». Ч.II. М.: Новые печатные технологии, 2013. С. 229-234.

6. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.

7. Самойлов В.Д. Информационная безопасность в системе высшего образования России (компетентностный подход в подготовке специалистов): монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 162 с.

8. Самойлов В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учебное пособие. М.: МИЭМП, 2008. 232 с.

9. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-63.

10. Самойлов, В.Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 76-78.

11. Самойлов В.Д. О современных требованиях к системе высшего военного образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18-21.

12. Самойлов В.Д. Радиотехника и телекоммуникации: генезис и компаративизм: учебник. М.: РУСАЙНС, 2018. 168 с.

13. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.

14. Самойлов В.Д. Педагогическая антропология: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013 (2020). 271 с.

15. Самойлов В.Д. Вызовы и угрозы государственной безопасности РФ: информационно-экономические основы // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской научной конференции с междун. участием (г. Тюмень, 14 дек. 2018 г.) / отв. ред. И. А. Грошева. – Тюмень: Филиал Московского ин-та гос. упр. и права в Тюменской обл., 2019. 484 с.

16. [Электронный ресурс]. URL: https://rtown.ru/hi-tech/technology/2990-internet-segodnja-prazdnuet-30-letie.html (дата обращения: 12.3.2019).

П. В. Шушаков
магистрант Инновационного Евразийского университета

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ: ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННЫЕ ТОРГОВЫЕ СЕТИ

Аннотация. Целью данной статьи является исследование проблем и рисков перехода торговых сетей в электронную коммерцию. В настоящее время, наблюдается растущая тенденция расширения торговой сети традиционных магазинов за счет создания интернет-магазинов. В статье проводится анализ влияния торговых сетей и электронной коммерции.

Ключевые слова: электронная коммерция, торговые сети, трансформация, эффективность.

Результаты исследований показывают, что для казахстанского рынка онлайн-торговли характерно развитие новых категорий товаров, таких как продукты питания и бытовая химия. В настоящее время становится все более актуальным построение умных цепочек поставок, которые помогают управлять продвижением продукта от производства к конечному потребителю. Когда компании переходят от традиционных сетей к электронной коммерции, возникает вопрос сравнительного анализа эффективности офлайн- и интернет-магазинов.

Электронная коммерция в середине 1990-х еще не была известна как бизнес-модель, а сегодня она представляет собой потенциальную угрозу для традиционных торговых сетей. Как писал один из авторов журнала Forbes Стив Оленски, «с тех пор, как Джефф Безос отправил свою первую онлайн-продажу через Amazon в 1995 году, мы, потребители, никогда не вернемся назад». Традиционно торговля стала самым важным стимулом для выживания людей с самого начала истории, которую мы знаем, и с массовым распространением Интернета, парадигмой изменения того, как сегодня работают предприятия.

В своей книге «Электронная коммерция» Ритендра Гоэль отмечает, что «традиционная физическая торговля товарами и валютой становится все более непопулярной, и все больше предприятий подпрыгивают на подножке электронной коммерции». Эти тенденции актуальны и для казахстанского рынка – граница между традиционной коммерцией и электронной коммерцией становится все более размытой, поскольку все больше и больше компаний начинают или продолжают интегрировать Интернет-технологии в свои бизнес-процессы. Развитие электронной коммерции вызывает растущую потребность в создании умных цепочек поставок, которые могут эффективно управлять перемещением продукта от самого начала до конечного потребителя [1].

Теоретических и методических исследований об электронной коммерции в Казахстане не так много. Но вопрос продвижения электронной

коммерции в Казахстане, возможности и перспективы перехода традиционных торговых компаний на электронную коммерцию, а также появление совершенно новых компаний, для которых характерна только онлайн-торговля, являются предметом обсуждения, исследований. О. Шалева описывает технологию электронного бизнеса, его основной инструментарий и последовательность действий в процессе организации электронной коммерции. Как один из элементов электронной экономики, возникшей в середине 1990-х, М. Окландер в своих трудах вспоминает электронную коммерцию о цифровом маркетинге. Вопросы целесообразности открытия интернет-магазина обычным магазином исследуют О. Пурский, Н. Садыков и И. Магзумов, а также изучают процессы функционирования торгового рынка на основе моделирования конкурентного взаимодействия Интернет-магазина и традиционного магазина.

Однако, на наш взгляд, необходимо обратиться к более детальному исследованию влияния развития электронной коммерции на другие сектора экономики, потенциальных направлений роста товаров и услуг для малого и среднего бизнеса, спроса, для чего возникает необходимость исключительно из-за распространения электронной коммерции.

Тенденции электронной коммерции: концепция трансформации традиционной торговли в электронную коммерцию. Широкое использование современных информационных технологий превратило компьютерную сеть Интернет в хорошо развитую инфраструктуру, и сегодня глобальную сеть Интернет можно рассматривать как огромный электронный рынок, который потенциально может охватить почти все население мира. Именно поэтому производители программного обеспечения, торговые и финансовые организации активно разрабатывают различные типы и способы ведения бизнеса в глобальной сети, которые имеют разный характер (например, тонкий или гибкий). На данный момент развитие электронной коммерции стало очень выгодной формой взаимоотношений продавца с покупателем. Экономические свойства и особенности электронной коммерции, возникшие в процессе ее становления, позволили ей конкурировать в мире современного глобального бизнеса и создали предпосылки для оптимистичных прогнозов ее будущего [2].

Сегодня в Казахстане большое количество традиционных магазинов открывают свои офисы в Интернете и одновременно становятся участниками традиционной и электронной коммерции. Разница в ценах между этим типом продавцов и продавцов, использующих только электронную торговлю, важна как с теоретической, так и с практической точек зрения, поскольку они влияют на реализацию различных элементов комплекса маркетинга. В этом контексте возникает большое количество вопросов, из которых исследования не проводились или проводились частично, например:

– каковы последствия для предпринимательских тенденций перехода традиционных магазинов к электронной коммерции;

– какие новые, инновационные виды товаров и услуг появляются и развиваются в результате увеличения покупок товаров через Интернет;

– какие группы товаров наиболее популярны в электронной коммерции и где есть потенциал для роста и развития;

– каковы различия в характеристиках и стратегиях между этими двумя типами интернет-продавцов, у которых могут быть различия в ценовой дифференциации товаров;

– каковы преимущества и недостатки конкурентной торговой среды с традиционными и электронными магазинами.

У продавцов может быть преимущество устанавливать более высокие цены, чем в магазинах электронной коммерции, используя традиционные каналы продаж и электронную коммерцию.

Согласно Absolunet, ведущему американскому аналитическому агентству в области электронной коммерции в Северной Америке, одной из мировых тенденций в интернет-коммерции в 2022 году станет перевод бизнеса B2B полностью в интернет-магазины. Изменение привычек B2B-покупателей заключается в том, что они уже готовы использовать функции, характерные для B2C-интернет-магазинов. Стоит отметить, что большие объемы продаж на промышленном рынке позволяют B2B-компаниям, освоившим электронную коммерцию, быстро опережать своих конкурентов. В Казахстане в 2019 году категория «сырье и материалы» была одной из самых быстрорастущих категорий – по количеству заказов на онлайн-рост в первой половине 2019 года она составила 104%.

Глобальный тренд продвижения электронной коммерции в сегменте B2B актуален и для казахстанского рынка. Стоит отметить, что эта статистика основана на результатах одного из крупнейших порталов электронной коммерции в Казахстане, который представляет 93,4 млн товаров от 40,7 тыс. проверенных продавцов. Оборот портала составляет 24,7 миллиона долларов в месяц, а ежемесячные клиенты посещают этот сайт 32,8 миллиона раз. По данным исследовательской компании Kaztreyd, порталом пользуются 20,9% казахстанских пользователей, и он занимает третье место среди местных интернет-ресурсов. Учитывая популярность портала, можно предположить, что статистика использования портала и поведения потребителей при покупке товаров разных категорий типична для всего казахстанского рынка.

Одной из глобальных тенденций в развитии электронной коммерции в мире также является дублирование электронной коммерции: большинство развитых электронных предприятий со своими собственными интернет-магазинами также стараются присутствовать на торговых площадках (или, как их еще называют, торговых платформы) [3, с. 237]. Ттакие торговые платформы очень популярны в Казахстане, и они часто используются традиционными торговыми компаниями для их первого выхода в мир электронной коммерции. Таким образом, торговая площадка Казахстана Olx, по данным Gemius Audience, в 2019 году охватили 53,6% интернет-населения Казахстана. В целом интернет-аудитория в Казахстане выросла за 2019 год с

5,8 до 9,1 млн пользователей. В то же время популярность сайтов электронной коммерции выросла с 10,3 до 12,6 млн человек, что составляет 71% всех казахстанских интернет-пользователей. Что касается денежной характеристики рынка, то в 2019 году казахстанцы потратили на рынке 14,2 млрд тг, что на 68% больше, чем годом ранее, при этом количество заказов выросло на 61%, а средний чек вырос на 4% до 962 тг.

Вывод. Быстрый рост рынка электронной коммерции и массовый переход традиционной коммерции в Интернет приводят к росту различных смежных сфер экономики, включая логистику. Логистические услуги с развитием он-лайн торговли получили значительный импульс для развития, в частности возникли умные цепочки поставок, которые обеспечивают оптимизацию процессов перемещения товаров от начальных точек производства к конечному потребителю через сочетание оптимальных способов доставки. Дальнейшие исследования требуют структурных изменений на рынке логистики и умных цепочек поставок, которые возникают под влиянием перехода традиционного бизнеса к электронной коммерции.

Список литературы:

1. Линдберг О.Тенденции электронной коммерции 2018: 18 областей, которые будут определять интернет-магазины [Электронный ресурс] URL: https://www.shopify.com/partners/blog/ecommerce-trends-2018. (дата обращения: 04.09.2020).

2. Сибрехт К. Каждая компания занимается электронной коммерцией. Дата обращения 5.09.2020 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.supplychain247.com /article /every_company_ is_an_ecommerce_company (дата обращения: 04.09.2020).

3. Маринкас Д.А. Информационная система для управления цепочкой поставок // Экономический журнал Amfiteatru, Академия экономических исследований Бухарест, Румыния. 2018. №10 (24). С. 236-253.

С. А. Ярутина
магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Л. В. Мишин
магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Е. Н. Нархова
доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Д. Ю. Нархов
доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ[16]

Аннотация. В статье изучается специфика культуры информационной безопасности молодежи в современном обществе. Анализируются базовые теоретические материалы, посвященные информационному развитию человеческого сообщества и коммуникативным технологиям. На основе статистических данных и проведенного опроса формируется представление об уровне информационной безопасности современной молодежи. Выявлена потребность в пропаганде культуры безопасного поведения в цифровой среде.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровизация, молодежь, цифровая общность.

Одной из характерных особенностей современного общества является процесс информатизации, оказывающий значительное влияние на развитие человека, общества и государства. Вместе с процессами информатизации в социуме наблюдаются такие явления, как глобализация и цифровизация, в результате чего весь мир объединяется в единую систему обмена информацией, которая, в свою очередь, становится важнейшим ресурсом. При этом субъекты пользования глобальной информационной сетью попадают в зависимость от ее содержательного наполнения, включающего в себя не только контент, но и других субъектов, а также процесс и форму их взаимодействия. В связи с этим особенно острым становится вопрос информационной безопасности в период активного развития информационных цифровых технологий.

[16] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности»

Для осознания масштабов цифровизации в современном мире обратимся к теории информационных волн, выдвинутой Э. Тоффлером. Согласно ей, развитие хаоса человеческой истории происходит волнообразно. При этом Первой Волне потребовались тысячелетия для того, чтобы человеческое сообщество в большинстве своем перешло от племенного этапа к развитию аграрно-феодальных цивилизаций. Вторая Волна произошла уже за несколько столетий, переведя большую часть населения от сельского феодализма к индустриально-рыночной городской экономике. Третья Волна или переход к информационному обществу, как утверждает Э. Тоффлер, достигнет своего апогея через десятилетия, в то время, как сейчас она продолжает набирать свою силу. При этом стоит отметить, что скорость каждой волны в десять раз выше скорости предыдущей, а влияние оказывается более глубоким и изменяет все больше людей. В результате чего происходит трансформация человеческого сообщества в целом. Уже сейчас очевидно, что современные информационные технологии изменили мир до неузнаваемости, однако процесс цифровизации на сегодняшний день лишь набирает свои обороты и будет охватывать все большие сферы человеческой жизнедеятельности и вовлекать все новые слои населения в функционирование этой системы [7].

Говоря об информационном развитии, стоит обратить внимание на то, что этот процесс, помимо упрощения жизни и расширения возможностей, таит в себе и негативные аспекты. Таковыми являются, например, увеличение влияния на общество недостоверных источников информации, способных манипулировать массовым сознанием, вмешательство в частную жизнь людей и завладение персональными данными, неспособность человечества в полной мере овладевать стремительно развивающимися технологиями, усиление дифференциации в обществе по признаку доступности современных благ и многое другое. В связи с этим становится актуальным вопрос обеспечения безопасности «нового» общества. Доктрина информационной безопасности РФ определяет информационную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [8].

Исходя из определения можно говорить о том, что приоритетом информационной безопасности является чувство полной защищенности граждан в эпоху цифровизации. Вместе с тем, стоит отметить, что информационная безопасность должна базироваться на смыслообразующих знаниях, а не являться элементом технико-операционального мышления. Культура информационной безопасности требует персонального осмысления индивидом и осознанного подхода к использованию имеющихся знаний, навыков и умений. Поведение в цифровой среде, в первую очередь, является личной ответственностью пользователя.

Очевидно, что информационная безопасность – сложная система, включающая в себя взаимодействие разных акторов: личности, общества и государства. Соответственно, обеспечение состояния защищенности одинаково важно осуществлять на каждом из уровней. В рамках деятельности государственного аппарата это происходит за счет законотворческой деятельности, создания и реализации национальных, государственных, региональных и муниципальных программ, межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти. На уровне социума – путем создания НКО, занимающихся указанной проблематикой, организации и проведения мероприятий, взаимодействия общественных институтов, помощи бизнес-сообщества и т. д.

Однако, на наш взгляд, важнейшим в рамках обеспечения культуры информационной безопасности является личностный уровень. Именно наличие персональной мотивации и ориентации на постоянное развитие – одни из ключевых факторов, влияющих на качество знаний, умений и навыков, позволяющих осуществлять успешное функционирование, в том числе и в цифровой информационной среде. Если обратиться к категории сущностных сил человека, сформулированных Л. Н. Коганом, то можно говорить о том, что личность формируется, реализуется и развивается в практической деятельности, что и позволяет взращивать определенные навыки и компетенции [5].

На сегодняшний день поток информации в современном мире очень разнообразен и является противоречивым, из-за чего нередко человек сталкивается со сложностями самостоятельного анализа поступающей информации. Каждый из нас является свидетелем повышения значимости цифровых информационных технологий на примере текущего года, ставшим испытанием для человечества и ввиду изменившихся основных форм коммуникации. В период пандемии COVID-19 люди по всему миру вынуждены были сократить количество оффлайн контактов и перейти на цифровые площадки. Именно здесь от людей, в большей степени, чем обычно, потребовалось осмысленное потребление контента и способность к адекватному анализу поступающей информации. Возросло значение содержания, а не формы передачи информации.

Сегодня мы все чаще сталкиваемся с такими вещами, как фейковые новости, кибербуллинг, фишинг, мошенничество в интернете, группы смерти, вовлечение в деструктивные движения и деятельность посредством социальных сетей.

Когда речь заходит о формировании культуры информационной безопасности в современной цифровой среде, особое внимание следует обращать на такую возрастную группу, как молодежь. Обусловлено это следующими факторами:

– особенности психовозрастного и эмоционального развития. В силу возраста и малого жизненного опыта мировоззрение молодых людей не сформировано до конца, психика весьма подвижна, мировосприятие отличается нигилизмом и стремлением к ощущению себя особенным, что

облегчает процесс воздействия и манипуляций, повышая риск деструктивного влияния;

– наиболее активное использование цифровых технологий. Согласно данным, приводящимся в докладе ЮНИСЕФ «Положение детей в мире, 2017 год: дети в цифровом мире» [3], наибольшее количество выходов в сеть совершает молодежь в возрасте 15-24 года. Практически половина всего мирового населения, а именно 48%, использует Интернет, при этом подавляющее большинство пользователей – молодежь (71%). Дети и подростки в возрасте до 18 лет составляют примерно треть пользователей Интернета во всем мире. Что касается России, то в нашей стране около 56% несовершеннолетних пользователей проводят в сети большую часть своего времени.

Для нас очевидно, что на сегодняшний Интернет – самый распространенный источник получения информации среди молодежи, однако вместе с ресурсами для общения, самосовершенствования, образования, культурного развития, творчества и т.д., Интернет имеет и негативную сторону, заключающуюся в возможности использования его в качестве дестабилизирующего инструмента, способного оказывать негативное влияние на молодежь.

Для анализа общего уровня культуры информационной безопасности молодежи нами была разработана и апробирована анкета для пилотажного исследования по заявленной теме. Наиболее подходящим инструментом для сбора информации, на наш взгляд, явился опрос с целевой сфокусированной выборкой, в рамках которого можно получить сведения на текущий момент.

В опросе приняли участие 147 человек в возрасте 14-30 лет, проживающих на территории Свердловской области в городах Екатеринбург, Березовский, Первоуральск и других. Большая часть опрошенных (40%) являются студентами высших учебных заведений, 35% – ученики школ, остальная часть респондентов – наемные работники частных предприятий, предприниматели и студенты ссузов. Распределение по гендерному признаку равномерное: 55% – девушки, 45% – юноши.

В рамках исследования удалось выяснить, что большая часть опрошенных, а именно 98 человек (66,7%) хотя бы раз в жизни сталкивались с мошенничеством в Интернете. Самый распространенный вид, отмеченный респондентами, – мошенничество, связанное с финансами, а также с взломом личных страниц в Интернете. Лишь 17 опрошенных ни разу не сталкивались с подобными проблемами.

При этом, как ни странно, большая часть респондентов не смогли сформулировать знакомые им виды мошенничества в информационном пространстве, ограничившись лишь высказываниями о финансовых махинациях и краже персональных данных.

Что касается утечки персональных данных, 35% опрошенных сталкивались с такой проблемой, что интересно, лишь 7 человек признались, что оставляют свои личные данные на сомнительных сайтах в Интернете и еще трое затруднились ответить на этот вопрос.

Так же низок процент тех, кто на постоянной основе читает пользовательские соглашения, – 15%, еще 20% опрошенных делают это время от времени. Такие данные свидетельствуют о низком уровне навыков и информированности, касающихся личной информации в информационном пространстве, что, безусловно, может привести к проблемам обеспечения информационной безопасности личности.

Говоря о современном взаимодействии в Интернете, нельзя не затронуть животрепещущую тему кибербуллинга. Россия является одним из лидеров среди европейских стран по кибербуллингу [6]. И без того высокий процент по данному показателю вырос еще больше в период пандемии [1]. Важным этот вопрос является, как с точки зрения эмоционального воздействия на формирование личности в процессе ее становления, так и способности ему противостоять. По результатам опроса 17,5% опрошенных признались, что становились инициаторами травли в социальных сетях, а 12,5% – жертвами. Полученные результаты ниже имеющейся в открытом доступе статистики. Объяснить это можно тем, что большая часть опрошенных – представители старшего молодежного возраста, и они просто «переросли» этот период. Однако травля в Интернете – та проблема, которая, безусловно, требует проработки с подростками.

В контексте этого логичными казались следующие вопросы, касающиеся допустимого, по мнению респондентов, возраста начала использования детьми и подростками Интернета и возраста, в котором сами респонденты начали им пользоваться. Основная часть опрошенных в качестве допустимого возраста назвали 12-14 лет, обосновав это тем, что к этому возрасту у детей уже формируется устойчивая психика и адекватное восприятие действительности. Однако, были и отличающиеся в обе стороны ответы: некоторые респонденты считают правильным постепенное включение ребенка виртуальное информационное пространство с малых лет (4-8 лет), считая это неотъемлемым элементом и инструментом социализации в современном мире; другие же, напротив, считают, что чем позже подросток начнет пользоваться Интернетом и социальными сетями, тем лучше и безопаснее, при этом верхняя планка «допустимого» возраста достигала 18 лет. Что касается возраста вхождения анкетируемых в электронное информационное пространство, он составил в среднем 11-12 лет.

На вопрос «Если бы у Вас была возможность стать участником бесплатного образовательного проекта, направленного на повышение Вашей информационной безопасности, Вы бы ей воспользовались? Почему?» 40% респондентов ответили утвердительно. Основная аргументация «за» заключалась в интересе, потребности ощущать свою безопасность, а также «прокачке» уже имеющихся навыков и знаний.

Опрос показал, что многие респонденты не имеют достаточных навыков в сфере использования информационных технологий, а также неудовлетворительный уровень информационной культуры и безопасности. На это указывают недостаточно внимательное использование электронных информационных ресурсов, которое приводит к утечке персональных данных,

попадании на удочку мошенников и т.д. Парадокс ситуации заключается в том, что лишь достаточно небольшой процент опрошенных осознают это и готовы совершенствовать свои навыки. Интересным так же является тот факт, что наиболее заинтересованными в дальнейшем развитии в данной сфере оказались те респонденты, чьи знания, исходя из результатов анкетирования, оказались выше тех, кто участия в подобном мероприятии принять бы не хотел.

Таким образом, можно говорить о том, что прежде, чем проводить образовательную работу в сфере информационной безопасности молодежи, важно донести до нее основы информационной культуры и необходимости ее повышения. Это должна быть системная и выверенная работа, потому как информационная безопасность отдельных личностей напрямую взаимосвязана с информационной безопасностью общества и государства в целом, что является особенно актуальным в эпоху цифровизации.

Список литературы:

1. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/ ru/health-topics/Life-stages/pages/news/news/2020/6/the-rise-and-rise-of-interpersonal-violence-an-unintended-impact-of-the-covid-19-response-on-families (дата обращения: 18.11.2020).
2. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
3. Доклад ЮНИСЕФ «Положение детей в мире, 2017 год: дети в цифровом мире».
4. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с.
5. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 120 с. – Текст : непосредственный.
6. Международный отчет по результатам исследования 2013/2014 гг. «Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков» [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/child-and-adolescent-health/health-behaviour-in-school-aged-children-hbsc/hbsc-international-reports/growing-up-unequal.-hbsc-2016-study-20132014-survey/executive-summary (дата обращения: 18.11.2020).
7. Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2008. 560 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 13.08.2020).

Н. А. Затеева
доцент Восточно-Сибирского
государственного института культуры
С. П. Татарова
профессор Восточно-Сибирского
государственного института культуры

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНЫХ УГРОЗ

Аннотация. В статье рассматривается обеспечение безопасности учреждений культуры как компонент системы социальной безопасности. Противоправные угрозы относятся к группе социальных или гуманитарных угроз, продуцируемых человеком. Профилактика противоправной деятельности в учреждениях культуры предполагает комплексный и деятельностный подход, систематическое применение организационных, технических, управленческих мер обеспечения безопасности.

Ключевые слова: безопасность, учреждения культуры, противоправные угрозы, риски.

Сложность и многозначность понимания безопасности обусловлены, во-первых, различением объекта безопасности (личность, общество, государство), во-вторых, критериями определения безопасного состояния. Современные исследователи определяют безопасность различным образом: как уровень защищенности интересов указанных объектов; как специфическое состояние объектов безопасности, когда они имеют возможность преодолевать опасности и противодействовать угрозам; как систему мер по преодолению опасностей; как качественную характеристику устойчивого развития и стабильности общества и др. [7, с. 126]. Решение задач обеспечения безопасности в современном социуме, независимо от объекта, на которое направлено внимание, опирается на системный подход. Безопасность каждого элемента системы должна обеспечиваться конкретными субъектами, группами лиц, государством. Безопасность в цивилизованном обществе гарантируется государством, которое определяет цели, направления, а также выявляет угрозы и нейтрализует опасности в жизненно важных сферах [6, с. 36]. Выявление угроз тесно связано с концепцией «общества риска» У. Бека, понимающего под риском систематическое взаимодействие с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации [1]. В настоящее время выделяется три ключевых группы угроз социальной безопасности: природогенная, техногенная и социальная или гуманитарная как результат человеческих отношений [5]. Именно третья группа угроз содержит максимальное количество возможностей для нарушения системы социальной безопасности.

В рамках данной статьи мы выделяем один из компонентов обеспечения социальной безопасности – обеспечение безопасности в учреждениях культуры, которые могут подвергаться противоправным действиям.

В широком смысле для обеспечения безопасности от правонарушений необходимы меры государственно-правовой политики в области обеспечения правовой безопасности личности, а именно: оптимизация законотворческого процесса; качественное преобразование нормативно-правовой базы; своевременное и полноценное правовое обеспечение проводимых реформ; разработка долговременной стратегии законотворчества; совершенствование гарантий прав личности; формирование единого политико-правового пространства; минимизация рисков, угроз и ошибок в сфере правотворчества; совершенствование правоприменительной практики посредством двусторонней связи между органами правотворчества и правоприменения; принятие основных законодательных актов в сфере правового обеспечения мониторинга законодательства и правоприменения и др. [7, с. 129].

В то же время на практике необходимы конкретные и ежедневные меры, которые применяются в каждом учреждении культуры [2]. В учреждениях социально-культурной сферы ежедневно задействована значительная часть населения. Как участниками мероприятий, так и их зрителями могут стать самые различные категории населения: дети, пожилые граждане, маломобильные группы населения. В связи с этим, обеспечение безопасности персонала и участников в ходе культурных, образовательных, воспитательных, развлекательных акций и мероприятий, является одной из приоритетных задач организации, поскольку в связи с массовостью они являются наиболее уязвимыми объектами. В связи с этим значимой становится реализация целого ряда оперативных профилактических мер, суть которых сводится к предотвращению человеческих, материальных и экономических потерь, либо их максимальное снижение.

Под комплексной безопасностью учреждения социально-культурной сферы мы понимаем систему средств и мероприятий, направленных на обеспечение состояния защищенности организации от возможных угроз природного, социального, техногенного характера, на достижение ее комфортного функционирования и готовность сотрудников и участников деятельности к последовательному, оптимальному поведению в создавшихся чрезвычайных ситуациях.

Большое значение в обеспечении безопасности учреждений социально-культурной сферы отводится изучению и предотвращению воздействия рискообразующих факторов, а также профилактике чрезвычайных ситуаций. Для этого крайне необходимо осуществить ряд задач:

во-первых, своевременно обеспечить распознавание и классификацию опасности, вероятность ее возникновения, распространения и возможных последствий;

во-вторых, обеспечить меры предупреждения возможной угрозы, а также подготовить персонал организации к действиям в случае возникновения опасности;

в-третьих, обеспечить готовность конкретных служб и подразделений организации по оказанию помощи пострадавшим и спасению в условиях возникшей чрезвычайной ситуации;

в-четвертых, обучить персонал санитарно-гигиеническим навыкам и безопасному поведению в различных чрезвычайных ситуациях.

Для обеспечения комплексной безопасности особое внимание уделяется техническому обеспечению безопасности участников процесса в социально-культурной сфере. Рассматривая управление комплексной безопасностью как технологический процесс, мы понимаем под ним систему согласованных видов деятельности, направленных на определение факторов риска, и профилактику возникающих угроз, проведение работы, ориентированной на безопасные условия функционирования организации. Кроме того, учитываются ресурсы, необходимые для непрерывной работы по обеспечению безопасности и ее постоянное совершенствование. Рассматривая мероприятия по техническому обеспечению безопасности организации, можно выделить следующие меры:

– реализация всех доступных видов защиты субъектов социально-культурного процесса посредством создания инженерно-технических укреплений в виде ограждений, решеток, металлических дверей и т.д.);

– создание системы идентификации сотрудников и посетителей, а также ограничения и контроля за доступом в здания и помещения;

– обеспечение пожарной безопасности организации и прилегающей к ней территории;

– бесперебойная работа инженерно-технического оборудования (охранная сигнализация, система оповещения пожарной безопасности и управления эвакуацией и других значимых систем безопасности, «тревожная» кнопка, система видеонаблюдения).

Организация и проведение мероприятий по изучению и соблюдению правил охраны труда, по обеспечению антитеррористической защищенности, противодействию терроризму и экстремизму, формированию комплексной безопасности личности.

Качественная техническая безопасность невозможна без методического обеспечения процессов безопасности в организации. В данном случае методическое обеспечение включает в себя разработку разного рода материалов (памятки по всем видам безопасности, инструкции, планы эвакуаций; должностные инструкции персонала), которые в совокупности способствуют эффективному распространению информации и закреплению знаний по технике безопасности.

Научно-методическое обеспечение комплексной безопасности учреждений социально-культурной сферы должно осуществляться во всех направлениях деятельности организации и выступать одним из важнейших факторов обеспечения ее эффективного и безопасного функционирования.

Комплексность в обеспечении безопасности социокультурной среды в современных условиях также предполагает мероприятия, направленные на противодействие радикальным идеологиям, в том числе, идеологиям

экстремизма и терроризма, меры по развитию культуры безопасности посетителей, а также разработка методик по выявлению групп населения, склонных к проявлению экстремистских настроений, подверженных влиянию радикальных идеологий.

Поскольку учреждения культуры должны выполнять и воспитательные, и развивающие функции, то они могут строить работу по комплексной безопасности через обучение и воспитание посетителей.

Одной из особенностей организации массовых мероприятий на открытых площадках, в местах общественного пользования является необходимость согласования с органами исполнительной власти, что предусмотрено Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и нормативно-правовыми актами муниципальных образований. В отдельных случаях требуется соблюдение норм Федерального закона № 54, регламентирующего проведение мероприятий политического характера.

Порядок организации и проведения публичного мероприятия определяется органами исполнительной власти того субъекта Российской Федерации, на территории которого состоится событие (исключение составляет территория музея-заповедника «Московский Кремль», Александровского сада и Красной площади, Васильевского спуска, организация мероприятий на которых определяется только Президентом РФ). В процессе взаимодействия с властями определяется место, время, доступность и меры обеспечения безопасности мероприятия. Российское законодательство определяет места, где проведение мероприятий запрещено или ограничено: территории, на которых требуется соблюдение особых правил безопасности (вблизи стратегических объектов, железнодорожных, энергетических, электрических коммуникаций).

Большое значение имеет время проведения мероприятия. Это обусловлено не только исключением накладок в проведении нескольких мероприятий, но и изменениями в организации движения пешеходов и транспортных средств, а также соблюдением общественного порядка. Так, массовые культурные мероприятия могут проводиться только в интервале времени от 7 до 22 часов, исключение делается для праздничных салютов, приуроченных к Дню Победы, памятным датам, Дню города и другим крупномасштабным событиям.

При проведении мероприятий на площадях и улицах населенных пунктов необходимо соблюдение законодательства по обеспечению безопасности дорожного движения. Муниципальные органы власти по мере необходимости могут ввести ограничения движения на улицах города, подъезде к месту проведения публичного мероприятия, обеспечивают беспрепятственное шествие пеших колонн, объездные пути, информируют население о предпринятых мерах. Комплекс мероприятий включает в себя определение участков, где ожидается наличие пешеходов, увеличение интенсивности движения; обеспечение необходимых ресурсов реализации временной схемы организации дорожного движения (технические средства,

регулировщики дорожного движения); введение требующихся ограничений дорожного движения, изменения режимов остановки и стоянки; проработка вариантов срочных мер в экстренных случаях [4].

Другим аспектом транспортной безопасности культурно-массового мероприятия на открытом воздухе является организация проезда к месту его проведения. Крупные культурные мероприятия, которые посещает значительное число зрителей, продолжительны по времени. Иногда событие происходит в отдаленном местах, где отсутствует транспортное сообщение, либо местные маршрутные транспортные средства не могут обеспечить перевозку большого количества человек, изменить график движения по маршруту. В таком случае организаторы культурного мероприятия по согласованию с органами власти и привлеченными специалистами организуют трансфер к месту его проведения на бесплатной или платной основе.

Большое скопление людей в период проведения массового мероприятия требует привлечения различных специалистов: медицинских работников, органов МЧС и полиции, организаций общественного питания и торговли. Это необходимо для комфортного пребывания на мероприятии и возможности оказания помощи, предотвращения противоправных действий, чрезвычайных ситуаций. Организация мероприятий осуществляется с соблюдением норм федерального законодательства в области обеспечения безопасности и требований к антитеррористической защищенности культурных объектов и территорий [3]. К сожалению, преступники и террористы нередко используют крупные зрелищные события культуры и спорта для совершения террористических атак, взрывов, захвата заложников. Кроме того, присутствие на значимых и интересных мероприятиях создает повышенный эмоциональный фон, но подобное возбуждение влечет за собой снижение рационального мышления, что повышает риск непредвиденных действий со стороны зрителей, провоцирует опасные ситуации. Нередко фанаты популярных исполнителей совершают противоправные действия по отношению к другим поклонникам, наносят вред артистам, угрожают суицидом и т.д. В связи с этим организаторами массовых мероприятий в настоящее время предпринимаются повышенные меры безопасности. Важное значение имеет режим допуска на мероприятие, дифференцированный для зрителей, артистов, членов оргкомитета, аккредитованных представителей СМИ, приглашенных представителей власти, сотрудников ОВД, МЧС и т.д. Каждая из групп имеет свой уровень допуска на территорию, посещение объектов инфраструктуры. Для идентификации каждой группы используются электронные пропуска, аккредитационные бейджи, контрольные браслеты и т.д. В процессе допуска на место проведения мероприятия могут применяться: интроскопы и металлодетекторы, досмотр ручной клади и транспортных средств. Для контроля территории широко применяются видеокамеры, квадрокоптеры и дроны. Обязательно дежурство нарядов полиции, пожарной охраны, медицинских экипажей.

Таким образом, обеспечение безопасности во время культурных мероприятий предполагает комплекс мер, направленных на сохранение жизни

и здоровья посетителей и сотрудников учреждений культуры, создание благоприятных условий для получения культурных услуг.

Вся ответственность за организацию работы по комплексной безопасности персонала и посетителей учреждения ложится на руководителя, должна быть четко регламентирована и выполняться по определенному алгоритму, включающему следующие составляющие.

1. Выявление перечня основных работ по обеспечению безопасности организации.

2. Проведение комплексного анализа основных процессов, реализуемых в организации на предмет возникновения угрозы и опасности для здоровья персонала и посетителей.

3. Построение прогноза управленческой деятельности, а также определение видов работ (хозяйственных, организационных и др.), по достижению комплексной безопасности организации.

4. Оценка имеющихся и запрашиваемых ресурсов (финансовых, материальных и трудовых) для организации и внедрения мер обеспечения комплексной безопасности.

5. Осуществление контроля и мониторинга процессов по обеспечению комплексной безопасности организации.

Важно, чтобы все перечисленные функции осуществлялись в организации комплексно, всеми ответственными структурными подразделениями и лицами под контролем руководителя организации.

Таким образом, реализация комплексных мер по обеспечению безопасности посредством соблюдения норм охраны труда, внутреннего порядка и контроля за доступом лиц в помещение, создания системы охраны и безопасности, скоординированное взаимодействие, связь и оповещение в учреждениях культуры, а также своевременные, последовательные и эффективные решения руководства по выявлению и предупреждению рисков и угроз обеспечат комфортные условия функционирования учреждений культуры.

Список литературы:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000. 384 с.

2. Обеспечение безопасности в учреждениях социально-культурной сферы / С.Б. Будаева, Н.А. Затеева, О.Э. Мишакова, Е.Б. Сергеева, С.П. Татарова. Улан-Удэ: ИПК ВСГИК. 2020. 102 с.

3. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) в сфере культуры и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий): постановление Правительства Российской Федерации от 11.02.2017 № 176 // Техэксперт : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/420392422 (дата обращения: 15.10.2020).

4. Рыдченко К.Д., Сычев Е.А. К вопросу о порядке осуществления полицией временного ограничения или запрещения движения транспортных

средств на отдельных участках дорог при проведении массовых мероприятий // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 1 (49). С. 83-88.

5. Самыгин С.И., Степанов О.В. Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 51-59.

6. Саттарова Н.А. Понятие «безопасность» как научная категория теории государства и права // Юридическая мысль. 2015. № 2 (88). С. 36-40.

7. Худойкина Т.В., Алексашина М.Н. Методологические проблемы изучения научной категории «безопасность личности» // Право и безопасность. 2013. № 3-4. С. 26-130

С. Г. Ольков
профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

ИЗНАСИЛОВАНИЕ КАК ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ ЦИКЛОВ ПОЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. С помощью теоремы Фурье и спектрального анализа показано, что сезонная динамика изнасилований на Планете в любое историческое время определяется сезонной динамикой силы половой активности соответствующих демографических групп народонаселения.

Ключевые слова: криминология, преступность, изнасилования, сезонность, теорема Фурье, цикл, флуктуация, разложение в ряд Фурье, аппроксимация, спектральный анализ.

В литературе по криминологической тематике уже достаточно давно обратили внимание, да и по существу доказали сезонность отдельных видов преступлений, в частности, изнасилования. Достаточно открыть работу Чезаре Ломброзо «Преступление», которая в переводе Г.И. Гордона была опубликована на русском языке в 1900 году, а в начале XXI века была переиздана уже в современной России [1, с. 3-144] с той самой первой работы в переводе Г.И. Гордона.

В части первой своей знаменитой работы, озаглавленной «Этиология преступления», и в главе первой «Метеорологические и климатические влияния. – Времена года. – Месяцы. – Высокие температуры», Чезаре Ломброзо специально выделяет подраздел «Преступления и времена года», где пишет: «Понятно, какое огромное влияние оказывает теплота на многие преступления. По статистике Guerry оказывается, что в Англии и во Франции убийства и изнасилования преобладают в жаркие месяцы. К таким же результатам относительно Италии пришел и Gurcio» [1, с. 3]. И далее

Ломброзо приводит интересную таблицу с первичными статистическими данными по изнасилованиям.

Естественно, для того уровня развития криминологической науки было вполне достаточно простых таблиц, и вывод относительно наличия сезонности был сделан верным по количественным первичным статистическим данным. А вот о причинах сезонного характера соответствующих преступлений, в частности, изнасилований, вывод Чезаре Ломброзо ошибочный. Почему? Потому, что причиной сезонности выступает не температурный режим, а динамика половой потребности большой совокупности здравствующих в данное время и в данном социальном пространстве демографических когортных групп – прежде всего молодых, здоровых мужчин, которые и «делают погоду» относительно данного вида преступлений, поскольку даже по общей преступности мужчины в среднем на 600% активнее женщин (сравниваем коэффициенты криминогенной пораженности мужчин и женщин – просто делим коэффициент криминогенной пораженности мужчин на коэффициент криминогенной пораженности женщин в данное время и в данном месте).

Динамика половой активности народонаселения может быть смоделирована тремя уравнениями, два из которых тригонометрические, а одно кубическое. Во-первых, это уравнение жизненного цикла половой активности для каждого конкретного человека и усредненное по всей здравствующей численности народонаселения: $\hat{s} = at^3 + bt^2 + ct + d$, где t – время в месяцах или других удобных единицах измерения, s – сила половой активности в зависимости от гормональной (тестостеронной) составляющей. Это простой полином на плоскости в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации. На рисунке ниже показано, как примерно его можно подобрать без использования первичных статистических данных.

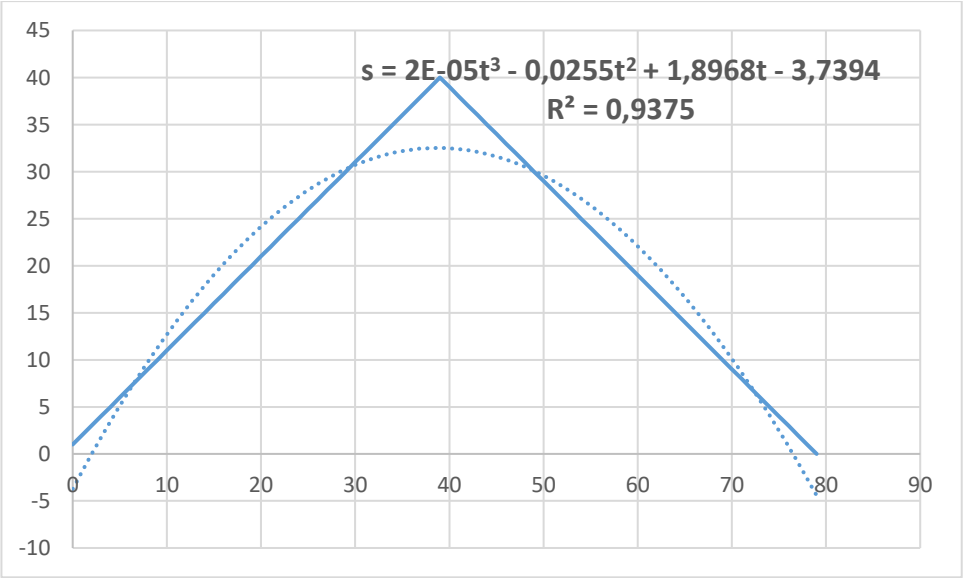

Рис. 1. Моделирование жизненного цикла половой активности линейными и искомым кубическим уравнением

Чтобы получить данный полином мы просто разбили жизнь человека на две части – до сорока и после сорока лет, положив в первой половине жизни линейный рост половой силы по уравнению s=t, а во второй половине по обратному линейному уравнению s=40-t, и далее просто аппроксимировали эти функции одним кубическим уравнением с хорошим коэффициентом аппроксимации, получив реалистичный максимум функции половой активности немногим выше 30 лет, что вполне реалистично.

Во-вторых, это уравнение, описывающее короткие периодические циклы половой активности – это уже тригонометрическое уравнение вида: $\hat{s} = A\sin(kt + \beta)$ или с исключением начальной фазы: $\hat{s} = A\sin(kt)$, где s – смещение координаты силы половой активности по ординате, A – амплитуда волны (половина размаха половой волны). Можно сказать и так, чтобы было более понятно – амплитуда – это максимальное удаление координаты от её среднего положения. Линейное уравнение, стоящее под синусом $(kt + \beta)$ – это фаза колебаний, где β – начальная фаза, или, другими словами – угол β начальной фазы. Это линейное уравнение мы никуда из-под знака синуса убрать не можем, и если нам нужно продифференцировать данную функцию, то пользуемся цепным правилом дифференцирования сложных функций.

Период колебания (флуктуации) – это промежуток времени, в течение которого координата проходит одно полное колебание. Следовательно, это отрезок на оси времени. Аналитически период выражается уравнением: $T = \frac{2\pi}{k}$, где k – скорость в уравнении под знаком синуса, обычно этот параметр называется круговой (циклической, угловой) частотой или просто угловой скоростью. Зная T, можно сразу найти и k, поскольку $k = \frac{2\pi}{T}$. Чтобы было более понятно, скажем, что 2π – это расстояние по окружности, а поделив расстояние на время, мы получаем скорость. Величина, обратная периоду – это частота колебаний. Её обозначим буквой v. Коль скоро она обратна периоду, следует записать: $v = \frac{1}{T}$. Таким образом, зная просто один период (T) и амплитуду, мы уже можем отстроить всю соответствующую тригонометрическую функцию по эмпирическим данным.

Все эти технические понятия приведены здесь для любознательных читателей, которые попытаются вникнуть в самую суть дела. Для них же еще одно пояснение. Уравнение гармонического колебания рождается из второго закона Ньютона, «ноги растут именно оттуда». Запишем просто: $F_{\text{возвр}} = -ks$, где k – коэффициент пропорциональности или яснее – константа скорости данного линейного уравнения без свободного члена. Она отвечает на вопрос, на какую величину в абсолютном выражении изменится сила – точка по ординате, если точка по абсциссе (в данном случае по абсциссе идет переменная s) изменится на единицу измерения. При этом обратим внимание, что функция отрицательная, если растет абсцисса, то ордината падает, и, соответственно, наоборот.

Теперь берем собственно второй закон Ньютона: $F_{\text{упр}} = ma$, где m – масса, a – ускорение, и приравниваем правые части уравнений: $ma = -ks$,

преобразуя которое получаем: $m\frac{d^2s}{dt^2} = -ks \Longrightarrow \frac{d^2s}{dt^2} + \frac{k}{m}s = 0$. Ясно, что $a = \frac{d^2s}{dt^2}$, а дальше простые математические преобразования, в итоге которых получилось дифференциальное уравнение второго порядка, решение, которого и дает нам ту периодическую функцию, которую мы рассматривали с самого начала: $\hat{s} = A\sin(kt + \beta)$. То есть, эта функция «не упала с Луны на наши грешные головы», а получилась по всем правилам математического анализа.

В связи с ограниченностью объема, я не стану расписывать конкретные эмпирические функции периодической половой активности людей, хотя как это сделать я показал. Достаточно по эмпирическим данным взять амплитуду функции накопления половых гормонов в крови человека и замерить период между двумя периодическими пиками. Вот и все.

А вот теперь третья функция – уравнение, описывающее сезонные колебания половой активности. То есть, период этой функции нам изначально известен – это четыре календарных сезона или 12 месяцев. Принципиально эта функция ничем не отличается от вышерассмотренной периодической функции – отличаться будут только её параметры. Но мы знаем, что в формировании половой активности народонаселения одновременно играют роль все три вышерассмотренные функции, то есть, действуют они суммарно, а побочным эффектом их действия является то, что мы называем изнасилованиями, которые обозначим буквой игрек (у).

Чтобы понять механизм действия динамики половой страсти популяции на побочный эффект – изнасилования, обратимся к теореме Фурье, которая гласит – любое сложное колебание может рассматриваться, как результат сложения соответствующего числа простых гармонических колебаний, периоды или частоты которых кратны периоду или частоте сложного колебания (сложной флуктуации).

Отсюда, собственно, «растут ноги» спектрального анализа, суть которого проста. Строят его обычно в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации. По абсциссе откладывается частота (скорость) в герцах. Она нам просто показывает сколько колебаний (флуктуаций) в штуках укладывается на данном временном отрезке. Например, у нас есть большое колебание и ряд малых, которые составляют целое колебание, но мы раскладываем их в спектр. Для нашего случая одному сезонному колебанию (колебание в 1 Гц) будет соответствовать n – значительно более коротких периодических колебаний с величиной n Гц. По ординате же мы для каждой частоты просто проведем вертикальную линию из данной точки на абсциссе на высоту амплитуды соответствующей волны. Ясно, что амплитуда сезонного колебания будет большой, а амплитуда, скажем, недельных циклов более низкой. Полученный спектр называют линейчатым, и он прост в интерпретации.

Теперь посмотрим на побочный эффект гармонической периодической половой активности популяции – когорт народонаселения в данном пространственно-временном континууме, опираясь на соответствующие

первичные эмпирические данные о числе зарегистрированных преступлений, которые, согласно нашей гипотезе, должны иметь периодический сезонный характер. То есть, по ним мы можем двигаться в обратном порядке к сезонной периодической половой активности народонаселения. То есть, смотреть со стороны следствия на причину.

Очевидно, что сезонные колебания различных юридических процессов представляют значительный интерес, как в практических, так и теоретических целях, в частности, для прогнозирования криминологических и других юридических процессов, содержащих сезонную компоненту во временных рядах, для изучения детерминант, вызывающих соответствующие сезонные колебания.

Математическая модель вариационного ряда Фурье описывается регрессионно-тригонометрическим уравнением: $\hat{y} = a_0 + \sum_{i=1}^{n}(a_k cos\, kt + b_k \sin kt)$, где $\hat{y}$ – игрек с крышкой – это оценочное значение зависимой от времени переменной, например, уровень ряда изнасилований в штуках; t – время, например, в месяцах; k – порядковый номер гармоники (1, 2, 3, 4); a_0, b_k, a_k – параметры регрессионного уравнения, определяются, как правило, методом наименьших квадратов: $a_0 = \sum_{i=1}^{n} \frac{y_i}{n}$; $a_k = \frac{2}{n\sum_{i=1}^{n} y_i \cos kt}$; $b_k = \frac{2}{n\sum_{i=1}^{n} y_i \sin kt}$.

Процедура получения параметров данного регрессионно-тригонометрического уравнения реализована в ППП Excel, где в сервисе «Анализ данных» имеется «Анализ Фурье», который позволяет быстро и точно получить параметры искомого регрессионно-тригонометрического уравнения по исходным эмпирическим данным – соответствующему временному ряду (в принципе, анализ Фурье можно проводить и по пространственным рядам для изучения закономерностей флуктуаций ряда). Подробно Фурье-анализ я рассматривал в своем учебнике «Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции)» [2, с. 691-696].

Коль скоро, сезонность связана с сезонами года (зима, весна, лето, осень) – длинна ряда конечна и составляет 12 месяцев.

Рассмотрим типовую задачу. Пусть у нас имеется временной ряд переменной игрек (у), представленный в третьем столбце нижеследующей таблицы [1, с. 6], где кроме прочего мы сразу введем и другие составляющие таблицы, необходимые для выполнения вычислений. Представленный временной ряд – это среднее число изнасилований за период с 1834 по 1856 годы по месяцам в Англии, приходящееся на 100 случаев. То есть, сумма по временному ряду составляет 100 случаев, 5,25 из которых совершено в январе, 7,39 в феврале и так далее. То, что в сумме по столбцу получилось 98,03 объясняется ошибками округления.

Таблица 1 – Исследование сезонности изнасилований в Англии за период с 1834 по 1856 годы с помощью ряда Фурье

Месяц	**t**	**y**	**cos *kt***	**sin *kt***	***y* cos *kt***	***y* sin *kt***
Январь	0	5,25	1	0	5,25	0
Февраль	π/6 (180/6=30)	7,39	0,866	0,5	6,39974	3,695
Март	π/3	7,75	0,5	0,866	3,875	6,7115
Апрель	π/2	9,21	0	1	0	9,21
Май	2π/3	9,24	-0,5	0,866	-4,62	8,00184
Июнь	5π/6	10,75	-0,866	0,5	-9,3095	5,375
Июль	π	10,46	-1	0	-10,46	0
Август	7π/6	10,52	-0,866	-0,5	-9,11032	-5,26
Сентябрь	4π/3	10,29	-0,5	-0,866	-5,145	-8,91114
Октябрь	3π/2	8,18	0	-1	0	-8,18
Ноябрь	5π/3	5,91	0,5	-0,866	2,955	-5,11806
Декабрь	11π/6	3,08	0,866	-0,5	2,66728	-1,54
Итого	-	98,03	-	-	-17,4978	3,98414

Находим параметр $a_0 = \sum_{i=1}^{n} \frac{y_i}{n} = \frac{98,03}{12} = 8,169.$

Находим параметр $a_k = \frac{2}{n\sum_{i=1}^{n} y_i \cos kt} = \frac{2}{12\cdot(-17,4978)} = -9,525 \cdot 10^{-3}.$

Находим параметр $b_k = \frac{2}{n\sum_{i=1}^{n} y_i \sin kt} = \frac{2}{12\cdot 3,98414} = 0,0418.$

Отсюда модель сезонных колебаний изнасилований в Англии за период с 1834 по 1856 годы:

$\hat{y} = 8,169 - 2,9163\cos t + 0,0418\sin t.$

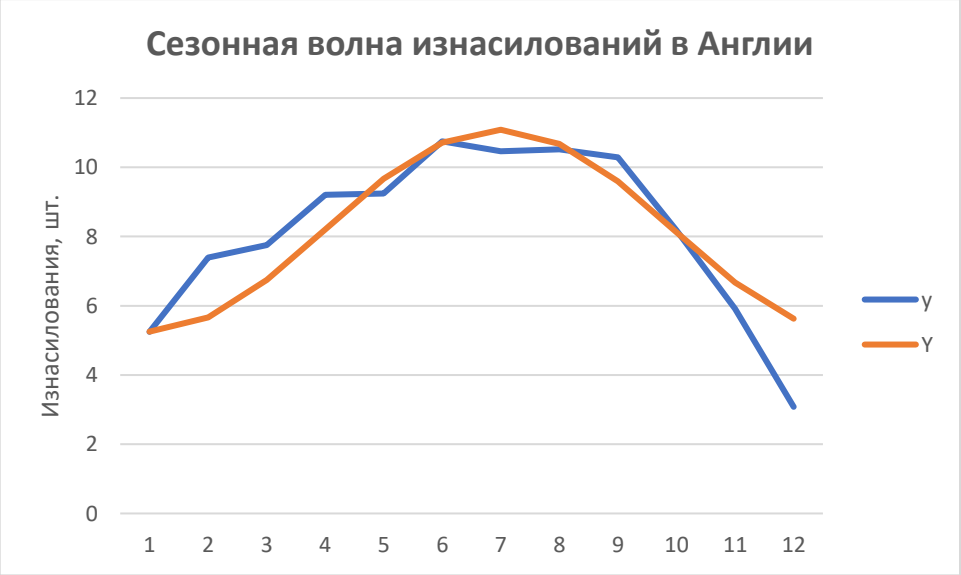

Рис. 2. Сезонная волна изнасилований в Англии с аппроксимирующей кривой по ряду Фурье

Таблица 2 – Ошибка аппроксимации приведена в крайнем правом столбце (к рисунку №1)

y	Y	ε	Ошибка аппроксимации
5,25	5,2527	-0,0027	0,051402136
7,39	5,664384	1,725616	30,4643142
7,75	6,747049	1,002951	14,86503551
9,21	8,2108	0,9992	12,16933795
9,24	9,663349	-0,42335	4,380974016
10,75	10,71542	0,034584	0,322751825
10,46	11,0853	-0,6253	5,640803587
10,52	10,67362	-0,15362	1,439210506
10,29	9,590951	0,699049	7,288628473
8,18	8,1272	0,0528	0,649670243
5,91	6,674651	-0,76465	11,45604732
3,08	5,622584	-2,54258	45,22091817
			133,9491

Средняя ошибка аппроксимации эмпирических данных рядом Фурье составляет 11,6% (133,9491/12=11,6), что, в принципе, вполне приемлемо, хотя немного больше десяти процентов.

Таким образом, мы видим, что побочный эффект сезонной половой активности соответствующих здравствующих когорт народонаселения определяет и сезонный характер побочного эффекта колебаний силы половой активности людей, выражающийся числом зарегистрированных фактов изнасилования. Причем происходит это стабильно во времени. В данном случае для проверки мы брали статистические данные за период в XIX веке. Можно полагать, что принципиально ничего не изменилось и в XXI веке, например, в России, Англии или любой другой стране, где имеется нормальный статистический учет соответствующих видов преступлений. При этом обратим внимание, что статистика тех же изнасилований весьма приблизительна, и данный вид преступлений обладает высокой латентностью, но зарегистрированное число изнасилований – это репрезентативная случайная выборка из соответствующей генеральной совокупности, а, следовательно, все вычисления и статистические выводы вполне корректны и могут распространяться на всю генеральную совокупность данного вида преступлений.

Список литературы:

1. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты/ Сост. И предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 320 с.

2. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции). Часть II. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2013. 1024с.

В. Р. Романова
магистрант Высшей школы современных социальных наук
МГУ имени М.В. Ломоносова

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические аспекты осуществления безопасности в современных городских пространствах. Приводятся такие актуальные концепции городского управления безопасностью как концепция устойчивого развития городов, концепция «mixed-use» и концепция умного города. Особое внимание уделяется управлению системами безопасности в г. Москве.

Ключевые слова: городская безопасность, умный город, система безопасности г. Москвы.

По состоянию на январь 2020 года численность мирового населения составила более 7,7 млрд человек. По оценке ООН, численность городского населения мира на 2018 превысила 4 миллиарда человек, или 55% от общей численности населения [9]. Согласно прогнозу Организации Объединенных Наций, к 2030 году доля мирового городского населения вырастет еще сильнее, и урбанизация станет важной тенденцией для мира в будущем. Однако ещё существует другая тенденция – вторичная урбанизация, которая предполагает переселение жителей малых и средних городов в столичные города и мегаполисы.

В российской действительности малые и средние города сталкиваются с проблемой устойчивого снижения численности населения: по данным Росстата, на фоне роста общего числа городского населения численность жителей в городах до 50 тысяч человек за 25 лет сократилась с 18,9 млн до 16,7 млн человек (–12%) [4]. Это может объясняться тем, что сегодня российские города не способны в полном объеме ответить на существующие запросы, возникающие со стороны жителей, которые ориентируются на повышение качества и удобства современных городских пространств.

Безопасность в современных городских пространствах. Современное городское пространство представляет сложную систему, которую можно охарактеризовать с помощью динамических взаимодействий различных сил – социальных субъектов (индивидов, институтов), инфраструктуры и природных ландшафтов – и факторов – экономических, политических, экологических, социальных и других процессов. При данных взаимодействиях существует высокий риск возникновения угроз и опасностей, которые будут иметь достаточно серьёзные последствия для всей социальной системы в

целом. Однако с помощью механизмов управления безопасностью имеется вероятность предотвращения опасностей и угроз на начальных этапах.

Безопасность современного городского пространства – это комплексная безопасность, которая способна предотвратить и устранить опасности и угрозы на различных уровнях – национальном, региональном, личностном – и в различных элементах – инфраструктуре, дорожно-транспортной сети, экономической, социальной и информационных сферах. Безопасность городского пространства влияет на социальное самочувствие граждан, их вовлеченность в общественные процессы.

Так, например, Дж. Джейкобс в книге «Смерть и жизнь великих американских городов» (1961) [3] описывает влияние городского пространства на уровень преступного поведения и подчеркивает, что для обеспечения безопасности горожан необходимо разделять общественные и частные территории. К. Рэй Джеффри в 1972 году представил концепцию предотвращения преступности через дизайн окружающей среды. А в 1982 году Дж. Уилсон и Дж. Келлинг представили теорию разбитых окон, где утверждается, что преступления и правонарушения прямо связаны с состоянием городского пространства [10]. Чуть позднее, в 1994 году, данная теория была применена мэром Нью-Йорка, Рудольфом Джулиани, для снижения количества преступлений в городе.

По данным Генеральной прокуратуры РФ [7, с. 32], в России в первом полугодии 2020 года зарегистрировано более 1 млн преступлений, что на 0,1% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом около 80% преступлений регистрируется в городах и поселках городского типа – более 811 тысяч преступлений, что на 0,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года.

По аналогичным данным МВД [8, с. 3], за январь-октябрь 2020 года было зарегистрировано 1739,7 тыс. преступлений, что на 1,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом четыре преступления (80,3%) из пяти регистрируются в городах и посёлках городского типа – всего 1,4 млн преступлений.

Концепции городского управления безопасностью. В современной организации городского пространства сложилось несколько концепций, которые в той или иной степени учитывают аспекты безопасности при планировании территорий.

Во-первых, концепция устойчивого развития города предполагает, что городская безопасность и защищенность играют решающую роль в повышении качества жизни граждан и устойчивом развитии городов. Именно развитие безопасности в городах необходимо для обеспечения устойчивого развития городской среды. Согласно данной концепции безопасность представляет искусственную среду, которая обеспечивает должный уровень безопасности на основе следующих факторов – природных, архитектурных, социальных, экологических, техногенных, инфраструктурных и городских. Особое внимание уделяется возможному влиянию данных факторов на состояние окружающей среды и населения.

Во-вторых, концепция mixed-use рассматривает тенденции, которые заключаются в создании более диверсифицированных районов, районов смешанного использования – одновременно жилых и коммерческих районов, а также в устранении изолированных зон. Многофункциональное развитие пространства, которое объединяет три или более функций в одной структуре, например, жилую, гостиничную, офисную, коммерческую, транспортную, культурную, развлекательную – предполагает, что постоянное присутствие людей в этих местах сделает их более безопасными.

В-третьих, концепция умного города представляет собой городские инновации в области управления, проводимой политики и технологий (видеонаблюдение и видеоаналитика, экстренная связь, система оповещения). Понятие умных городов предполагает, что сетевые инфраструктуры и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) могут быть использованы в качестве решений текущих и будущих социальных, экономических и экологических проблем. Считается, что в будущем будет преобладать именно концепция умного города, так как системы безопасности городов будущего будут ориентированы на технологическую составляющую – искусственный интеллект, большие данные, – которые позволят детально анализировать возможные угрозы и мгновенно их предотвращать.

Управление безопасностью в г. Москве.

Если обратиться к статистическим данным г. Москвы [5], в первом полугодии 2020 года совершено 71,7 тысяч преступлений. Отмечается, что существенно снизилось количество убийств (-19%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-23,7%), изнасилований (-34,7%), грабежей (-33,2%), разбойных нападений (-28,9%) и краж (-11,4%).

Для обеспечения должного уровня безопасности в г. Москве существует постановление Правительства Москвы от 23 сентября 2011 г. № 443-ПП «Об утверждении государственной программы города Москвы “Безопасный город”» [1]. Согласно этой концепции классифицируются угрозы безопасности, которые могут возникнуть в городе; предлагаются конкретные меры по снижению/повышению основных показателей, которые определяют систему безопасности (к ним относятся: снижение количества преступлений, снижение рисков чрезвычайных ситуаций, защита населения и территорий от угроз природного и техногенного характера, обеспечение пожарной безопасности, информационная безопасность, улучшение имиджа органов исполнительной власти); а также приводится перечень предполагаемых результатов реализации концепции и программы.

Целью построения и развития концепции «Безопасный город» является повышение общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач, путем внедрения на базе муниципальных образований комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений с

интеграцией под ее управлением действий информационно-управляющих подсистем дежурных, диспетчерских, муниципальных служб для их оперативного взаимодействия в интересах муниципального образования [2].

Однако данная программа имеет ряд недостатков. Например, в отчёте о выполнении Государственной программы в 2019 году [6] говорится, что комплексное обеспечение безопасности определяется по следующим критериям: уровень правонарушений на улицах и в общественных местах, обеспечение общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, наличие рисков чрезвычайных ситуаций. Примечательно, что уровень преступности за 8 лет реализации программы (2012-2019 годы) снизился на 27,4%, то есть, практически на треть. Далее в отчёте отмечается расширение городской системы видеонаблюдений, с помощью которой раскрывается значительное количество преступлений. «С использованием системы видеонаблюдения, в которой функционирует более 189 тысяч камер, раскрыто 2440 преступлений, из которых 23 убийства, 74 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 105 разбойных нападений, 272 грабежа и 1311 краж» [5]. Получается, что данная система безопасности позволяет раскрыть около 0,03% всех преступлений в г. Москве.

Также особое внимание уделяется укреплению материально-технической базы органов обеспечения правопорядка и частей пожарно-спасательного гарнизона (сколько введено в эксплуатацию, сколько отремонтировано, сколько приобретено). Результаты программы оцениваются через долю населения, удовлетворенного уровнем обеспечения безопасности и правопорядка. За 8 лет реализации программы эта доля увеличилась на 29% (с 45,8% в 2012 году до 74% в 2019 году). Получается, что только четверть москвичей не удовлетворена уровнем безопасности в городе.

Список литературы:

1. Постановление Правительства Москвы от 23 сентября 2011 г. № 443-ПП «Об утверждении государственной программы города Москвы “Безопасный город”» // Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/oiv/postanovlenie-pravitelstva-moskvy-ot-23092011-_-443_pp.docx (дата обращения: 30.11.2020).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. N 2446-р г. Москва «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса "Безопасный город"»// Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/12/11/gorod-site-dok.html (дата обращения: 30.11.2020).

3. Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

4. Исследование РБК: как вымирают российские города // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fcaf9a7947a8f1dc4a7f (дата обращения: 29.11.2020).

5. Криминогенная обстановка в Москве за 6 месяцев 2020 года // ГУ МВД России по г. Москве [Электронный ресурс]. URL: https://77.мвд.рф/Dejatelnost/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BE%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0-%D0%B2-%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5-%D0%B7%D0%B0-6-%D0%BC (дата обращения: 30.11.2020).

6. О выполнении Государственной программы города Москвы «Безопасный город» в 2019 году и задачах на 2020 год / Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы // Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/drbez/documents/programma-bezopasnyi-gorod/view/237781220/ (дата обращения: 30.11.2020).

7. Состояние преступности в России // Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (дата обращения: 30.11.2020).

8. Состояние преступности в России за январь – октябрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://media.mvd.ru/files/application/1995299 (дата обращения: 30.11.2020).

9. Щербакова Е. Население городов мира по оценкам ООН 2018 года // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0841/barom02.php (дата обращения: 29.11.2020).

10. James Q. Wilson, George L. Kelling. Broken windows // The Atlantic Monthly. 1982. Available at: https://media4.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (accessed: 10.12.2020).

Н. М. Шакирова
доцент Псковского государственного университета
А. Э. Мамедова
студентка Псковского государственного университета

ДЕТСКАЯ И ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА

Аннотация. В статье преступность несовершеннолетних и меры по ее преодолению рассматриваются в логике трансформирующегося общества и

изменяющихся условий социальной среды. По мнению авторов эти изменения способствуют развитию существующих или порождают новые проблемы и усиливают криминогенную обстановку среди несовершеннолетних. В связи с этим растет потребность в анализе преступности несовершеннолетних с учетом многообразия и многозначности самой общественной жизни и разработки системы противодействия.

Ключевые слова: несовершеннолетние, правонарушения, преступления, опасность, социальная угроза, социальная среда, социальные институты.

В настоящее время проблема преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних является одной из самых актуальных и социально значимых задач, стоящих перед обществом и «означает совокупность всех фактически совершенных противоправных деяний на определенной территории за определенный отрезок времени, за каждое из которых предусмотрено уголовное наказание [5, с. 273].

По данным прокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем 40 тысяч преступлений. Большинство несовершеннолетних, или 83 процента, в 2019 году совершили преступления против собственности, 8 процентов против жизни и здоровья и более 4 процентов – это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Негативные поступки, нарушения дисциплины, умышленные конфликты с окружающими и даже правонарушения, как «противоправное деяние лица, которое носит общественно опасный характер, посягающее на установленный порядок общественных отношений виновное действие или бездействие субъектов права» [1, с. 314] становятся, к сожалению, почти обыденной ситуацией в нашей жизни. А значит, возрастает угроза здоровью (в том числе нравственному) детей, угроза сохранения и развития общества.

Учитывая значимость и актуальность данной проблематики, в этой области ведутся активные исследования. Проблемы, связанные с социальными девиациями несовершеннолетних долгое время разрабатывались и разрабатываются в рамках криминологии и уголовно-правовой теории. Значительный вклад в развитие криминологических исследований применительно к рассматриваемой проблематике внесли Ю. М. Антонян, Ю. Д. Блувштейн, А. И. Долгова, Н. П. Дубинин, К. Е. Игошев, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Г. М. Миньковский, В. С. Овчинский, С. Л. Сибиряков, А. М. Яковлев и многие другие ученые. Вопросами делинквентного поведения несовершеннолетних применительно к социальной работе занимаются Т. В. Шипунова, Е. В. Змановская, С. А. Лузгин и других.

Есть исследования, в которых анализируются взаимосвязи преступности и различных форм девиантного поведения, взаимосвязи преступности подростков с проституцией, с наркоманией и алкоголизмом, а также исследования проявлений суицида среди подростков.

В работах С. А. Стивенсон, Д. З. Зиадовой, Е. Г. Сиуцкого и др. в качестве фактора, детерминирующего совершение подростками правонарушений,

рассматривается такая форма девиантного поведения как беспризорность и бродяжничество.

Следует отметить, что на сегодняшний день широко изучена личность несовершеннолетнего правонарушителя, мотивация и социально-психологические особенности малолетних преступников. Именно в этих направлениях проводятся многочисленные эмпирические исследования.

Значительное внимание уделяется групповой составляющей преступности несовершеннолетних, проводятся исследования подростковых криминальных сообществ. В частности, проблемам криминогенных подростково-молодежных группировок посвящены работы И. П. Башкатова, Р. М. Булатова и др.

Развивается также сфера практической социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями. Социальная работа с несовершеннолетними правонарушителями – это «профессиональная деятельность по оказанию помощи несовершеннолетним в целях улучшения или восстановления их способности к социальному функционированию; создание условий, благоприятствующих достижению этих целей в обществе. Данное направление социальной работы является наиболее актуальным в современном обществе, поскольку подростковая преступность – это источник многих социальных проблем и многие формы профилактической работы среди подрастающего поколения потеряли значимость» [3].

Все это позволяет понять и описать особенности поведения несовершеннолетних правонарушителей, факторы влияния и проблемные точки, а также выстраивать целостную и целенаправленную работу с несовершеннолетними правонарушителями.

Статистика преступности несовершеннолетних позволяет заключить, что в целом уровень преступности несовершеннолетних на территории Российской Федерации объективно падает (табл. 1).

Таблица 1 – Статистика преступности среди несовершеннолетних в РФ

Предварительно расследовано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. Всего по РФ, человек.										
2010 г. ↗	2011 г. ↘	2012 г. ↘	2013 г. ↗	2014 г. ↘	2015 г. ↗	2016 г. ↘	2017 г. ↘	2018 г. ↘	2019 г. ↘	2020 г.
78548	71910	64270	67225	59549	61833	53736	45288.	43553	41548	январь – ноябрь 33036

Однако наблюдается рост по регионам, например, по Псковской области (табл. 2).

Таблица 2 – Статистика преступности среди несовершеннолетних в Псковской области

Предварительно расследовано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, Всего по Псковской области, человек.										
2010г. ↗	2011г. ↗	2012г. ↘	2013г. ↗	2014г. ↘	2015г. ↗	2016г. ↗	2017г. ↘	2018г. ↘	2019г. ↗	2020г.
321	369	309	361	352	277	280	251	234	337	январь – ноябрь 169

Но, несмотря на уменьшение количества преступлений, преступность несовершеннолетних по-прежнему является серьезной проблемой, социальной угрозой для российского общества и требует дальнейшего исследования, принятия практических решений в этой области.

Известно, что преступность несовершеннолетних и система мер по ее преодолению является неотъемлемой частью трансформирующегося общества, социально-экономических и политических реформ, происходящих в стране. Изменения, произошедшие и происходящие в различных сферах жизни общества и личности, на уровне макро и микросреды, усиливают уже существующие или порождают новые проблемы и угрозы в социальной сфере, усиливают криминогенную обстановку среди несовершеннолетних.

Происходит это вследствие нескольких причин:

1) растет уровень бедности семей, алкоголизм и наркомания, увеличивается количество семей, находящихся в социально опасном положении, количество безнадзорных несовершеннолетних, что обуславливает процессы дезадаптации детей и подростков и порождает увеличение детской преступности;

2) усложняется состав и структура общества, взаимосвязи и взаимодействие различных сфер общественной жизни, и их неконтролируемое влияние на человека, его поведение;

3) растет количество внутренних и внешних факторов, влияющих на ситуацию с преступностью, количество факторов с иным смысловым наполнением в изменяющихся условиях жизни;

4) видоизменяются внутрисемейные отношения и в целом жизнедеятельность семьи, а также система образования и воспитания детей;

5) в условиях нестабильности и частых кризисов снижаются адаптационные возможности семьи и человека к новым условиям;

6) меняются социокультурные ценности. Как известно, формируемые на уровне макро и микросреды нравственные нормы и ценностные приоритеты влияют на сознание человека, во многом определяют поведение людей в обществе, в том числе и подростков, посредством прямого или опосредованного влияния через различные социальные институты.

В условиях микросреды по объективным и субъективным причинам в настоящее время начинают преобладать приоритеты и установки, которые

носят антиобщественную направленность, что определяет систему взглядов на окружающий мир, потребности мотивы каждого человека, являющегося частью этой микросреды.

Исследователи выяснили характерные особенности, присущие в настоящее время несовершеннолетним правонарушителям:

1) ослабление общественно полезных потребностей;
2) извращенный примитивный характер основных потребностей;
3) нарушение равновесия между различными видами потребностей;
4) распространенность потребности в самоутверждении, зачастую имеющей искаженный характер [4, с. 89].

Рост антиобщественных настроений среди несовершеннолетних обусловлен следующими причинами:

1) сознательное (политическая конъюнктура или экономические интересы определенных групп общества) или бессознательное искажение существующих ценностей и норм;
2) появление новых социокультурных ценностей, ориентированных, прежде всего, на материальные и социальные выгоды;
3) несформированность социального опыта несовершеннолетних;
4) эмоциональная нестабильность, недостаточно развитая волевая сфера, импульсивность и внушаемость подростков;
5) обостренное чувство несправедливости у подростков, отрицание норм, установленных в обществе и отказ следовать им.

Все это способствует появлению и распространению новых видов преступлений, росту числа преступлений, относящихся к категории тяжких, опасных деяний. Как правило, это наиболее опасные преступления: бандитизм, убийства, хищения, разбои, незаконный оборот наркотиков. Например, из всех зарегистрированных преступлений среди несовершеннолетних почти половину (42,8%) составляют хищения чужого имущества путем краж – 12,1%, грабежей – 6,4%, разбоев – 4,9%

Изменяется характеристика несовершеннолетних преступников по половому составу. Несмотря на то, что доля юношей, совершающих преступления, выше в структуре населения в целом, все же в последние годы растет и доля девушек-преступниц.

Растет количество групповых преступлений и так называемых «групп риска», к которым относятся подростки, ведущие асоциальный образ жизни.

За период с 2015 по 2019 г. наиболее криминогенной выглядит возрастная группа 16-17 лет. Данный возраст является стадией полового созревания со значительными психическими изменениями. Человек пытается получить независимость от взрослых и, следовательно, имеет тенденцию быть агрессивным, несдержанным, застенчивым или проявлять другие черты.

Социальные последствия преступности среди несовершеннолетних, наряду с экономическими потерями и трудностями огромны, т.к. подростковая преступность – не статичное, а саморазвивающееся явление, способное формировать криминогенное пространство, влиять на образ мыслей и

характер поведения несовершеннолетних, «заражать» криминальными идеями и целями несколько поколений молодежи, влиять на развитие личности.

Проблема преступности среди несовершеннолетних становится все более сложной, а программы по предупреждению преступности либо не приспособлены для решения существующих проблем, либо недостаточно проработаны.

Возникает противоречие между ростом количества преступлений и изменением их качественного состава в условиях изменения социокультурной среды общества и способами решения проблемы преступности среди несовершеннолетних. Растет потребность в анализе преступности с учетом многообразия и многозначности самой общественной жизни и в необходимости комплексной системы противодействия

Снижение воспитательной роли традиционных социальных институтов, таких как образование и семья, активизация деятельности СМИ и иных социальных служб, часто с неясными задачами и функциональными обязанностями работников данных учреждений, нередко не обладающих необходимыми профессиональными компетенциями в этой области, ведет к потере социального контроля и становится препятствием для успешного решения самой проблемы.

По утверждению А.А. Бакаева, «Российское общество утрачивает систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации, теряют свое значение, а на смену им, кроме «института улицы и подворотни», ничего не пришло [2, с. 24].

В изменяющихся условиях социальной среды становится очевидным тот факт, что «….. социальные институты не способны в полной мере формировать пространство, в котором центральным, объединяющим началом стали бы однозначно трактуемые, непротиворечивые социальные нормы, способные помочь человеку адаптироваться в новых условиях» [6].

Таким образом, важен поиск, разработка теоретических основ и реализация в практической работе социальных учреждений и организаций, эффективных подходов к осмыслению проблем в новых условиях; совершенствование и развитие технологий и практик, особенно профилактических мер, направленных на предупреждение возникновения асоциальных фактов, явлений, процессов и оказания помощи подросткам в сложной ситуации.

Список литературы:

1. Абдулаев М. И. Теория государства и права. М.: Финансовый контроль. 2004. 410 с.

2. Бакаев А.А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних. М.: Логос, 2004. 138 с.

3. Дорохина Е. А. Особенности социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями // Социальная работа в различных сферах жизнедеятельности: проблемы, тенденции, инновации. 2014. С. 78-80.

4. Зритнев В В. Правонарушения несовершеннолетних как социальная проблема современной России и предмет социологического анализа [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart

5. Словарь по социальной педагогике. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 368 с.

6. Шакирова Н. М. Девиация в условиях изменяющейся социальной среды // Социально-антропологические проблемы современного образования посвящённой памяти профессора Л. М. Лузиной. 2020. С. 201-206.

Сессия 3. Юридическая безопасность

Л. М. Алланина
доцент Тюменского индустриального университета

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье делается вывод о необходимости начать подготовку комплексного пакета изменений по совершенствованию горного и гражданского законодательства в целях обеспечения стабильности отношений недропользования, как следствие, укрепления и обеспечения юридической безопасности России и евразийского пространства в частности, включая Закон от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», с изменениями, внесенными Законом от 3 августа 2018 г. 342-ФЗ «О правовых механизмах оформления права собственности на объекты недр». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00043.

Ключевые слова: недропользование, юридическая безопасность, правоотношения, участки недр

ACTUAL ISSUES ON SUBSOIL USE LEGAL RELATIONS

Annotation. The paper concludes that it is necessary to begin preparation of an integrated amendment package to improve the mining and civil legislation, in order to ensure the stability of subsoil use relations, as a result, to strengthen and ensure the legal security of Russia and the Eurasian space in particular, including the Law dated February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil" modified by the Law of August 3, 2018 No. 342-FZ with regard to the legal mechanisms for registration the ownership for subsurface facilities. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00043.

Keywords: subsoil use, legal security, legal relations, underground sites

The cities and the countries are forced to develop the space under the Earth more thoroughly, as integral area, factually facing State land property right,

ownership and other legal and philosophical aspects of the problem [1]. The awareness of the benefits underground space can bring is a first step towards a systematic legal view of underground space using [2]. This concerns Even in populous China, underground rights representing a special form of land use are the cause of ownership disputation nowadays [3].

Currently, the Russian legal regulation of the mentioned relationships does not fully take into account the features of subsurface structures as objects of law. It does not establish sufficient conditions for attracting investments or increase economic efficiency of the subsoil use [4]. This leads to a in the whole space, the emergence of conflicts of interests of stakeholders involved [5]. In this regard, an urgent scientific problem is a comprehensive study of the problems of legal regulation of underground structures and the formation of a system of legal means for the development and promotion of underground space

While exploiting underground facilities, questions about boundaries raise, according to which land users (other title owners) and users of subsoil as subjects of legal relations could establish that material object which their power and authority extend to. So, N.A. Syrodoev suggests that the surface of the Earth could be considered as the upper boundary of the subsoil [6]. Then it is necessary to solve the question: what is the Earth surface and the land plot. Paragraph 3 of Article 6 of the Land Code of the Russian Federation stipulates that a plot of land as an object of ownership and land relationships is a part of ground surface the boundaries of which are attested in the established manner. At the same time, paragraph 3 of Article 3 of the Code envisages that the property relationships of possession, use and disposal of land plots are to be governed by the civil legislation unless otherwise specified by the land, forestry, water, subsoil legislation. The law recognizes a land plot as the two-dimensional object, so the question is in its possible admission as a part of the Earth surface (subsurface). In N. Mukhitdinov's opinion, the Earth surface can be viewed as the upper boundary of the subsoil only when the minerals located in the depth of the earth have underground exits [7]. It is thought, such formulation of the question was urgent only for the Soviet legislation which did not stipulate a special type of subsoil use for the construction and maintenance of underground objects (with emphasis on underground space).

The current legislation, particularly, Article 25.1 of the Law of the Russian Federation dated February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil" modified by the Law of August 3, 2018 No. 342-FZ is referential and does not solve the problem. This norm provides that the land plots necessary for carrying out works related to the use of subsoil resources are provided "in due order and in line with the terms specified by the land legislation", that is seemingly, the rule refers to the appropriate way and conditions established by the Land Code of the Russian Federation. However, neither the norms of this Code nor other normative acts regulate such an order.

The immovable property system factually deals with a deepening (under the Earth's surface). So, the subsoil parcel (not the land plot) plays the main role in the system. Therefore, the subsoil parcel right has to get the priority. This assumption corresponds to the norms of paragraph 1 of Article 22, Article 25 and 25.1 of the Law of the Russian Federation dated February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil"

modified by the Law of August 3, 2018 No. 342-FZ, as well as Article 10 of the Town Planning Code of the Russian Federation.

The fact that not only a new physical thing has been created in the form of a subsurface structure, but a new object of civil rights appear in this connection, makes it necessary to analyze it from a perspective of a complex thing. Article 134 of the Civil Code of the Russian Federation provides for the rule on combining several diverse objects used for a single purpose into a complex thing, considered as one thing and one object of law. The effect of a deal made with respect to the complex thing concerns all it component parts, unless otherwise stipulated by the contract.

Although the current legislation of the Russian Federation "tears" the subsurface site and related land plot, that is, identifies them as separate objects of law, nevertheless, the subsurface site has its own mission to maintain the newly constructed subsurface formation.

These "natural" immovable property items (subsurface site and adjoining land plot) may be used as the basis or territory (space), where the location of any complex thing is possible. S. A. Stepanov believes that the underground building activity for commercial purposes (for instance, creating shopping center or manufactory owned by an individual or collective merchant on the right for private ownership) inevitably requires fundamentally different legal regulation in the sphere of the subsoil use [8]. He cites a case, an example from judicial practice illustrating the fact of existence of the underground construction which leads, in his opinion, to the termination of the legal fate of a subsurface site as single immovable object, and includes in the free civil-law turnover another object, namely a subsurface structure.

By the Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 16, 2002 a dispute between the Prosecutor of the Omsk Region and JSC “El-PortiK” has solved. The case concerns some transactions connected with facility in the form of the pumping station and the underground well. As it follows from the materials of this lawsuit, the borehole and the pumping station constitute a set of the things forming a single whole used for a common purpose. They are exploited as a single property complex (a hydraulic engineering structure) pursuant to Article 134 of the Civil Code. The Court has stated that in accordance with article 1.2 of the Law "On Subsoil" the underground mineral water supplies form a state property and cannot be a subject of purchase, sale or alienation in other form. Granting a subsoil parcel in use assumes obtaining the license by the user according to the procedure established by law. The mineral water well in the form of a hydraulic construction does not belong to the category "subsoil" and such kind of facility are not to be excluded from the civil circulation. As follows from the case, recognition of a subsurface parcel as an integral part of a complex thing would mean not only its "legal death" that is end, discontinuance of an object of law, but also the termination of the subsoil use right, the main purpose of which is the construction and maintenance of a subsurface structure.

Nevertheless, the current legislation (covering the Law of the Russian Federation dated February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil" modified by the Law of August 3, 2018 No. 342-FZ) does not provide for a legal ground for the termination of the subsoil use right and de le lata does not stipulate any conveyancing

(circulability) of such objects. The last aspect matters. Under any circumstances, underground space without or with a subsurface structure in it, has its own strategic importance.

The subsurface site should not form a part of a complex thing, and, respectively, should not cease its legal existence, because we must consider the "ratio legis" of the norm about complex thing provided by Article 134 of the Civil Code: as stated above, the assembly of the components is recognized as one thing, and the effect of the transaction, made with respect to the thing, concerns all its integral parts. Here the subsurface parcel just performs the same organizational and spatial functions for the any complex located within it, as the ones performed by the land plot for complexes located above the surface. In addition, it must also be noted that the assignment of a subsurface parcel to the complex thing would be contrary to Article 1.2 of the Law "On Subsoil", according to which the subsurface sites cannot be the subject of purchase, sale, donation, inheritance, deposit, pledge or alienate in another form. The lawmaker himself considers the subsurface structure and the serving subsurface site as various independent objects of law.

Apparently, there is a need for a further land-subsurface restructuring and legal regularization of this issue, taking into accounts the close interconnection between the land plot, subsurface site and the real estate thing in the form of subsurface structure or, maybe, a whole assembly that forms a complex thing.

The growing interest in the complex development of urban underground space in the world is largely due, on the one hand, to the need for intensive development, on the other hand, to the properties of subsurface structures that allow providing for the natural protection of underground objects [9]. The factors influencing the location of objects created in the underground space are different. They can be city parameters (area, length, altitude, etc.), relief, natural, geological and hydrological conditions; functional purpose of different zones and patterns of built-up areas. In turn, these factors are closely related to the solution of the issue of legal regulation and cadastral registration. The allocation of land plots for the placement of underground constructions requires the registration of rights to the land plot and cartographic mapping. But, in accordance with the current Russian legislation, a land plot is a part of the Earth surface, and the ground part of land plots is not necessarily granted for the functioning of subsurface facilities.

Therefore, there arise the problem of determining the legal status of subsurface spaces and facilities located in them, as well as that of registering the rights to them, taking into account not area but space (volume). At present time, positioning software allows the obtaining highly accurate three-dimensional geospatial data in the real time mode. Three-dimensional digital models provide for high and visual quality of visualization of terrain at the expense of the volumetric image of a situation, expand possibilities of taking the effective architectural and town-planning decisions.

Underground engineering and technical networks can cross the plots of different owners. The lack of information on the exact location of such objects causes difficulties in the division of plots as well as determining restrictions and rights. In relation to indoor spaces in complex constructions, the right to the size and

not to the entire volume is actually registered now. The possibility of determining the rights of the owner for the external space around a building is absent.

Spatial immovable property objects, such as subsurface plots, underground shopping malls cannot be reliably displayed in a flat projection. Subsequently, this makes it impossible to record not only underground but other objects, for example, complexes overhanging above someone's territory. There is a case, in the Vladikavkaz city it was necessary to fulfill an order for surveying (geodesic-cadastral works) of a medieval fortress hanging on a rock and projecting onto a neighboring registered land plot, so this fact impeded the possibility of registering a fortress.

The Law of the Russian Federation dated February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil" should propose sharpening the definition of underground structure and setting out the State's position with regard to the legal concept of such kind of object and its legal regime. The act also should provide a clear concept for the development of underground space reflecting the fundamental principles on the legal capacity of the subsurface structure owners and users, the legal system of transfer and registration of mining rights, as well as the limitations and encumbrances, including the legal policy for construction and maintenance of the subsurface facilities.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00043.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00043.

REFERENCES

1. Allanina L.M., 2011. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnosheniy nedropolzovanija [Civil regulation of subsoil use relationships]. Tyumen: TSOGU, 140 p.

2. Allanina L.M., Khairullina N.G., Zuleva N.V., Ruf Y.N., Permyakov A.V., Mikhailova M.N., Aleksandrovich G.V. 2016. Legal Regulation of Subsurface Use - in Russia: Actual Problems. International Journal of Environmental & Science Education, 2016. Том 11. № 18. 11(18), с. 12471-12485.

3. Allanina L.M., Khairullina N.G., Konova T.A., Zykova V.K. Corporate Decisions: Innovations of the Russian Law and Practice.Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Том 7. № 2. Spring, 2. С. 211-222 .

4. Алланина Л.М. Актуальные проблемы горного права в сфере нефтегазодобычи: монография. Тюмень: Вектор Бук. 2019. 80 с.

5. Алланина Л.М. Гражданско–правовое регулирование отношений недропользования. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. 12.00.03. Екатеринбург, 2009. 29 с.

6. Mukhitdinov N.B., 1972. Pravoviye problemy polzovaniya nedrami [Legal Problems of the Subsoil Use]. Alma-Ata: Nauka, 337 p.

7. Drobez, P., Grigillo D., Lisec A., Fras MK, 2016. Remote Sensing Data As a Potential Source for Establishment of the 3D Cadastre in Slovenia. Geodetski Vestnik. Volume 60 (3): 392-408. DOI: 10.15292/geodetski-vestnik.2016.03.392-422.

8. Sagynbekova G. et all State-legal regulation of foreign investment: international experience. Opcion.2018. ТОМ 34. № 85. С. 840-853.
9. Hamilton-Hart N., 2017. The legal environment and incentives for change in property rights institutions. Word Development. Volume 92. Pp. 167-176.

С. С. Кузакбирдиев
доцент Тюменского государственного университета
Л. М. Мухаматулина
старший преподаватель Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье охарактеризованы различные виды правовой деятельности, показывающие специфику обеспечения юридической безопасности российского общества на федеральном уровне в современный период. В процессе её подготовки проанализированы научные публикации, посвященные рассматриваемой проблематике, использованы нормативные правовые акты, содержащие положения, касающиеся охарактеризованных разновидностей правовой деятельности.

Ключевые слова: правовая безопасность, правовая деятельность, факторы обеспечения юридической безопасности, юридическая безопасность.

В нашей совместной статье, посвященной проблемам обеспечения юридической безопасности современного российского общества, опубликованной в материалах всероссийского круглого стола «Социальная безопасность в евразийском пространстве», проведенного 16 декабря 2016 года, исходя из смысла понятий юридической безопасности и обеспечения юридической безопасности, и принимая во внимание особенности государственного устройства Российской Федерации, организацию власти в Российском государстве, было показано, что обеспечение юридической безопасности современного российского общества должно осуществляться не на одном общем, а на нескольких взаимосвязанных между собой уровнях: федеральном, региональном, муниципальном, локальном, семейном, личностном [1, с. 64-71]. В ней одновременно проводилась идея о том, что обеспечение юридической безопасности на первых четырех уровнях связано с правотворческой (нормотворческой) и правоприменительной деятельностью, а на двух последующих уровнях – правореализационной деятельностью [1, с. 65-71].

Спустя два года нами и студентами в целях подтверждения и развития наших идей, изложенных в указанной статье, в рамках II Всероссийской

научной конференции «Социальная безопасность в евразийском пространстве», проведенной 14 декабря 2018 года, были апробированы и опубликованы материалы, касающиеся нормотворчества и правотворчества, соответственно как условия, средства обеспечения юридической безопасности на локальном уровне и уровне субъектов РФ [2, с. 219-221; 3, с. 200-202], правоотношений, правореализации, государственной регистрации как условий обеспечения юридической безопасности общества [4, с. 212-214; 5, с. 215-218; 6, с. 225-227].

В опубликованных в иные годы некоторых трудах авторов данной статьи также прослеживаются связи правореализационной и государственно-регистрационной деятельности с обеспечением юридической безопасности [7, с. 34-38; 8, с. 51-56; 9, с. 108-113]. Подчеркивая универсальный характер юридической безопасности, необходимо отметить, что в трудах многих ученых раскрываются её связи с более широким явлением как социальная безопасность [10, с. 36-42; 11, с. 46-49] или такими важными составляющими любого государственно-организованного общества, как экономическая безопасность [12, с. 507-526; 13, с. 9-11; 14], информационная безопасность и т.п.

Данная статья, представляющая собой продолжение первой статьи, опубликованной по результатам круглого стола, проведенного в декабре 2016 года, посвящена вопросам обеспечения юридической (правовой) безопасности российского общества на федеральном уровне.

На каждом из отмеченных выше уровней правовой безопасности выделяются определенные виды деятельности, направленные на обеспечение юридической безопасности. На федеральном уровне обеспечения правовой безопасности (предметом нашего исследования является именно этот уровень) к таким видам деятельности относятся правотворческая, правосистематизационная, правотолковательная, правоприменительная и правореализационная, каждую из которых далее охарактеризуем в отдельности.

Правотворческая деятельность федеральных органов как фактор обеспечения юридической безопасности. Федеральное правотворчество является исходным, первичным видом правовой деятельности, которая направлена на обеспечение юридической безопасности на федеральном уровне, т.к. «правотворчество как важнейшее средство управления обществом представляет собой процесс возведения государственной воли в закон, процесс придания общеобязательного характера предписаниям и правилам поведения, закрепляемым в нормах законов и подзаконных нормативных правовых актов» [15, с. 100].

Самым значимым видом федерального правотворчества и потому самой важной разновидностью деятельности, обеспечивающей юридическую безопасность, является народное правотворчество. Именно в рамках данного вида правотворчества проявляется воля самого народа, которая выражается в принятом им законе. Поэтому такой закон обладает наивысшей юридической силой. Однако из-за масштабности мероприятия, организационных

сложностей, больших финансовых затрат народное правотворчество применяется крайне редко. В современной России оно использовалось лишь дважды: первый раз при всенародном голосовании по вопросу о принятии Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года и второй раз при общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 года [16].

Следующим по значимости видом федерального правотворчества, направленным на обеспечение юридической безопасности, является правотворчество Федерального Собрания – представительного и законодательного органа России [16, ст. 94], который принимает законы о поправках в Конституцию РФ, Федеральные конституционные законы, Федеральные законы.

Как важную деятельность, направленную на обеспечение юридической безопасности, следует отметить правотворчество Президента РФ, который согласно Конституции РФ подписывает и обнародует законы [16, п. «д» ст. 84], а также осуществляет и собственное правотворчество – издает указы и распоряжения [16, ч. 1 ст. 90].

Правотворческими полномочиями обладают также Правительство РФ [16, ч. 1 ст. 115], федеральные министерства [17, пп. «а» п. 3], федеральные органы государства с особым статусом, например, Банк России [18, ст. 7], Центральная избирательная комиссия РФ [19, ст. 48]. Безусловно, реализуя свои нормотворческие функции, эти органы по вопросам, отнесенным к их компетенции, обеспечивают правовую безопасность российского общества.

Правосистематизационная деятельность федеральных органов как фактор обеспечения юридической безопасности. Некоторые федеральные органы осуществляют и правосистематизационную деятельность, представляющую приведение в определенную систему нормативных правовых актов в целях оперативного их нахождения, удобства пользования ими, а также выявления и устранения имеющихся в них правовых коллизий, пробелов, и неэффективных норм [20, с. 32]. Прежде всего это касается палат Федерального Собрания. Так, Государственной Думой приняты и Советом Федерации одобрены различные ныне действующие кодексы: Гражданский, Уголовный, Трудовой, Семейный и др. Безусловно, принятие и одобрение кодексов осуществляется в рамках правотворческого процесса указанных органов. Однако эти же процессы одновременно представляют собой правосистематизационную деятельность, выраженную в форме кодификации, предполагающую внутреннюю переработку нормативных правовых актов и создание сводного единого нормативного правового акта [21, с. 100, 103-104]. Палаты парламента России проводят правосистематизационную работу и в форме консолидации, также осуществляемой в рамках правотворческого процесса. Примером такой систематизации является принятие (одобрение) Федерального закона «О ветеранах», который объединил в один акт множество разрозненных нормативных актов, ранее устанавливавших льготы для ветеранов [22]. К этой деятельности федерального парламента причастен и Президент РФ, которым подписаны принятые его палатами законы. И, как

известно, кодифицированные и консолидированные законодательные акты наиболее эффективно регулируют общественные отношения, поскольку содержащиеся в них нормы тщательно выверены, строго систематизированы, что служит нормативной основой обеспечения юридической безопасности регламентируемых отношений.

Правотолковательная (правоинтерпретационная) деятельность федеральных органов как фактор обеспечения юридической безопасности. Среди федеральных органов, осуществляющих толкование права, особо выделяются Конституционный Суд РФ, который по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, органов законодательной власти субъектов РФ дает толкование Конституции РФ [23, п. 4 ст. 3] и Верховный Суд РФ, который в целях обеспечения единообразного применения законодательства дает судам разъяснения по вопросам судебной практики [24, п. 1 ч. 7 ст. 2; п. 1 ч. 3 ст. 5]. Очевидно, что разъяснения, даваемые высшими судами России, направленные на правильное понимание и применение норм Конституции РФ и иных нормативных правовых актов, обеспечивают юридическую безопасность общества.

Кроме того, важно отметить, что все федеральные органы, учреждения, должностные лица при осуществлении в пределах своих полномочий правотворческой, правосистематизационной, правоприменительной и правореализационной деятельности используют весь арсенал института толкования права, т.к. без этого невозможны разработка и принятие качественных нормативных правовых актов, их правильная систематизация, эффективное применение и реализация правовых норм. Обозначенный универсальный характер правотолкования, его использование при осуществлении практически всех видов правовой деятельности также показывает направленность толкования права указанных субъектов на обеспечение юридической безопасности.

Правоприменительная деятельность федеральных органов как фактор обеспечения юридической безопасности. Федеральные государственные органы, учреждения, должностные лица наделены правоприменительными полномочиями, реализуемыми в сферах их внутренней и внешней деятельности. Внутреннее правоприменение связано с решением вопросов внутриорганизационного характера. Например, в случае неисполнения без уважительной причины депутатом Государственной Думы в течение 30 и более календарных дней обязанностей по поддержанию связей с избирателями, принятию личного участия в заседаниях палаты, а также комитета, комиссии, членами которых он является, решением Государственной Думы, оформляемым постановлением, могут быть досрочно прекращены полномочия депутата Государственной Думы [25, п. 3.1 ст. 4]. Внешнее правоприменение направлено на решение вопросов, касающихся деятельности субъектов, не входящих в состав, структуру правоприменяющего органа, учреждения. Например, по результатам проведения парламентского контроля Государственная Дума при наличии на то оснований может освободить от должности лицо, назначение на должность

и освобождение от должности которого отнесены к ее ведению посредством вынесения соответствующего постановления [26, п. 4 ч. 1 ст. 15]. Принимая во внимание приведенные примеры, можно заключить, что внутриорганизационное правоприменение федерального органа направлено на обеспечение юридической безопасности в самом правоприменяющем органе, т.к. в результате этого устраняются недостатки, препятствующие его нормальному функционированию, а внешнее правоприменение федерального органа направлено на обеспечение юридической безопасности иных субъектов, поскольку в результате такого воздействия выявляются и устраняются нарушения, препятствующие их деятельности.

Правореализационная деятельность федеральных органов как фактор обеспечения юридической безопасности. Практически все полномочия федеральных государственных органов и учреждений, должностных лиц в их повседневной деятельности осуществляется именно в правореализационной форме, т.к. каждый из них, реализуя свои полномочия, в том числе правотворческие, правосистематизационные, правотолковательные и правоприменительные, использует предоставленные ему права, исполняет возложенные на него юридические обязанности, соблюдает распространяющиеся на него правовые запреты, следует адресованным к нему правовым рекомендациям. Иными словами, правореализация, как и правотолкование, носит универсальный характер, поскольку непосредственно связана со всеми видами правовой деятельности. Она, как и все иные виды юридической деятельности федеральных органов, учреждений и должностных лиц, направлена на обеспечение юридической безопасности общества.

И в заключение следует отметить, что рассмотренные разновидности правовой деятельности – правотворческая, правосистематизационная, правотолковательная, правоприменительная, правореализационная – определяют специфику, особенности обеспечения юридической безопасности российского общества на федеральном уровне, т.к. их результаты – нормативно-правовые, правосистематизационные (кодифицированные, консолидированные), правотолковательные, правоприменительные, правореализационные акты – формируют правовые основы жизнедеятельности федеративного государства и общества, что оказывает влияние на все иные его уровни: региональные, муниципальные, локальные, семейные и личностные.

Список литературы:

1. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

2. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие

обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

3. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

4. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

5. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

6. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

7. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

8. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

9. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

10. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

11. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

12. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

13. Цишковский Е.А., Кузакбирдиев С.С. Вопросы совершенствования правового регулирования обеспечения экономической безопасности России // Научные исследования высшей школы: Сборник тезисов докладов и сообщений на итоговой научно-практической конференции (8 февраля 2007 г.). Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2007. С. 9-11.

14. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

15. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / Числов А.И., Кораблев В.Г., Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 222 с.

16. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.

17. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314: ред. от 20 ноября 2020 г. // Собрание законодательства РФ.2004. № 11. Ст. 945; 2020. № 47. Ст. 7508.

18. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ: ред. от 30 декабря 2020 г. // Российская газета. 2002. 13 июля; 2021. 12 января.

19. О Регламенте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 28 июня 1995 г. № 7/46-II: ред. от 18 апреля 2018 г. // СПС КонсультантПлюс.

20. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Теория государства и права: терминологический словарь. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2013. 42 с.

21. Теория государства и права: учебное наглядное пособие. 2-е изд., доп. / Числов А.И., Кораблев В.Г., Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. 233 с.

22. О ветеранах: Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ: ред. от 30 декабря 2020 г. // Российская газета. 1995. 25 января; 2021. 12 января.

23. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ: ред. от 9 ноября 2020 г. // Собрание законодательства РФ.1994. № 13. Ст. 1447; 2020. № 46. Ст. 7196.

24. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ: ред. от 2 августа 2019 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550; 2019. № 31. Ст. 4413.

25. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ: ред. от 22 декабря 2020 г. // Российская газета. 1994. 12 мая; 2020. 28 декабря.

26. О парламентском контроле: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ: ред. от 3 августа 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2304; 2018. № 32 (Ч. II). Ст. 5135.

С. Г. Лосев
доцент Тюменского государственного университета

СОЦИАЛЬНА РОЛЬ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния института адвокатуры в России, его взаимоотношения с органами государства. Предпринимается попытка дать определение социальной роли института, также приводятся основные функции адвокатуры в обществе: правовая, политическая и кадровая. На основе анализа фактов из открытых источников отмечается деградации роли адвокатуры в российском обществе. Отмечаются факты грубого нарушения процессуальных и гражданских прав адвокатов: недопуск к подзащитным, привлечение к уголовной ответственности. Отмечается несущественная роль российской адвокатуры на современном этапе.

Ключевые слова: российская адвокатура, социальная роль адвокатуры, государство, право, общество.

Рассматривая роль адвокатуры в обществе, следует сразу отметить, что эта роль меняется на протяжении времени, на разных этапах развития общества. Также следует отметить, что роль адвокатуры во многом определяется устройством правовой и политической системы в государстве.

В социологии имеется определение социальной роли человека, однако нам требуется хотя бы в общих чертах определить, что такое социальная роль общественного института. Как представляется, социальная роль общественного учреждения определяется его функциями, назначением в обществе и взаимоотношением с иными общественными институтами.

Определяя функции адвокатуры, следует отметить следующие:

– правовая роль адвокатуры;
– политическая роль адвокатуры;
– кадровая роль адвокатуры.

Правовая роль адвокатуры заключается в том, что адвокатура представляет собой сообщество людей, обладающих необходимыми правовыми знаниями, умениями и навыками, при этом относительно независимые от государства, что позволяет получать независимую квалифицированную юридическую помощь лицам, которые вступают в правовые отношения, в том числе и с государством. Кроме того, участие адвоката в процессе принятия решений различными органами власти, в первую очередь судебных органов, выступает гарантией их законности и обоснованности.

Рассматривая политическую роль адвокатуры, следует отметить, что данная роль во многом определяется тем, каков политический режим в обществе. Содержание этой роли выражается в том, что адвокатура, с одной стороны, неизбежно вовлекается в различные политические процессы в любой стране, особенно если речь идёт о «громких» процессах, затрагивающих интересы власть имущих. С другой стороны, адвокатская практика позволяет в дальнейшем заниматься политической деятельностью. Безусловно, адвокатура, опираясь на публичность в процессе, представительство интересов граждан перед органами государства не может не принимать участие в политической деятельности. История знает немало примеров адвокатов, которые становились политическими и государственными деятелями, чему немало способствуют такие профессиональные адвокатские навыки, как красноречие, знание права, публичность, умение использовать СМИ.

Особенно характерно влияние юристов на политическую жизнь страны в США: практикующими адвокатами были такие президенты как А. Линкольн, Ф.Д. Рузвельт, Р. Никсон и целый ряд других. Однако и в других странах Западной Европы практикующие адвокаты занимали высокие государственные посты – адвокатами были канцлер ФРГ Г. Шредер, президент Франции Н. Саркози, премьер-министр Великобритании Т. Блэр.

Можно предположить, что жесткий политический режим, максимально ограничивающий политическую жизнь в стране, невольно повышает роль адвокатуры, превращая её в псевдополитическую структуру. Вряд ли случайно, что оба лидера российской революции – А.Ф. Керенский и В.И. Ульянов (Ленин) были практикующими адвокатами.

Кадровая роль адвокатуры заключается в том, что адвокатура представляет собой источник кадров для формирования других правовых учреждений, в первую очередь суда.

Подобную роль играет адвокатура в странах Общего права – Великобритании, Канады, в которых особый упор в подготовке юридических кадров делается на приобретение практических навыков. Как представляется, подобная практика формирования судейского корпуса позволит избежать «обвинительного уклона», столь характерного для нашего судейского корпуса [1].

Если же рассматривать роль адвокатуры в современной России, то она представляется весьма незначительной, хотя есть и иные мнения. Согласно позиции известного адвоката А. Кучерены, российская адвокатура превратилась в достаточно эффективное профессиональное сообщество [2].

В соответствии с частью первой статьи третьей российского закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», адвокатура есть институт гражданского общества. Исходя их легального определения адвокатуры, она представляет собой учреждение общества, внегосударственную структуру, которая, в силу самого своего существования, буквально фактом своего существования, противостоит органам государства.

Однако, как представляется, факты, скорее, свидетельствую об обратном.

Так, в октябре 2014 года произошли обыски в Новосибирской городской коллегии адвокатов в рамках уголовного дела о мошенничестве. При этом следователи изъяли у адвокатского образования около 1,5 млн. руб., почти 17 тыс. долларов, оргтехнику, а также, что особенно важно, с точки зрения нарушения адвокатской тайны, были изъяты материалы более 3 тыс. адвокатских досье всех без исключения адвокатов коллегии за несколько лет. Что характерно, обыск проводился на основании судебного решения, в котором судья не указала, какие предметы должны быть изъяты в ходе обыска. Подобные «новации» в следствии послужили основаниями для решения Конституционного суда РФ и внесения изменений в УПК РФ.

10 декабря 2014 года судья А.И. Щур не допустил к судебному заседанию адвоката Д. Вяткина, предложив ему находиться в зале судебного заседания в качестве слушателя. Когда адвокат стал возражать, председательствующий судья вынес незаконное постановление об удалении адвоката, на основании которого судебные приставы вынесли защитника из зала [4].

Ещё более вопиющим стал случай, произошедший с адвокатом М. Беньяшем, которого 9 сентября 2018 года задержали в Краснодаре, когда он следовал на митинг противников пенсионной реформы с целью оказать юридическую помощь людям, которых могут задержать на этом митинге. Полицейские задержали адвоката, затолкали его в машину, надев на него наручники. Адвокат был обвинён в том, что он избил сотрудников полиции и осуждён по ст. 318 УК РФ [3].

12 сентября 2019 года адвокат Д. Сотников, который защищал обвиняемого в распространении наркотиков, опоздал на заседание в Новомосковском городском суде Тульской области. Судья Л. Соловьева отказалась допускать в судебное заседание защитника, несмотря на предъявленный ордер (что само по себе является грубым нарушением процесса). Когда адвокат пытался возражать, судебные приставы, по указанию судьи, насильно положили на пол и надели наручники на адвоката, нанеся побои, которые причинили травмы лица и плеча, что было зафиксировано медицинским осмотром. Также адвокат был доставлен в подразделения Следственного комитета по обвинению в нападению на судью [5].

О чём свидетельствуют вышеприведённые примеры? О том, что адвокат в России не просто плохо защищен нормами права, что само по себе звучит достаточно абсурдно – как может защищать других тот, кто не может защитить себя, но и то, что органы власти в России просто не воспринимают адвоката и адвокатуру как что-то серьёзное, значимое, важное.

В самом деле, как можно объяснить подобное поведение в суде и иных должностных лиц? Ведь во всех перечисленных ситуациях решения принимали люди, которые прошли тщательный отбор из числа лиц, обладающих высшим юридическим образованием, обладающих немалым практическим опытом. Как представляется, причина в том, что судьи в России осуществляют «правосудие», вернее, ведут делопроизводство, основным содержанием которого является необходимость принять решение в установленный законом срок. В силу указанных причин, адвокат воспринимается, пожалуй, как досадная помеха, эдакий зануда – общественник, который своей суетой только мешает завершить дело. Фактически, подобное восприятие адвоката свидетельствует скорее о деградации правосудия как социальной системы в России.

Насколько исполняет свою роль российская адвокатура в деле подготовки юридических актов? Необходимо отметить, что из числа российских судей меньше пяти процентов имеют опыт адвокатской практики. Адвокатов, что называется «срезают» на этапе сдачи экзаменов, при том, что представители судейского корпуса участвуют в формировании адвокатуры, в работе квалификационных комиссий адвокатских палат, которые принимают квалификационный экзамен у кандидатов в адвокаты.

Что же касается политической роли российской адвокатуры, то она крайне незначительна, что объясняется, в первую очередь, её незначительной правовой ролью.

Список литературы:

1. Зыскинд И. Английские судьи [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2012/08/17/anglijskie_sudi (дата обращения: 09.01.2021).

2. Кучерена А. Приговор Ефремову – что это было? «РГ» попросила высказаться на острую тему известного адвоката [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2020/09/16/anatolij-kucherena-vyskazalsia-ob-advokature-v-rossii.html (дата обращения: 09.01.2021).

3. Малаховский А. Процесс Беньяша: за что судили адвоката. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/story/209209/ (дата обращения: 09.01.2021).

4. Попова А. Судья приказал вынести адвоката и забыл об этом [Электронный ресурс]. URL: https://www.arsvest.ru/rubr/5/29260 (дата обращения: 09.01.2021).

5. Рубникович О. Адвокат испытал на себе правосудие [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4096546 (дата обращения: 09.01.2021).

В. Д. Самойлов
профессор, корреспондент Академии военных наук

ЮРИДИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИЩЕННОСТЬ ПРАВ ИНДИВИДА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТОВ

Аннотация. В системе высшего образования место и роль профессорско-преподавательского состава периодически претерпевает некие инновации. Федеральным законом от 24 сентября 2013 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (статья 2 пункт 21) введено понятие «педагогический работник», которое приобрело новый бренд «научно-педагогический работник». С началом реализации целей и задач национальных проектов «Наука» и «Образование» место и роль профессора и учёного в своём Отечестве представляются значимыми, прежде всего, для граждан Российской Федерации (далее – граждан РФ).

Ключевые слова: профессор, национальный проект, образование, наука.

В соответствии с Основным законом Российская Федерация – это демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [1, ст. 1]. В процессе начатого с 15 января 2020 г. нового всенародного поиска целей, задач, принципов, положений статей Основного закона актуален вопрос: что означает термин «правовое», если большинство граждан РФ, например, по социологическим опросам, будут утверждать, что этот термин соответствует статусу нашего государства? По опыту автора [2 – 5], указанный термин означает состояние государства, к которому стремится существующий в нём конституционный строй [10, с. 54].

Современная Россия есть социальное государство, чья политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Из такой целевой установки следует, что ряд государственно-правовых аспектов регулирования различных сфер жизни и деятельности человека и гражданина, социальных групп и общества законодательно направлены на создание в стране достойных условий. Тем не менее, анализ реальных фактов и событий, их юридическое

толкование и практическая реализации выявляет ряд объективно-субъективных проблем и противоречий [2, с. 8-16; 6; 8, с. 82-88].

Так, в сфере труда граждан РФ наблюдается противоречие между низкой заработной платой одних, например, российских бюджетников, и других работников развитых стран мира, которые получают за свой труд примерно в 40 раз больше. Высококвалифицированные иностранные специалисты должны получать у российского работодателя не менее: а) научные работники – 1 млн руб. в год; б) другие – 2 млн руб. в год [10, с. 56]. При этом автор, гражданин РФ, 60-летний пенсионер МВД России, ветеран военной службы, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор по кафедре конституционного и муниципального права – безработный.

Реальное пенсионное обеспечение российских пенсионеров, доживших до своей пенсии (родной брат автора после выхода на пенсию в возрасте 60 лет, получил её 6 раз по 10 тыс. руб. в месяц и умер) обрекает не столичных жителей на нищету, социальную бедность в государстве, в котором по итогам 2018 и 2019 гг. явно профицит бюджетных финансов. Почему из *российской глубинки* свои граждане приезжают для заработков *вахтовым методом* (одна половина *трудовых голиков* поселения полмесяца трудится за его пределами, чаще в Москве, другая – сводит концы с концами в месте жительства, затем половинки меняются своими местами для сведения концов с концами) [10, с. 56]. Периодически ряд должностных лиц органов государственной власти (далее – ОГВ) методом квантификации то признают, то прогнозируют состояние уровня реальных доходов представителей многонационального народа, из числа которого свыше 20 млн человек находятся за чертой бедности, не менее 70 % граждан РФ получают пенсии ниже прожиточного минимума в субъектах РФ. Воистину могущество страны определяют колоссы природных ресурсов, миллиардные запасы нефти и газа, которые в своих личных интересах без всякого стеснения через СМИ демонстрируют поп – топ звезды шоумены – бизнесмены, члены их семей и родня. Правда иногда и они гибнут в авто и авиакатастрофах, привлекаются к юридической ответственности, и т. д.

В самом деле, Конституция РФ [1, ст. 8] ведь гарантирует свободу экономической деятельности, защиту частной и муниципальной собственности, провозглашает принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [1, ст. 10], которые, как и их должностные лица, самостоятельны на занимаемых ими местах в социальных лифтах. Основной закон страны не допускает бесконтактного права (попробуй дозвонись, не допускай *фэйков*, негативного отношения к статусным полномочиям нового и старого корпуса чиновников), вмешательства исполнительной власти в деятельность судебной власти, хотя органы правоохраны имеют свои судебные подразделения, как и судебные органы свою правоохрану.

Историческая ценность приведённых и других положений Основного закона РФ означает, что: он сыграл положительную роль в прекращении центробежных процессов в стране; созданы органы законодательной,

исполнительной и судебной власти; государство, стряхивая вседозволенность отечественных олигархов-коррупционеров, приобретает в международном сообществе статус державы, способствующей прекращению мощи мирового жандарма США и эпохи однополярного мира [10, с. 59].

На основе вышеизложенного констатируем теоретико-эмпирическую значимость дюжины национальных проектов с их целевыми установками и основными задачами, которые предназначены для ориентирования граждан РФ на достижение показателей в различных сферах жизнедеятельности личности, семьи, социальных групп и общества. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 сосредоточим внимание на двух нацпроектах: 1) «Образование»; 2) «Наука».

1. Нацпроект «Образование» предназначен для создания современных школ и общежитий, цифровизации учебников и учебных курсов, чтобы РФ стала в**ходить в *десятку* ведущих стран мира по качеству общего образования. Целевыми индикаторами определены следующие: 1)** обновление содержания и совершенствование методов обучения предметной области «Технология»; 2) формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодёжи на принципах справедливости, всеобщности, самоопределения и профориентации; 3) создание условий для раннего развития детей до трёх лет, реализация программы помощи родителям детей, получающих *дошкольное образование в семье.*

Для достижения трио целей основные задачи проекта составили: а) **создание безопасной цифровой среды** [2, с. 72-82; 4; 6, с. 20]**; б)** формирование профессиональных конкурсов для предоставления гражданам РФ возможностей для их профессионального и карьерного роста; в) создание условий для развития наставничества, поддержки общественных инициатив и проектов, в том числе как волонтёров; г) не менее чем двукратное увеличение количества иностранцев, обучающихся в вузах и научных организациях, для реализации комплекса мер по трудоустройству лучших из них в РФ [10, с. 61]. Вместе с тем место и роли автору, российскому профессору (с 23.11.2006 г.) и учёному (с 25.04.1997 г. – кандидат военных наук, с 30.05.2003 г. – доктор педагогических наук) в системе высшего образования не определено, хотя авторские учебники в РФ реализуют: Амурский ГУ и Поволжский ГТУ, библиотеки Тюмени и Калуги, Бурятская ГСХА им. В.Р. Филиппова, другие не вузы г. Москвы; Российско-таджикский (славянский) университет и др. Не потому ли десятки тысяч российских коллег устремлены в зарубежные страны, сотни тысяч обязаны публиковать свои научные достижения в иностранных изданиях? Много тысяч выпускников престижных российских вузов там уже трудятся [4; 5, с. 163; 10].

2. Нацпроект «Наука» как обновление приборной базы, господдержка НИИ и системы РАН ориентирован на **обеспечение: 1) присутствия РФ в пяти ведущих странах мира,** осуществляющих научные исследования и разработки в приоритетных областях; привлекательности работы в стране для российских и зарубежных учёных и молодых исследователей; 2) увеличения

внутренних затрат на научные исследования и разработки по сравнению с ростом ВВП [2; 10]; 3) создания передовой инфраструктуры научных исследований и разработок, инновационной деятельности, включая развитие сети научных установок класса «Мега-Сайенс». **Для реализации этого нацпроекта должны быть: а) созданы не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с компаниями реального сектора экономики РФ; б)** обновлены не менее 50 % приборной базы ведущих организаций, выполняющих научные исследования и разработки; в) созданы научные центры мирового уровня, включая сеть международных математических центров и центров геномных исследований [10, с. 64].

В самом деле, через Науку и искусство славу Отечеству твори! Так воспламеняли чувства высокородные цари, чтоб не растаскивать Россию, больше заботиться о ней, царь Пётр радел о её силе, наследники его кровей. Иные времена и нравы, и Основной закон страны предоставляет людям право блюсти заветы старины. Европе на Россию тщетно подвигнуть нации в распыл, хотя от злобы своей слепла, славу Суворова забыв, его Науку и искусство творить победы ни числом [3, с. 62; 7, с. 77; 10, с. 67]. Но как воспламенить нам чувства, что подкреплялись ремеслом? Реформы набили оскомину, терпение прёт через край: одним россиянам путь по миру, другим – всё дозволенный рай. Чтоб в Евросоюзе усердствовать на страже их прав сам Закон! По миру спешат путешествовать, едва заслужив пенсион. Да, мы со своими богатствами души, земли, леса, воды, нередко слывём тунеядцами, кивая на иго Орды. Царизм оказался не сверженным, Союз побеждён ни в бою. Россия, Фольксваген подержанный, мне жаль непутевость твою!

Как важно государственной особе быть просвещённой в ремесле своём! Да, кое-что даётся нам в утробе, всё остальное опытом берём [9, с. 200-217; 11 – 12]. У Цезаря был архимедов гений, у Ленина – воинству(ю)щий марксизм. Теории питают поколений и креатив, и явный атавизм. Но, возносясь на ложе суверена законно установленным путём, любой политик должен непременно быть при своём величии вождём. Уметь вести сограждан верным курсом сквозь лабиринты интересов стран. Иметь свой шарм, владеть своим искусством, ценить талант и пресекать обман. О, управленцы, менеджеры трона, в стан идолов себя, не заводя, не доводя сограждан до патрона, дай Бог, вам быть с достоинством вождя! [1, ст. 80 – 93; 12].

Резюме в три факта: а) статус безработного профессора; б) установка Президента РФ на оскорбление чести и достоинства; в) Конституция РФ.

Безработное. Дичают растения, звери и люди дичают, когда для них закрываются двери в местах, где трудились в течение нескольких лет. Растений шипы и колючки – животных клокастая шерсть. Царапины очень больнючи, когда плод захочется съесть. А если задраены люки и заперты двери на вход, то люди испытуют муки, общением ценен народ. Тюшкевич – профессор столетний, на сорок моложе его, во мне седина не приметна, на конкурс, а там кто кого! В стране безработный профессор и доктор, да-да, пед.

наук, чьи книги скупает агрессор, а просит коллега и друг [2; 6; 9 – 11]. Поэтому я не дичаю под рифмы и книги-статьи, ведь пенсии всё ж получаю, считая прожитые дни.

Президентское – нет. Не надо оскорблять за честь – достоинство ни судьям, ни ресурсам интернет, ведь я же ветеран в советском воинстве, к тому же так решил наш президент! Верните безработного на должности, хотя бы на одну из бывших трёх, инсульт мой наступил не по оплошности, – он вызревал из воинских дорог. А я почти семь лет жизнь проповедую, за честь свою с достоинством в бою. Готовлю себе завтраки с обедами, в научном продолжаю быть строю, поддерживаю разум физ. зарядкой, рифмую сотни мыслей и идей, с любым готов общаться без оглядки, в том высшее достоинство людей! Враги мои, в наветах-оскорблениях, вы только разгоняете мне кровь. От вашего преступного явления я сберегаю в жизни честь-любовь! [11].

Конституционное. Нация. Народ. Народность. Сколько их в нашей стране? Правовую благородность проявить бы по весне. В категорию «российский» вставить термином «народ», чтоб не мучить евразийский, австралийский, США… бомонд. В СССР народ советский, и весь мир об этом знал. В Библии народ еврейский тот же мир собой связал. В Конституции российской равенство свобод и прав – Кёнигсберг с грядой Курильской Флаг побед навек связал! Конституция – фундамент для законности в стране, чтобы принципов орнамент не сгорал бы на войне [1, с. 15, 77].

Таким образом, юридическая безопасность как состояние защищённости личности гражданина РФ в своём Отечестве означает наличие изложенных выше угроз и вызовов для личного профессорского противодействия им. Если бы их не было, то тема статьи была бы не актуальна.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Росс. Федерации. № 31. 04.08.2014. Ст. 4398.

2. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 170 с.

3. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-63.

4. Самойлов В.Д. Государственно-правовые аспекты миграционной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 31-34.

5. Самойлов В.Д., Соловьёва М.Л. Институт российского гражданства как инструмент обеспечения безопасности государства (экспертно-аналитическая оценка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 7. С. 162-165.

6. Самойлов В.Д. Информационная безопасность в системе высшего образования России (компетентностный подход в подготовке специалистов): монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 162 с.

7. Самойлов В.Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 76-78.
8. Самойлов В.Д. О совершенствовании государственной миграционной политики Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. № 3. С. 82-88.
9. Самойлов В.Д. Педагогическая антропология: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013 (2020). 271 с.
10. Самойлов В.Д. Совершенствование системы высшего образования в России: конституционно-правовые основы научно-исследовательских идей: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 178 с.
11. Самойлов В.Д., Алимов С.Ю. Права и свободы участников боевых действий и ветеранов СНГ: монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 294 с.
12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 6.02.2020).

Студенческая сессия

А. Ю. Бакланов
студент Тюменского государственного университета[17]

СПРАВЕДЛИВОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа научных трудов, посвященных обеспечению юридической безопасности, справедливого правосудия, а также нормативных положений, относящихся к справедливому правосудию, рассматриваются проблемы обеспечения юридической безопасности посредством справедливого правосудия в современной России.
Ключевые слова: обеспечение юридической безопасности, правовая справедливость, справедливое правосудие, справедливый приговор, юридическая безопасность.

Жизнь и развитие общества тесно связаны с правовой сферой, которая является производной от социальной реальности, но при этом и сама обладает достаточным инструментарием, чтобы формировать определенные социальные паттерны, конструировать модели социально приемлемого поведения, в целом – институализировать существование людей в обществе [10]. Вопросы обеспечения юридической безопасности современного российского общества, таким образом, играют существенную роль в установлении правового порядка, благоприятствующего функционированию

[17] Научный руководитель: Кузакбирдиев С.С., канд. юрид. наук, доцент Тюменского государственного университета

и развитию общественных отношений. Прежде всего, в целях данного исследования следует определить смысл, закладываемый в понятие юридической безопасности.

Так, А.А. Фомин определяет вышеуказанное понятие как специфическую сферу безопасности, состоящую из трех ключевых элементов – права, правоприменения и правотворчества, – направляющих свое действие на максимальное содействие субъектам права в удовлетворении их интересов [2, с. 101]. С.С. Кузакбирдиев и М.Л. Мухаматулина предлагают следующее понимание юридической безопасности: «состояние юридической защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [3, с. 65]. При этом они обеспечение юридической безопасности также связывают с правотворческой (нормотворческой), правоприменительной и правореализационной деятельностью [3, с. 65]. Исходя из смысла приведенных определений можно отметить, что сущность юридической безопасности, заключается в защите граждан, общества и государства от негативных юридических последствий. Нельзя не согласиться и с тем положением, что элементы правотворчества, правоприменения, правореализации оказывают непосредственное влияние на состояние юридической безопасности. В связи с этим объяснима активизация в последние годы публикаций о влиянии нормотворческой [4, с. 219-221] и правотворческой деятельности [5, с. 200-202], правоотношений [6, с. 212-214], правореализационной деятельности [7, с. 34-38; 8, с. 51-56; 9, с. 215-218], государственно-регистрационной деятельности [10, с. 108-113; 11, с. 225-227] на юридическую безопасность. Обоснованы и научные статьи, монографии, в которых рассматриваются взаимосвязи, взаимовлияние социальной, экономической и юридической безопасности [12, с. 36-42; 13, с. 46-49; 14, с. 507-526; 15].

В рамках настоящей статьи особое внимание будет уделено одному из элементов юридической безопасности, а именно – правоприменению, неотъемлемой составляющей которого выступает отправление судами правосудия. В настоящее время невозможно оставлять без внимания социальную роль судебной власти, поскольку именно судебная ветвь государственной власти призвана в большей степени защищать права и интересы человека и гражданина, способствовать восстановлению нарушенного права. Важно понимать, что только авторитетное судопроизводство, пользующееся доверием общества, может эффективно выполнять отведенную ему функцию. Что понимается под авторитетностью суда? Как правило, исследователи выделяют два ключевых признака – объективность, беспристрастность судьи и его высокий профессиональный уровень, под которым понимается не только знание законов, но и навыки оценки ситуаций, опыт принятия решений и пр. В том числе для этого важна полноценная реализация принципа разделения властей, закрепленного в статье 10 Конституции РФ, поскольку реализация судом своих функций невозможна без его автономии от других ветвей власти [16, с. 121].

В научной среде много работ посвящено оценке справедливости в

рамках правосудия, в них проводится анализ соотношения категорий справедливости и правосудия, дается оценка их взаимосвязи и взаимозависимости. В целом, если предпринимать попытку прийти к некоему общему знаменателю или выбрать наиболее целесообразный подход, то стоит упомянуть следующее. Понятие справедливости, приобретающего особое, почти сакральное значение в контексте русской общественной жизни, тем сложно в изучении, что данный термин, являясь оценочной категорией, существует и применяется не только в правовой сфере, но и в иных сферах общественной жизни, в результате чего содержательное наполнение данного понятия существенно изменяется в зависимости от области его применения. Более того, как было выявлено в результате проведения учеными социологических опросов, люди не способны прийти к консенсусу в вопросе понимания справедливости [17, с. 161-169], только если речь не идет о наиболее общих положениях, когда справедливость определяется в целом как «правильность и верность действий», «соразмерность, адекватность», в правовом контексте упоминаются такие положения, как «обеспечение прав человека, которые каждый может отстаивать», «законность и одинаковое для всех правосудие», «справедливые законы и точное их соблюдение», «равноправие, равенство в правах и обязанностях» и пр. На основе указанного можно сделать вывод, что опора на общечеловеческие трактовки справедливости трудноосуществима в силу неопределенности критериев.

В российском законодательстве понятие справедливости не раскрыто и определить понимание законодателем данного понятия возможно лишь через анализ правовых предписаний. Так, в ч. 1 ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) содержится норма, согласно которой приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. При этом признание приговора законным, обоснованным и справедливым законодатель связывает с его постановлением в соответствии с требованиями УПК РФ и основанностью на правильном применении уголовного закона (ч. 2 ст. 297 УПК РФ). В части определения предмета судебного разбирательства в апелляционном порядке в ст. 389.9 УПК РФ законодатель закрепил положение, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам, представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции. Здесь обращают внимание на себя те обстоятельства, что в рамках апелляционного производства проверяется справедливость только приговора, а по иным решениям суда первой инстанции их справедливость не проверяются. Такой же подход законодателем использован применительно к указанию в апелляционных приговоре, определении, постановлении оснований по которым приговор признается законным, обоснованным и справедливым, а иное судебное решение суда первой инстанции – законным и обоснованным (ч. 4 ст. 389.28 УПК РФ). В рамках гражданского судопроизводства категория справедливости встречается реже, однако в статье 391.11 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) предусмотрено право

Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя на внесение в Президиум Верховного Суда РФ по жалобе заинтересованных лиц или по представлению прокурора представления о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора, если они допустили фундаментальные нарушения норм материального или процессуального права и тем самым лишили участников спорных правоотношений возможностей осуществления прав, гарантированных ГПК РФ, в том числе права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство в соответствии с принципами состязательности и равноправия. Отсюда видно, что в гражданском судопроизводстве непосредственными условиями достижения и обеспечения справедливости рассматриваются состязательность и равноправие сторон.

Обращаясь к научным изысканиям, отметим различные имеющиеся в научной литературе толкования справедливости. Так, под справедливостью приговора может пониматься правильное разрешение дела как по существу, так и по форме [18, с. 195] то есть акцент ставится на единовременном соблюдении требований процессуального законодательства и полноты оценки обстоятельств. Также справедливость может, при рассмотрении его через призму единства права и нравственности, осмысляться как пронизывающая жизнь идея, в рамках движения к которой право выступает этапом эмпирического её становления, то есть право должно содержать в себе идеи справедливости и претворять их в жизнь [19, с. 35].

Правосудие определяется в русском языке следующим образом: «деятельность правовых, судебных органов» - и, исходя из приведенного определения, представляет собой активную сознательную деятельность суда как способ реализации судебной власти. При этом справедливость интерпретируется как идея или принцип осуществления правосудия, который характеризует направленность правосудия на законное, обоснованное, соразмерное ситуации и обстоятельствам дела разрешение правового конфликта единственно верным образом [20, с. 173]. Следовательно, можно отметить, что между правосудием и справедливостью нет возможности поставить знак равенства и характеризовать данные понятия как совпадающие полностью по объему и содержанию, хотя в сознании людей правосудие, как правило, ассоциируется именно с идеей справедливости как смыслообразующей и неразрывно с ним связанной доминантой [21, с. 382; 22, с. 73].

Правосудие может считаться справедливым тогда, когда суду предоставлена возможность профессионального выбора. Суд, по своему внутреннему усмотрению разрешая дело, выносит решение, стремясь к максимальному достижению законности и обоснованности. При этом в рамках закона справедливым может признаваться решение, единственно возможное в той совокупности условий, с которыми имеет дело суд. Также судебные акты должны быть точными, понятными, объективными по содержанию, мотивированными по отношению к заявляемым судом выводам [18, с. 195]. Помимо правильного применения закона, обеспечение справедливости правосудия зависит и от судейского усмотрения, совести, приобретенного им

(судьей) жизненного и профессионального опыта, его моральных качеств и убеждений, посредством которых также достигается правильность исхода дела.

Стоит обратить внимание на такой немаловажный аспект как зависимость правоприменительной деятельности от правотворческой. Суд, хотя и признаваемый независимым субъектом правосудия, обладает ограниченной самостоятельностью. Пределы такой самостоятельности выражены в том, что деятельность судей, прежде всего, оценивается через критерии правильности применения закона к обстоятельствам дела, и только вкупе с соблюдением порядка применения законодательства определяется правильность оценки судом обстоятельств дела, юридически значимых моментов и условий, мотивированность личного усмотрения и т.д. Любое решение, принятое хотя и в соответствии со справедливостью, совестью, но противоречащее закону, вне всяких сомнений, впоследствии будет обжаловано в вышестоящих инстанциях. Таким образом, судебная система является проводником политической воли государства. Государственная воля и государственный интерес материализуются в принимаемых нормах права, и их применение судом при разрешении дела венчает собой механизм реализации государственной власти, и такое судебное постановление будет рассматриваться как справедливое потому, что оно соответствует пониманию истины, заложенному государственной властью в действующее законодательство [22, с. 74]. И здесь мы приходим к умозаключению: для реализации идеи справедливости в правосудии необходимо, чтобы идея справедливости была содержательным элементом закона, надлежаще отражена в соответствующей правовой норме, только тогда может достигаться ситуация, когда общество удовлетворено правосудием, принимаемыми судебными решениями [23, с. 190; 24, с. 113].

В сфере правосудия достаточно факторов, которые не позволяют субъектам права ощущать свою юридическую защищенность и рассчитывать на справедливость судопроизводства в полной мере. Так, есть системные факторы юридического риска для граждан, связанные с производством по уголовному делу – отечественная судебная система приобрела ярко выраженный обвинительный уклон: в последние годы доля оправдательных приговоров не превышала 1%, и многие готовы не согласиться с позицией главы Следственного комитета РФ о том, что указанный низкий показатель свидетельствует о высоком качестве работы органов предварительного следствия [25]. Помимо этого, суды в подавляющем большинстве случаев удовлетворяют ходатайства следователей и дознавателей об аресте подозреваемых. Также, при назначении наказания по уголовным делам преобладают штраф либо лишение свободы, статистика по применению альтернативных видов наказания, не связанных с лишением свободы, крайне мала, что опять-таки демонстрирует обвинительный уклон судебной системы, крен в сторону карательного уголовного правосудия [26, с. 94]. Нахождение способов разрешения указанных проблем в том числе обеспечит высокий уровень юридической безопасности современного российского общества, а

также повысит степень реализации идей справедливости в рамках правосудия.

Таким образом, обеспечение юридической безопасности невозможно без справедливого правосудия, соответствующего критериям законности, обоснованности, мотивированности, соразмерности обстоятельствам дела. В свою очередь, для соблюдения указанных принципов необходим высокий профессиональный уровень судей и их реальная независимость в принятии решений от иных участников правоотношений. При этом суд стремится к достижению правовой справедливости, большую роль в определении которой играют субъекты правотворчества, выражающие взгляд государства на понимание справедливости в принимаемых нормативно-правовых актах, на основе норм которых суды осуществляют правосудие, выносят судебные постановления.

Список литературы:

1. Терентьев И.А. Правовая реальность как особый способ организации социальной реальности // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. [Электронный ресурс] URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2016/12/philosophy/terentyev.pdf (дата обращения 10.01.2021).

2. Фомин А.А. Юридическая безопасность и правовая защищенность: соотношение и взаимосвязь // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 101-107.

3. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

4. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

5. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

6. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении

юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

7. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

8. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

9. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

10. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

11. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

12. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

13. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

14. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23

сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

15. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

16. Ляхов Ю.А. Пути повышения авторитета суда // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 119-122.

17. Римский В.Л. Справедливость от государства: ожидания и реальность // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 156-175.

18. Муратова Н.Г., Шайдуллова К.А. Судебное решение – акт юридической культуры и справедливости // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 193-198.

19. Боловнев М.А., Руф Е.Е. Понятие «справедливость» в гражданском судопроизводстве: юридико-лингвистический анализ // Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 32-40.

20. Кузнецова С.П. Справедливость и правосудие: тенденции практического применения в юридической практике // Территория науки. 2017. № 1. С. 170-175.

21. Пинчук А.П. Справедливое правосудие в уголовном процессе // Вопросы студенческой науки. 2019. № 12 (40). С. 380-387.

22. Шекшуева О.Н. К вопросу о справедливом правосудии // Вестник Поволжского института управления. 2018. Том 18. № 1. С. 72-80.

23. Сидоров Б.В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189-194.

24. Тищенко А.В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 113-117.

25. Meduza: [Электронный ресурс]. URL: https://meduza.io/feature/2019/03/01/bastrykin-skazal-chto-nizkaya-dolya-opravdatelnyh-prigovorov-pokazatel-effektivnosti-raboty-sledstvennogo-komiteta-faktchek (дата обращения 14.12.2020).

26. Коваленко Т.С. О целесообразности расширения диапазона альтернативных лишению свободы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации // Государственно-правовые исследования. 2018. Вып. 1. С. 93-96.

К. С. Васильева
студентка Тюменского государственного университета[18]

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ НА ЮРИДИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье на основе анализа литературных источников и нормативных правовых актов показано влияние уровня правосознания на юридическую безопасность в обществе. В ней акцентируется внимание на процесс формирования положительного правосознания начиная с раннего возраста и продолжающегося во все иные периоды жизнедеятельности человека, в том числе с использованием потенциала института правового воспитания, а также профилактики правонарушений, главным образом совершаемых несовершеннолетними.

Ключевые слова: обеспечение юридической безопасности, правовое воспитание, правомерное поведение, правосознание, юридическая безопасность, юридическая клиника.

В современном мире, когда целью большинства государств является построение демократического, правового общества вопрос обеспечения юридической безопасности личности, общества, а также самого государства приобрел особую актуальность. Это обстоятельство обусловило проведение различных исследований в данной сфере, в том числе посвященных понятию юридической безопасности, взаимосвязям социальной, экономической и юридической безопасности [1, с. 36-42; 2, с. 46-49; 3, с. 507-526; 4], обеспечению юридической безопасности посредством нормотворческой и правотворческой деятельности [5, с. 219-221; 6, с. 200-202], правовых отношений [7, с. 212-214], правореализующей деятельности [8, с. 34-38; 9, с. 51-56; 10, с. 215-218], государственно-регистрационной деятельности [11, с. 108-113; 12, с. 225-227].

Одним из факторов, оказывающих мощное влияние на юридическую безопасность и её обеспечение выступает правовое сознание членов общества. Прежде чем приступить к обоснованию обозначенного тезиса обратим внимание на сами ключевые для данной темы понятия. Итак, С.С. Кузакбирдиев, Л.М. Мухаматулина на основе анализа множества дефиниций юридической безопасности предложили понимать под ней состояние юридической защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [13, с. 65]. По их мнению, под обеспечением юридической безопасности следует понимать реализацию органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества правовых мер, направленных на противодействие угрозам состояния защищенности личности, общества и государства и удовлетворение их объективно значимых потребностей в обеспечении

[18] Научный руководитель: Кузакбирдиев С.С., канд. юрид. наук, доцент Тюменского государственного университета

защищенности и устойчивого развития [13, с. 65]. Правосознание представляет собой совокупность правовых идей, знаний, концепций, взглядов, представлений, убеждений, чувств, эмоций, оценок, установок, выражающих отношение людей к праву действующему и желаемому, а также иным правовым явлениям [14, с.28].

Можно предположить, чем выше уровень правосознания граждан, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих и всех иных лиц – носителей правосознания, тем выше уровень юридической безопасности в государственно организованном обществе и, наоборот, чем ниже уровень правосознания, тем более проблематично её обеспечение в таком обществе. В связи с этим государству и обществу необходимо уделять особое внимание формированию правовых ценностей в сознании людей для обеспечения их правомерного поведения.

Во многом соблюдение и исполнение законов, а также гарантии безопасности определяются уровнем правого сознания в обществе, т.к. правосознание есть отношение каждого к праву, его институтам. Именно от того как человек относится к праву, закону зависит его поведение. Очевидно, что положительное отношение к праву и правовым явлениям способствует правомерному поведению, отрицательное же отношение к ним способствует формированию противоправного поведения.

Высокий уровень правосознания и правомерного поведения являются неотъемлемыми признаками правового государства, где соблюдаются права и свободы человека и гражданина. Однако добиться такого состояния исключительно силами государства невозможно.

Представляется, что формирование положительного правосознания как залога правомерного поведения каждого должно начинаться с раннего возраста в семье, детском саде, школе и продолжаться весь период жизни человека. Этому процессу должен быть свойственен последовательный, поступательный характер, начинающийся с ознакомления ребенка, школьника, вступающего в различные отношения с элементарными основами права в начальный период социализации и включением его в мир права в последующем, используя возможности школьного изучения дисциплины, включающего вопросы права и государства, а также потенциал института правового воспитания, выраженного в таких формах, как правовая пропаганда, правовое обучение, изучение юридической практики, самообразование и самовоспитание [15, с. 78], основанного на таких методах, как убеждение, принуждение и поощрение [16, с. 83].

Если гражданин обладает высоким уровнем правосознания, он умеет оценивать и предвидеть последствия принятого решения, способен понимать, что придется отвечать за них перед государством и обществом. Однако сформировать такую личность непросто. Одна из главных причин этого связана с тем, что деятельность всей системы образовательных организаций (от дошкольных образовательных организаций до образовательных организаций высшего образования) главным образом направлена на передачу знаний по изучаемым в них учебным дисциплинам. В результате этого

потенциальные возможности образовательного сегмента общества по формированию у обучающихся потребностей правомерного поведения остаются в малой степени реализованными.

Российская система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних включает комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции) (17, ч. 1 ст. 4). Однако в нее не входит школа, которая совместно с другими субъектами могла бы участвовать в профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Кроме того, в настоящее время отсутствуют механизмы правового воздействия школы на обучающегося в связи с его девиантным поведением и нет методов, позволяющих корректировать деформирующееся правосознание школьника. Примечательно, что федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [18] не позволяет отчислять ученика из учебного заведения даже за дезорганизацию учебного процесса до достижения им возраста 15 лет, что оказывает влияние на деформацию правосознания других обучающихся.

Обязанность по воспитанию детей в семье возложена на родителей [19, ч. 2 ст. 38]. Однако в неблагополучных семьях данная обязанность родителями, которые являются носителями деформированного правосознания, должным образом не исполняется. Более того, они, наоборот, могут подавать своим детям отрицательные примеры. В то же время за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите их прав и интересов административный закон предусматривает административную ответственность в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей [20, ч. 1 ст. 5.35]. Как видно, санкция закона предусматривает очень мягкое наказание, из чего следует, что в большинстве случаев она не выполняет ни превентивной, ни карательной роли. Ужесточение указанной санкции в какой-то мере позволило бы сдерживать совершение правонарушения родителями или иными законными представителями несовершеннолетних.

Очевидно, что низкий уровень правосознания влечет развитие асоциального поведения, правового нигилизма, что представляет угрозу общественной и юридической безопасности.

В настоящее время одним из немногочисленных программных документов, которые способствуют формированию правосознания граждан в

России являются Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом Российской Федерации в 2011 году [21]. Реализация указанного акта выражается в распространении информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения, том числе с помощью средств массовой информации о доступности правосудия, судебной защите нарушенных прав граждан, эффективности деятельности судов и органов, исполняющих судебные решения, соблюдении государственными и муниципальными служащими норм закона и профессиональной этики.

Согласно Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан и Федеральному закону «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [22] при вузах юридического профиля созданы и функционируют юридические клиники по оказанию студентами бесплатной квалифицированной юридической помощи населению. Однако, как показала практика, работа указанных клиник не является особо эффективной. Причин такого положения дел много. Они, как указано в проекте Концепции развития и поддержки юридических клиник в РФ до 2025 г., связаны с отсутствием надлежащего материально-технического и методического обеспечения деятельности многих юридических клиник, программы юридического клинического обучения, работой в них персонала и преподавателей на общественных началах, привлечением к работе в клиниках начинающих, малоопытных преподавателей и др. [23]. В том же ключе по малой эффективности функционирования данного института высказался и С.С. Кузакбирдиев, который отметил, что «юридические клиники как участники негосударственной системы бесплатной юридической помощи осуществляют свою деятельность только за счет средств самих образовательных учреждений, и потому ключевые их субъекты – преподаватели – выполняют в них свою миссию на общественных началах, бесплатно. История развития человеческого общества давно выявила: бесплатный труд не является эффективным и высокопроизводительным» [24, с. 149].

И в заключении следует отметить, что с целью обеспечения юридической безопасности в обществе, необходимо использование комплексного подхода к формированию правосознания граждан, начиная с детского возраста и продолжающегося во все иные периоды жизнедеятельности человека. В этой части было бы полезно и изучение зарубежного опыта по формированию правосознания, внедрение его положительных результатов в нашу практику. Это также способствовало бы повышению правового сознания и обеспечению юридической безопасности в российском обществе.

Список литературы:

1. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы

всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

2. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

3. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

4. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

5. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

6. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

7. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

8. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

9. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

10. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

11. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

12. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

13. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

14. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Теория государства и права: терминологический словарь. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2013. 42 с.

15. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / Числов А.И., Кораблев В.Г., Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 222 с.

16. Теория государства и права: учебное наглядное пособие. 2-е изд., доп. / Числов А.И., Кораблев В.Г., Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. 233 с.

17. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ: ред. от 24 апреля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; 2020. № 17. Ст. 2725.

18. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный Закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ: ред. от 8 декабря 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598; 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8074.

19. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.

20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 30 декабря 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru - 30.12.2020.

21. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.

22. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ: ред. от 26 июля 2019 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725; 2019. № 30. Ст. 4134.

23. Центр развития юридических клиник: оф. сайт. URL: http://codolc.com/files/e9/f2/e9f2a1db9d342264525ae743aad324fd.pdf (дата обращения 10.01.2021).

24. Кузакбирдиев С.С. Проблемы реализации практико-ориентированного подхода в подготовке юристов и пути их решения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 2. С. 137-154. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-137-154.

А. А. Гордеева
студентка Тюменского государственного университета[19]

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов, проектов законов правотворчество рассматривается как один из основных, первичных элементов в механизме обеспечения юридической безопасности российского общества. В ней выделены и охарактеризованы проблемы правотворчества, влияющие на юридическую безопасность участников общественных отношений, и предложены способы их разрешения.

Ключевые слова: механизм обеспечения юридической безопасности, нормативно-правовые акты, правотворческая деятельность, правотворчество, юридическая безопасность.

Роль права в современном обществе стремительно возрастает. Новые реалии, ознаменованные ростом криминальных структур, порожденных в том

[19] Научный руководитель: Кузакбирдиев С.С., канд. юрид. наук, доцент Тюменского государственного университета

числе цифровизацией, требуют модернизации законодательства и его своевременного обновления. Однако подобного рода реформы зачастую имеют негативные последствия и в современных условиях провоцируют тенденцию к увеличению количественного значения факторов риска в сфере права. В связи с этим вопрос обеспечения юридической безопасности субъектов права встает как никогда остро. Становится очевидным, что состояние правовой защищенности напрямую зависит от успешного осуществления правотворческой деятельности. А это может быть достигнуто лишь путем ее совершенствования.

Обозначенными обстоятельствами обусловлено рассмотрение в данной статье механизма обеспечения юридической безопасности через призму правотворческой деятельности и определения зависимости уровня правовой защищенности от ряда анализируемых в ней проблем правотворчества.

Говоря о связанности механизма обеспечения юридической безопасности и правотворчества, прежде всего обратимся к понятию юридической безопасности. Характерно, что в научной среде существует множество трактовок данного термина. Так, с точки зрения А.И. Стахова, безопасность как правовая категория представляет собой «урегулированное правом состояние защищенности конституционных и законных интересов личности, общества, государства и нации, при котором отсутствуют угрозы безопасности» [1, с. 28]. По мнению А.А. Фомина, юридическую безопасность можно рассматривать в качестве особой разновидности социальной безопасности, назначение которой состоит в юридической защите от внешних и внутренних угроз субъективного и объективного характера жизненно важных интересов субъектов права [2, с. 101]. Его концепция обеспечения юридической безопасности базируется на трех столпах – праве, правотворчестве и правоприменении [2, с. 101-107]. В свою очередь, С.С. Кузакбирдиев и Л.М. Мухаматулина, опираясь на труды ученых-правоведов и принимая во внимание понятие национальной безопасности и обеспечения национальной безопасности, закрепленное в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [3], дают лаконичное определение юридической безопасности, характеризуя ее как состояние юридической защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [4, с. 65]. Кроме того, указанные авторы также формулируют определение понятия «обеспечение юридической безопасности», которое выражается в «реализации органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества правовых мер, направленных на противодействие угрозам состояния защищенности личности, общества и государства и удовлетворение их объективно значимых потребностей в обеспечении защищенности и устойчивого развития» [4, с. 65]. На основе приведенных дефиниций и, принимая во внимание различные государственно-правовые факторы, С.С. Кузакбирдиев и Л.М. Мухаматулина также показывают, что обеспечение юридической безопасности осуществляется на ряде взаимосвязанных уровней

в процессе правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности [4, с. 65-71].

Во многих иных трудах вопросы обеспечения юридической безопасности рассматриваются через призму указанных и других правовых, социально-экономических явлений, например, нормотворчества [5, с. 219-221] и правотворчества [6, с. 200-202], правоотношений [7, с. 212-214], правореализации [8, с. 34-38; 9, с. 51-56; 10, с. 215-218], государственно-регистрационной деятельности [11, с. 108-113; 12, с. 225-227], социального контроля и социальной безопасности [13, с. 36-42; 14, с. 46-49], экономической безопасности [15, с. 507-526; 16].

Анализ вышеуказанных положений позволяет установить тесную зависимость юридической безопасности прежде всего от процесса правотворчества. Как уже было отмечено ранее, изъяны в правотворческой деятельности порождают ряд проблем, связанных с безопасностью граждан в правовой сфере в целом. Одной из причин возникновения таких угроз является несовершенство действующего законодательства.

В настоящее время отсутствует единый законодательно закрепленный механизм разработки, принятия, оформления и внедрения нормативных актов. Правотворческая деятельность регулируется не сведенными воедино отдельными правовыми актами, которые нередко имеют различного рода пороки и, вопреки истинному назначению, подрывают правовую систему, оказывая на нее негативное влияние. Принятие федерального закона, регламентирующего правотворческую процедуру, позволило бы обеспечить баланс в системе права. Проект такого закона уже был внесен на рассмотрение в Государственную Думу и принят ею 11 ноября 1996 года в первом чтении. В контексте этого проекта была предпринята попытка дать легальное определение понятию «нормативный правовой акт». Однако, несмотря на наличие в нем такой важной для правовой сферы дефиниции, он содержал ряд спорных положений. Во-первых, нормативно-правовые акты органов местного самоуправления не охватывались данным определением и ошибочно приравнивались к нормативно-правовым актам субъектов РФ. Во-вторых, упор делался на императивные нормы права, в то время как иные нормы права оставались без внимания. Законопроект был отправлен на доработку и 12 мая 2004 года снят с рассмотрения.

Необходимость разграничения нормативных и ненормативных правовых актов подтолкнула Правительство РФ на подготовку нового проекта Федерального закона, содержащего положения, касающиеся нормативно-правовых актов и правотворчества в целом. Однако законопроект вновь вызвал противоречивую реакцию в научных кругах, так как отличался неоднозначностью и неопределенностью назначения. Помимо отсутствия четко сформулированных целей, в нем также оставались пробелы в сфере таких важных понятий, как принятие, издание, форма и вид нормативно-правового акта. Кроме того, в законопроекте не закреплялась норма, которая четко указывала бы на то, какие органы обладают полномочиями вносить изменения в нормативно-правовые акты. Таким образом, основные пробелы в

механизме правотворческой деятельности по-прежнему остались неустраненными. Это лишь основные недостатки законопроекта. На данный момент разработка проекта прекращена, а это означает, что правотворчество сохранило разнящиеся процедуры, определяемые различными, системно не связанными друг с другом правовыми актами. Данное обстоятельство, несомненно, сказываются на юридической безопасности субъектов права, т.к. результаты правотворческого процесса – нормативные правовые акты – оказывают непосредственное влияние на механизмы правореализации невластных лиц, а также правоприменительной деятельности публичной власти.

Факторами риска в условиях отсутствия единого руководства по разработке, принятию, изданию, применению нормативно-правовых актов также выступают нестабильность законодательства, низкий уровень профессионализма и компетентности правотворческих субъектов, юридические коллизии, пробелы в праве, несоответствие нормативных и индивидуальных предписаний праву. В свою очередь эти факторы провоцируют такие негативные последствия, как общее падение уровня правовой культуры, правосознания граждан, авторитета власти и способствуют росту авторитета криминальных структур [17, с. 14]. Рассмотрим эти факторы риска более детально.

Качественная характеристика законодательства во многом страдает из-за недостаточного вовлечения экспертов в лице ученых-юристов и юристов-практиков в процесс подготовки и обсуждения законопроектов. На заседаниях правотворческих, законотворческих органов принимают участие лица, например, депутаты, многие из которых не разбираются в юридической технике в той мере, чтобы качество принимаемых нормативных актов не пострадало в результате их деятельности. В случаях же, когда к обсуждению привлекаются квалифицированные специалисты, нужно брать во внимание тот факт, что это происходит с подачи все тех же должностных лиц, поэтому зачастую приглашенные эксперты оказываются не сведущи в проблематике вопроса, который выдвигается на рассмотрение.

Другая проблема правотворчества заключается в наличии различного рода юридических коллизий. Нормативно-правовые акты субъектов РФ порой не только дублируют нормы, которые уже получили закрепление в нормативно-правовых актах Федеральных законов, но и противоречат им. Так, например, решением Тюменского областного суда от 20 февраля 1998 г. № 3-6 [18] был признан недействительным Закон Тюменской области от 25 ноября 1997 г. № 126 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта на территории Тюменской области» [19] в виду противоречия положениям Федерального закона РФ от 22 ноября 1995 г. «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» [20]. Дублирование и несоответствие предписаний нормативно-правовых актов субъектов РФ федеральному законодательству ставит под угрозу юридическую безопасность участников правовых

отношений, так как реализация и применение содержащихся в них норм права влечет за собой их неправомерное поведение.

Еще одной проблемой правотворчества является огромный массив законопроектов, который вносится на рассмотрение в законодательные органы, например, в Государственную Думу. В контексте этой проблемы можно также говорить о компетентности субъектов, обладающих правотворческой инициативой. Согласно статистике, ежегодно в Государственную Думу вносится около 900 законопроектов. Из них 15-20 процентов возвращаются обратно субъектом законодательной инициативы по причине нарушения регламента. Лишь 60 процентов законодательных инициатив, принятых палатой к рассмотрению, доходит к первому чтению. Примерная программа законопроектных работ выполняется менее чем наполовину [21, с. 499].

Инициированные Президентом РФ и Правительством РФ проекты законов, как правило, рассматриваются без особых задержек. Гораздо более серьезные проблемы в длительности рассмотрения существуют у инициатив, исходящих от иных властных структур. Однако наиболее важными являются инициативы граждан РФ, на основе потребностей которых и должно выстраиваться законодательство [22, с. 68]. Тем не менее они не в достаточной степени поощряются государством. Возможность граждан проявлять законодательную инициативу предусмотрена лишь на уровне субъектов РФ.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что обозначенные проблемы правотворчества подрывают механизм обеспечения юридической безопасности еще на этапе принятия нормативно-правового акта. Во избежание деструктивных правовых последствий необходимо выработать верный подход к правотворческой деятельности на всех уровнях ее осуществления. Совершенствование процесса правотворчества позволит обеспечить гарантированность правового состояния субъектов общественных отношений, стабильность их положения. Представляется возможным внедрение следующих способов совершенствования правотворческой деятельности:

– принятие Федерального закона, регламентирующего правотворческую деятельность, и придающего требуемого единообразия на всех уровнях ее осуществления;

– обеспечение строгого контроля и надзора за осуществлением правотворческой деятельности в пределах своей компетенции каждым ее субъектом в целях недопущения неправомочного принятия нормативных правовых актов;

– установление ответственности правотворческого (законодательного) органа за нарушение права правотворческой (законодательной) инициативы ее субъекта;

– повышение уровня правотворческой компетентности и профессиональных навыков лиц, обладающих законодательной, правотворческой инициативой, и занимающихся правотворческой деятельностью;

– привлечение к подготовке, обсуждению и доработке законопроектов ученых-юристов и юристов-практиков, которые занимались бы консультацией депутатов и должностных лиц правотворческих органов, осуществлением разъяснения законодательства, подготовкой материалов нормативно-правовых актов, их оценкой с точки зрения соответствия праву;

– поощрение вовлеченности граждан РФ в процесс правотворчества через общественные палаты.

Список литературы:

1. Стахов А.И. Административно-публичное обеспечение безопасности // Административное право и процесс. 2006. № 4. С. 28-30.

2. Фомин А.А. Юридическая безопасность и правовая защищенность: соотношение и взаимосвязь // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 101-107.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

4. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

5. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

6. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

7. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского

института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

8. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

9. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

10. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

11. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

12. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

13. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

14. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

15. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

16. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

17. Дрейшев Б.В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Правоведение. 1998. № 2. С. 11-19.

18. Решение Тюменского областного суда от 20 февраля 1998 г. № 3-6 /2013 [Электронный ресурс] // URL:https://zakon-region3.ru/5/108555/ (дата обращения: 12.12.2020).

19. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта на территории Тюменской области: Закон Тюменской области от 25 ноября 1997 г. № 126 // Вестник Тюменской областной Думы. 1997. № 10. (Утратил силу).

20. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ: ред. от 22 декабря 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553; Российская газета. 2020. 28 декабря.

21. Юридическая техника: учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.

22. Борисов А.С., Меркулов П.А. Некоторые проблемы современного правотворчества в России // Социум и власть. 2015. № 3 (53). С. 65-70.

М. Ю. Кременец
студентка Тюменского государственного университета[20]

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния правового сознания на правотворчество, правореализацию и правоприменение, а через них на обеспечение юридической безопасности личности, общества и государства. В ней такие формы деформации правосознания, как правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм, правовой дилетантизм представлены в качестве факторов, влияющих на эффективность деятельности по обеспечению юридической безопасности.

Ключевые слова: деформация правосознания, обеспечение юридической безопасности, правовая безопасность, правосознание, юридическая безопасность.

Очевидно, что право и соответствующее ему правосознание выступают гарантом юридической безопасности жизнедеятельности общества и его членов. Также известно, что право как институт социальной регуляции

[20] Научный руководитель: Кузакбирдиев С.С., канд. юрид. наук, доцент Тюменского государственного университета

воздействует на все формы общественного сознания. Однако именно посредством правового сознания, под которым понимается совокупность правовых идей, знаний, концепций, взглядов, представлений, убеждений, чувств, эмоций, оценок, установок, выражающих отношение людей к праву, в том числе к действующему и желаемому, а также иным правовым явлениям общественной жизни [1, с. 28], формируются определенные внутренние императивы индивидуального или коллективного поведения.

Иными словами, нормы права, способствуя формированию положительных ценностно-правовых установок, находят свое отражение в правомерных действиях и поступках конкретных людей или их объединений. Так формируется сознательное законопослушание. Оно, в свою очередь, обеспечивает соблюдение и исполнение правовых предписаний, закрепленных в законах и подзаконных нормативных правовых актах, нормативных и ненормативных договорах, правоприменительных актах.

Между тем, в обществе проявляются тенденции распространения нигилистических настроений и различных форм искажения позитивных правовых идей. В связи с этим нам предстоит определить роль различных форм деформации правосознания как факторов, влияющих на качество правореализации, а также ответить на главный вопрос: какова роль правосознания в процессе обеспечения юридической безопасности личности?

Для этого вначале обратим внимание на понятия юридической безопасности и обеспечения юридической безопасности. По мнению Т.Б. Тюриной, правовая безопасность личности есть «состояние защищенности жизненно важных интересов личности от внешних и внутренних угроз в сфере правовых отношений» [2, с. 14]. Как полагают С.С. Кузакбирдиев, Л.М. Мухаматулина, обеспечение юридической безопасности – это реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества правовых мер, направленных на противодействие угрозам состояния защищенности личности, общества и государства и удовлетворение их объективно значимых потребностей в обеспечении защищенности и устойчивого развития [3, с. 65].

Вполне очевидно, что такое состояние защищенности обеспечивается посредством нормативного регулирования различных сфер общества. Это значит, что при осуществлении деятельности по обеспечению, к примеру, экологической или информационной безопасности субъекты, в первую очередь, будут руководствоваться соответствующими правовыми нормами.

Термин «обеспечение юридической безопасности» шире по смыслу и подразумевает как саму юридическую безопасность и правовые средства противодействия угрозам, так и деятельность правотворческих субъектов, субъектов реализации и применения права.

Таким образом, понятие «обеспечение юридической безопасности» можно рассматривать в двух аспектах. Первый – это процесс ее обеспечения, определенная волевая деятельность субъектов правоотношений, а также правотворческих органов. Второй аспект – это само состояние защищенности,

отсутствие угрозы для личности, ее прав, свобод и законных интересов, а также общества и государства.

Изложенное показывает, что юридическая безопасность обеспечивается законной деятельностью и осознанным поведением различных субъектов права. Это обусловило активизацию в последнее время публикаций, в которых освещается влияние правотворчества [4, с. 219-221; 5, с. 200-202], правовых отношений [6, с. 212-214], реализации и применения права [7, с. 34-38; 8, с. 51-56; 9, с. 215-218], отдельных видов государственной деятельности по оказанию услуг [10, с. 108-113; 11, с. 225-227] на юридическую безопасность. Более того, в ряде научных работ обеспечение правовой безопасности рассматривают через призму осуществления социально-экономического контроля и воздействия [12, с. 36-42; 13, с. 46-49; 14, с. 507-526; 15]. Безусловно, все субъекты указанных видов правовой деятельности являются носителями правового сознания и участвуют во всех связанных с ними отношениях осознанно.

В своей работе о роли правосознания Ж.Д. Антонова неслучайно отмечает, что «правосознание в целом способствует консолидации общества, укреплению законности и правопорядка» [16, с. 3]. В этой связи можно сказать, что правосознание человека схоже с понятием совести и как внутренний регулятор деятельности индивида является первоначальным средством защиты прав и свобод граждан. Здесь уместно привести позицию известного ученого-правоведа Н.И. Матузова, который определяет понятие совести как «способности человека к самооценке и самоконтролю, к суду над самим собой» [17, с. 216]. Но ведь и посредством правосознания индивид определяет границы собственного допустимого поведения, приемлемость того или иного своего поступка. Правильно сформированное правосознание отражает позитивные установки права и ограждает своего носителя от противоправных действий и посягательств на чужие права, способствует формированию его активной гражданской позиции и уважения к правам и свободам других лиц, способствует избранию правомерных средств защиты своих прав.

Если субъект воспринимает требования правовых норм как обременительные и проявляет свое безразличие к ним, то здесь велик риск игнорирования и юридических обязанностей, что неизбежно влечет за собой нарушение прав других лиц. Это один из тех случаев, когда возникает реальная угроза юридической безопасности участников правоотношений.

Принимая во внимание обозначенные обстоятельства обратим внимание на деформацию правового сознания, под которой понимается искажение правовых идей, взглядов, убеждений, чувств, установок, влекущее отрицательные последствия в сфере права [18, с. 74; 19, с. 79], а также на такие ее формы, как правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм, правовой дилетантизм и охарактеризуем их как реальные факторы, влияющие на эффективность деятельности по обеспечению юридической безопасности современного общества.

Правовой нигилизм – это отрицание либо преуменьшение роли права в регулировании общественных отношений, неуважение к праву, сознательное отступление от требований закона. Нельзя не согласиться с мнением А.В. Малько, К.В. Шундикова о том, что «базовая цель правового воздействия – содействие наиболее оптимальному, беспрепятственному и справедливому удовлетворению интересов субъектов права» [20, с. 95]. Действительно, для эффективной защиты прав и свобод граждан нормы права должны соответствовать реальности и быть объективно востребованными. От качества и целесообразности принимаемых законов напрямую зависит, будут ли они восприняты обществом, найдут ли отражение в ценностных ориентирах людей или заронят в их сердца зерно нигилизма или спровоцируют развитие других форм деформации. Правотворчество и правоприменение, соответствующие должному качеству, повышают силу правовых норм в обеспечении юридической безопасности личности.

Правовой идеализм представляет собой переоценку возможностей права в регулировании общественных отношений и в решении проблем из различных сфер общественной жизни. Потакание данной форме деформации правосознания сконцентрирует внимание правоприменителей на требованиях неэффективных и по-настоящему обременительных предписаний, не соответствующих, а порой и противоречащих самим целям права, отвлекут от значимых аспектов правоотношений.

В профессиональной юридической сфере, к сожалению, встречается и правовой дилетантизм, характеризующийся небрежным обращением с правовыми нормами и юридическими оценками ситуаций Он представляет реальную опасность для граждан, так как от решений и действий должностных лиц правоохранительных органов и адвокатов, подверженных правовому дилетантизму, зависят их судьбы. К примеру, вольное обращение с уголовным законом и произвольное толкование его норм может посягать на принцип презумпции невиновности и непосредственно повлечь нарушение прав и законных интересов обвиняемого.

Правовой инфантилизм характеризуется несформированностью должного уровня правовых знаний, наличием большого количества пробелов в правовых представлениях. Данная форма деформации правосознания угрожает тем, что человек, переоценив свои способности в правовой сфере, вступая в различные правоотношения, подвергает себя опасности, так как он реально не в состоянии должным образом отстоять свои интересы и защитить свои права в рамках закона. Еще страшнее, когда лицо, ложно относящее себя к профессиональным юристам, в действительности не обладает необходимыми юридическими навыками и компетенциями, однако с полной уверенностью берется за осуществление правовой деятельности. Заблуждаясь в вопросах права сам, вводит в заблуждение обращающихся к нему людей. В результате получения недостоверной информации права и свободы этих граждан ставятся под угрозу.

Эти и подобные явления подрывают основы юридической безопасности общества, так как ее обеспечение неразрывно связано с мерами,

направленными на повышение уровня правового сознания граждан и недопущение или хотя бы минимизацию деформации правосознания в обществе.

Сложно переоценить роль положительного правосознания в обеспечении юридической безопасности личности. Оно способствует соблюдению режима законности и установлению позитивных ценностных ориентиров, соответствующих действующему праву. Благодаря ему у гражданина формируется уважение к чужим правам и свободам и предопределяется выбор законных средств защиты нарушенного права. Можно сказать, что общественно-полезная деятельность осуществляется личностью автоматически. Просвещенность в правовых вопросах помогает гражданину защитить свои права и свободы в рамках закона.

Правильно сформированное правосознание правоприменительных органов непосредственно отражается на качестве их профессиональной деятельности и способствует соблюдению принципов справедливости и законности при принятии ими решений, а правотворческих субъектов – на действенности и востребованности правовых актов. В данном случае граждане убеждаются в необходимости соблюдения и исполнения требований правовых норм. Справедливо утверждение Е.П. Шикина о том, что «правоприменяющие субъекты – это прежде всего люди… Именно человек со всеми присущими ему склонностями и привычками, особенностями характера и воли, знаниями, чувствами, опытом и т. д. и т. п. в конечном счете обеспечивает эффективное применение права» [21, с. 12].

Таким образом, процесс реализации гражданином своего права и результат защиты нарушенного права, следование правовым предписаниям, а также характер отношения к правам других граждан в значительной мере зависят от степени сформированности его правового сознания.

В заключение следует отметить, что любая деформация правосознания представляет собой искажение позитивных установок права, при котором поведение субъектов правоотношений не способствует достижению целей права и негативно влияет на процессы правотворчества, правореализации, а значит и на саму деятельность по обеспечению юридической безопасности.

В целях должного обеспечения юридической безопасности общества представляется необходимым:

1) целенаправленное формирование правового сознания граждан, используя все возможности института правового воспитания;

2) разработка и принятие правотворческими органами законов, учитывающих предложения и мнения институтов гражданского общества, так как только такие нормативные акты могут быть одобрены и поддержаны обществом, соблюдаться и исполняться гражданами;

3) обеспечение должного контроля и надзора за соблюдением и исполнением законов всеми их адресатами: органами государственной власти и местного самоуправления, их должностными лицами и служащими, организациями, учреждениями, предприятиями и гражданами.

Список литературы:

1. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Теория государства и права: терминологический словарь. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2013. 42 с.

2. Тюрина Т.Б. Правовая безопасность личности в современном российском государстве: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.

3. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

4. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

5. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

6. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

7. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

8. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

9. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II

Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

10. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

11. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

12. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

13. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

14. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

15. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

16. Антонова Ж.Д. Правовое сознание в механизме защиты прав и свобод граждан: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2015. 24 с.

17. Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Матузов Н.И, Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2003. 512 с.

18. Теория государства и права: учебное наглядное пособие / Числов А.И., Кораблев В.Г., Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 222 с.

19. Теория государства и права: учебное наглядное пособие. 2-е изд., доп. / Числов А.И., Кораблев В.Г., Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. 233 с.

20. Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.

21. Шикин Е.П. Основные условия эффективного применения права [Текст]: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.

Р. С. Кузакбирдиев
студент Санкт-Петербургского филиала
ФГАОУ ВО «НИУ «Высшая школа экономики»[21]

ПОЗИТИВНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа различных публикаций, посвященных обеспечению юридической, социальной, экономической безопасности обоснована возможность и необходимость рассмотрения позитивной дискриминации в контексте обеспечения юридической безопасности. В ней автор, опираясь на труды российских и американских ученых, посвященных позитивной дискриминации, а также нормативные правовые акты, содержащие элементы позитивной дискриминации, показал, что представляет собой указанный институт, причины, вызывающие его использование, российский и американский опыты его применения.

Ключевые слова: обеспечение юридической безопасности, позитивная дискриминация, социальное неравенство, экономическое неравенство, юридическая безопасность, юридическое неравенство.

Юридической безопасности и ее обеспечению в последние годы посвящено множество публикаций. В некоторых из них характеризуются сами отправные для данной проблематики понятия «юридическая безопасность» [1, с. 65; 2, с. 7-9; 3, с. 19-20] и «обеспечение юридической безопасности» [1, с. 65; 2, с. 9], наряду с этим, принимая во внимание особенности государственного устройства России, организацию публичной власти в некоторых из них, выделяются и характеризуются различные взаимосвязанные между собой федеральный, региональный, муниципальный, локальный, семейный и личностный уровни обеспечения правовой безопасности [1, с. 65-71]. В ряде работ обеспечение юридической безопасности связывается с нормотворчеством, осуществляемым компетентными субъектами [4, с. 219-221], правотворческой деятельностью уполномоченных субъектов [5, с. 200-202], правовыми отношениями, возникающими на основе норм различных отраслей, в т.ч. гражданского права

[21] Научный руководитель: Старцева О.Н., старший преподаватель Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВО «НИУ «Высшая школа экономики»

[6, с. 212-214], реализацией предписаний норм права, правореализующей деятельностью [7, с. 34-38; 8, с. 51-56; 9, с. 215-218], государственной регистрацией правовых актов, лиц, состояний, прав, транспортных и прочих средств, а также веществ [10, с. 108-113; 11, с. 225-227].

Следует отметить, что наряду с юридической безопасностью общества во многих публикациях характеризуются проблемы обеспечения социальной безопасности [12, с. 36-42; 13, с. 46-49], а также экономической [14, с. 507-526; 15] и других видов безопасности общества.

Связывая позитивную дискриминацию с обеспечением юридической безопасности, прежде всего обратим внимание на то, что по мере развития государства и его институтов социальной политики перед обществом со временем встает существенный вопрос о принципах организации распределения государством социальных и экономических благ между разными группами населения. Однако вне зависимости от прилагаемых государством усилий в обществе по тем или иным признакам всегда можно выделить группы, которые находятся в менее благоприятном положении по сравнению с другими слоями населения.

В связи с таким социальным неравенством со второй половины двадцатого века в ряде стран начинает развиваться концепция «позитивной дискриминации», подразумевающая использование как частными субъектами, так и публичными образованиями мер, которые предоставляют привилегии и преимущества в форме льгот, квот или других преференций представителям менее благополучных групп населения, как правило, ранее подвергнутых дискриминации [16, с. 31]. В большинстве случаев отличительными признаками таких групп является раса, этничность, пол или сексуальная ориентация.

Политика позитивной дискриминации основывается на идее «исправления» исторических несправедливостей, вследствие которых данные группы оказались в менее привилегированном положении в обществе [17]. За основу определения привилегированности данных групп зачастую берут экономический достаток или политическое влияние (репрезентативность в органах государственной власти).

Из-за исторической обоснованности использования позитивной дискриминации данная политика нашла наибольшее применение в тех странах, в которых в прошлом была распространена дискриминация по одному из приведенных ранее признаков. В связи с этим Российской Федерации политика позитивной дискриминации применяется редко. В качестве примера использования элементов данного института можно привести предусмотренные образовательным законодательством квоты при зачислении в высшие учебные заведения для инвалидов [18], предусмотренные федеральным и региональным законодательством квоты для приема на работу инвалидов [19; 20], а также предусмотренные законодательными актами субъектов РФ квоты для приема на работу иных категорий лиц [21]. Однако следует подчеркнуть, что в контексте дискуссии позитивной дискриминации чаще всего речь идет именно о таких ранее

упомянутых определяющих признаках, как раса, пол и этничность. В то же время, например, США являются одним из центров реализации данной политики ввиду истории расового неравенства [16, с. 32]. В связи с этим далее в данной статье характеризуется опыт применения политики позитивной дискриминации именно в США.

При знакомстве с такой краткой характеристикой позитивной дискриминации может сложиться впечатление, что она является естественным результатом развития социальной политики того или иного государства, которое борется с социально-экономическими последствиями очевидно несправедливой с точки зрения современной этики существовавшей в прошлом дискриминации, в то время как сами позитивные действия дискриминационного характера – это необходимые меры для того, чтобы вернуть подвергнутые дискриминации группы в равное положение с привилегированными слоями населения, которые не были подвергнуты дискриминации.

Однако данная точка зрения во многом является ошибочной. Проблема позитивной дискриминации заключается в том, что она строится на фундаментальном заблуждении о природе равенства. Необходимо проводить различие между такими категориями как равенство возможностей и равенство результатов.

Первое является идеалом правового демократического государства, одним из всеобще декларируемых прав человека, под которым следует понимать формальную возможность человека добиться определенных результатов вне зависимости от его принадлежности к тем или иным группам. Иными словами, государство, гарантирующее равенство возможностей – это государство свободное от дискриминации.

Второе, в свою очередь, является утопической идеей о возможности построения государства, в котором любой человек вне зависимости от каких-либо факторов или групповых признаков будет иметь как результат равный материальный достаток и репрезентативность.

Данный тезис поддерживает известный американский исследователь позитивной дискриминации Т. Соуэлл. В частности, он указывает на то, что существующее на протяжении всей человеческой истории экономическое неравенство между различными группами внутри общества невозможно побороть посредством введения «временных» программ позитивной дискриминации, стремящихся побороть неравенство результатов [22, p. 6].

Т. Соуэлл аналогичным образом критикует и идею равной репрезентации этнических и расовых групп в различных государственных институтах, основываясь на исторической беспрецедентности такой репрезентативности, в основе которой, в первую очередь, лежат исторические, культурные, демографические, географические и иные особенности этнических групп, под воздействием которых у членов таких групп формируется определенный набор навыков, обычаев и убеждений, которые в своей совокупности образуют предпочтения в выборе сферы профессиональной деятельности [22, p. 7]. Введение квот или иных

преференций попросту игнорирует все приведенные индивидуальные особенности, в очередной раз пытаясь привести к равенству результатов.

Позитивная дискриминация как инструмент борьбы с социальным неравенством стремится именно к равенству результатов, что приводит не к созданию равных возможностей для всех слоев населения, а к выдаче дополнительных привилегий отдельным группам, что только порождает последующую дискриминацию, с которым государство и намеревалось бороться.

Примером тому может послужить то, каким образом учитывается раса абитуриентов при поступлении в университеты США. Решение Верховного Суда США по делу Regents of University of California v. Bakke (1978), в котором Суд постановил, что раса абитуриента может учитываться в совокупности с другими факторами, оцениваемыми при зачислении (одновременно, однако, признав ввод твердых расовых квот противоречащим Конституции США), легло в основу последующих программ позитивной дискриминации по расовому признаку при поступлении в американские университеты [17]. Данное решение во многом исходило из необходимости использования позитивной дискриминации в целях более широкой интеграции расовых меньшинств в академическую сферу, к участию в которой они ранее не имели реального доступа вследствие дискриминации.

Действительно, в контексте того, что расовые меньшинства в США долгое время не имели возможности получить высшее образование ввиду как прямого дискриминационного отсутствия такой возможности, так и из-за уровня их среднего экономического достатка, который был слишком низок и недостаточен для получения хорошего среднего образования. Из-за чего при поступлении они просто не могли полноценно конкурировать с абитуриентами «белого» происхождения. Поэтому использование мер позитивной дискриминации при поступлении в университеты гипотетически могло помочь представителям расовых меньшинств получить доступ к образованию и в последующем позитивно сказаться на общем уровне их благосостояния.

Однако это привело к тому, что академическая успеваемость стала иметь все меньшее значение, нежели расовая принадлежность при поступлении в престижные университеты.

Всё это вылилось в находящееся на данный момент в судебном рассмотрении дело Students for Fair Admissions v. Harvard, в ходе которого выяснилось, что при абсолютно равных определенных академических показателях абитуриент азиатского происхождения имеет шанс на зачисление в Гарвардский университет – 25 %, абитуриент «белой» расы – 36 %, абитуриент-латиноамериканец – 77 %, а абитуриент-афроамериканец – 95 % [23, p. 7].

Как итог, был принципиально искажен весь смысл процедуры отбора абитуриентов при зачислении. А представители расовых меньшинств, имевшие низкий уровень дохода и образования, так и остались в таком положении, потому что предусмотренные меры позитивной дискриминации

преимущественно используются представителями расовых меньшинств, экономически относящимися к среднему классу, которые и без этих мер поддержки смогли бы поступить в университеты.

Более того, как только в обществе начинают давать преференции в зависимости от таких признаков, как раса или этничность, многим становится выгодно ассоциировать себя именно с теми группами, которые получают дополнительные привилегии [22, p. 8]. Как следствие, лица смешанного происхождения относят себя к представителям той расы или этничности, принадлежность к которой приносит им наибольшую выгоду, что только ещё сильнее размывает адресность поддержки, декларируемой политикой позитивной дискриминации.

В завершение следует отметить, что позитивная дискриминация по своей природе часто вызывает юридическое неравенство субъектов, усугубляет реализацию социальной политики государства, оказывается неэффективной в достижении социально-ориентированных целей общества. В то же время такие цели могут быть успешно достигнуты путем узкой адресной поддержки уязвимых групп населения в зависимости от их экономического достатка, а не расового или этнического происхождения, посредством предоставления дополнительных социальных гарантий, например, получения качественного бесплатного образования, бесплатного медицинского обслуживания, гарантированного трудоустройства. Представляется, что именно такой подход обеспечивает юридическую безопасность успешного функционирования социально-ориентированного государства и общества.

Список литературы:

1. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

2. Лапаев И.С. Категория «юридическая безопасность» в понятийном аппарате российской и зарубежной правовой науки // Современное право. 2012. № 2. С. 7-10.

3. Лапаев И.С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации (вопросы теории и практики): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 30 с.

4. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

5. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

6. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

7. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

8. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

9. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

10. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

11. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

12. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

13. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]:

материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

14. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

15. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

16. Окулич А.И. Позитивные действия как легитимные средства реализации правового неравенства / А.И. Окулич // Известия высших учебных заведений. Уральский регион: ИзЛиТ. 2016. № 3. С. 31-38.

17. Fullinwider R. Affirmative Action [Эл. ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. By Edward N. Zalta, 2018. URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/affirmative-action/ (дата обращения: 18.12.2020).

18. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ: ред. от 8 декабря 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598; 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8074.

19. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ: ред. от 8 декабря 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563; 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8074.

20. О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области: Закон Тюменской области от 28 декабря 2004 г. № 331: ред. 28 декабря 2020 г. // Вестник Тюменской областной Думы. 2004. № 15. Ч. 1; Тюменская область сегодня. 2020. 30 декабря.

21. О квотировании рабочих мест в Тюменской области: Закон Тюменской области от 31 марта 2000 г. № 168: ред. от 17 декабря 2019 г. // Вестник Тюменской областной Думы. 2000. № 4; Тюменская область сегодня. 2019. 24 декабря.

22. Sowell T. Affirmative Action Around the World. An Empirical Study: Yale University Press. New Haven & London, 2004. 239 p.

23. Arcidiacono P. Expert Report of Peter S. Arcidiacono. Students for Fair Admissions, Inc. v. Harvard No. 14-cv-14176-ADB (D. Mass) [Эл. ресурс]. 168 p. URL: https://samv91khoyt2i553a2t1s05i-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2018/06/Doc-415-1-Arcidiacono-Expert-Report.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

А. С. Ларионов
студент Тюменского государственного университета[22]

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «юридическая безопасность» и «правовая определенность». Автор анализирует основные точки зрения на содержание феномена правовой определенности. Доказывается мысль о взаимосвязи между правовой определенностью и юридической безопасностью, об их отношении как причины и следствия.

Ключевые слова: обеспечение юридической безопасности, правовая определенность, принцип правовой определенности, факторы юридической безопасности, юридическая безопасность.

Внимание юридической науки к феномену правовой определенности с каждым годом становится все более пристальным. Пусть сам этот термин и появился в отечественной юриспруденции в 1995 году [1, с. 51-54; 2], он стал рассматриваться как важный общеправовой принцип лишь на излете 2010-ых. Исследования другого феномена – юридической безопасности, не так широко представлены в научной среде. Тем не менее, и этот термин плотно входит в правовой обиход, в том числе через призму рассмотрения правотворчества [3, с. 200-202], правоотношений [4, с. 212-214], правореализации [5, с. 34-38; 6, с. 51-56; 7, с. 215-218], государственно-регистрационной деятельности [8, с. 108-113; 9, с. 225-227] как средства или условия обеспечения юридической безопасности, а также взаимосвязей социальной, экономической и юридической безопасности [10, с. 36-42; 11, с. 46-49; 12, с. 507-526; 13].

Однако на данный момент феномены «правовая определенность» и «юридическая безопасность» существуют автономно, как бы «в вакууме» друг относительно друга. Такая позиция видится неверной и разрушительной, поскольку в содержании обоих названных явлений усматриваются общие черты, взаимосвязи и взаимозависимости. Именно поиску и исследованию таких взаимосвязей и взаимозависимостей посвящена настоящая работа.

При изучении юридической безопасности привычно пользоваться понятием С.С. Кузакбирдиева и Л.М. Мухматулиной, которые определяли её как состояние юридической защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [14, с. 65]. Под обеспечением юридической безопасности указанные правоведы понимают реализацию мер, направленных, главным образом, на противодействие угрозам состояния защищенности личности, общества, государства и удовлетворение их потребностей в обеспечении защищенности и устойчивого развития [14, с. 65].

[22] Научный руководитель: Кузакбирдиев С.С., канд. юрид. наук, доцент Тюменского государственного университета

Так, юридическая безопасность выходит за рамки формально-юридической категории и становится особым явлением – состоянием защищенности, отсутствия угроз. При этом такая защищенность обусловлена юридически: как посредством соответствующих правовых предписаний (например, составляющих Федеральный закон «О безопасности» [15]), так и через соблюдение, уважение прав, свобод и законных интересов всех субъектов права, которое ситуативно проявляется в процессе реализации ими своих прав и исполнения обязанностей. В этом смысле можно говорить о юридической безопасности именно как о правовом феномене, явлении, которое проистекает не только из позитивных законодательных предписаний, но и из абстрактного права, его принципов, этики и философии.

В частности, юридическая безопасность проявляется на локальном уровне через соблюдение компетенции локального правотворца [16, с. 220]. С одной стороны, большое значение здесь имеют позитивные нормы права, определяющие такую компетенцию и наделяющие органы управления организаций полномочиями по правовому регулированию отдельных вопросов. С другой стороны, важно и поведение органа управления. В пределах предоставленных ему полномочий он может установить несправедливые, дискриминирующие, неустойчивые или ситуативные правила, которые будут посягать на состояние защищенности физических лиц-работников организации или юридических лиц-партнеров, контрагентов. Что более важно – даже при надлежащем локальном регулировании названные субъекты всё ещё могут ставить друг друга в состояние, угрожающей их безопасности своим фактическим поведением, поскольку, как отмечалось ранее, юридическая безопасность должна присутствовать как в процессе реализации субъективных прав, так и исполнения юридических обязанностей. В связи с этим юридическая безопасность как правой феномен выходит за пределы текста правовой нормы и нормативного регулирования и становится сложным явлением общественной жизни.

В некотором роде то же верно и для правовой определенности. В частности, И.В. Рехтина указывает, что правовая определенность – своеобразный правовой феномен, разные проявления которого имеют специфические характеристики и наполняются разным содержанием в зависимости от ситуации [1, с. 52]. Действительно, проявления правовой определенности можно увидеть в неожиданных ситуациях. Например, Арбитражный суд Московского округа, толкуя положения п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации указал, что именно здесь закреплен принцип правовой определенности [17]. Тем временем, формулировка названного законоположения: «Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» [18, ст. 1] не содержит прямого указания на феномен правовой определенности. Так,

правовая определенность действительно проявляется по-разному в зависимости от ситуации, она как бы проступает сквозь ткань законодательного текста и является универсальным правовым феноменом.

Рассмотрим, какие именно элементы и принципы входят в столь универсальную правовую определенность.

Чаще всего в содержание правовой определенности ученые (например, И.С. Дикарев) включают процессуальные аспекты, связанные с судебными решениями. Так, в первую очередь непосредственное отношение к правовой определенности, по их мнению, имеет принцип res judicata – концепция об окончательности и высшей силе судебного постановления, принятого по конкретному делу [19, с. 34]. Однако в практике Европейского суда по правам человека два этих принципа разводят: по мнению суда, правовая определенность, в отличие от res judicata, это требование, предъявляемое не к судебному решению, а законодательству, которое применяется при отправлении правосудия [20, с. 84]. Поэтому однозначно говорить о принципе res judicata как об элементе правовой определенности не приходится.

Другая точка зрения (Н.В. Бортникова, Е.А. Дербышева) состоит в том, что правовая определенность включает требование о ясности, точности, недвусмысленности и непротиворечии как судебных решений, так и применяемого в них законодательства [21; 22, с. 10]. То есть и сами нормы права, и принятые на их основе индивидуально-правовые акты должны соответствовать технико-юридическим правилам, в итоге они не должны допускать двойного толкования.

Примечательно, что в российской правовой традиции сами эти требования (о ясности, точности и недвусмысленности) законодатель относит не к процессу правотворчества, а к процессу толкования права. Так, в Законе Тюменской области «О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области» указания на достижение определенности закона содержатся только в статье 39, которая посвящена толкованию норм права [23, ст. 39]. То есть законодатель рассматривает определенность не как неотъемлемое свойство закона, а как результат толкования в случае противоречия судебной практики. Этот факт показывает, насколько идеи правовой определенности новы для российского законодателя, в особенности регионального.

Однако у данного подхода есть и критики. В частности, М.В. Сидоренко отмечает, что при наполнении термина «правовая определенность» содержанием он чаще всего сводится к формальной определенности закона, то есть делает понятия «закон» и «право» одинаковыми по объему, что недопустимо [24, с. 34]. Действительно, споры вокруг содержания правовой определенности порождают занятный юридический парадокс: правовая определенность сама по себе не является определенной!

Критикуемого М.В. Сидоренко подхода придерживался отечественный законодатель при разработке и принятии Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Здесь требование о правовой определенности буквально сформулировано в статье 7, где также

перечислены названные ранее требования к законодательству: ясность, логичность, понятность, сообразность целям регулирования [25, ст. 7]. Получается, что в данном случае явление правовой определенности становится законодательным предписанием, а определенность сама по себе становится формальной, то есть касается только текста законодательного акта. Так, требование о ясности, точности и недвусмысленности правовых предписаний также нельзя однозначно назвать основным содержанием правовой определенности.

Третья точка зрения, которая редко встречается в науке, но логически вытекает из предыдущих двух и критики к ним, включает в правовую определенность принцип уважения законных ожиданий граждан. Этот принцип означает, что государство, устанавливая регулирование и применяя право, должно действовать в строгом соответствии с самим же им установленными правовыми нормами, исключать множественное толкование и произвол в отношении субъектов права. В этом случае правовая определенность – это требование, обращенное в первую очередь к государству и ограничивающее его усмотрение в принятии решений.

Рассмотрев основные точки зрения относительно правовой определенности, можно утверждать, что требование о правовой определенности является публично-правовым и касается именно публичных отношений. Это требование, всегда обращенное именно к государству и его взаимоотношениям с остальными субъектами права (гражданами, организациями) и включающее точность, ясность, недвусмысленность и однозначность правового регулирования, норм права, правоприменительных актов, а также, что более важно, самих действий и решений государства, опосредуемых в актах правотворчества и правоприменения.

Переходя к характеристике взаимодействия и взаимовлияния правовой определенности и юридической безопасности, необходимо отметить, что по мнению М.В. Сидоренко, назначение правовой определенности – это безопасность [24, с. 34]. Неслучайно, что в праве Франции и Германии правовая определенность имеет непосредственное отношение к так называемому «праву безопасности» [24, с. 34].

Действительно, если достижение правовой определенности приводит к однозначности регулирования и судебных актов, к предсказуемому поведению государства в рамках им же установленного правового поля, эти же маркеры свидетельствуют о нахождении граждан и организаций в состоянии защищенности. И это состояние защищенности имеет прямое отношение к юридической безопасности, поскольку она обеспечена именно правовыми средствами и в сфере права. Таким образом, правовая определенность в широком её понимании служит достижению юридической безопасности. То есть правовая определенность и юридическая безопасность соотносятся как причина и следствие.

Что касается соотношения двух этих явлений, очевидно, что правовая определенность уже юридической безопасности. Как уже отмечалось ранее, юридическая безопасность – это состояние защищенности не только граждан

и организаций, но и государства, его органов. В то же время правовая определенность лишь косвенно помогает государству достичь состояния его собственной защищенности, основное внимание концентрируя на защите иных субъектов права от государства. В этой связи правовую определенность можно рассматривать как частный элемент юридической безопасности, охватывающий лишь часть этого сложного правового явления.

Таким образом, юридическую безопасность и правовую определенность действительно нельзя рассматривать автономно и изолированно друг от друга. Оба этих феномена тесно связаны и находятся в единой взаимосвязи причины и следствия. В этой связи достижение правовой определенности в широком смысле – не только в части текста законодательного предписания, но и в части уважения законных ожиданий граждан, – является одним из факторов юридической безопасности, способом её обеспечения. Однако чтобы эта взаимосвязь действительно сработала, необходимо переосмыслить содержание правовой определенности не только лишь как требования к тексту нормы права, но и как к поведению государства в целом.

Список литературы:

1. Рехтина И.В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2019. № 7. С. 51-54.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.12.2020 года).

3. Бакланов А.Ю. К вопросу о совершенствовании правотворческой деятельности субъектов РФ как средства повышения уровня юридической безопасности российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 200-202.

4. Кузакбирдиев Р.С. Гражданские правоотношения в обеспечении юридической безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 212-214.

5. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.

6. Кузакбирдиев С.С. Правореализующая деятельность органов внутренних дел: понятие и формы // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 51-56.

7. Кузакбирдиев С.С. Реализация предписаний норм права как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 215-218.

8. Мухаматулина Л.М. Общая характеристика государственно-регистрационной деятельности // Право и общество. 2016. № 5 (21). С. 108-113.

9. Мухаматулина Л.М. Государственная регистрация как условие обеспечения юридической безопасности общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 225-227.

10. Грошева И.А. Социальный контроль и социальная безопасность // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 36-42.

11. Грошева И.А. Социальная безопасность в обществе риска // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 46-49.

12. Цишковский Е.А., Стрельников К.А. Категория «экономическая безопасность»: семантика и попытка конструирования законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Материалы Международного круглого стола (г. Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 507-526.

13. Стрельников К.А., Кораблев В.Г., Цишковский Е.А. Экономическая безопасность России и ее государственно-правовое обеспечение: Монография. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 138 с.

14. Кузакбирдиев С.С., Мухаматулина Л.М. Проблемы обеспечения юридической безопасности современного российского общества // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы

всероссийского круглого стола с международным участием (16 декабря 2016 года) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2017. С. 64-72.

15. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: ред. от 9 ноября 2020 г. // Российская газета. 2010. 29 декабря; 2020. 12 ноября.

16. Ларионов А.С. Осуществление нормотворчества в пределах компетенции органов управления организаций как необходимое условие обеспечения юридической безопасности на локальном уровне // Социальная безопасность в евразийском пространстве [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 14 декабря 2018 года) / отв. ред. И.А. Грошева. Электрон. дан. Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2019. С. 219-221.

17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 сентября 2019 г. № Ф05-11201/2014 по делу № А41-60101/2013 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.12.2020 года).

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 8 декабря 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8072.

19. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10. С. 33-36.

20. Крыжан В.А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 81-88.

21. Бортникова Н.В. Принцип правовой определенности [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.12.2020 г.).

22. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: автореферат дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 33 с.

23. О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области: Закон Тюменской области от 7 марта 2003 г. № 121: ред. от 2 октября 2020 г. // Вестник Тюменской областной Думы. 2003. № 4; Тюменская область сегодня. 2020. 9 октября.

24. Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: дисс. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. 557 с.

25. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5007.

А. М. Махлай
студентка Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области[23]

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ПЛОД ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрено правовое положение человека, находящегося на стадии внутриутробного развития, а также выделены основания необходимости введения уголовно-правовой охраны жизнеспособного плода от преступных посягательств не только третьих лиц, но и самой беременной женщины. Выведены теоретические и практические проблемы и соответствующие пути решения по данному вопросу, которые позволили прийти к выводу о необходимости защиты человека, находящегося во внутриутробном развитии, на законодательном уровне.

Ключевые слова: плод, уголовная ответственность, жизнь, право, жизнеспособность, убийство.

«В пользу регулирования рождаемости, как правило, выступают те, кто уже родился» – с этим сложно не согласиться, поскольку человек, находящийся в утробе матери, не может никак повлиять и защитить свою собственную жизнь, более того, по действующему российскому законодательству он даже не имеет на неё право.

Решение данной проблемы вытекает из сущности следующих правовых вопросов: причины запрета искусственного прерывания беременности на тринадцатой неделе вынашивания плода; момент возникновения жизнеспособности плода; момент возникновения жизни и права на жизнь (их соотношение); привлечение к уголовной ответственности за посягательство на плод человека; возможность привлечения к ответственности ранее беременной женщины за умерщвление плода на поздних сроках беременности и др., решение которых позволит в полной мере охарактеризовать наличие или отсутствие необходимости введения уголовной ответственности за посягательство на плод человека.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российский Федерации» искусственное прерывание беременности (аборт) возможно до тринадцатой недели беременности (включительно), при условии добровольного письменного согласия женщины. За пределами обозначенного периода это возможно лишь по социальным (до двадцати двух недель) и по медицинским (сроком не ограничено) показателям [9]. Принятие данных временных рамок обусловлено целым рядом причин, которые можно объединить в две основные группы.

Первая группа связана с гуманностью по отношению к самой беременной женщине, поскольку на данных сроках любое вмешательство в

[23] Научный руководитель: Лосев С.Г., канд. юрид. наук, доцент ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

организм вредит не только плоду, но и непосредственно здоровью матери. Исследования показывают, что такая процедура может привести к различным негативным последствиям, начиная от гормонального сбоя и заканчивая бесплодием [1].

Вторая группа причин имеет моральный аспект, так как на тринадцатой неделе беременности плод имеет полноценный внешний вид ребёнка лишь в уменьшенных размерах. На практике встречаются случаи, когда ребёнок при искусственном прерывании беременности на данных сроках, уже мог плакать. Визуально лицо, которое прерывает беременность, убивает внешне сформировавшегося ребёнка.

Исходя из причин запрета искусственного прерывания беременности, вытекает, что плод ещё не является жизнеспособным, но его внешний облик позволяет квалифицировать деяние как посягательство на негодный объект уголовно-правовой охраны, при условии признания наличия права на жизнь.

Современный научно-технический потенциал в области медицины с каждым годом значительно прогрессирует. На данный момент техническое оборудование роддома позволяет спасти плод, достигший веса 500 грамм (примерно двадцать вторая неделя беременности). Всё же большинство специалистов считает, что жизнеспособным плод становится к двадцать четвёртой неделе развития (IV степень недоношенности плода). Это связано с тем, что к данному периоду лёгкие ребёнка уже сформированы, но они не могут самостоятельно функционировать без поддержки матери, либо современных технологий (аппарат искусственной вентиляции лёгких), отсюда соответствующая статистика – 20 процентов детей, которых удалось спасти, но их число сводится к минимуму уже спустя первый месяц жизни, так как органы ребёнка ещё не до конца окрепли и сформировались [3].

Если говорить о III-ей степени недоношенности плода (28-32 неделя беременности), то в данном случае процент выживаемости возрастает до 30 процентов.

Таким образом, на взгляд автора статьи, о жизнеспособности плода можно говорить, начиная с 24-ой недели беременности, так как с этого момента медицинское оборудование позволяет восполнить недостающее организму развитие, несмотря на то, что процент выживаемости не настолько велик, как того хотелось бы.

Для правильной квалификации деяния необходимо выяснить, с какого же момента жизнь и здоровье плода, либо ребёнка становятся объектом уголовно-правовой охраны, и как в уголовном праве определяется момент начала жизни.

Законом данный вопрос никак не урегулирован, но в науке на протяжении многих веков учёные в области философии, медицины, юриспруденции разрабатывали различные теории относительно момента возникновения жизни. Одни считают, что жизнь человека возникает с момента оплодотворения яйцеклетки, то есть объединяют начала возникновения биологической и социальной жизни. Другие настаивают на том, что лишь приобретение жизнеспособности позволяет говорить о наличии жизни. И

таких мнений множество: с момента начала родового акта (А.А. Пионтковский, С.В. Бородин), в зависимости от места нахождения плода (внутри или за пределами утробы матери, либо на периферии) (В.Д. Набоков, И.Я. Фойницкий, С. Бояров), в зависимости от этапа родового акта (Л.Д. Гаухман), с момента начала самостоятельного дыхания ребёнка (М.Д. Шаргодский, Франц фон Лист), отрезания пуповины или начала жизни мозга плода (Р. Шарапов) и другие [4].

Обобщая вышеприведённые позиции, хотелось бы обратить внимание на то, что исследователи момент возникновения жизни и право на жизнь никак не разграничивают (с точки зрения права), а в рамках уголовно-правовой защиты признают живой плод, если хоть какая-то его часть тела появилась из тела матери. Это та позиция, которой придерживаются большинство учёных и в целом правоприменительная практика Российской Федерации.

На взгляд автора статьи, законодатель не учитывает, что жизнеспособность, то есть момент, когда плод готов и может выжить, у ещё не родившегося человека возникает значительно раньше физиологических родов, не считая того, что биологическая жизнь возникает ещё до наступления жизнеспособности. Отсюда вытекает необходимость защиты со стороны государства жизнеспособного плода, который не в силах осуществить это самостоятельно.

Что касается, квалификации преступлений, имеющих отношение к умерщвлению плода, то здесь есть несколько аспектов.

1. В случае насильственного прерывания беременности действия виновного лица рассматриваются как причинение тяжкого вреда здоровью в отношении матери ребёнка (статьи 111 и 118 Уголовного Кодекса Российской Федерации [8] (далее УК РФ)). Уголовная ответственность наступит вне зависимости от того причинён ли фактически вред здоровью женщины. Достаточного того, что данное деяние приведёт к умерщвлению плода. Это связано с тем, что с точки зрения уголовного права плод является негодным объектом посягательства, также как, например, труп. Фактически лишить жизни того, кто ей не обладает, нельзя. Отсюда вытекает возможность квалификации деяния как покушение на убийство. Здесь следует подчеркнуть, что буквальное толкование легитимной дефиниции «убийство – это умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» не даёт точного обозначения, что речь идёт об уже родившемся человеке. С такой позиции плод не будет является негодным объектом.

2. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности. В данном случае решающую роль играет специальный субъект преступления (медицинский работник, не имеющий высшего медицинского образования соответствующего профиля). Если же специалист имеет соответствующие полномочия, но были нарушены требования о получении добровольного согласия беременной, либо сроки для проведения искусственного прерывания беременности, то лицо будет привлечено к административной ответственности по статье 6.32 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3].

3. Совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, является обстоятельством, отягчающим наказание (п «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Уголовным кодексом также предусмотрено ряд квалифицированных составов преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности: убийство (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), похищение человека (п. «е» ч. 2 ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (п. «е» ч. 2 ст. 127 УК РФ), торговля людьми (п. «и» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) и другие. В определённой степени это является косвенной защитой плода, так как ответственность увеличивается за счёт того, что вред наносится не только женщине, но ребёнку [6].

4. Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов (ст. 106 УК РФ). В данном случае субъектом привилегированного преступления выступает беременная женщина, а объектом – жизнь ребёнка. Опять же речь идёт о человеке, который находится на стадии появления на свет, а не о плоде, находящимся в теле матери.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в действующем российском уголовном законодательстве не предусмотрена защита жизнеспособного плода (зародыша) в процессе его внутриутробного развития и на ранних стадиях родового акта (схватки).

Необходимость декриминализации уголовной ответственности за преднамеренное умерщвление плода не только лиц, чьи действия привели к таким последствиям, но и саму женщину (ранее беременную) обусловлено наличием состава преступления в данных деяниях, конечно же, при условии признания за жизнеспособным плодом права на жизнь.

Лицо осознаёт фактическое содержание своих действий и их социальное значение. Оно также не заблуждается и относительно объекта посягательства – общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств на жизнь и здоровье человека. Раскрытие психологического отношение виновного лица говорит о противоправности и общественной опасности деяния [6].

Такого мнения придерживаются и в ряде европейских стран. Так уголовная ответственность за прерывание беременности в отношении беременной предусмотрена в Уголовном Кодексе Швейцарии, Польши, в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк убийством считается причинение смерти ещё не родившемуся ребёнку, как во многих других странах [4].

Подводя итог данной исследовательской работы, автором статьи были выделены следующие правовые проблемы.

1. Отсутствие правового закрепления определения моментов возникновения жизни, права на жизнь у человека, что не позволяет рассматривать плод человека как объект уголовно-правовой охраны.

2. Отсутствие административно-правовой, уголовно-правовой защиты жизнеспособного плода от посягательств не только третьих лиц, чьи действия направлены на умерщвление плода, но и непосредственно самой беременной, которая пытается совершить прерывание беременности на поздних сроках.

3. Признание негодным объектом посягательства – плод человека. Данная проблема не позволяет квалифицировать деяния по ст. 105 УК РФ.

На взгляд автора статьи, для решения данных проблем следует признать целесообразными следующие шаги.

1) Закрепление в Федеральном законе «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» положения:

А) Жизнь человека возникает с момента имплантации эмбриона (на 7-ой день беременности);

Б) Право на жизнь возникает с момента жизнеспособности плода (достижения им веса 500 грамм).

2) Введение административной ответственности за посягательство на плод с 14-ой по 23-ю неделю беременности, так как на данном этапе зародыш уже имеет человеческий внешний вид. Такой вид ответственности за данное деяние необходим, поскольку фактически это убийство человека, но так как он ещё не может существовать самостоятельно, это нельзя признать лишением права на жизнь.

3) Закрепление уголовной ответственности за посягательство на плод с 24-ой недели беременности, либо признание жизнеспособного плода годным объектом, для квалификации деяния по ст. 105 УК РФ.

Примеров случаев, когда беременной женщине на данных сроках отказывают в искусственном прерывании беременности, и она самостоятельно осуществляет умерщвление плода огромное множество. Способы различны: с помощью лекарственных препаратов, ножом, физической силой и другие. Такие действия будут расцениваться как попытка самоубийства, то есть, к ответственности за умерщвление плода она привлекаться не будет. Тем самым убийство сформировавшегося ребёнка, который может существовать и без организма матери, не будет рассматриваться как убийство по действующему законодательству. Поэтому введение уголовной ответственности видится наиболее верным решением данной проблемы.

Стоит отметить, что данные изменения никак бы не ограничивали беременную женщину в праве на совершение аборта, то есть, до 13-ой недели (включительно) она самостоятельно принимает решение относительно беременности, так как плод ещё не вошёл в стадию жизнеспособности.

Видится сомнительным выделение особых сроков искусственного прерывания беременности по социальным показателям (беременность, наступившая в результате совершения преступления [5]), поскольку в Российской Федерации аборт не запрещён, а 13 недель для принятия решения достаточно большой срок, соответственно это не является основанием умерщвлять плод, когда он уже внешне сформирован.

Что касается медицинских показателей, то в данной ситуации нельзя рассматривать умерщвление плода как убийство, при условии, что данная беременность может нанести серьёзный вред матери ребёнка.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу, что государство обязано не только предоставить гарантии права ребенка на рождение, но и обеспечить, руководствуясь действующим в России законодательством,

максимальную административно-правовую и прежде всего, уголовно-правовую защиту его внутриутробной жизни в этот период развития. Такое отношение к плоду исходит из положений Конституции Российской Федерации, провозгласившей: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» (ст. 2), «Каждый имеет право на жизнь» (ст. 20) [2]. Соответственно, необходимо уважительное отношение к ребенку и до его рождения.

Список литературы:

1. Булгакова Т. Устранение зачатия в 13 недель. [Электронный ресурс]. URL: https://kabinetdoktora.com/aborti/na-trinadcatoj-nedele.html (дата обращения: 10.10.2020).
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием от 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. от 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс: [правовой сайт]. URL: https://student1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=19473341960216953057 5440226&cacheid=8BEFFBB897FB4DE4791018A9EF78C2D7&mode=splus&ba se=NBU&n=2875&dst=100067&rnd=DE26E8D9A6E1B246ADEB027663F56D D7#1o55d7zzfxi (дата обращения: 20.10.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : от 30.12.2001 № 195-ФЗ : (в ред. от 22.12.2020). Ст. 32.14. // КонсультантПлюс: [правовой сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.10.2020).
4. Куфлева В.Н. Уголовно-правовая охрана плода человека: Международный и национальный аспекты // Теория и практика общественного развития. 2019. №5 (135). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-ploda-cheloveka-mezhdunarodnyy-i-natsionalnyy-aspekty (дата обращения: 15.10.2020).
5. Постановление Правительства Российской Федерации «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» [Электронный ресурс] : от 6 фев. 2012 г. № 98. // ГАРНАТ: [правовой сайт]. URL: https://base.garant.ru/70137312/ (дата обращения: 10.10.2020).
6. Проценко С.В. Об охране права внутриутробного ребенка на жизнь в российском уголовном законодательстве. 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2016/5/8/ob_ohrane_prava_vnutriutrobnogo_rebenka_na_zhi zn_v_rossijskom_ugolovnom_zakonodatelstve (дата обращения: 10.10.2020).
7. Снигирев А.А. Об уголовно-правовой защите человеческого плода в процессе внутриутробного развития и родов // Медицинское право. науч. ст. 2009 г. N 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.alppp.ru/law/osnovy-gosudarstvennogo-upravlenija/administrativnye-pravonarushenija-i-administrativnaja-otvetstvennost/19/statja--ob-ugolovno-pravovoj-zaschite-

chelovecheskogo-ploda-v-processe-vnutriutrobnogo-raz.html (дата обращения: 15.10.2020).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (в ред. от 08.12.2020). Ст. 111, 118 // КонсультантПлюс: [правовой сайт]. URL: https://student1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=64285620401513857370 1173752&cacheid=AB0F27F2E6DC08744E4E15B83EA73E3E&mode=splus&ba se=NBU&n=370310&rnd=BBB7491EC4B396894EC0A72C0215DBDE#28jzthl9 7cx (дата обращения: 10.10.2020).

9. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : от 21.11.2011 № 323-ФЗ : (в ред. от 22.12.2020) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). Ст. 23. // КонсультантПлюс: [правовой сайт]. URL: https://student1.consultant.ru/cgi/online.cgi?from=370261-0&rnd=BBB7491EC4B396894EC0A72C0215DBDE&req=doc&base=NBU&n=3 56000&REFDOC=370261&REFBASE=NBU#3i4ks60fy7c (дата обращения: 10.10.2020).

Д. Д. Соловьева
студентка Филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области[24]

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ФОРМЫ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется существующая форма материнского (семейного) капитала с позиции ее работоспособности и эффективности. Приводится отечественный и зарубежный опыт введения «материнской коробки» и оценивается ее практическое применение в совокупности с денежной формой материнского капитала.

Ключевые слова: материнский капитал, социальная политика, демография, материнская коробка.

В части 1 статьи 38 Конституции РФ провозглашается, что семья, материнство и детство находятся под защитой государства [1]. В подтверждение данному положению можно привести целый ряд разнообразных мер государственной поддержки, одной из которых является материнский (семейный) капитал. В 2019 году этот вопрос стоял наиболее остро – имел место не совсем целесообразный перечень получателей материнского капитала (сертификат выдавался только семьям, родившим или усыновившим второго, третьего и последующих детей), рост цен на товары и

[24]Научный руководитель: Никонов А.В., канд. юрид. наук, доцент Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

услуги в связи с повышением уровня инфляции. И если с перечнем получателей сертификата вопрос бы решен – с 1 января 2020 года право на материнский (семейный) капитал получили семьи, родившие или усыновившие первого ребенка, то с ценами вопрос обстоит иначе. По данным Росстата инфляция в октябре 2020 года составила 0,43% (в октябре 2019 она составляла 0,4%) [3]; стоимость минимального набора продуктов питания по Тюменской области составила 5019.12 рублей (в октябре 2019 года она равнялась 4741,04 рублей) [4]. Проанализировав полученные данные, возник вопрос – актуален ли материнский капитал в той форме, в которой он сейчас реализуется?

Целью исследования является выявление перспектив введения материальной формы материнского (семейного) капитала. Для ее реализации были поставлены следующие задачи:

1. Анализ существующей формы материнского (семейного) капитала с точки зрения его применимости.

2. Анализ отечественного и зарубежного опыта введения материальной формы материнского (семейного) капитала.

3. Оценка перспектив введения материальной формы материнского (семейного) капитала в масштабах страны.

Материнский капитал введен в 2007 году и изначально был предназначен для поддержки семей с двумя или более детьми [2], но в настоящее время он выплачивается и за первого ребенка. Данная программа была рассчитана до 2016 года включительно, однако ее продлили до 2021 года. Основным законодательным актом, регулирующим данную меру государственной поддержки, является Федеральный закон от 29 декабря 2006 года №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». В статье 2 данного федерального закона дано определение материнского капитала – это средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных настоящим Федеральным законом [5]. В настоящее время данные средства можно пустить на следующие цели.

1. Улучшение жилищных условий.

2. Получение образования ребенком (детьми).

3. Формирование накопительной пенсии матери.

4. Приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов.

5. Получение ежемесячной выплаты в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2017 года №418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей».

Данный перечень является исчерпывающим. Кроме этого, следует отметить, что он не отвечает современным реалиям и его следует дополнить такими пунктами, как лечение и реабилитация ребенка-инвалида или новорожденных детей с патологиями (врожденными или приобретенными); восстановление здоровья матери. По данным Росстата за 2018 год из числа

закончивших беременность, анемией страдали 35,6% от общего числа рожениц; болезнями системы кровообращения – 7,6%; сахарным диабетом – 5,8%; отеками, протеинурией и гипертензивными расстройствами – 8,1%; болезнями мочеполовой системы – 16,6%; венозными осложнениями – 5,8%. Если говорить о том, сколько детей родилось с врожденными аномалиями или приобретенными в перинатальный период, то в том же 2018 году их число составило порядка 497 тысяч. На 1000 новорожденных приходится 3,3% на детей с врожденными аномалиями и 42,1% на детей, у которых наблюдаются отдельные состояния, возникшие в перинатальном периоде [6].

Размер материнского капитала ежегодно пересматривается с учетом темпов роста инфляции и устанавливается на один финансовый год или на плановый период. На данный момент размер материнского (семейного) капитала составляет:

1) 466 617 рублей при условии, что право на дополнительные меры государственной поддержки возникло до 31 декабря 2019 года включительно;

2) 466 617 рублей в случае рождения (усыновления) первого ребенка, начиная с 1 января 2020 года. В случае рождения (усыновления) второго ребенка, начиная с 1 января 2020 года, при условии, что первый ребенок был рожден (усыновлен) также начиная с 1 января 2020 года, размер материнского (семейного) капитала увеличивается на 150 000 рублей и составляет в общей сумме 616 617 рублей;

3) 616 617 рублей в случае рождения (усыновления) второго ребенка, начиная с 1 января 2020 года при условии, что первый ребенок был рожден (усыновлен) до 1 января 2020 года;

4) 616 617 рублей в случае рождения (усыновления) третьего ребенка или последующих детей, начиная с 1 января 2020 года, при условии, что ранее право на дополнительные меры государственной поддержки не возникло.

Однако, несмотря на ежегодную индексацию, данной суммы едва хватает, и в этом можно убедиться на примере цен на образование. Если смотреть в целом по России, то средняя цена на образовательные услуги за семестр в государственных и муниципальных учреждениях высшего профессионального образования на октябрь 2020 года составляет 73170,35 рублей (в октябре 2019 года она составляла 74698,98 рублей). В негосударственных учреждениях она составляет 53247,17 рублей за семестр (в октябре 2019 года – 57867,67 рублей). Если рассматривать Тюменскую область, то средняя цена на образовательные услуги за семестр в государственных и муниципальных образовательных учреждениях высшего профессионального образования на октябрь 2020 года составляет 82541,04 рублей (в октябре 2019 года – 77091,46 рублей) [4]. Если посчитать по средней цене по России, то 4 года обучения материнский капитал сможет «покрыть», но 5 и 6 лет – уже нет. Если посчитать по средней цене в Тюменской области, то даже на 4 года обучения этой суммы не хватает. Возникает резонный вопрос: а как можно решить данную проблему? Анализируя полученные результаты, можно предложить два пути решения.

1. Установить индивидуальную сумму материнского (семейного) капитала для каждого субъекта РФ. Можно установить минимальный размер материнского капитала, а уже исходя из уровня жизни каждого региона, цен на товары и услуги, регулировать размер этой выплаты.

2. Выбор формы материнского (семейного) капитала. Данное направление решения проблемы хотелось бы рассмотреть подробнее.

Материнская коробка представляет собой набор для новорожденного, а также для его родителей, и корнями данная программа уходит в Финляндию. Коробка предназначалась для малоимущих семей, однако в 1949 году ее стали выдавать всем семьям, в которых в скором времени должен появиться ребенок. Целью введения данного вида материальной поддержки являлось убеждение женщины своевременно обращаться за медицинской помощью. На этот шаг правительство толкнула печальная статистика того времени – из 1000 младенцев умирали 65, не дожив до года. После введения данной социальной программы смертность стала значительно снижаться. На данный момент «материнская коробка» реализуется во многих регионах мира – Южная Африка, Индия, Великобритания, США, Канада и т.д. [7]. Легального определения термина «материнская коробка» в финском законодательстве не дано, в параграфе 7 Закона 28.05.1993/477 «О пособии по беременности и родам» лишь указывается, что формами пособия по беременности и родам являются вышеуказанная материнская коробка или определенная денежная сумма [8].

В России политике по защите материнства и детства уделяется очень большое внимание. В.В. Путин период с 2018 по 2028 годы объявил Десятилетием детства, и «материнская коробка» является одним из пунктов плана мероприятия до конца 2020 года [9, с. 4]. Несмотря на это, законодатель не дал ей определения. Исходя из ее сути и предназначения, можно предложить следующее авторское определение – это форма материальной поддержки семей, имеющих новорожденного ребенка и выражающаяся в наборе вещей, необходимых для ухода за ним, а также набора вещей, предназначенных для родителей.

Данная «коробка» должна включать в себя необходимые средства ухода за новорожденным, которые преимущественно должны быть российского производства, а ее стоимость должна составлять не менее 10 тысяч рублей. Эта мера была включена в распоряжение после опыта Москвы и ее «подарочной коробки» для новорожденных, которая получила множество положительных откликов. На данный момент данная программа реализована в ряде субъектов РФ – Ямало-ненецкий автономный округ, Пермский край, Башкирия, Самарская область, Ярославль. Ранее эта программа реализовывалась и в Челябинской области, однако в конце 2019 года она была прекращена, так как ее приурочили к 85-летию региона и данная программа была рассчитана на год. В Свердловской области она также имела место, однако «материнская коробка» была вручена лишь 230 мамам, которые успели родить до Дня матери. В Тюменской области такие «коробки» лишь планируют вводить,

Губернатор Александр Моор считает, что такие меры необходимы в целях стимулирования рождаемости.

Говоря об оценке «материнских коробок», стоит сказать, что мнения разошлись. В Башкирии, где стоимость набора для матери и новорожденного составляет около 1600 рублей, молодые мамы остались недовольны содержимым, отмечая, что его качество оставляет желать лучшего. В Самарской области все с точностью до наоборот – мамы остались довольны наполнением «коробки», отмечая ее практичность.

Оценивая перспективы введения данного вида социальной поддержки, следует опираться как на зарубежный опыт, так и на опыт субъектов РФ. Следует отметить, что данная мера будет более эффективна вместе с существующей формой материнского капитала – денежной, они будут взаимодополнять друг друга. Та денежная сумма, предоставляемая по сертификату, будет направлена на соответствующие направления, указанные в законодательстве, а «материнская коробка» поможет молодым родителям сориентироваться, что ребенку действительно необходимо, а от чего стоит отказаться. Кроме того, она поможет сэкономить весомую сумму денег непосредственно перед рождением ребенка, так как содержимое «материнской коробки» будет полностью «покрывать» нужды новорожденного если не в первый год жизни, то в первые несколько месяцев.

Материнский капитал остается весомым вкладом в жизнь молодых родителей. Однако все еще имеют место существенные проблемы с ним, например, недостаточный размер выплат, который едва ли может компенсировать затраты на направления, где материнский капитал можно реализовать. Эта программа требует существенных доработок, чтобы она действительно работала на стимулирование рождаемости не только в количественном, но и в качественном соотношении. Россия идет по пути европеизации, и существенной помощью будет являться введение материнской коробки, содержащей в себе все самое необходимое для новорожденного. Данная мера поможет сэкономить существенную денежную сумму, которая так необходима молодым родителям, а вместе с существующей формой материнского (семейного) капитала может стать весомым вкладом в их жизнь.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : (с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Материнский капитал: история с продолжением [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/branches/spb/news~2017/07/31/139945 (дата обращения: 03.11.2020).

3. Инфляция в РФ в октябре ускорилась до 0,4% [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/735953 (дата обращения: 07.11.2020).

4. Средние потребительские цены на отдельные виды товаров и услуг [Электронный ресурс]. URL:https://www.fedstat.ru/indicator/31448 (дата обращения: 14.11.2020).

5. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ: (в ред. от 13.07.2020) // КонсультантПлюс [правовой сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 14.11.2020).

6. Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13721 (дата обращения: 14.11.2020).

7. Финские коробки для младенцев завоевывают мир [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2016/04/160404_baby_box_round_the_world (дата обращения: 15.11.2020).

8. Закон 28.05.1993/477 «О пособии по беременности и родам» [Электронный ресурс]. URL:https://finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1993/19930477#P7 (дата обращения: 15.11.2020).

9. Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 06 июля 2018 г. №1375-р: (в ред. от 14.12.2019). // КонсультантПлюс [правовой сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301904/ (дата обращения: 16.11.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алланина Лилия Мансуровна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Институт сервиса и отраслевого управления, ФБГОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г.Тюмень

Абылкасимов Олжас Анварбекович, магистрант 1-го курса Инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г.Павлодар

Амирова Марал Акбаевна, доктор PhD, заведующий кафедрой «Бизнес и управление», Инновационный Евразийский университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

Бабушкин Вадим Олегович, курсант 2-го курса Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Бадараев Дамдин Доржиевич, канд. социол. наук, с.н.с. сектора социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ

Бакланов Алексей Юрьевич, студент 4-го курса направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Белова Татьяна Павловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново

Беспалый Сергей Владимирович, канд. экон. наук, доцент, профессор Инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г.Павлодар

Беспалова Юлия Михайловна, доктор филос. наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Блажевич Николай Викторович, доктор филос. наук, профессор, Почетный работник высшей школы РФ, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Тюмень

Бойко Сергей Иванович, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Борецкая Виктория Казимировна, канд. филос. наук, Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого, Республика Беларусь, г. Гомель

Борисов Борис Юрьевич, канд. пед. наук, доцент кафедры среднего общего образования и социального проектирования, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

Буслаева Полина Сергеевна, студентка 1-го курса Института Экономики, управления и информационных систем в строительстве и недвижимости, государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Москва

Васильева Кристина Сергеевна, студентка 1-го курса направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Власенко Лариса Васильевна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры «Социальных, психологических и правовых коммуникаций», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Москва

Галактионова Нелли Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Ганиева Фатима Солт-Ахмедовна, старший преподаватель кафедры специальной психологии и дошкольной дефектологии, ФГБОУ ВО «Чеченский Государственный Педагогический Университет», г. Грозный

Гордеева Анна Александровна, студентка 2-го курса направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Грошева Ирина Александровна, канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

Грошев Игорь Львович, канд. социол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Грошева Любовь Игоревна, канд. социол. наук, доцент кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Грушевский Сергей, преподаватель английского языка Нарвской школы для взрослых; студент 2-го курса заочного обучения магистратуры по направлению подготовки «Социальная работа», Эстонская Республика, г. Нарва

Давиденко Людмила Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Бизнес и управление», Инновационный Евразийский университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

Далинчук Лана (Lana Dalinczuk), Magister (Магистр), IV rok studiów doktoranckich, Nauki o bezpieczeństwie (4-й курс докторантуры, Науки о безопасности), Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach (Университет естественных и гуманитарных наук в г. Седльце), Республика Польша, г. Седльце

Затеева Надежда Александровна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности, ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ

Золотарева Светлана Витальевна, канд. экон. наук, ассоциированный профессор (доцент) кафедры «Финансы и учет», НАО Торайгыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

Иванова Зинаида Ильинична, канд. истор. наук, профессор кафедры Социальных, психологических и правовых коммуникаций Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, г. Москва

Искакова Деянира Ерлановна, PhD «Инновационный менеджмент», Проектный офис Министерства здравоохранения РК, руководитель проекта, Республика Казахстан, г. Нур-Султан

Исраилова Амина Шамилевна, студентка 2-го курса профиля «Дошкольная дефектология», ФГБОУ ВО «Чеченский Государственный Педагогический Университет», г. Грозный

Кашук Людмила Ивановна, канд. экон. наук, профессор кафедры «Бизнес и управление», Инновационный Евразийский университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

Кириенко Виктор Васильевич, доктор социол. наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Республика Беларусь, г. Гомель

Клейман Вадим Валерьевич, старший преподаватель кафедры «Экономика», Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Республика Беларусь, г. Гомель

Кондаков Вадим Авенирович, доктор филос. наук, профессор ФБГОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень

Котова Ирина Николаевна, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань

Кременец Марина Юрьевна, студентка 2-го курса направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Кузакбирдиев Садри Салихович, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г.Тюмень

Кузакбирдиев Рустам Садриевич, студент 4-го курса направления «Юриспруденция», Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург

Ларионов Алексей Сергеевич, студент 4-го курса направления «Юриспруденция», ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Лосев Сергей Геннадьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень

Лукьянова Светлана Александровна, канд. экон. наук, доцент ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск

Лысенко Игорь Вячеславович, канд. экон. наук, доцент, магистрант 2-го курса программы «Машиностроение (прогрессивные технологии и инновации в машиностроении, прикладная)», ФБГОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень

Ляшенко Серджио (Sergio Liaszenko), Magister (Магистр), I rok Szkoły Doktorskiej, Nauki o bezpieczeństwie (1-й курс докторантуры, Науки о безопасности), Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach (Университет естественных и гуманитарных наук в г. Седльце), Республика Польша, г. Седльце

Мамедова Айнура Эхтирамовна, студентка 4-го курса направления «Социальная работа», ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

Маслакова Мария Владимировна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры», г. Тюмень

Махлай Алена Марковна, студентка 4-го курса направления «Юриспруденция», Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

Мекаева Алена Владимировна, студентка 1-го курса направления «Юриспруденция», Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

Мирзоян Давит Оганесович, студент 1-го курса направления «Теплоэнергетика и теплотехника» Института сервиса и отраслевого управления, ФБГОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень

Мишин Лев Владимирович, магистрант 2-го курса направления «Организация работы с молодежью», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

Морозов Андрей Анатольевич, канд. истор. наук, доцент кафедры философии и политологии, ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Омск

Мубаракова Асель, магистрант 1-го курса Инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г. Павлодар

Мурзаева Елена Витальевна, магистрант 1-го курса направления «Экономика», ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск

Мухаматулина Лилия Марселевна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

Нархов Дмитрий Юрьевич, канд. социол. наук, доцент ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

Нархова Елена Николаевна, канд. социол. наук, доцент ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь

Орлова Валерия Максимовна, студентка 1-го курса Института Экономики, управления и информационных систем в строительстве и недвижимости, государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Москва

Пакоцких Дарья Юрьевна, студентка 1-го курса направления «Юриспруденция», Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

Перминова Мария Сергеевна, канд. социол. наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Институт социально-гуманитарных инноваций и массмедиа, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Плишка Богдан (Bogdan Pliszka), канд. социол. наук, адъюнкт, Силезский технологический университет, Республика Польша, г. Гливице

Попова Татьяна Михайловна, студентка 4-го курса направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры», г. Тюмень

Притворова Татьяна Петровна, доктор экон. наук, профессор НАО Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Республика Казахстан, г.Караганда

Романова Влада Романовна, магистрант 2-го курса направления «Социология управления», Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Рычкова Ксения Павловна, студентка 4-го курса бакалавриата направления подготовки «Социология», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново

Самойлов Василий Дмитриевич, доктор пед. наук, канд. военных наук, профессор, корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, г. Москва

Самойленко Татьяна Александровна, магистрант 2-го курса, Факультет бизнеса, образования и права, кафедра «Бизнес и управление», специальность «Менеджмент», Инновационный Евразийский университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

Свиридова Валерия Викторовна, студентка 2-го курса направления «Социология», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орёл

Симонов Сергей Геннадьевич, доктор социол. наук, профессор, профессор кафедры экономики и организации производства, Институт сервиса и отраслевого управления, ФБГОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень

Сирожева Дилрабо Машрабовна, студентка 1-го курса направления «Юриспруденция», Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень

Соловьева Дарья Дмитриевна, студентка 4-го курса направления «Юриспруденция» Филиала АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, г.Тюмень

Сороколетов Александр Николаевич, войсковой старшина Сибирского казачьего Войска Союза казаков России, председатель ветеранской организации ПУ-251 ФСИН, г. Тюмень

Татарова Светлана Петровна, доктор социол. наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности, ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», г. Улан-Удэ

Темирбаева Динара Махамбетовна, старший преподаватель, докторант PhD НАО Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Республика Казахстан, г. Караганда

Трофимов Максим Николаевич, курсант 2-го курса Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Турова Елена Ивановна, канд. истор. наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет Минздрава России», г. Тюмень

Филиппова Ольга Анатольевна, студентка 2-го курса магистратуры направления «Градостроительство», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Москва

Чакон-Тральски Дорота (Dorota Czakon-Tralski), канд. социол. наук, адъюнкт, Педагогический университет имени Комиссии народного образования, Республика Польша, г. Краков

Черемных Лариса Георгиевна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Тюменский Государственный медицинский университет» Минздрава России, г. Тюмень

Чиркова Юлия Романовна, старший преподаватель кафедры управления персоналом, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань

Шакирова Назира Михайловна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

Шамшит Айдар Маратұлы, студент 2-го курса Инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г. Павлодар

Ши Сергей Григорьевич, преподаватель НАО Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Республика Казахстан, г. Караганда

Шинкевич Павел Петрович, старший преподаватель ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Тюмень

Шипунова Татьяна Владимировна, доктор социол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социол. наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социальных процессов ФГБУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», г. Нижний Новгород

Шумская Алина Юрьевна, курсант 3-го курса факультета подготовки сотрудников полиции, ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Омск

Шушаков Павел Владимирович, магистрант 2-го курса инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г. Павлодар

Юданов Михаил Михайлович, курсант 2-го курса Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

Ямова Ольга Васильевна, канд. экон. наук, доцент, начальник Управления по работе с персоналом Тюменского индустриального университета, ФБГОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень

Ярков Александр Павлович, доктор истор. наук, профессор, ведущий эксперт ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г.Тюмень

Ярутина Софья Андреевна, магистрант 2-го курса направления «Организация работы с молодежью», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

Ястребов Роман Олегович, Главный специалист Муниципального бюджетного учреждения «Централизованная библиотечная система Омского района», г. Омск

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 18 декабря 2020 года)

Компьютерная подготовка: Грошева И.А.

Публикуется в авторской редакции.

Цифровая версия: Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области.
Формат 60×84, шрифт «Time New Roman».
Условных печатных листов: 24,53.

Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области.
Россия, 625049, г. Тюмень,
ул. Амурская, 75.
Тел.: +7 (3452) 598-468.

УДК 67.4
ББК 34

